

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2021

Сборник материалов
VII Международной научной конференции

(г. Белгород, 15–16 апреля 2021 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2021

Сборник материалов
VII Международной научной конференции

(г. Белгород, 15–16 апреля 2021 г.)

Белгород 2021

УДК 81'374
ББК 81.054
Л 43

Рецензенты:

Ж. Прюво, профессор лингвистики, Кавалер Ордена Искусств и Литературы,
Командор Ордена Академических Пальм, университет Сержи-Понтуаз (Франция);

Ж. Багана, доктор филологических наук, профессор НИУ «БелГУ»

Редакционная коллегия:

ответственный редактор

А.П. Седых, доктор филологических наук, профессор;

члены редколлегии:

А.М. Аматов, доктор филологических наук, профессор;

Е.А. Огнева, доктор филологических наук, профессор;

И.А. Котенева, кандидат филологических наук, доцент;

Ю.Е. Балабаева, старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков

Л 43   **Лексикография и коммуникация – 2021:** сборник материалов
VII Международной научной конференции (г. Белгород, 15–16 апреля
2021 г.) / отв. ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»,
2021. – 190 с.

ISBN 978-5-9571-3081-9

В сборнике представлены материалы докладов VII Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2021». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области теории и практики лексикографии и коммуникации, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три раздела – «Лингвистические и методологические аспекты лексикографии», «Текст, дискурс, коммуникация: категории описания» и «Методика преподавания иностранных языков и словари».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям вузов, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой взаимодействия словарного дискурса и коммуникации.

УДК 81'374
ББК 81.054

ISBN 978-5-9571-3081-9

© НИУ «БелГУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Раздел 1. Лингвистические и методологические аспекты лексикографии

Valerio Emanuele (Париж, Франция; Палермо, Италия) LE DICTIONNAIRE DU TENNIS: CARACTÉRISTIQUES PARATEXTUELLES, MACRO- ET MICRISTRUCTURALES D'UN DICTIONNAIRE ENCYCLOPÉDIQUE	8
Кошарная Светлана Алексеевна (Белгород, Россия) «МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК»: ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОБРАЗА	16
Баранов Арсений Андреевич (Тверь, Россия) СТИЛИСТИЧЕСКОЕ И СТРУКТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ ФИНАНСОВОГО ЯЗЫКА	23
Едличко Анжела Игоревна, Яфаров Ринат Хамзиевич (Москва, Россия) ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ	31
Дрябина Елена Георгиевна, Костина Мария Леонидовна (Москва, Россия) ОКСФОРДСКИЙ СЛОВАРЬ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ.....	37
Крылова Ирина Алексеевна (Санкт-Петербург, Россия) РАЗРАБОТКА ОМОНИМОВ <i>ВИРУС</i> ¹ И <i>ВИРУС</i> ² В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ОБЩЕГО ТИПА (на материале «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской)	42
Богданович Лариса Анатольевна, Кураш Сергей Борисович (Мозырь, Республика Беларусь) МЕТАФОРИЧЕСКИ СТРУКТУРИРОВАННЫЙ КОНЦЕПТ <i>СЛОВАРЬ</i> В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX – НАЧАЛА XXI в.	47
Нагайникова Ульяна Ивановна (Москва, Россия) О СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ И «СПЕШАЩИХ» ЛЮДЯХ	52
Носова Марина Валериевна, Мелихова Полина Сергеевна (Белгород, Россия) О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТИРОВАНИИ: МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР И АНГЕЛА МЕРКЕЛЬ	56
Полякова Наталья Владиславовна (Москва, Россия) СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «EIN FICHTENBAUM STENT EINSAM...» СБОРНИКА «КНИГИ ПЕСЕН» ГЕНРИХА ГЕЙНЕ И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	62
Пономарёва Наталия Александровна, Сериков Дмитрий Андреевич (Белгород, Россия) РЕЛЕВАНТНЫЙ СЛОВАРЬ РАЗЛИЧИЙ В КУЛИНАРНОМ БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	69
Седых Аркадий Петрович, Заметга, Дарья Николаевна (Москва, Россия) СЛОВАРЬ ПАНДЕМИИ: «САНИТАРНАЯ» НЕОЛОГИЗАЦИЯ	72
Чжан Шучунь (Москва, Россия) ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ РУССКИХ ИМЕН КАЧЕСТВА С СУФФИКСОМ <i>-ИЗМ</i> В ТОЛКОВОМ И МОРФЕМНОМ СЛОВАРЯХ	75

Раздел 2. Текст, дискурс, коммуникация: категории описания

Харченко Вера Константинова (Белгород, Россия) В ПОИСКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЭЗИИ: ПОЭЗИЯ – ЭТО...	83
Огнева Елена Анатольевна (Белгород, Россия) ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОГО КОММУНИКАТИВНОГО ФОРМАТА ЗНАНИЯ	89
Белик Наталья Александровна, Турчанова Акси́нья Викторовна (Ростов-на-Дону, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТОРЕЧНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»	94
Бочарова Анастасия Юрьевна (Белгород, Россия) МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ КОММЕНТАРИИ ИНТЕРРОГАТИВОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ (на материале французских телевизионных ток-шоу)	98

Волкова Анастасия Игоревна (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРЫ «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)	103
Глотов Фёдор Игоревич (Москва, Россия) СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ КИТАЙСКОГО РЭПА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТРАНЫ.....	108
Добрунова Алина Александровна (Белгород, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	114
Долгих Анастасия Игоревна (Тюмень, Россия) К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ФЕМИНИТИВОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	118
Ерышева Алёна Игоревна (Белгород, Россия) ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВФЕМИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ	126
Зуева Ольга Борисовна (Москва, Россия) ЯЗЫК ПАЛЕНКЕРО В КОЛУМБИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	129
Корнеева Вера Александровна (Москва, Россия) РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОДИФИКАЦИИ ФЕМИНИТИВОВ ДЛЯ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ, ДОЛЖНОСТЕЙ, ТИТУЛОВ И ЗВАНИЙ	136
Koteneva Inna Anatolievna, Krivchikova Nelya Leonidovna (Belgorod, Russie) CLASSE DES MOTS COMPOSÉS EN FRANÇAIS CONTEMPORAIN	140
Макарычев Алексей Вячеславович (Самара, Россия) О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИСКУРСА ПРАВА И ДИСКУРСА ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.О. ДОМБРОВСКОГО	143
Марабини Алессандра (Белгород, Россия) ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ	150
Мелихова Полина Сергеевна, Носова Марина Валерьевна (Белгород, Россия) РОЛЬ ОНИМИМИЗАЦИИ КАК СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ ОЙКОНИМОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА ГЕРМАНИИ	155
Нарыжная Диана Сергеевна (Белгород, Россия) ОБ АВСТРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	159
Обрезанова Карина Александровна (Белгород, Россия) СОКРАЩЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	163
Щенникова Виктория Евгеньевна (Белгород, Россия) ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НУМЕРОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	167

Раздел 3. Методика преподавания иностранных языков, перевод и словари

Надя Вульф, Деннис Штрёмсдёрфер (Фрайбург, Германия) LOCKDOWN, INZIDENZ, IMPFUNG – НОВЫЕ СЛОВА В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ	171
Бузинова Людмила Михайловна, Воропаева Карина Сергеевна (Москва, Россия) К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ	177
Киселёв Антон Александрович (Санкт-Петербург, Россия) ОСВОЕНИЕ ЛЕКСИКИ ПО МЕТОДУ ЧТЕНИЯ ИЛЬИ ФРАНКА	181
Sedykh Arkadiy Petrovitch (Belgorod, Russie) CONNECTEURS RUSSES ET FRANÇAIS: ENTRE LINÉARITÉ, DÉFINISSABILITÉ ET PRAGMATISME COMMUNICATIONNEL DE TRADUCTION	186

CONTENT

Preface	7
Section I. Linguistic and methodological aspects of lexicography	
Valerio Emanuele (Париж, Франция; Палермо, Италия) LE DICTIONNAIRE DU TENNIS: CARACTÉRISTIQUES PARATEXTUELLES, MACRO- ET MICRISTRUCURALES D'UN DICTIONNAIRE ENCYCLOPÉDIQUE	8
Kosharnaya Svetlana Alekseevna (Belgorod, Russia) «THINKING REED»: THE DYNAMICS OF THE PRECEDENT IMAGE	16
Baranov Arsenii Andreevich (Tver, Russia) STYLISTIC AND STRUCTURAL DIVERSITY OF THE FINANCIAL LANGUAGE VOCABULARY	23
Edlichko Anzhela Igorevna, Yafarov Rinat Khamzyaevich (Moscow, Russia) SOME ISSUES OF LEXICOGRAPHY REPRESENTATION OF SPORT TERMS	31
Driabina Elena Georgievna, Kostina Maria Leonidovna (Moscow, Russia) OXFORD DICTIONARY IN THE PARADIGM OF MODERN ENGLISH LEXICOGRAPHY	37
Krylova Irina Alekseevna (Saint-Petersburg, Russia) THE FORMULATION OF THE HOMONYMS <i>VIRUS</i> ¹ AND <i>VIRUS</i> ² IN AN EXPLANATORY DICTIONARY (based on the materials of «Dictionary of the Russian Language of the XXI century», ed. G. N. Sklyarevskaya)	42
Bogdanovich Larisa Anatolievna, Kurash Sergey Borisovich (Mozyr, The Republic of Belarus) METAPHORICALLY STRUCTURED CONCEPT <i>СЛОВАРЬ</i> IN RUSSIAN POETRY TEXTS OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY	47
Nagainikova Uliana Ivanovna (Moscow, Russia) ABOUT MODERN DICTIONARIES AND «HURRYING» PEOPLE	52
Nosova Marina Valerievna, Melikhova Polina Sergeevna (Belgorod, Russia) ON LINGUOCULTUROLOGICAL PORTRAITING: MARGARET THATCHER AND ANGELA MERKEL	56
Polyakova Natalia Vladislavovna (Moscow, Russia) COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POEM «EIN FICHTENBAUM STEHT EINSAM...» OF THE COLLECTION «THE BOOK OF SONGS» BY HEINRICH HEINE AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN	62
Ponomareva Natalia Alexandrovna, Serikov Dmitry Andreevich (Belgorod, Russia) RELEVANT DICTIONARY OF DIFFERENCES IN COOKING BRITISH AND AMERICAN ENGLISH	69
Sedykh Arkadiy Petrovich, Zametta Daria Nikolaevna (Belgorod / Moscow, Russia) PANDEMIC DICTIONARY: «SANITARY» NEOLOGIZATION	72
Zhang Shuchun (Moscow, Russia) ON DESCRIPTION OF RUSSIAN NOMINA QUALITATIS FORMED WITH THE <i>-ISM</i> SUFFIX IN EXPLANATORY AND MORPHEME DICTIONARIES	75
Section II. Text, discourse, communication: description category	
Kharchenko Vera Konstantinova (Belgorod, Russia) IN SEARCH OF DEFINITION OF POETRY: POETRY IS	83
Ogneva Elena Anatolievna (Belgorod, Russia) TRANSCULTURAL MODELING AS TRANSLATION TRANSFER OF TEXT COMMUNICATIVE KNOWLEDGE FORMAT	89
Belik Natalya Aleksandrovna, Turchanova Aksinya Viktorovna (Rostov-on-Don, Russia) THE USE OF A VERNACULAR COMPONENT IN THE STRUCTURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS ON THE MATERIAL OF THE NOVEL «THE QUIET DON» BY M. A. SHOLOKHOV	94

Bocharova Anastasia Yurievna (Belgorod, Russia) METACOMMUNICATIVE COMMENTS ON INTERROGATIVES IN POLITICAL DIALOGUE (based on French TV talk shows)	98
Volkova Anastasia Igorevna (Belgorod, Russia) FEATURES OF THE TRANSLATION OF ARTISTIC DISCOURSE OF COMPUTER GAMES (ON THE MATERIAL OF THE GAME «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)	103
Glotov Fyodor Igorevich (Moscow, Russia) VOCABULARY OF CHINESE RAP AS A REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL SPECIFICS OF A COUNTRY	108
Dobrunova Alina Aleksandrovna (Belgorod, Russia) THE USAGE OF ABBREVIATIONS AND ACRONYMS IN THE LANGUAGE OF FRENCH INTERNET COMMUNICATION	114
Dolgikh Anastasia Igorevna (Tyumen, Russia) ON THE USE OF FEMINITIVES IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES	118
Erysheva Alena Igorevna (Belgorod, Russia) LINGUO-STYLISTIC EUPHEMISM IN THE LANGUAGE OF THE MODERN FRENCH PRESS	126
Zueva Olga Borisovna (Moscow, Russia) PALENQUERO LANGUAGE IN COLOMBIA: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW	129
Korneeva Vera Alexandrovna (Moscow, Russia) THE ROLE OF THE STATE LANGUAGE POLICY OF FRANCE IN THE PROCESS OF CODIFICATION OF FEMINITIVES DENOTING JOBS, TITLES, POSTS AND RANKS	136
Koteneva Inna Anatolievna, Krivchikova Nelya Leonidovna (Belgorod, Russie) CLASSE DES MOTS COMPOSÉS EN FRANÇAIS CONTEMPORAIN	140
Makarychev Aleksei Viacheslavovich (Samara, Russa) ABOUT SOME FEATURES OF THE DISCURSE OF LAW AND THE DISCOURSE OF POWER IN THE WORKS BY YURY DOMBROVSKY	143
Marabini Alessandra (Belgorod, Russia) PHRASEOLOGICAL FEATURES OF PROFESSIONAL DISCOURSES IN RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES	150
Melikhova Polina Sergeevna, Nosova Marina Valerievna (Belgorod, Russia) THE ROLE OF ONIMIZATION IN THE ONIMATION PROCESS OF OIKONYM IN THE NORTHWESTERN OF GERMANY	155
Naryzhnaya Diana Sergeevna (Belgorod, Russia) ABOUT AUSTRIAN LANGUAGE AS A VARIANT OF THE GERMAN LANGUAGE	159
Obrezanova Karina Alexandrovna (Belgorod, Russia) ABBREVIATIONS AS AN EFFECTIVE WAY OF WORD FORMATION IN MODERN GERMAN	163
Schennikova Victoria Evgenievna (Belgorod, Russia) LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF NUMEROLOGICAL PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE FRENCH LANGUAGE	167

Section III. Methods of teaching foreign languages, translation and dictionaries

Nadja Wulff, Dennis Strömsdörfer (Freiburg, Germany) LOCKDOWN, INZIDENZ, IMPFUNG – NEUER WORTSCHATZ IM DIGITALEN DEUTSH-ALS-FREMDSPRACHE-UNTERRICHT IM ZEICHEN DER PANDEMIE	171
Buzinova Lyudmila Mikhailovna, Voropaeva Carina Sergeevna (Moscow, Russia) ABOUT INFORMATIZATION OF LANGUAGE EDUCATION IN THE SCHOOL ENVIRONMENT.....	177
Kiseliov Anton Alexandrovich (Saint-Petersburg, Russia) THE VOCABULARY LEARNING BY ILYA FRANK'S READING METHOD	181
Sedykh Arkadiy Petrovitch (Belgorod, Russie) CONNECTEURS RUSSES ET FRANÇAIS: ENTRE LINÉARITÉ, DÉFINISSABILITÉ ET PRAGMATISME COMMUNICATIONNEL DE TRADUCTION.....	186

ПРЕДИСЛОВИЕ

На факультете иностранных языков Педагогического института 15-16 апреля 2021 года прошла традиционная, вот уже седьмая Международная научная конференции «Лексикография и коммуникация – 2021». Конференция была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (Россия), при участии Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Беларусь), Университета Сержи-Понтуаз (Франция), Фрайбургского педагогического института (Германия) и Московского международного университета (Москва) и Севастопольского государственного университет (Севастополь).

В связи со сложной эпидемиологической обстановкой конференция прошла в онлайн-режиме с ограниченным количеством участников. Тем не менее, в состав «зумовской» команды вошли выдающиеся учёные из Германии, Франции и России.

Главной задачей данной конференции явилось обсуждение и обмен мнениями по актуальным вопросам современной лексикографии и коммуникации, изучение перспектив адекватного словарного отражения состояния национального языка и коммуникативных процессов в современном меняющемся мире.

Почётным гостем и активным участником конференции является **Жан ПРЮВО** – ведущий французский лингвист, Командор Ордена академических палм, Кавалер ордена Искусств и изящной словесности, профессор, доктор филологических наук (Сержи-Понтуаз, Франция). В этот раз Жан Прюво выступил в роли рецензента сборника статей.

Темы докладов вызвали живой интерес слушателей и активную дискуссию после выступления ораторов, среди которых на пленарном заседании выступили:

Вера Константиновна ХАРЧЕНКО (Белгород, Россия), выдающийся лингвист и блестящий оратор, профессор, доктор филологических наук, представила доклад на тему «В ПОИСКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЭЗИИ: ПОЭЗИЯ – ЭТО...».

Профессор **Валерио ЭМАНИЮЭЛЬ**, доктор филологических наук, профессор университетов Сержи-Понтуаз (Франция) и Гуманитарного университета Палермо (Италия).

Профессор, доктор филологических наук **Надя ВУЛЬФФ**, Магистр **Денис ШТРЕМСДЁРФЕР** (Германия, Фрайбург) с докладом «ЛОКДАУН, ЧАСТОТА ЗАБОЛЕВАНИЙ, ВАКЦИНАЦИЯ – НОВЫЙ СОВАРНЫЙ ЗАПАС В ЦИФРОВЫХ УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ».

Профессор, доктор филологических наук **Светлана Алексеевна КОШАРНАЯ** (Белгород, Россия) представила доклад «МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК»: ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОБРАЗА.

Доктор филологических наук **Елена Анатольевна ОГНЕВА** (Белгород, Россия) с докладом «ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОГО КОММУНИКАТИВНОГО ФОРМАТА ЗНАНИЯ».

Аркадий Петрович СЕДЫХ, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, профессор, доктор филологических наук, представил доклад о современном состоянии лексического состава ряда языков в период пандемического кризиса.

По следам конференции выходит данный сборник, в котором собраны статьи по широкому спектру вопросов теории и практики лексикографирования и коммуникации, дескриптивной лингвистики и дискуртологии, методики преподавания иностранных языков и использования словарей.

Свои исследовательские материалы предоставили не только ведущие учёные и преподаватели вузов, но и учителя школ, аспиранты, магистранты, студенты, школьники. Надеемся, что сборник седьмой Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2021» найдёт своего вдумчивого и заинтересованного читателя.

Оргкомитет

Раздел 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811.133.1: 030

LE DICTIONNAIRE DU TENNIS: CARACTÉRISTIQUES PARATEXTUELLES, MACRO- ET MICRISTRUCURALES D'UN DICTIONNAIRE ENCYCLOPÉDIQUE

Valerio Emanuele

Chercheur associé

(Laboratoire Lexiques, Textes, Discours, Dictionnaires, Université CY Cergy Paris)

Enseignant contractuel

(Dipartimento di Scienze Umanistiche, Università degli studi di Palermo) /

valerio.emanuele18@gmail.com

Résumé

Cet article a pour objet les caractéristiques paratextuelles, macro- et microstructurales du *Dictionnaire du tennis*, répertoire métalinguistique spécialisé que nous avons publié aux éditions Honoré Champion en 2019. Après avoir rapidement éclairci la genèse de ce recueil et signalé sa vocation encyclopédique, nous montrerons l'articulation péritextuelle du dictionnaire. Une description de la liste des entrées lexicales occupe la deuxième partie de notre contribution, qui se clôt par l'illustration de la structure de l'article du *Dictionnaire du tennis*.

1. Pourquoi un *Dictionnaire du tennis* ? À qui s'adresse-t-il ?

Le *Dictionnaire du tennis* est le fruit d'un travail de recherche mené cinq ans durant, de 2013 – année où nous avons commencé la compulsation des premières références bibliographiques – à 2018 – année où le tapuscrit a été définitivement remis à l'éditeur Honoré Champion.

Le recueil, composé de sept cent cinquante-trois pages, a été conçu comme un ouvrage de consultation simple s'adressant à tous les passionnés de la raquette et de la petite balle jaune ainsi qu'aux joueurs, journalistes et entraîneurs désirant connaître non seulement le langage propre au tennis, mais également des anecdotes, des éléments culturels, des approfondissements techniques et des statistiques concernant le mouvement tennistique professionnel. Le plan du dictionnaire, la densité de sa nomenclature, la structure de l'article et l'organisation des péritextes ont été conçus en fonction des demandes supposées chez ces catégories d'usagers potentiels, ainsi que des contraintes matérielles fixées par l'éditeur.

On ne saurait passer sous silence l'importance qu'a revêtu la passion pour le tennis – auquel nous avons été initiés il y a plus de trente ans et qu'aujourd'hui nous enseignons – dans cette entreprise lexicographique. Ayant initialement appris le lexique tennistique sur les terrains de jeu, de manière empirique, nous avons conçu ce dictionnaire dans le but d'analyser scientifiquement un langage loin d'être intelligible pour les non-initiés, conjuguant ainsi des connaissances techniques sur le tennis avec la rigueur de la recherche lexicographique.

Par ailleurs, en 2012, un examen préliminaire des sources bibliographiques – nécessaire pour établir un état de l'art de la discipline – nous avait permis de constater, en France, une certaine pénurie d'ouvrages combinant le tennis et la pratique lexicographique. Le dernier recueil présentant le lexique et l'histoire tennistique datant de 1981 (*Dictionnaire du tennis* de Rebourgeon, Germain, Dorfman et Hirsch¹), notre objectif premier a été celui de combler l'absence d'un répertoire d'envergure consacré au tennis depuis près de quarante ans. Ce qui constituait, au sein du panorama lexicographique de France, une véritable lacune. D'autant plus que le tennis représente, en termes de nombre de licenciés, le premier sport individuel de

---

¹ Nous renvoyons à la bibliographie pour la référence complète de cet ouvrage.

France¹. Nous avons ainsi jugé nécessaire de faire état des modifications substantielles que l'une des activités sportives les plus aimées des Français² a subi au cours des quatre dernières décennies – introduction de matériels de jeu inexistantes auparavant, changement de nombreuses règles, création de nouvelles compétitions et suppressions de certains tournois, éclosion de plusieurs générations de champions, *etc.* –, en signalant l'empreinte laissée par ces transformations dans le lexique tennistique.

En définitive, les prémisses étant à la base de ce recueil résident dans un constat scientifique, objectif et factuel émanant d'un linguiste-lexicographe, auquel s'ajoute la ferveur sportive de l'enseignant et du pratiquant de longue date d'une discipline sportive très prisée dans le territoire hexagonal.

2. La structure textuelle interne du *Dictionnaire du tennis*

Le *Dictionnaire du tennis* présente deux parties principales : la section « Dictionnaire » et la section « Encyclopédie ». La section « Dictionnaire » – qui contient la liste des entrées lexicales – la nomenclature à proprement parler – est précédée par le texte « Remerciements » ainsi que par deux discours préfaciels allographes – l'un rédigé par l'ex-joueur professionnel Henri Leconte³, l'autre par Jean Pruvost, directeur des éditions Honoré Champion. Dans le premier discours préfaciel, Leconte relate sa découverte du dictionnaire, s'attarde sur les articles qui ont suscité davantage son intérêt, exprime toute sa passion pour le tennis et trace un bilan sur la situation actuelle de ce sport en France. Quant au discours préfaciel de Jean Pruvost – intitulé « Une “raquette” à “tenir” » –, il contient des références érudites portant sur l'histoire de la langue française, sur l'origine de certains termes du tennis ainsi que sur le traitement de la terminologie tennistique au sein d'ouvrages lexicographiques précédents.

Suit le discours préfaciel autographe – rédigé par nous-mêmes –, intitulé « Avant-Propos ». Ce texte liminaire est composé de dix sous-parties⁴, dans lesquelles nous expliquons l'origine, la structure, les objectifs et les sources du projet lexicographique, tout en fournissant une brève histoire du tennis en France ainsi qu'une analyse de certaines caractéristiques de la terminologie tennistique.

Parmi les textes hors-nomenclature, le *Dictionnaire du tennis* contient également, dans sa section liminaire, une liste des symboles et des abréviations utilisés dans le corps du dictionnaire.

La nomenclature est précédée d'une autre rubrique péri-textuelle nommé « Chronologie ». Ce texte présente, de manière synthétique, tous les événements tennistiques principaux depuis l'origine de ce sport – dont la véritable naissance se situe au XIIe siècle, grâce à l'introduction du jeu de paume – jusqu'à aujourd'hui. Cet itinéraire diachronique, qui renseigne l'utilisateur sur l'origine et l'évolution du tennis, remplit à la fois une fonction encyclopédique et linguistique. Effectivement, par la mise en correspondance des dates avec certains textes ayant fourni des attestations, on peut suivre le processus de codification de la terminologie tennistique, mettant en lumière des dates clés dans le processus de diffusion ou de modification de certains mots⁵.

---

¹ D'après la FFT (Fédération Française de Tennis), le tennis, en 2019, comptait près d'un million de licenciés (plus précisément 978 895) et environ quatre millions de pratiquants dans l'Hexagone Cf. <https://www.fft.fr/la-federation/decouvrir/presentation-generale-de-la-fft>.

² Dans le classement des disciplines sportives françaises par nombre de licenciés, établi par le Ministère chargé des sports, le tennis se place juste derrière le football (1 988 835 licenciés) et devance l'équitation (617 524), le judo-jujitsu (563 037), le handball (549 295) et le basketball (516 387). Source : <https://sportbusiness.club/dix-millions-de-sportifs-licencies-en-2019/>.

³ Professionnel de 1980 à 1996, Henri Leconte a atteint la cinquième place mondiale en 1986. Vainqueur de la Coupe Davis avec l'équipe de France en 1991, il est notamment le dernier joueur français ayant atteint la finale du tournoi de Roland-Garros en 1988.

⁴ Les intitulés des sous-parties sont les suivants : « À quel public s'adresse le *Dictionnaire du tennis* ? – Pourquoi un dictionnaire ? – Pourquoi un *Dictionnaire du tennis* ? – Les différentes parties du *Dictionnaire du tennis* – Comment cet ouvrage a-t-il été rédigé ? – Brève histoire du tennis en France – Le tennis et la langue française – Les emprunts – L'argot du tennis – La composante militaire et les autres métaphores de la langue du tennis ».

⁵ Par exemple, en 1399, John Gower, dans son poème *In Praise of Peace*, emploie le terme *tenetz*, évolution philologique du mot « tenez » (dérivé de l'impératif du verbe français « tenir »), qui aboutira finalement à

Vient alors la partie « Dictionnaire », à savoir la nomenclature, qui sera analysée dans les paragraphes suivants¹.

La deuxième partie, l'« Encyclopédie », suit spatialement la liste des entrées et contient l'histoire des grandes compétitions tennistiques individuelles (les quatre tournois du Grand Chelem, le Masters, les Jeux Olympiques) et par équipes (La Coupe Davis, la Fed Cup). Les annexes contenant les tableaux d'honneur desdites manifestations complètent cette section, permettant ainsi de découvrir les joueurs, les joueuses et les paires de double les plus titré(es) dans les tournois majeurs.

Enfin, la bibliographie fait état des recherches poursuivies afin de réaliser l'ouvrage, présentant aux lecteurs les références de base (manuels de technique, dictionnaires de langue, dictionnaires du sport, lexiques spécialisés et ouvrages de linguistique), les périodiques généralistes et sportifs, les revues, la sitographie et la filmographie tennistique.

Pour résumer, à l'exception des listes des abréviations et des symboles utilisés dans le dictionnaire – qui expliquent le métalangage descriptif et guident l'œil du lecteur au sein de l'architecture du répertoire – de la bibliographie et des tableaux figurants en annexes, l'appareil péritextuel du *Dictionnaire du tennis* est composé de textes suivis. Leur dimension multifonctionnelle permet de jeter la lumière sur la naissance du projet lexicographique, d'éclaircir les résultats ciblés par la recherche, d'identifier les destinataires visés, d'expliquer le contenu et la structure du dictionnaire aux usagers, de mentionner les sources et d'apporter des précisions sur le lexique et sur l'histoire du tennis.

3. La macrostructure extensive du *Dictionnaire du tennis*

Comme Rey et Delesalle (1979 : 6) le font remarquer à propos des dictionnaires de langue généraux, les frontières démarquant le territoire du dictionnaire de langue et celui du dictionnaire encyclopédique sont « indécises et peut-être indécidables ». Cette affirmation est d'autant plus adaptée pour un dictionnaire de spécialité, qui « sélectionne dans le lexique d'une langue un ou plusieurs vocabulaires dont il s'attache à rendre compte des traits sémantiques et/ou pragmatiques » (Frassi, 2010 : 51). Ainsi, conscients que « chaque fois que l'on voudra parler de l'objet, [...] le mot apparaîtra et chaque fois que le mot apparaîtra, il se référera à l'objet » (Meschonnic, 1991 : 211) en répertoriant les quelques 2 500 mots et expressions relatives à la terminologie du tennis, l'un de nos objectifs principaux a été de conjuguer harmonieusement la visée linguistique d'un dictionnaire « des mots » à la vocation encyclopédique propre aux dictionnaires « des choses ».

Le caractère encyclopédique du *Dictionnaire du tennis* nous a permis de mettre l'accent sur la dimension culturelle de ce sport, dont l'influence touche plusieurs domaines, de la littérature à la peinture, en passant par le cinéma et la mode. Chacun de ces trois derniers sujets fait l'objet d'un long encadré culturel – le *Dictionnaire du tennis* en contient environ soixante-dix –, outil lexicographique fondamental afin de mettre en lumière des réalités extralinguistiques².

Revenant aux aspects langagiers, les unités terminologiques répertoriées au sein du *Dictionnaire du tennis* montrent la tendance extensive d'une nomenclature qui prend en compte non seulement la dimension technique du jeu (« coup droit », « revers », « smash », « volée »), les mots concernant les installations et les matériels (« anti(-)vibrateur », « bêche », « court », « grip », « raquette »), les officiels (« arbitre de chaise », « juge de ligne », « superviseur ») et les notions réglementaires (« avertissement », « reprise », « disqualification »), mais aussi les termes concernant les instances et les institutions (« *International Lawn Tennis Federation* », « *Women's tennis association* »), les compétitions (« Grand Chelem », « Coupe Davis »,

---

« tennis » : *Of the tenetz to winne or lose a chase/mai no lif wite er that the ball be ronne* (Le gain ou la perte d'une chasse, au tenetz, ne peut pas être décidé tant que la balle rebondit).

¹ Cf. § 3 et 4.

² Les encadrés du *Dictionnaire du tennis* ont également pour objet des anecdotes insolites (articles « Incroyable mais vrai », « La disqualification de J. Mc Enroe », « Rituel »), des précisions historiques portant sur les compétitions (« Le circuit WTC », « Le WTA Elite Trophy », « Professionnalisme »), sur les trophées (« Trophée ») ou sur la langue (« Walk over »), ainsi que des approfondissements techniques (« Appuis », « Jeu de jambes », « Préparation »), ou concernant les matériaux (« Le manche d'une raquette de tennis », « La terre battue », « La tension du cordage », « Les différentes surfaces de jeu [...] ») et certains records (« Ace », « Affluence »).

« Masters »), les trophées (« Coupe des Mousquetaires », « Coupe Simone-Mathieu », « *Norman-Brookes Challenge Cup* ») les aspect médicaux (« ampoule », « blessure », « kinésithérapeute », « récupération »), ainsi que la dimension commerciale et managériale de ce sport (« agent », « merchandising », « parrainage », « sponsor »), *etc.*

En fixant les limites d'observations du lexique tennistique sur l'axe du temps, nous n'avons pas négligé l'aspect diachronique. Effectivement, la nomenclature contient également les expressions que le jeu de paume a fourni, au fil des siècles, à la langue française, et que de nombreux locuteurs francophones utilisent au quotidien, sans soupçonner leur origine sportive¹ : « épater la galerie », « jeu de main, jeu de vilains », « faire faux bond », « un enfant de la balle », « l'échapper belle », « saisir la balle au bond », « la balle est dans l'autre camp », « se renvoyer la balle », font partie de ce corpus. Par ailleurs, investis du rôle de témoins actifs de l'évolution de ce lexique, nous avons jugé nécessaire d'enregistrer les mots et les expressions tombés en désuétude – signalés par la marque d'usage « désuet »–, tels que « braconner », « carotte », « étrier », « garde », « moulinet », « plate », « poignée de main », « servant », « tourteau »².

En ce qui concerne l'épaisseur synchronique du corpus, une attention particulière a été consacrée aux différents registres d'usage, notre objectif ayant été de restituer toute la vitalité et le dynamisme d'un lexique comportant différents niveaux d'interaction. Ainsi, à côté des mots et des expressions normatifs, à savoir appartenant à la terminologie de base (« match », « tie-break », « double faute », « ace », « couloir ») ou qui relèvent d'un jargon de type technolectal (« saut d'allègement », « reprise d'appuis », « préparation concave », « polygone de sustentation ») nous n'avons pas discriminé les mots et les expressions familières (« brader », « balancer un match », « mettre une branlée »), voire triviales (« mouiller »), ainsi que les argotismes du tennis. Une précision s'impose afin de distinguer ces deux derniers registres d'interaction : si les mots et les expressions qui tiennent au jargon – tout en étant abscons pour un non-spécialiste – ne sont pas sciemment utilisés afin de cacher le contenu du message, les unités lexicales qualifiées d'« argotiques », quant à elles, se caractérisent – quoique en moindre mesure – par une visée cryptique, à laquelle s'associe une fonction foncièrement ludique : « crocodile », « limeur », « arroser le terrain », « patate », « caramel » et « roue de bicyclette » appartiennent à cette catégorie³.

Pour terminer avec la macrostructure du *Dictionnaire du tennis*, il importe de signaler que la nomenclature prend également en compte l'expression des identités des championnes et des champions de tennis : un long encadré de vingt et une pages contient un répertoire d'environ deux cents surnoms et sobriquets attribués aux joueuses et aux joueurs de tennis les plus connus de l'histoire⁴.

4. La microstructure

Au sein de la microstructure, la visée encyclopédique de notre projet nous a amenés à conjuguer la description du référent avec des développements notionnels, dans le but d'accroître les connaissances de l'utilisateur dans un domaine donné. Ainsi, en plus « d'apporter des informations sur le mot en tant que tel [,] c'est-à-dire, sur sa nature et son genre grammatical, sur sa forme phonique et sonore, son étymologie, ses divers sens, ses valeurs expressives, son mode d'emploi, son degré de spécialisation, son appartenance à tel ou à tel registre de langue, ses relations avec d'autres mots, *etc.* (Pruvost, 2006 : 125), nous avons à tout moment fait ressortir « le contenu notionnel auquel les mots renvoient » (Candel, 1979 : 100).

Parallèlement, notre but a été d'offrir à l'utilisateur la plus grande quantité d'informations dans l'espace dictionnaire consenti par l'éditeur. Le fond lexical du *Dictionnaire du tennis*, très vaste, compte des unités lexicales simples (« boiser ») et composées (« lance-balle »), des noms propres (environ cent vingt légendes du tennis ont bénéficié d'un profil biographique), des

¹ Cf. Emanuele (2019 a) et Altmanova (2012) pour la signification de ces expressions.

² Pour la signification de ces termes, nous renvoyons aux articles correspondants dans le *Dictionnaire du tennis*.

³ Pour les caractéristiques des argotismes du tennis, nous renvoyons à EMANUELE, 2021 (à paraître). Cf. Références bibliographiques.

⁴ Nous ne nous attarderons pas sur ce répertoire de dénominations surprenantes – souvent issues des trouvailles des journalistes ou des ex-joueurs–, qui a fait l'objet de notre analyse dans une étude précédente. Cf. Emanuele, 2019 b.

toponymes (« Wimbledon », « Flushing Meadows », « Melbourne Park »), des collocations (« épreuve par équipe », « flexibilité du cadre »), des sigles et des acronymes (« FFT », « WCT », « ATP » « GOAT »), ainsi que des locutions figurées (« service à la cuillère », « banana shot », « jouer petit bras »).

Quelques articles tirés directement du *Dictionnaire du tennis* permettent d'observer concrètement les différentes zones de la microstructure, inspirée de celle du *Dictionnaire alphabétique et analogique du français des activités physiques et sportives* (DAAFAPS)¹ :

POIGNÉE : n.f. Partie du manche* recouverte d'un grip en cuir ou en matière synthétique, par laquelle le joueur* saisit la raquette*.
 ■ *Poignée de main* : n.f. *désuet*. Nom avec lequel on indiquait autrefois la prise semi-fermée, dénommée également *eastern*. ► PRISE DE RAQUETTE, *Prise semi-fermée ou eastern*.

Comme on peut le remarquer, nous nous sommes attelés à faciliter le plus possible la lisibilité, afin de rendre plus aisée le repérage et la consultation de l'information recherchée de la part de l'usager. Le mot vedette est indiqué en gras et en lettres majuscules. Tous les termes sont suivis de l'indication de la catégorie grammaticale ainsi que des marques signalant la langue d'emprunt, le registre de langue (argot, familier, vulgaire, jargon) et la formation du pluriel (s'il est irrégulier). La prononciation, indiquée entre crochets en utilisant l'alphabet phonétique international, accompagne les mots d'origine étrangère, en particulier les anglicismes, qui foisonnent dans le lexique tennistique.

SLICE : n.m. [slajs] (anglais *slice*, tranche). Effet latéral délivré à la balle.

→ Une balle slicée, après le rebond*, effectue une déviation de sa trajectoire* à droite ou à gauche. ► EFFET, *Effet slicé*. « Bah, vous

Les unités terminologiques enregistrées sont généralement suivies de l'étymologie, indiquée entre parenthèses rondes à côté de la zone réservée à l'entrée. Les différentes acceptions des entrées lexicales – présentées selon des critères de fréquence, soit de l'acception la plus usitée au sémantisme le moins courant dans notre corpus – sont distinguées par des chiffres arabes placés entre parenthèses rondes.

Les définitions ont été forgées par nous-mêmes, modifiées à partir d'un autre dictionnaire de langue ou de spécialité ou encore tirées sans aucune variation d'une source lexicographique mentionnée entre parenthèses.

RECEVOIR : v. 1) Retourner dans le camp adverse une balle de service.
 ◇ Syn : RELANCER, RETOURNER. EX : *En double, l'équipe* qui reçoit doit absolument chercher à breaker* les adversaires* pour prendre l'avantage*. 2) Disputer une rencontre à domicile, sur ses propres terrains*.
 « À partir de vendredi, la France reçoit la République Tchèque à Roland-Garros en demi-finales de la Coupe Davis ». sport365.fr, 11 septembre 2014. 3) Entrer en possession de quelque chose qui est offert. ■ *Recevoir une wild card*. « Bonne nouvelle pour Nicolas Mahut qui a reçu une wild card de la part des organisateurs de Wimbledon ». eurosport.fr, 12 juin 2013. 4) Être l'objet d'une sanction.
 « L'Australien risque de recevoir une nouvelle amende de la part de

Lorsque la signification d'un mot est aisément détectable pour tout locuteur natif, nous avons évité d'insérer une définition superflue. Dans ces cas, l'unité lexicale est suivie directement d'un exemple ou d'une citation :

PREMIER : n.m., adj. 1) Qui n'a pas eu de précédent (dans son genre) ou qui n'a pas eu de prédécesseur (larousse.fr). EX : *Richard Krajicek constitue le premier joueur* non tête de série capable de s'imposer à Wimbledon*. 2) Le plus haut, le meilleur rang dans un classement.
 « Djokovic finira l'année comme premier joueur mondial ». challenges.fr, 30 octobre 2012. ► LEADER. ■ *En premier*. EX : *Novotna gagne le tirage au sort et décide de servir en premier*. □ PREMIER SERVICE, PREMIÈRE BALLE, PREMIER SET, PREMIER JEU, TOURNOI WTA PREMIER (► ces termes).

¹ Ligas, 2015.

Les rapports que l'entrée lexicale entretient avec d'autres éléments linguistiques au sein du même énoncé – in *praesentia* – sont au cœur de la section syntagmatique, qui suit spatialement la zone réservée à la définition. Cette partie de la microstructure contient les exemples – le *Dictionnaire du tennis* en renferme plus d'une centaine – et les citations, qui sont au nombre d'environ trois mille cinq cents.

BASCULER : v. (ancien français *baculer*, de bas et de cul, d'après *bascule*). 1) Action de rotation ou de pivot. EX : *Basculer le poignet permet d'accélérer la frappe et de transmettre plus de force à la balle.* 2) Passer d'une situation, d'une position donnée à la situation, à la position contraire (TLFi). Un match* de tennis* bascule lorsque le score* est brusquement renversé, à savoir quand un joueur* mené largement au score*, parvient à récupérer le désavantage et à devancer son opposant*. → Au tennis*, le temps n'étant pas décompté, une rencontre* peut basculer à tout moment et donner lieu à des retournements de score* multiples, ce qui rend ce sport extrêmement imprévisible, parfois cruel, mais toujours fascinant. « *Et puis, le match bascule sur un mauvais jeu de service de Julien Benneteau. Le Français commet quatre fautes directes consécutives et concède sa mise en jeu. David Ferrer enchaine, avec 3 jeux consécutifs qui lui donnent la première manche* ». *tennisactu.net*, 16 août 2014.

Les exemples, dans la plupart des cas forgés par nous-mêmes, sont précédés de l'abréviation « EX : » et remplissent une fonction linguistique – dans la mesure où ils illustrent le fonctionnement de l'entrée lexicale dans le discours, – encyclopédique – lorsqu'ils se réfèrent à la chose plutôt qu'au signe en fonction – ou encore culturelle, quand ils contiennent une charge culturelle implicitement ou explicitement partagée. Ainsi, l'exemple « Sampras, très *adroit* à la volée, a marqué de nombreux points à proximité du filet [...] », tiré de l'article « *adroit* »¹, remplit une fonction linguistique car il montre uniquement la fonction du signe, alors que l'exemple « Certaines raquettes sont vendues déjà *cordées* », extrait de l'article « *corder* »², apporte un complément encyclopédique concernant l'objet « raquette ». Quant à l'exemple « Le *pointage* du tennis vient naturellement du jeu de paume, où l'on comptait les points de la manière suivante : 15/30/45/Jeu » (article « *pointage* »³), en plus d'illustrer le fonctionnement du signe, fournit des informations sur l'origine d'une règle du tennis et possède ainsi une valeur culturelle explicite.

En ce qui concerne les citations, elles sont toujours indiquées entre guillemets et suivies de l'indication de la source d'où elles proviennent. Celles-ci sont très variées : dictionnaires du sport ou de l'argot sportif, bases de données terminologiques, articles journalistiques parus dans des magazines spécialisés, sites internet, manuels de techniques, ouvrages sur l'histoire du tennis, règlements et statuts de la Fédération Française de Tennis, blogs sur le tennis, sites internet d'équipementiers, (auto)biographies de champions *etc.*

SMASH, n.m. (anglais *to smash*, écraser). Frappe* effectuée au-dessus de la tête, permettant d'écraser violemment la balle au sol. → Exécuté en réponse à un lob* de l'adversaire*, avant ou après le rebond* de la balle*, le smash est un coup* qui s'apparente au service*. Le geste, en effet, est similaire, sauf que le joueur*n'a pas besoin de lancer la balle* en l'air, n'est pas contraint d'envoyer la balle* dans le carré de service et dispose de moins de temps pour exécuter la frappe*. C'est un coup* puissant et doit être gagnant, le but étant de rabattre en toute puissance la balle* dans le côté adverse du court* pour la mettre hors de la portée de l'adversaire*. « *En match, un smash peut s'effectuer n'importe où sur le terrain, tout dépend du lob exécuté par l'adversaire* ». (Mathieu, 2011). ■ *Smash en appui* : Smash effectuée avec les deux pieds collés au sol. ■ *Smash en extension* : ► DUNK. ■ *Smash sauté* : Smash effectué avant ou après le rebond à l'aide d'un saut vertical, en prenant appel sur les deux pieds. ■ *Smash en ciseaux* : Smash exécuté en sautant vers l'arrière et en croisant les deux jambes durant le saut. → Un joueur* droitier prend appel sur la jambe droite, réceptionnant son saut sur la jambe gauche. ■ *Smash de revers* : Smash effectué dos au filet* en frappant la balle* de revers*. → Il s'agit d'un coup* particulièrement difficile, maîtrisé à la perfection par le champion* suisse Roger Federer**.

¹ Cf. Emanuele, 2019 : 71

² *Ibid.*, p. 186.

³ *Ibid.*, p. 439.

De même que les exemples, les citations du *Dictionnaire du tennis* illustrent le fonctionnement du signe en contexte et véhiculent une fonction essentiellement linguistique (« L'entame du match offre [...] une opposition de style entre le frappeur français et le *lifteur* espagnol »¹) ou, occasionnellement, encyclopédique (« Le matériel a énormément changé depuis les années 1990. Les *raquettes* ont perdu 30g en moyenne ; on est passé d'un équilibre en tête à un équilibre neutre »²) et culturelle (« René Raymond souligne dans son histoire de France que les victoires des quatre *mousquetaires* ont tout autant contribué au rayonnement de notre pays que ses prix Nobel de littérature »³). Un certain nombre de citations, construites selon le modèle « x est égal à y » remplissent une fonction définitionnelle et contribuent à caractériser les traits sémantiques du mot-vedette : « Le *rameur* est un joueur très régulier qui possède une très bonne couverture de terrain et un bon jeu de défense »⁴).

La section syntagmatique comprend également plus d'un millier de locutions –introduites à l'aide du symbole « ■ » – et quelques centaines de collocations, indiquées par le symbole « □ ». Les premières suivent directement les citations, alors que les secondes se trouvent en fin d'article (ou en fin d'acception dans le cas des mots polysémiques). D'un point de vue typographique, les locutions présentent un style de police « italique gras », alors que les collocations sont mises en exergue par le biais du caractère « petites majuscules ».

JEU : n.m. (latin *jocus*, plaisanterie). 1) Chacune des parties que comporte un set*.

→ Un jeu est composé d'un minimum de quatre points* : 15 pour le premier point*, 30 pour le deuxième, 40 pour le troisième et ensuite « jeu ». Si le score atteint 40-A (► A), ou égalité*, le jeu terminera aux avantages* et sera gagné par le joueur*/équipe* avec un écart de deux points. Cette règle n'est pas appliquée en double* : en effet, en cas d'égalité*, un « point décisif départage les deux paires* qui sont à égalité* ». ► AVANTAGE, ÉGALITÉ, POINT. 2) Manière de jouer. « *La terre battue a toujours été la surface qui a le moins réussi à Federer et à son jeu offensif, même si c'est sur terrain ocre qu'il a été formé* ». lavoixdu-nord.fr, 15 mai 2017. ■ **Jeu blanc** : n.m. Jeu gagné par un joueur* sans que l'adversaire* n'ait marqué un seul point*.

→ Un jeu blanc ne comprend donc que quatre points*. « *Le Bâlois a tout fait : un ace sur deuxième balle, un jeu blanc composé de quatre ace consécutifs, 42 coups gagnants [...]* ». rtl.fr, 6 septembre 2011.

□ JEU DE FOND. □ JEU DE FILET. □ JEU D'ATTAQUE. □ JEU DE DÉFENSE.

De courtes remarques linguistiques ou de brefs développements encyclopédiques – introduits par le symbole « → » – précèdent très souvent les sections syntagmatique et paradigmatique de la microstructure.

SIMPLE : n.m. Affrontement entre deux joueurs* installés de part et d'autre du filet*. « *Le tirage au sort du tableau de simple messieurs de ce Roland Garros 2015 a réservé des fortunes diverses aux joueurs engagés et notamment aux favoris* » tennistemple.fr, 24 mai 2015.

→ Lorsqu'un match* oppose quatre joueurs*, la rencontre* prend le nom de double*. □ MATCH DE SIMPLE, SIMPLE MESSIEURS, SIMPLE DAMES.

Cette partie de la microstructure présente également des remarques normatives. Celles-ci nous ont permis d'indiquer les termes français recommandés par la Commission d'enrichissement de la langue française afin d'endiguer l'emploi massif de certains anglicismes : « faire la brèche » ou « créer la rupture » au lieu de « faire le break » ; « pavillon-club » au lieu de « club-house » ; « filet » au lieu de « net » ou « let » ; « perdant heureux » à la place de « lucky loser », « dehors » au lieu de « out », *etc.* Nous avons aussi souligné que nombre de ces termes préconisés par le dispositif interministériel, faute d'une médiatisation adéquate, tout en étant enregistrés dans le *Journal Officiel* de la République française ne se sont jamais imposés auprès du grand public et demeurent méconnus pour la plupart des passionnés de la discipline : « tennisseur » et « as », forgés respectivement en 1990 et en 2000, appartiennent à cette classe terminologique.

¹ *Ibid.* p. 347 (article « lifteur »).

² *Ibid.* p. 474 (article « raquette »).

³ *Ibid.*, p. 386 (article « mousquetaire »).

⁴ *Ibid.*, p. 473 (article « rameur »).

TENNISSEUR : n.m. arch. Terme signifiant « joueur de tennis », forgé au début du XXe siècle.

→ Officialisé au Journal officiel en 1990, ce terme ne s'est jamais imposé dans la langue courante, dans laquelle les faux anglicismes « tennisman* » et « tennismoman », inventés pour « faire anglais », l'ont emporté.

La section paradigmatique, quant à elle, contient les synonymes et les antonymes – rédigés en petites majuscules et introduits par le symbole « ◇ » – et les renvois – précédés par le symbole « ► » –, qui signalent des mots de sens voisin. Voici un exemple illustrant cette section :

OUVERTE (PRISE) : n.f. Se dit d'une *prise de raquette lorsque, au moment de la préparation* et de l'accompagnement* du coup*, la face opérationnelle du tamis *est inclinée vers le sol. ◇|Ant : FERMÉE (PRISE)

► PRISE DE RAQUETTE.

Enfin, nous signalons que les mots suivis d'un astérisque font l'objet d'un article dans le dictionnaire. Lorsqu'une locution est répertoriée ailleurs dans la nomenclature, l'astérisque précède le groupe de mots (ex : *Grand Chelem). Les patronymes des joueurs sont suivis d'un double astérisque si des informations biographiques sont disponibles dans la nomenclature (ex : Federer**, Nadal**, Graf**, Williams**)

CONCLUSION

L'observation des caractéristiques paratextuelles, macro- et microstructurales du *Dictionnaire du tennis* montre qu'on ne peut pas répertorier les mots d'une langue, soit-elle une langue de spécialité comme celle du tennis, sans évoquer des aspects culturels. Cela reviendrait à négliger une réalité extralinguistique immense, que tout répertoire de spécialité se doit d'identifier, interpréter et expliquer.

La présence de péritextes véhiculant des informations historiques, une nomenclature extensive prenant en compte les différents aspects du jeu et les registres de langues variés, la présence de nombreux encadrés culturels et techniques ainsi qu'une structure de l'article privilégiant les développements notionnels témoignent de la volonté de faire du *Dictionnaire du tennis* non seulement un outil à **consulter** et à interroger pour dissiper un doute de nature linguistique. Effectivement, nous avons souhaité réaliser un dictionnaire à l'apanage des spécialistes et du grand public, à **lire** comme une narration vivante dévoilant – *via* l'analyse métalinguistique d'unités terminologiques – l'histoire, les anecdotes, la technique, les règles, les protagonistes et les compétitions du premier sport individuel de France.

Malgré la richesse du fond lexical décrit, un dictionnaire ne peut jamais se considérer achevé et exhaustif : d'une part parce que l'enregistrement de tous les mots et les expressions d'une langue constitue un projet chimérique, d'autre part en raison de la vitalité d'un lexique qui évolue sans cesse. Ainsi n'est-il pas surprenant de constater que juste après la parution de notre dictionnaire, en 2019, l'introduction de nouvelles règles a déterminé des modifications terminologiques : des néologismes, tels que *shot clock*¹, sont en effet apparus à la suite d'innovations technologiques qui sont en train de changer profondément le monde du tennis. À ce propos, la présence de plus en plus massive de systèmes d'aide électronique à l'arbitrage – le *hawk-eye* – a désormais déterminé la disparition presque totale des juges de lignes. De plus, la pandémie mondiale à SARS COVID-19 a provoqué des changements réglementaires et comportementaux, liés à la nécessité de garder la distanciation sociale : les ramasseurs de balles ne fournissent plus de serviettes aux joueurs, tandis que ceux-ci, à la fin du match, ne s'échangent plus une poignée de main – action emblématique, par laquelle toute rencontre de tennis se termine –, et ne serrent plus la main à l'arbitre, mais effectuent un geste de salutations

---

¹ Le *shot clock*, officialisé sur le circuit professionnel en 2019, est une horloge activée par l'arbitre de chaise, servant à afficher le décompte de vingt-cinq secondes de pause dont les joueurs disposent entre les points. À l'heure actuelle, ce terme ne dispose d'aucune traduction officielle en langue française.

en utilisant leur raquette. Autant de transformations qui vont avoir un impact – éphémère ou pérenne – sur le lexique du tennis, en produisant de nouveaux mots, en décrétant la suppression de certaines unités lexicales ou encore en modifiant le sémantisme de termes déjà existants. La veille terminologique poursuivie dans les deux dernières années a déjà fourni des résultats intéressants et d'autres nouveautés sont à prévoir à court terme.

Références bibliographiques

1. ALTMANOVA, Jana. « Les mots du jeu de paume entre histoire et lexiculture », in Pierluigi Ligas, Paolo Frassi (dir.), *Lexique, Identités, Cultures*, Verona : QuiEdit, 2012, p. 219-238.
2. CANDEL, Danielle. « La présentation par domaine des emplois scientifiques et techniques dans quelques dictionnaires de langue », in *Langue française*, n° 43, Dictionnaire, sémantique et culture, pp. 100-115, 1979.
3. CLERICI, Gianni, *500 ans de tennis*, Hatier, Paris, 1976.
4. DOTOLI, Giovanni / LIGAS, Pierluigi / SELVAGGIO, Mario. *Les langues du sport*. Fasano, Schena, 2010.
5. EMANUELE, Valerio. *Dictionnaire du tennis*, Paris, Champion, 2019 a.
6. EMANUELE, Valerio « Les surnoms des joueuses et des joueurs de tennis entre langue et culture: mécanismes de formation et processus de représentation collective », in *Lexicographie et communication – 2019: Actes de la V-ème Conférence scientifique internationale*. (Belgorod, 18-19 avril 2019) / Rédacteur en chef A.P. Sedykh. – Belgorod: Éditions de l'université nationale de recherche BelGU, 2019 b, p. 9-20.
7. EMANUELE, Valerio. Crocodiles, *pallettari*, arrosages et *veroniche* : la charge culturelle des argotismes du tennis en langue française et italienne ». In *InVerbis*, Lingue, Letterature, Culture. Roma, Carocci, 2021 (à paraître).
8. FRASSI, Paolo. « De quelques aspects de la microstructure du *Dictionnaire alphabétique et analogique du français des activités physiques et sportives* ». In DOTOLI / LIGAS / SELVAGGIO (dir ;), *Les langues du sport*, Fasano, Schena, 2010, p. 51-61.
9. LIGAS, Pierluigi, *Dictionnaire alphabétique et analogique du français des activités physiques et sportives* (DAAFAPS), QuiEdit, Vérone, 2015.
10. MESCHONNIC, Henri. *Des mots et & des mondes. Dictionnaires, encyclopédies, grammaires, nomenclatures*, Paris, Hatier, 1991.
11. PETIOT, Georges. *Le Robert des sports* (LRS), Paris, 1982.
12. PRUVOST, Jean. *Les dictionnaires français outils d'une langue et d'une culture*, Paris, Orphys, 2006.
13. REBOURGERON, Pierre / GERMAIN Gérard / DORFMAN Jacques / HIRSCH Gérard. *Dictionnaire du tennis*, Nathan, Paris, 1981.
14. REY, Alain / DELESALLE, Simone. « Problèmes et conflits lexicographiques », in *Langue française*, n° 43, Dictionnaire, sémantique et culture, p. 4-26, 1979.

УДК 811.1

«МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК»: ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОБРАЗА

Кошарная Светлана Алексеевна
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
Белгород, Россия / kosharnaja@bsu.edu.ru

Аннотация

Современная литература как культурно-исторический феномен отличается прецедентностью. Вновь создаваемый текст встраивается в литературную традицию и

транслирует культурную информацию предшествующих эпох, углубляя смысловое наполнение и рождая ассоциативные и концептуальные связи за счет «подключения» уже известной в культуре информации. Одним из механизмов подключения к литературному потоку является использование прецедентных имен, однако прецедентность не исчерпывается именами собственными. В качестве прецедентного культурного знака могут выступать различные по содержанию и структуре стереотипизированные «лингвокультуремы», вербализуемые в том числе нарицательными лексемами. В качестве прецедентного символа, который может быть «развёрнут» в диахронии в совокупный «культурный текст», выступает слово *тростник*. В данной статье рассматривается динамика формирования и особенности функционирования в литературном пространстве указанного прецедентного образа.

Ключевые слова: лингвокультурема, прецедентность, концепт, вербализация, воспроизводимость, смысловое приращение, коннотация.

«THINKING REED»: THE DYNAMICS OF THE PRECEDENT IMAGE

Kosharnaya Svetlana Alekseevna

Belgorod state national research University

Professor, doctor of Philology,

Professor of the Department of Russian language and literature

Belgorod, Russia / *kosharnaja@bsu.edu.ru*

Abstract

Modern literature as a cultural and historical phenomenon is characterized by precedent. The newly created text is embedded in the literary tradition and transmits the cultural information of previous eras, deepening the semantic content and giving rise to associative and conceptual connections by «connecting» the information already known in the culture. One of the mechanisms for connecting to the literary stream is the use of precedential names, but the precedent is not limited to proper names. A precedent cultural sign, the stereotyped linguistic and cultural fact, which are different in content and structure, can be verbalized including by appellative lexemes. As a precedent symbol, which can be «expanded» in diachrony into a cumulative «cultural text», the word «reed» acts. This article examines the dynamics of the formation and features of the functioning of this precedent image in the literary space.

Keywords: linguoculturema, precedent, concept, verbalization, reproducibility, semantic increment, connotation.

*Грянул гром, и Блез Паскаль возник:
Загорелся мыслящий тростник.*

Ю. Кузнецов

Введение. Можно утверждать, что вся современная, особенно «высокая» – признанная культурой и специалистами, литература прецедентна. Благодаря этому всякий вновь рожденный текст встраивается в литературную традицию, рождая ассоциативные связи и углубляя смысловое наполнение нового текста за счет «подключения» уже известных феноменов. С учетом яркости этого явления множится количество исследований, посвященных прецедентности. Начиная с монографии Ю.Н. Караулова, в которой обозначены и типологизированы прецедентные факты, и со знаковых и активно цитируемых работ Ю.А. Сорокина и И.М. Михалёвой, В.В. Красных, Г.Г. Слышкина, И.И. Чумак-Жунь и других ученых, явление прецедентности стало одним из излюбленных предметов научного описания в разноуровневых исследованиях лингвистов.

Справедливо отмечается, что одним из механизмов подключения к литературному потоку является использование прецедентных имен, причем в абсолютном большинстве случаев речь идет об именах собственных, например: «Прецедентные имена – это важная

часть арсенала средств интертекстуальности, столь важного для коммуникации эпохи постмодернизма и в то же время имеющего богатые традиции. В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон-Жуан* и *Ловелас* уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, *Вольтер* – как символ свободомыслия, *Дон Кихот* – как символ бескорыстной борьбы за справедливость» [Нахимова 2007: 5].

Безусловно, прецедентные имена собственные – это важная составляющая общелитературной палитры, источник стереотипизации и концептуальных сопряжений, детерминирующих развитие и обогащение индивидуальной и этнокультурной ментальности. Но прецедентность не исчерпывается именами собственными (антропонимами, топонимами, наименованиями различных объектов материального или интеллектуального характера).

Основная часть. В качестве прецедентного культурного знака могут выступать различные по содержанию и структуре стереотипизированные «лингвокультуремы» (в терминологии В.В. Воробьева) – от слова до текста. И здесь позволим себе продублировать нашу мысль о том, что в слово как лингвокультурема может быть осмыслено как минимальный *текст* культуры. При этом, как всякий прецедентный феномен, такие слова-лингвокультуремы «отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости» [Супрун 1995: 28], добавим: такая воспроизводимость не противоречит смысловым приращениям и коннотативным вариациям прецедентного факта.

Ю.Н. Караулов своей работе «Русский язык и языковая личность» определял прецедентные тексты как «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие 3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216].

В качестве прецедентного символа, который может быть «развёрнут» в диахронии в определенный «культурный текст», в русской литературе выступает слово *тростник*. Лингвокультурологическая реконструкция этого «текста культуры» составляет **цель** настоящей работы.

В словаре русского языка *тростник* толкуется как «водяное или болотное злаковое растение с коленчатым твёрдым стволом. *Сахарный т.* (многолетнее южное злаковое растение, из которого получают сахар)» [Ожегов 1991: 811]. Прочие толковые словари содержат ту же дефиницию. Однако в «Реальном словаре классических древностей» находим дополнительную информацию: «**тростник**, или камыш; из Т. приготовляли **палочки, употреблявшиеся, как у нас перья, для письма** [выделено нами – С.К.]; более крепкие сорта растения шли на стрелы и удовища. Двойные **свирели** также делались из тростника» [Любкер 1914: <https://rus-classic-antiquities.slovaronline.com/7374-ТРОСТНИК>].

В еврейской Библии (*Танахе*) тростник выступает многозначным символом: знаком слабости или лицемерия (*гнет голову, как тростник*); символом простолоудина (знатные и значимые люди ассоциированы с *пальмами*); символом неустойчивости (тростник гнется под ветром, легко ломается) [См. об этом: <http://nev-tanah.info/tanax-windows/>]. В то же время разновидность этого растения с высоким трехгранным стеблем называли *папирусом* (в арабском звучании – «бабир»), из стеблей которого плели циновки, строили суда, а из размоченных волокон изготавливали бумагу – отсюда известные египетские *папирусы*, англ. *raper* – ‘бумага’, укр. *papir* – ‘бумага’, рус. *папироса*, то есть бумажная трубочка с табаком.

Согласно «Словарю символов» Дж. Тресиддера, тростник «в японском мифе о сотворении мира <...> эмблема очищения, возможно, вследствие того, что связан с водой. «*Тростниковая долина*» – японская метафора мира мертвых. В кельтской мифологии тростник также символ очищения <...>. В <...> Греции был эмблемой музыки и бога Пана, который изготовил первую свирель из тростника, – отсюда и одно из названий этого инструмента – «флейта Пана». В более общем смысле тростник – символ хрупкости и

слабости; это видно из библейского выражения, характеризующего Египет как слабого союзника: «*трость надломленная*» (Исайя, 36:6). Крест из тростника – символ Иоанна Крестителя, который, как сказал Христос, не был похож на тростник, колеблемый ветром. Тростник также символ Страстей Христовых: распятому Христу для питья подносили пропитанную уксусом губку, которая была надета на конец тростникового стебля» [Тресиддер 1999: 392]. Кроме того, в Древнем Египте для письма применялась палочка из расщепленного тростника – своеобразная кисть, которую изготавливали из тонкого стебля тростника, расплющивая и размягчая конец, чтобы он впитывал «чернила». Древние греки использовали тростниковые аналоги современных перьевых ручек: конец тростниковой палочки расплющивался, высушивался на солнце и заострялся, в результате получался желоб для стекающей по нему пишущей жидкости. Подобные тростниковые пишущие палочки были известны и на Востоке, где их называли *калам*.

Таким образом, ещё в древности обозначилась концептуальная связь между растением «тростник» и предметами для письма, которые из него изготавливали (бумага, писчий инструмент). Такую связь можно условно назвать «метонимической» (материал > продукт, который изготовлен из данного материала). Данная связь нашла отражение в языке, ср.: «тростник I м. 1. Высокое травянистое многолетнее растение семейства злаковых с пустотелым или губчатым коленчатым стеблем, растущее на болотах и по берегам водоёмов. 2. Заросли такого растения. II м. **устар.** [выделено нами – С.К.] Перо для письма, сделанное из тростника» [Ефремова 2000 <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA>].

Помимо этого концепт «Тростник (растение)» обнаруживает метафорическую связь с концептом «Человек» (см. данные Танаха), что проистекало из представлений о непрочности человеческой жизни, самого человека перед силами природы, судьбы, времени (*телесная слабость* – гнётся, как тростник; *внутренняя слабость, покорность* – бессильно склоняется, сгибается, как тростник под порывами ветра). «Глубина метафоры «человек-тростник» значительна во временных измерениях цивилизации. Реплики этой метафоры отыскиваются нами в древнейшем шумерском тексте на одной из табличек (15540), хранящейся в государственном Эрмитаже <...>: *Словно пляшущий тростник, я плясал <...>*» [Проскурин 2015: 66]. Этот «пляшущий» тростник автор статьи полагает не только метафорой человека как такового, но и пера в его еще неумелой руке. С данным утверждением можно соглашаться или дискутировать, но и то, и другое не отменяет глубинных культурологических связей концептов «Тростник» и «Человек».

Таким образом, уже для архаичных (античной и восточной) культур выстраиваются следующие концептуальные связи (Рис.1).

Рисунок 1

Примечательно, что на Востоке тростниковая гибкость представлялась сильной, а не слабой стороной: когда ломаются мощные деревья, гибкий тростник выживает и распрямляется вновь, что реализуется в метафорических представлениях о «гибком» человеке.

В новое время концептуальный комплекс «Тростник – Человек» предстаёт уже в более сложном виде, что находит отражение в высказывании французского религиозного

философа, писателя, математика и физика Блэза Паскаля (1623 – 1662 гг.): «**Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он тростник мыслящий...**». Иными словами, несмотря на то, что человек слаб телесно, а порой и духовно, он, в отличие от других творений природы, способен мыслить. Таким образом, можно говорить о постепенном углублении концептуального содержания архаичного символа (Рис. 2).

Рисунок 2

В русской поэзии и в литературе в целом мы обнаруживаем все звенья данной прецедентной цепи. Так, в стихотворении А. Майкова «Свирель» «**тростник сухой и звонкой**» ассоциирован с флейтой Пана:

*«Поделись со мной искусством
Трели в ней перебирать,
Оживлять их мыслью, чувством,
Понижать и повышать <...>
Чтоб <...>
В грот наяду приманить»* (1840 г.)

Иной образ тростника как символа мыслящего человека обнаруживаем в стихотворении Ф.И. Тютчева:

*«Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
<...>
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?»* («Певучесть есть в морских волнах...», 1865 г.).

Примечательно, что в данном стихотворении обнаруживаются две ипостаси тростника: поющий тростник (*мусикийский шорох ... в камышах* ассоциативно связывается с поющим тростником, где *мусикийский* – устар. ‘музыкальный’) и *мыслящий*, который *ропщет*, поскольку мыслит. Тютчевский *мыслящий тростник* – это и человек, и поэт, и его орудие, которым он пишет – записывает свои ропщущие мысли.

Тютчевская строка непосредственно отсылает читателя к афоризму Б. Паскаля и в то же время развивает мысль последнего посредством глагола *ропщет*: венец творения способен не только мыслить и философствовать, но и возражать судьбе, нести в себе «*души отчаянной протест*». Причем образ тростника в стихотворении поэта – это еще и указание на человека-творца, одновременно поющего и мыслящего.

Результаты исследования. Думается, именно от Ф.И. Тютчева ведется русская поэтическая традиция использования прецедентного образа «мыслящего тростника», ср., например:

*«Во имя Бога, вечно всеблагого!
Он, давший для писания тростник,*

Сказал: *блюди написанное слово*

И делай то, что обещал язык» (И.А. Бунин «Закон», 1906-1907 гг.).

Аллюзивная отсылка к тексту Ф.И. Тютчева просматривается в ахматовском образе **ожившего тростника**:

«Возникли, словно в книге этой

Из мглы магических зеркал,

И над задумчивою Летой

Тростник оживший зазвучал» («Надпись на книге. М. Лозинскому», 1940 г.).

Что касается русской прозы, то и здесь нередко имеются прямые отсылки к Ф.И. Тютчеву, например: «...для известного возраста и мгновенья Каутский <...> тот же Тютчев, то есть источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущенья, **мыслящий тростник** и покров, накиннутый над бездной» (О.Э. Мандельштам «Шум времени», 1923 г.), хотя в ряде случаев в качестве источника прецедентности авторы называют и Б. Паскаля: «*Читая эти пространные наставления, дивишься, как хватало терпения у Достоевского писать их. В них нет и следа того душевного напряжения, <...> которым умел потрясать души Достоевский и которое дало Паскалю загадочное право противопоставить слабый **мыслящий тростник** всему огромному миру*» (Л.И. Шестов «На весах Иова», 1929 г.).

Для наглядности перечислим хотя бы некоторые имена авторов XX века, «заимствующих» этот прецедентный образ:

– в поэзии: С.И. Кирсанов «День шестой» (1956-1956); И.Г. Эренбург «Пять лет описывал не пестрядь быта...» в кн. «Люди, годы, жизнь» (1964-1966); Л.Л. Аронзон «Мадригал» («Как летом хорошо – кругом весна!...») (1966): «...**китайский текст** ночного **тростника**»; А.Я. Сергеев «Просвет меж веток чист...» (1974); В.Б. Кривулин «Как забитый ребёнок и хищный подросток...» (1976): «...как **паскалев тростник**»; Ю.П. Кузнецов. «Паскаль» («Грянул гром, и Блез Паскаль возник...») (1981); О.А. Седакова «Великолепие горит...» (1978-1982); С.М. Гандлевский «Вот когда человек средних лет, багровея...» (1991) – в качестве эпитета автор употребляет разговорный синоним: **баишовитый тростник**; С.В. Кекова «Чистотел отцвел и донник, звук протяжный отзвучал...» (1999); Б.А. Ахмадулина «В честь Рождества затеплилась лампада...» (1999) и т.д.;

– в прозе: В. Ерофеев «Москва – Петушки» (1970); С. Липкин «Записки жильца» (1962-1976); Т. Юрьева «Дневник культурной девушки» (1990); В. Аксенов «Негатив положительного героя» (1996); Е. Попов «**Мыслящий тростник**» (1970-2000); Д. Рубина «Медная шкатулка» (2011-2015) и др.

Примечательно, что в произведении Дины Рубиной имеется отсылка к образу тростника в восточной поэзии: «*Дома я заглянул в Интернет и нашел тот загадочный, как все японское, неуловимо грустный стих Мицую Басё, написанный в семнадцатом веке.*

Он дыни растил

В этом саду, а ныне –

Холод вечера тут.

Пальму посадил,

И впервые огорчен,

*Что взошел **тростник**....»* (Д. Рубина «Медная шкатулка»), ср.

противопоставление простолюдина и знатного человека в Танахе: **тростник – пальма**. По-видимому, данная символика была широко распространена по Востоку в целом.

Прецедентность метафорического образа **мыслящего тростника** настолько частотна, что в некоторых случаях он приобретает негативную культурную коннотацию – как избитый штамп: «...русские «фрилансы» в подобного рода заведениях вообще качаются, употребляя заезженную философскую метафору, как «**мыслящий тростник**»....» (В. Аксенов «Негатив положительного героя», 1996).

Кроме того, образ развивает новые смыслы: **мыслящий + гибкий > хитрый**: «*давно матерел Андрей Иванович в обрядах заплечных, а в интриге политической был гибок,*

как мыслящий тростник» (Ю. Давыдов «Синие тюльпаны» (1988-1989), ср. с восточным представлением о гибкости как положительной черте характера. В то же время сохраняется и традиционная символика гибкого и в то же время непрочного растения: *«Гибкий тростник: Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстиляет под себя рубище и пепел?»* (игумен Петр (Мещеринов) «Проблемы воцерковления» (2007)); *««Мыслящий тростник». Впечатляет. Трогательный и светлый образ – достоинство преодолевает хрупкость»* (Леонид Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 28. 5 марта 2002).

«Мыслящему тростнику» может противопоставляться человек, живущий бездумно, по наитию: *«...так может рассуждать бессмысленное тело, но не мыслящий тростник!»* (Т. Юрьева «Дневник культурной девушки» (1990)); *«Им нужен был не мыслящий тростник, а бездумная палица»* (С. Липкин «Записки жильца» (1962-1976)); *«...обыкновенный тростник, ничего не желающий смыслить в том, что так убого, но очень пристрастно со мной происходит, – равнодушная скотина это растение тростник, – невольно мелькнуло»* (В. Володин «Повесть вРеменных лет» // «Волга», 2009).

Но даже эта всеохватность «мыслящего тростника» как образа, символизирующего человека думающего, уже подвергается сомнению с точки зрения смысловой полноты: *«Человек <...> мгновенно понимал, что жизнь – не такая уж подлая вещь, что мир, несмотря ни на что, устроен правильно и разумно, что он сам – не только мыслящий тростник»* (Л. Шаров «Как я увидел Японию» // «Общая газета», 1995).

Заключение

Таким образом, продолжается развитие и концептуальное углубление прецедентного образа, который обрастает новыми смыслами в стремлении уйти от прецедентного тождества и клишированности фразеологизма. Перспективы исследования видятся нам в привлечении нового фактического материала и установлении тенденции развития прецедентного образа в современном литературном дискурсе.

Литература

1. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 4. – С. 106-118.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: «Русский язык», 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
4. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 2. – М.: «Филология», 1997. – С. 5-12.
5. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей [Электронный ресурс] / Под редакцией Й. Геффкена, Э. Цибарта. – Тойбнер, 1914. Режим доступа: <https://rus-clasic-antiquities.slovaronline.com>
6. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка : 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 23-е изд., испр. – М.: «Русский язык», 1991. – 915 с.
9. Проскурин С.Г. Историко-культурные основания понимания человека. От пляшущего тростника к тростнику мыслящему // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 1. – № 3 (25). – С. 65-71.

10. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 98-117.
11. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. – С.17-29.
12. Танах – Электронная еврейская Библия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nev-tanah.info/tanax-windows/>
13. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. – 443 с.

References

1. Gudkov D.B., Krasnyh V.V., Zaharenko I.V., Bagaeva D.V. Some features of the functioning of precedent statements // Vestnik MSU. Series 9. Philology. 1997. № 4. – Pp. 106-118.
2. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Sensible-word-formation. – Moscow: «Russian language», 2000. [Electronic resource]. Access mode: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
3. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic identity / Ed. edited by D.N. Shmelev. – Moscow: Nauka, 1987. – 261 p.
4. Krasnyh V.V. The system of precedent phenomena in the context of modern research // Language, consciousness, communication: Collection of articles. Issue 2. – Moscow: «Philology», 1997. – Pp. 5-12.
5. Lyubker F. Real dictionary of classical antiquities [Electronic resource] / Edited by J. Geffken, E. Zibart. – Teubner, 1914. Access mode: <https://rus-clasic-antiquities.slovaronline.com>
6. Nahimova E.A. Precedent names in mass communication: a monograph. – Yekaterinburg, 2007. – 207 p.
7. National Corpus of the Russian Language [Electronic resource]. Access mode: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
8. Ozhegov S.I. Russian language Dictionary : 70000 words / Ed. by N.Yu. Shvedova. – 23rd ed., ispr. – Moscow: «Russian language», 1991. – 915 p.
9. Proskurin S.G. Historical and cultural foundations of human understanding. From the dancing reed to the thinking reed // Ideas and Ideals. – 2015. – Vol. 1. – № 3 (25). – Pp. 65-71.
10. Sorokin Yu.A., Mihaleva I.M. Precedent text as a way of capturing the language of consciousness // Language and consciousness: paradoxical rationality. – Moscow, 1993. – Pp. 98-117.
11. Suprun A.E. Textual reminiscences as a linguistic phenomenon // Questions of linguistics. 1995. № 6. – Pp. 17-29.
12. The Tanakh – Electronic Hebrew Bible. [Electronic resource]. Access mode: <http://nev-tanah.info/tanax-windows/>
13. Tresidder J. Dictionary of symbols / Translated from English by S. Palko. – Moscow: Grand: FAIR-Press, 1999. – 443 p.

УДК 81

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ И СТРУКТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ ФИНАНСОВОГО ЯЗЫКА

Баранов Арсений Андреевич
аспирант,

Тверской Государственный Университет,
Тверь, Россия / arseniy.somnium@yandex.ru

Аннотация

В статье представлена финансовая лексика с точки зрения социолингвистики и лексикографии. Настоящее исследование анализирует финансовую лексику и стремится доказать, что она разделяет характеристики литературного языка. Автор демонстрирует

стилистическую и структурную полноту финансового языка. Отдельное внимание уделяется жаргонизмам и сленгу внутри данного профессионального языка. Представляются доказательства того, что финансовый язык отображает стилистические вариации и множество морфологических структур. Кроме того, автор показывает всю метафоричность характерную для финансового языка, которая иногда может казаться излишней. Роль метафоры показана не только как инструмента украшения речи или показателя принадлежности к социальной группе, но и как инструмента для выделения или скрытия определённых намерений и понятий. Также помимо метафоры выделяются и другие типы образного выражения, характерные для финансовой лексики, такие как сравнение, гипербола и синекдоха. Теоретические предположения в данной статье подкрепляются яркими примерами.

Ключевые слова: финансовый язык, сленг, жаргон, метафора, лексика.

STYLISTIC AND STRUCTURAL DIVERSITY OF THE FINANCIAL LANGUAGE VOCABULARY

Baranov Arsenii Andreevich

postgraduate student

Tver State University

Tver, Russian Federation / *arseniy.somnium@yandex.ru*

Abstract

The article presents the financial vocabulary from the point of view of sociolinguistics and lexicography. This study analyzes financial vocabulary and seeks to prove that it shares the characteristics of a literature language. The author demonstrates the stylistic and structural complexity of the financial language. Special attention is paid to jargon and slang within this professional language. Evidence is presented that the financial language displays stylistic variations and a variety of morphological structures. In addition, the author shows all the metaphorical features of the financial language, which sometimes may seem superfluous. The role of metaphor is shown not only as a tool for decorating speech or indicator of belonging to a social group, but also as a tool for highlighting or hiding certain intentions and concepts of the speech. Also, in addition to metaphor, there are other types of figurative expression that are describing financial vocabulary, such as comparison, hyperbole, and synecdoche. The theoretical assumptions of this article are supported by examples.

Keywords: financial language, slang, jargon, metaphor, vocabulary.

Цели исследования

Цель исследования – продемонстрировать стилистическую и структурную сложность языка финансов и отказаться от традиционного подхода к нему, который предпочитают лексикографы, предоставляя исчерпывающие лексические базы данных и определения ключевых финансовых терминов и соотношений без жаргона. В этой статье финансовый язык будет классифицирован с точки зрения структуры и стиля. Такой угол анализа позволит рассматривать его как часть стандартного дискурса. Таким образом, финансовый язык будет рассмотрен не как простая совокупность незнакомых терминов, предназначенных для того, чтобы отпугнуть людей непосвященных в мир экономики, а как стиль лингвистического выражения, разделяющий черты классического языка, такие как стандартизация, автономия, жизнеспособность, а также изменчивость и высокая степень метафоризации. Представление образной природы языка финансов подтвердит тот факт, что он параллелен языку как таковому, который полон метафорами и метонимиями. И финансовый, и литературный язык демонстрируют естественную человеческую тенденцию к применению определенных концептуальных представлений или принятию определенных когнитивных моделей.

В статье взгляд на язык финансов происходит с социолингвистической точки зрения, и, как следствие, станет возможным обосновать основной постулат

социолингвистики, согласно которому язык и общество образуют динамические отношения, являются взаимозависимы и взаимосвязаны, оказывая значительное влияние друг на друга. Следуя социолингвистической номенклатуре, в статье рассматривается понятие речевого сообщества, использующего язык финансов и внутренних вариаций в данной профессиональной области. Социолингвистика обеспечивает теоретическую основу лингвистического анализа, связанного с перекрестным анализом скомпилированной лексической базы данных. Традиционная описательная лингвистика является ещё одной областью изучения языка, оказавшая влияние на это исследование. Она связана с синхронным изучением языка и сбором лингвистических данных, что приводит к лексикографическим достижениям, материализованным в форме специализированных словарей жаргонизмов. Теоретические предположения, выдвинутые в этой статье, будут подробно проиллюстрированы на конкретных примерах.

Жаргон и сленг как стили лингвистики в области языка финансов

Ключевыми понятиями, относящимися к стилистическому анализу финансового языка, являются понятия жаргона и сленга. Бертон и Хамфрис (1992) определяют жаргон как вид речи и письма, полный незнакомых терминов. Жаргон состоит из слов, взятых из специализированных словарей, среди многих других, науки, социологии, экономики или права или любых других специальных областей человеческого знания и активности. Грин (1987) рассматривает жаргон как разновидность словесной стенографии или внутреннего словарного запаса самых разных профессий. Это способ речи, состоящий из многих незнакомых терминов, свойственным определенной группе людей, например язык ученых, философов, терминология науки и искусства, язык класса, религии, ремесла или профессии. Некоторые жаргоны являются сложными сами по себе (политический и военный жаргон, цель которого часто сбивать с толку), тогда как многие другие типы жаргона являются профессиональным сокращением.

Жаргон – это технические слова, которые относятся к конкретным профессиям, используемые при выполнении ремесла или профессии, либо в связи с интересом или хобби. Мотивы использования жаргона могут быть социологическими: групповая идентификация или самоутверждение внутри конкретной группы, или профессиональными: повседневным рабочим инструментом, облегчающим функционирование в профессиональном мире. Видавски (2003) определяет сленг как постоянно меняющийся и выразительный способ языкового проявления. Он состоит из новых слов или стандартных слов, употребляемых в новых значениях, которые считаются неформальными и иногда даже вульгарными. Сленг используется в основном в разговорной речи вместо привычных слов, обычно для передачи некоторой дополнительной информации: психологической, социологической или риторической по своей природе. Психологический (или поведенческий) элемент речи состоит из такой информации, как эмоциональное состояние, юмор, знакомство и секретность. Социологический элемент состоит из солидарности или групповой идентификации, дистанцирование, отчуждение и восстание против существующего порядка. Риторический элемент состоит из неформальности, лаконичности, преднамеренной расплывчатости и резкости выражения.

Перекрестный анализ совокупности финансовой лексики показывает, что лексемы, попадающие в категорию финансового языка, можно разделить на эти две категории. Следующие примеры представляют образец языковых единиц, определяемых как жаргон:

- “The **post-appreciation** economic success seemed to bemuse even the Japanese.” «Экономический успех **после удорожания** [= увеличение стоимости определенных активов с течением времени], похоже, сбил с толку даже японцев». – Дилип К. Дас, Повышение курса йены и международная экономика, 1993 г.

- “In the largest advanced economies, in particular, **long-term government bond yields** have become increasingly more dependent on global conditions.” «В частности, в крупнейших странах с развитой экономикой доходность **по долгосрочным государственным**

облигациям [= доход, получаемый от инвестиций в облигации], становится все более зависимой от глобальных условий». – Манмохан С. Кумар, Эмануэле Балдаччи, Фискальный дефицит, государственный долг и доходность суверенных облигаций, 2010 г.

- “A basic understanding of **digital cash** is still needed.” «Все еще необходимо базовое понимание **цифровых денег** [= денег, существующих в электронной форме]». – Ашутосх Дешмук, Цифровой учет: влияние Интернета и ERP на бухгалтерский учет, 2006 г.

- “A leading **hedge fund** trader offers a solid and profitable trading approach to the world markets.” «Ведущий **хедж-фонд** [= паевой фонд, который принимает на себя значительный риск] трейдер предлагает надежный и прибыльный подход к торговле на мировых рынках». – Марк Баучер, The Hedge Fund Edge: Global Trend Trading Strategies: максимальная прибыль / минимальный риск, 1999 г.

- “A loan has a **fixed or a variable interest rate**” «Заем имеет **фиксированную или переменную процентную ставку** [= процентная ставка, которая изменяется по отношению к стандартному индексу в течение периода заема]». – Виктор Макрэ, Освоение стратегии управления процентными рисками: Практическое руководство по управлению корпоративными финансовыми рисками, 2015 г.

Представленную ниже совокупность финансовых выражений можно отнести к сленгу. Следующие выражения кажутся непригодными для формальных профессиональных дискуссий, но, похоже, используются, когда в силу вступают эмоции и когда разговоры происходят за пределами больших кабинетов и круглых столов. Люди, использующие язык, непринужденны и могут заявлять о солидарности внутри группы или восстании против системы или выражать иронию. Следующие примеры относятся к категории сленга:

- “The Doof grew up and became some kind of IPO-start-up **zillionaire**” «Doof вырос и стал своего рода **мультимиллионером** [= очень богатым человеком] IPO-стартапов». – Харлан Кобен, Самый темный страх: Роман Майрона Болитара, 2008 г.

- “The **gnomes of Zurich** are the international bankers, and they are frequently considered to be the puppet masters of the world. «**Гномы Цюриха** [= уничижительное название швейцарских банкиров] – это международные банкиры, и их часто считают марионеточными хозяевами мира. ‘- Барбара Тейлор Брэдфорд, Кавендон-Холл: Роман, 2014 г.

- “Before we look at contemporary private equity it is worthwhile to look back at the **asset-strippers** of the 1970s, when firms such as Slater Walker in the UK were in many important respects the direct ancestors of today's private equity firms.” «Прежде чем мы посмотрим на современный частный капитал, стоит оглянуться назад на тех, кто занимался **изъятием активов** [= компания, которая приобретает другую компанию и продает её активы для получения прибыли] 1970-х годов, когда такие фирмы, как Slater Walker в Великобритании, были в хороших отношениях с предками сегодняшних частных инвестиционных компаний». – Мартин Корнбергер, Стратегия: теория и практика, 2011 г.

- “PCs are less expensive, and they deliver more **bang for the buck** «ПК дешевле, и они обеспечивают большую **отдачу от вложенных средств** [= окупаемость инвестиций]». – Питер Бенгельсдорф, Идиомы в новостях – 1000 фраз, реальные примеры

Образ как неотъемлемая особенность языка финансов

Метафора является наиболее распространенным средством построения изображения и является неотъемлемой частью человеческого языка. Способность к образной выразительности – одна из главных черт отличающих язык людей от языка животных.

Метафора может быть определена как использование слова или фразы для описания объекта или концепции, которые они не обозначают буквально. Другими словами, это ссылка на одно понятие с точки зрения другого. Метафора связана с пересечением и входом в разные семантические области, чтобы точно описать

конкретный термин или явление. Метафора предлагает сравнение с другим объектом или концепцией. Рассмотрим следующий пример, предоставленный Ноулзом и Муном (2006): «Жемчужиной церковной короны Нортумбрии является монастырь Линдисфарн на Святом острове, построенный в 635 году, к которому ведет приливная дамба». [Нортумбрия – человек; “монастырь” – жемчужина на короне]. Этот пример иллюстрирует еще одну важную особенность метафоры. Он накладывает дополнительные значения на данный фрагмент лингвистического выражения или дискурса. В приведенных примерах метафорических предложений драгоценности относятся к чему-то драгоценному, желанному и привлекательному, а драгоценный камень в короне обозначает наиболее важное или ценное достижение. Метафоры изобилуют в языке бизнеса и языке финансов. «Наличные – это жидкость» – распространенная онтологическая метафора, ежедневно используемая в мире финансов. Рассмотрим следующие цитаты данные Маккензи (2001):

- After the merger, the new company will be able to draw a huge **pool** of resources. (После слияния новая компания сможет привлечь огромный **пул** ресурсов.)

- Because of the new high interest rates money is **pouring** into Germany (Из-за новых высоких процентных ставок деньги **текут** в Германию)

- If we do not find a new **source** of funds, we will run out of money by Christmas (Если мы не найдем новый **источник** средств, к Рождеству у нас закончатся деньги).

- If public funding really does **dry up**, we will have to turn to the government for help (Если государственное финансирование действительно **иссякнет**, нам придется обратиться к правительству за помощью).

- Right-wing governments tend to argue that if you cut high interest rates, the rich will consume more and invest more, and wealth will **trickle down** to the poor. (Либералы склонны утверждать, что, если вы снизите высокие процентные ставки, богатые будут больше потреблять и инвестировать больше, а богатство **просочится** к бедным).

Раньше метафоры рассматривались как поэтические приемы и считались художественным способом передачи сложных идей, относящимся лишь к сфере литературоведения. Лайкофф и Джонсон (2005) доказали, что метафора повсеместно встречается в стандартном дискурсе. Использование метафор – это условный ментальный механизм, который позволяет нам косвенно, а часто более точно, ссылаться на различные сложные или абстрактные вопросы. Одна из наиболее часто используемых метафор – это онтологические метафоры, которые позволяют нам рассматривать концепции, действия или эмоции в понятиях сущностей или субстанций. Метафоры отображают наши мыслительные процессы, связанные с тем, как мы строим наши концептуальные схемы изображений. Сленг всегда метафоричен, и жаргон проявляет сильную тенденцию к метафоризации. То же самое можно сказать и о языке финансов. Следующие примеры подтверждают, что финансовый язык разделяет эту характеристику:

- “The so-called **bubble economy** of 1986-1990 did much to cultivate these seeds, revealing that Japanese consumers, when left to their own devices, can show the same propensities for status, luxury, and greed as consumers in other markets.” «Так называемая **экономика пузыря** [= экономика или рынок, на котором цены на товары и услуги поднимаются намного выше фактических цен; экономику можно надуть] 1986–1990 гг сделала многое для развития зачатков демонстрирующих что японские потребители, предоставленные самим себе, могут проявлять те же склонности к статусу, роскоши и жадности, что и потребители на других рынках». – Энтони Пекотич, Клиффорд Дж. Шульц II, Справочник по рынкам и экономике: Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Австралия, Новая Зеландия, 2005 г.

- “Because Roche owned a majority of 55.7 percent of the shares of Genentech, it was not realistic to assume that another bidder would enter the race and launch a **bidding war** «Поскольку компания «Рош» владела большинством 55,7% акций Genentech, было нереалистично предположить, что другой участник вступит в гонку и начнет **аукционную**

войну [= конкуренция между потенциальными покупателями за те же акции или ценные бумаги; торговая война]». – Томас Кирхнер, Арбитраж слияний: как получить прибыль от глобального событийного арбитража, 2016 г.

- “Do you need account service or customer service staff to communicate with your **Elephant's** «Хотите ли Вы, чтобы персонал по обслуживанию счетов или по обслуживанию клиентов общался с вашим **слоном** [= очень крупным финансовым учреждением; бизнес-единица является живым объектом] напрямую?» – Стив Каплан, Bag the Elephant, 2008 г.

- The major illegal business engaged in by members of the Bruno family was loan-sharking; however, probably the members were only a minority of **loan sharks** «Основным незаконным бизнесом членов семьи Бруно было ростовщичество; однако, вероятно, члены были лишь меньшинством **ростовщиков** [= те, кто одалживает деньги под чрезмерно высокие проценты; одолживший является хищным животным] в регионе Филадельфия. – Роберт Дж. Келли, Колин Чин, Руфус Шацберг, Справочник по организованной преступности в США, 1994 г.

- The growth stories of Korea and Taiwan Province of China illustrate the leap of the Asian **tigers** «Истории роста Кореи и китайской провинции Тайвань иллюстрируют скачок азиатских **тигров** [= любой из ключевых рынков в Тихоокеанском регионе, кроме Японии: Гонконг, Южная Корея, Сингапур и Тайвань; страны – живые объекты]. – Реда Шериф, Фуад Хасанов, «Прыжок тигра: как Малайзия может выбраться из ловушки среднего дохода», 2015 г.

- While dealing with companies the credit manager must know whether he is dealing with a **parent company** «Имея дело с компаниями, кредитный менеджер должен знать, имеет ли он дело с **материнской компанией** [= компанией с одним или несколькими дочерними предприятиями].» – Хришикеш Бхаттачарья, Управление оборотным капиталом: стратегии и методы, 2004 г.

С помощью метафоры пользователь языка может выделить или скрыть определенные особенности явлений, о которых он говорит. Метафоры используют различные соответствия между источниками и целями и, таким образом, способствуют повышению точности языкового выражения.

Финансовый язык изобилует менее прототипическими типами метафор, такими как метонимия и синекдоха. Эти образные приемы обычно используются в повседневном общении. Следующие примеры иллюстрируют метонимию и синекдохическое использование финансового языка:

- As the Sunday Times pointed out, Mr Healey is known as a '**belt and braces man**' «Как отмечает «Санди Таймс», г-н Хили известен как «**человек с поясом и подтяжками**» [= очень осторожный кредитор, который просит дополнительное обеспечение, а также гарантии для займа] (...)» – The Bankers Magazine, 1979

- The **sleeping partner** may be a village community; but recent investigations, especially those of Mr. Seebohm, have given cause for believing that the communities were not often "free" and ultimate owners of the land. «**Спящий партнер** [= физическое или юридическое лицо, которое вкладывает деньги в компанию, но не принимает участия в управлении бизнесом] может быть деревенской общиной; но недавние исследования, особенно исследования г-на Сибома, дали повод полагать, что общины не часто были «свободными» и конечными собственниками земли». – Альфред Маршалл, Принципы экономики: несокращенное восьмое издание, 2009 г.

- If appropriate, the company should consider providing **golden handcuffs** or a retention bonus to hold these valuable people. «В случае необходимости компании следует рассмотреть возможность предоставления **золотых наручников** [= финансовый стимул, выплачиваемый сотрудникам за то, чтобы они оставались в организации] или бонусов для удержания этих ценных людей». – Майкл Гендрон, Интеграция недавно объединенных организаций, 2004 г.

- The excess demand for a **golden handshake** may be due to two main factors. «Чрезмерный спрос на «**золотое рукопожатие**» [= сумма денег, отданная руководителю высшего звена при его вынужденном уходе из компании] может быть вызван двумя основными факторами». – Энтони Беннетт. Как работает приватизация? 2002.

Сравнение – это еще один тип образного выражения. Оно основано на сравнении двух концептов или сущностей. Существуют прямые сравнения, например «Он был подобен медведю – подумала Кэрри, дружелюбный, глупый, сильный медведь» (Knowels and Moon, 2006). Прототипные, которые отличаются от прямых используя слово “как”. Представленные ниже метафорические выражения очень похожи на сравнения, поскольку сравниваемый объект имеет общие характеристики с целевым объектом.

- A **rogue trader** is an employee of a company who makes unauthorised trades on behalf of their employer «**Торговец-мошенник** [= торговец акциями, использующий незаконные методы для получения прибыли] – это сотрудник компании, который совершает несанкционированные сделки от имени своего работодателя». – iMinds, Вольные торговцы: политика, право и бизнес, 2009 г.

- Many investors panicked towards the end of the **bear market** and sold out their stock positions «Многие инвесторы запаниковали ближе к концу времени **медвежьего рынка** [= рынка, на котором цены падают и на котором дилер, скорее всего, продаст ценные бумаги, а не купит их], и распродали свои акции». – Тимоти Макинтош, Руководство по выживанию на медвежьем рынке, 2003 г.

Смешивание – это механизм словообразования, при котором части двух отдельных слов объединяются для образования нового лексического элемента. Это объединение двух фонетических фрагментов, принадлежащих двум разным словам, соответственно. Значение лексического элемента, полученного путем смешивания, представляет собой смесь значений составляющих его компонентов. Другими словами, две семантические области взаимно обогащают друг друга. Финансовый язык принимает смешивание в качестве морфологического механизма, что можно увидеть на следующем примере:

- The fact remains that **Reaganomics** is a redistribution gambit based on a crude resurgence of nineteenth-century social Darwinism. «Факт остается фактом: **Рейганомика** [= экономическая политика президента США Рональда Рейгана] – это перераспределительный гамбит, основанный на грубом возрождении социального дарвинизма девятнадцатого века». – Стивен Русси, Политическая экономия рейганомики: критика, 2015 г.

Гипербола – еще один менее прототипический тип метафоры. Гипербола – это преувеличение, например «Пир горой» или «Раскроет рот шире Мексиканского залива». Посмотрев на следующие примеры, можно узнать, как работает гипербола:

- When several nonperformers accumulate in the same department, it's called a "**turkey farm**." «Когда несколько неэффективных сотрудников собираются в одном отделе, это называется «**ферма для индеек**» [= неэффективный бизнес]». – Грант Барретт, Оксфордский словарь американского политического сленга, 2006 г.

- The essence of a **Fallen Angel** is the inherent quality of the underlying franchise. «Сущность «**Падшего ангела**» [= акции, которая когда-то была очень желанной, но теперь упала в цене] – это качество, присущее базовой франшизе». – Габриэль Уиздом, Wisdom on Value Investing: How to Profit on Fallen Angels, 2009.

Форма финансового лексикона

В жаргоне всегда есть тенденция к использованию сокращений и акронимов. Многие жаргонные термины, используемые в сфере политики или в сфере бизнеса в качестве профессионального сокращения, очень часто скрывают то, о чем идет речь. Таким образом, некоторая терминология незнакома посторонним лицам, не относящимся к данной профессиональной сфере. Это преднамеренный процесс утверждения членства в группе или солидарности пользователей языка. Использование сокращений в сфере

военного жаргона времен холодной войны было подробно описано Коллатаем (2015). Ту же тенденцию можно наблюдать и в финансовом жаргоне. Следующие примеры подтверждают, что в финансовом языке используются акронимы и аббревиатуры:

- Historically, **COLA'S** have helped to recover some of the purchasing power that has been lost as a result of price increases. «Исторически сложилось так, что **учёт роста стоимости жизни** [= корректировка стоимости жизни; изменение уровня доходов пропорционально уровню инфляции и роста цен] помогло восстановить часть покупательной способности, которая была утрачена в результате роста цен». – Наша меняющаяся экономика: столетняя таблица BLS, 1984

- The expenditure approach to computing **GDP** sums the purchases of final goods and services made by the four sectors of the economy «Расходный подход к вычислению **ВВП** [= валовой внутренний продукт] суммирует покупки конечных товаров и услуг, произведенные четырьмя секторами экономики». – Роджер А. Арнольд, Экономика, 2007.

Выводы

Финансовый язык демонстрирует структурное и стилистическое разнообразие. Кроме того, он является излишне метафоричным. Следовательно, он обладает характеристиками литературного языка и может быть проанализирован как таковой. Если мы рискнем использовать концепцию контейнерной метафоры, как описано Лайкоффом и Джонсоном (2005), чтобы концептуализировать финансовую лексику, мы можем принять метафору «коробка внутри коробки» где внутри совокупности лексических единиц, классифицируемых как финансовый жаргон, находится подгруппа Алексис, которая классифицируется как сленг. Дальнейшие исследования в этой области могут быть сосредоточены на применении аксиологического параметра для более точного описания семантики финансового языка.

Литература

1. Каширина Н. А., Клименко Д. И., Особенности перевода метафор в экономической публицистике // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5. – С. 153–154.
2. Мельничук М. В., Осипова В. М. Метафора в англоязычном бизнес-дискурсе // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 31–41
3. Шикалов С. В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка // Вестник МГЛУ, серия «Языкознание». – 2010. – №. 9 (588). – С. 156–162.
4. CIMA Dictionary of Finance and Accounting. London: Bloomsbury Publishing, 2003. P. 352
5. Green, Jonathon. Dictionary of Jargon. New York: Routledge & Kegan Paul Inc, 1987. P. 616.
6. Knowels, Murray. Moon, Rosamund. Introducing Metaphor. London: Routledge, 2006. P. 180.
7. Mackenzie, Ian. Financial English. London: ITP Business, 2001. P. 160.
8. Potter, Simeon. Language in the Modern World. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1964. P. 221.
9. Szymanek, Bogdan. Introduction to Morphological Analysis. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN. P. 316.

References

1. Kashirina, N., Klimenko, D. Features of the translation of metaphors in economic journalism. Achievements of modern natural science, № 5 (2012): P. 153-154.
2. Melnichuk, M., Osipova, V. Metaphor in English-language business discourse. Scientific dialogue, №11 (2015): P. 31-41.
3. Shikalov, S. Approach to translation of metaphors in Peter Newmark's concepts. Vestnik of Moscow State Linguistic University, linguistics series, №. 9 (2010): P. 156-162.
4. CIMA Dictionary of Finance and Accounting. London: Bloomsbury Publishing, 2003. P. 352
5. Green, Jonathon. Dictionary of Jargon. New York: Routledge & Kegan Paul Inc, 1987. P. 616.
6. Knowels, Murray. Moon, Rosamund. Introducing Metaphor. London: Routledge, 2006. P. 180.
7. Mackenzie, Ian. Financial English. London: ITP Business, 2001. P. 160.

8. Potter, Simeon. Language in the Modern World. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1964. P. 221.
9. Szymanek, Bogdan. Introduction to Morphological Analysis. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN. P. 316.

УДК 030

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Едличко Анжела Игоревна

доцент, к.филол.н., доцент

МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия / *ang299@yandex.ru*

Яфаров Ринат Хамзяевич

старший преподаватель, к.филол.н.

МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия / *rinatyafarov@gmail.com*

Аннотация

Статья посвящена описанию двуязычного словаря спортивных терминов [Едличко, Яфаров 2021], разработанного сотрудниками кафедры немецкого языка и культуры ФИЯР МГУ. Книга содержит термины и специальные лексемы, относящиеся к новым видам зимнего спорта (около 2200 лемм). В статье описываются причины, цели и этапы создания словаря, кратко анализируются его мега-, макро- и микроструктура. Внимание уделяется проблеме полного и оптимального представления (в рамках словарной статьи) грамматической, этимологической, фонетической и функционально-стилистической информации. Описываются трудности, которые возникали при лексикографировании спортивной терминологии, конкретные решения при работе над зоной перевода, иллюстративной зоной и зоной парадигматических отношений.

Ключевые слова: немецкий, русский, словарь-справочник, термин, зимний спорт, лексикография.

SOME ISSUES OF LEXICOGRAPHY REPRESENTATION OF SPORT TERMS

Edlichko Anzhela Igorevna

associate professor, PhD in Philology

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia / *ang299@yandex.ru*

Yafarov Rinat Khamzyaevich

senior lecturer, PhD in Philology

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia / *rinatyafarov@gmail.com*

Abstract

The article is devoted to the describing of a bilingual dictionary of sports terms [Edlichko, Yafarov 2021], compiled at the Department of German Language and Culture of Moscow State University. The book contains terms and vocabulary of some new winter sports (about 2200 lemmas). The reasons, purpose and the process of compiling of the dictionary, as well as its macro- and microstructure are described in the article. The authors give an overview of the theoretical and practical literature, which formed the basis of the dictionary, oriented both to specialists and to a wide range of people interested in sports. The paper also considers the comprehensive representation of grammatical, etymological, phonetic, functional and stylistic information for each lemma and describes the difficulties in providing translations, examples and establishing paradigmatic lexical relations to other lemmas.

Keywords: German, Russian, dictionary, term, winter sports, lexicography.

Лексикографическая фиксация терминологий относится к главным тенденциям современного терминоведения [Гринев-Гриневиц 2009; Лейчик 2007]. Потребность в переводных словарях специальной лексики вызвана ростом межкультурных контактов,

изменениями в профессиональной деятельности и активной терминологической номинацией.

Немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта [Едличко, Яфаров 2021] является переводным словарем новых видов зимнего спорта. В книге представлены спортивные терминологии, которые окончательно сформировались или значительно пополнились в конце XX – начале XXI вв.

Работа над словарем велась более шести лет и состояла из нескольких этапов, некоторые из них проходили параллельно: анализ предшествующего отечественного и зарубежного опыта в области лексикографирования спортивной лексики; разработка концепции словаря; отбор и анализ практического материала (для словника и для исторической справки); проектирование мега-, макро- и микроструктуры; подбор графического иллюстративного материала; консультация со специалистами в области конкретных зимних видов спорта и носителями немецкого языка; апробация идей, нашедших место в словаре, в статьях и выступлениях на конференциях; вычитка и редакция верстки словаря и др.

Необходимость такого словаря-справочника вызвана экстралингвистическими факторами (изменениями в системе зимней спортивной деятельности с середины XX в., глобализацией зимнего спорта, ростом межкультурной спортивной коммуникации) и отсутствием лексикографических источников, включающих специальную лексику новых видов зимнего спорта [Едличко, Яфаров 2021: 6]. По нашим подсчетам, во второй половине XX – начале XXI вв. появилось более 30 новых видов зимнего спорта. Всего же их насчитывается около 60 [Зимние виды спорта URL].

Спортивные переводные словари создавались и ранее, см. [Скородумова 1949; Нерр 1962; Вайцеховский 1989; Svinks 2010]. На наш взгляд, немецко-русские спортивные словари, вышедшие в XX в., требуют обновления и дополнения, поскольку последний крупный «Немецко-русский спортивный словарь» С.М. Вайцеховского, содержащий немецкую и русскую спортивную лексику, был опубликован в 1989 г. [Вайцеховский 1989]. Прочие словари либо представлены в виде кратких глоссариев на электронных сайтах и в спортивных пособиях, либо обладают рядом недочетов, среди которых: устаревший характер словника; неполная репрезентация языка зимнего спорта; минималистичная подача языкового материала; несистематичный отбор лексики и неточный перевод; недостаточность или отсутствие информации о вариантности терминов. Изменился не только спорт, но и его язык, пополнившийся новыми словами, значительная часть которых еще не зафиксирована в немецких толковых словарях. Меняются подходы к составлению двуязычных словарей спортивной лексики.

Современный словарь, на наш взгляд, должен быть многофункциональным. Целью авторов «Немецко-русского словаря справочника зимних видов спорта» было создание словаря, обладающего переводной, справочно-информационной, дескриптивной, инвентаризационной и систематизирующей функциями.

Как известно, особую проблему при составлении любого словаря представляет отбор лексических единиц для словника. На этапе отбора языкового материала авторы опирались на такие принципы, как:

- ориентация на немецкоязычные спортивные справочники, энциклопедии, глоссарии, аутентичные спортивные сайты;
- употребительность и репрезентативность включаемой лексики;
- предварительная тематико-понятийная классификация терминов и систематизация терминологии;
- принцип полноты представленной лингвистической и терминологической информации, который также предусматривает включение в словник не только существительных, но и глаголов, наречий и терминологических сочетаний [Едличко, Яфаров 2018: 139].

Мегаструктура словаря традиционна, она включает предваряющий текст (предисловие, правила пользования, список условных знаков и сокращений), корпус и заключающий текст (общий алфавитный список слов, список использованной литературы – лексикографических и текстовых источников, фотоиллюстрации с отдельными терминами). Иллюстрации, представленные в конце книги способствуют, на наш взгляд лучшему пониманию специфики каждого вида спорта.

Макроструктура словаря-справочника включает семь разделов, посвященных различным видам спорта: кёрлингу (Curling), лыжному фристайлу (Freestyle-Skiing), рингетту (Ringette), шорт-треку (Shorttrack), сноубордингу (Snowboarding), спидскиингу (Speedski), развлекательным и экстремальным видам спорта (Fun- und Extremsport, в данную часть включена информация и термины 25 видов спорта). В начале каждого раздела дается название определенного вида спорта и его синонимы, затем приводится краткая историческая справка о данном виде спорта на обоих языках.

Как видно из сказанного, словарь построен по тематическому принципу, разделы подразделяются на тематико-понятийные группы, внутри каждой из них слова расположены по алфавиту. Вокабулы, включенные в разделы, отражают следующие предметные области: субъекты спорта (Sportpersonen), инвентарь (Ausrüstung), этапы игры и игровые приемы (Spielphasen und Spieltechnik), место действия (Spielfeld/Aktionsfeld), спортивные объединения и организации (Sportvereine und Sportorganisationen), виды и системы соревнований (Wettbewerbe und Wettbewerbsmodi). В предисловии отмечается, что в разделе, иллюстрирующем экстремальные и развлекательные виды спорта (Funsport und Extremsport), нет такого деления, что объясняется «наличием малого объема терминов и всё еще формирующимся терминологическим аппаратом» [Едличко, Яфаров 2021: 6].

В корпус словаря включены: автохтонные слова и выражения, заимствованные термины, а также профессионализмы и жаргонизмы, появившиеся в последние десятилетия в немецком языке и отражающие состояние новых видов зимнего спорта. Принцип отбора слов для словаря – их употребление как минимум три раза в тексте и/или фиксация в других лексикографических источниках. В качестве источников практического материала были использованы как толковые и переводные словари (74 наименования), так и текстовые источники (260 наименований): справочные и научно-популярные работы, спортивные энциклопедии, публицистические тексты [Там же: 7–8]. При проектировании словника использовались различные методы, в т.ч. корпусный анализ, для чего авторы рассматривали функционирование лексем в терминойиспользующих текстах в Мангеймском корпусе немецкого языка [DeReKo URL].

Рассмотрим подробнее **микроструктуру** словаря-справочника. Словарная статья состоит из ключевых компонентов, или зон, призванных дать пользователю наиболее полную информацию о вокабуле и представить ее в удобном для читателя виде. Для визуальной составляющей словарной статьи была использована система условных знаков и графических приемов, которые позволяют дифференцировать разные зоны. Перечислим ключевые компоненты в порядке их репрезентации:

- зона заглавия;
- зона этимологической информации;
- зона фонетической информации;
- зона грамматической информации (указание на часть речи; артикль, форму родительного падежа и множественного числа существительных и др.);
- зона территориальных помет (региональное использование лексем);
- зона функционально-стилистических помет;
- зона перевода;
- иллюстративная зона (контекст и его источник);
- зона устойчивых выражений;
- зона парадигматических отношений.

Постоянными компонентами статей являются зона заглавия, фонетическая информация в виде ударения, зона грамматической информации, зона перевода и иллюстративная зона. Представленность других компонентов зависит от особенностей леммы (напр., стилистическая или территориальная маркированность) или от наличия релевантных и надежных лингвистических данных и контекстуальных примеров употребления.

Приведём примеры краткой (*Wurf*) и расширенной (*End*) статей словаря из раздела «Curling/Кёрлинг»:

Wurf *m* -(e)s, *Würfe* бросок

*Vor dem letzten Versuch der Schwedinnen lagen zwei Schweizer Steine im Haus – doch mit einem fabelhaften **Wurf** bugsierte der schwedische Skip Anette Norberg beide gegnerischen Steine aus dem Zielfeld, ihr eigener blieb liegen: Punkt und Gold für Schweden* (SPORT – Das Buch, 2014: 84). [Едличко, Яфаров 2021: 41]

End <англ.> [ɛnt] *n* -s, -s энд (период игры; обычная игра состоит из 8 или 10 эндов) *Gegen Weltmeister Kanada musste das Schweizer Curler-Team, dem die Goldacherin Claudia Hüttenmoser angehört, aufgeben nachdem die Kanadier im vierten **End** fünf und im sechsten gar sechs Steine schrieben* (SGT, 18.03.2010).

das ~ anfangen начать энд

das ~ wiederholen повторить энд

gestohlenes ~ украденный энд

in einem ~ punkten выиграть очко в энде, выиграть энд

im ersten, zweiten usw. ~ в первом, втором энде

= **Durchgang, Runde**

[Там же 2021: 34]

Второй тип статей (пример *End*) преобладает, что отвечает задачам словаря.

В правой части статьи (в зоне перевода) не только даётся русский эквивалент, но нередко приводится объяснение или краткое определение термина, напр.:

Sliding Fuss [ˈslaɪ dɪŋ...] *m* -es, *nur Sg* скользящая нога (нога, на которой во время броска осуществляется скольжение) [Там же: 39]

Eismeisterin *f* =, -nen айсмейкер (женского пола) [Там же: 24]

Экспликация содержания понятия наиболее важна, поскольку тем самым раскрывается семантика иноязычного термина и обеспечивается возможность выбора подходящего эквивалента [Гринев-Гриневиц 2009: 66]. К сожалению, «словарь не всегда может подсказать переводчику готовые решения, но он должен обеспечивать понимание иностранного текста» [Кудашев, Кудашева 2009: 146].

В ходе работы над словарем авторы столкнулись с рядом трудностей, которые можно сгруппировать следующим образом: а) высокая степень вариантности на разных уровнях [Яфаров 2017], б) отсутствие абсолютной эквивалентности немецкой и русской терминологии зимнего спорта даже среди интернациональных слов, в) высокий уровень синонимии, г) явная и скрытая полисемия, д) малое количество контекстов употребления некоторых терминов, в частности для самых новых и не распространенных широко видов спорта. Первые два фактора сказываются на содержании зон фонетической и грамматической информации и зоны перевода. Остальные факторы влияют на поиск эквивалента в русском языке, подбор иллюстративного материала, включающего в себя как пример использования леммы в предложении, так и устойчивые выражения с данным словом и тематико-понятийную связь с другими лексемами.

В основе разработанного словаря-справочника лежит дескриптивный подход к представлению терминологии. Следует заметить, что «в связи с отсутствием общепринятых правил написания заимствованных английских слов (например, слитное и раздельное написание, написание через дефис сложных слов и т.п.) не зафиксированные прежде в словарях слова нередко даны так, как они были употреблены в проанализированных спортивных контекстах» [Едличко, Яфаров 2021: 7]. Однако в

работе над словарем авторы ориентировались на частотность и время употребления лексемы (преимущество отдавалось более частотным и поздним вариантам), на современные нормы правописания и произношения, закрепленные в словарях серии Duden, напр. [Duden 2017]. Для уточнения также использовались нормативные документы, спортивные учебные пособия и справочники, спортивные словари и глоссарии. Тем не менее, когда невозможно было отдать преимущество тому или иному показателю или вариантность уже закреплена в литературе (в особенности для заимствованных лексических единиц, не полностью ассимилированных в немецком языке), в словарной статье приводятся несколько орфографических, фонетических и грамматических вариантов:

Cornerguard, Corner-Guard <англ.> [ˈkɔːr ɳv, ˈkɔrnɐ ga:d] *f/m* =/*-s*, *-en/-s* [Едличко, Яфаров 2021: 32]

В словарь включены региональные терминологические варианты с пометами *A* (*Austria / Австрия*) и *CH* (*Confoederatio Helvetica / Швейцария*), свидетельствующие о важности использования социолингвистического подхода при репрезентации лексики в современных словарях:

Torlauf *m* *-(e)s*, *-läufe* *A* слалом [Там же: 196]

Equipe <фр.> [eˈki:p, eˈkiʁ; ˈɛkiʁə *CH*] *f* =, *-n* команда [Там же: 24]

Открытым остается вопрос о функционально-стилистической принадлежности некоторых терминов, включенных в словник. В тех случаях, когда с большей уверенностью можно было определить особенности слова или его эквивалента в русском языке, давались пометы *жарг.*, *разг.*, *редк.*, *устар.*

Особую трудность представляют глаголы. Нередко они обладают многозначностью, которая становится понятна лишь в контексте, влияет на их транзитивность и употребление вспомогательного глагола *haben/sein*, например:

landen

1. *vi* (*s*) приземляться

2. *vt* (*h*) сделать, совершить (трюк) [Едличко, Яфаров 2021: 80].

Неэквивалентность терминологии в двух языках затрудняет подбор правильного перевода. Русский эквивалент может вовсе отсутствовать, и тогда создатели словаря вынуждены были переводить термин следующим образом:

а) описательно

Vizeskipin *f* =, *-nen* вице-скип (женского пола)

б) с помощью введения в обиход нового слова, которое, возможно, впоследствии закрепится в русском языке:

Zipf(e)lbob *m* *-s*, *-s* ципфельбоб, сани минибоб [Там же: 234]

Близкие по значению переводы слова или выражения отделяются в статье запятой, более отдаленные по значению переводы слова или выражения – точкой с запятой:

Draw <англ.> [dɹɔ:] *m* *-s*, *-s* дро, постановочный бросок [Там же: 33]

Ablöse *f* =, *-n* передача эстафеты; смена бегуна [Там же: 128]

Полисемия терминов оформляется с помощью цифр:

curlen <англ.> [ˈkœːɻ lɔn]

1. *vt* (*h*) играть в кёрлинг

2. *vi* (*s*) катиться, скользить [Там же: 32]

Интернациональный характер структуры слова также не гарантирует полного соответствия содержания двух лексем. Так, слова *Rider* и *Riderin* будут переводиться как *райдер* (*мужского пола*) и *райдер* (*женского пола*) соответственно, т.к. слово *райдерша* пока не стало нормой, несмотря на то что встречается в узусе спортсменов. Лемма *Skip* (*скип*) в терминологии кёрлинга может обозначать капитана команды как мужского, так и женского пола.

Одной из задач при формировании статей была попытка привести примеры устойчивых и релевантных сочетаний с леммой и при этом не перегрузить словарную

статью избыточной или очевидной информацией. Как правило, зона устойчивых выражений заполнена для тех терминов, которые часто встречаются в определенном контексте, а само выражение имеет коммуникативную ценность, например:

Abgabe *f* =, -*n* выпуск камня, бросок

bei/während der ~ при броске/во время броска [Едличко, Яфаров 2021: 31].

Объемной зоной устойчивых выражений обладают термины, именующие ключевые для вида спорта понятия. Так, для леммы *Stein* (камень для кёрлинга) приводятся более десяти атрибутивных и глагольных сочетаний [Там же: 30].

Высокий уровень синонимии и дублетности в спортивном дискурсе делает сложным отбор единственного слова для обозначения понятия, ср.:

Eisbearbeitungsmaschine *f* =, -*n* машина для подрезки льда; ледовый комбайн, ледозаливочная машина

Bei einer Stärke von etwa zwei Zentimetern kann dann die Eisbearbeitungsmaschine einen Wasserfilm verteilen und gleichzeitig die Unebenheiten abhobeln (BDZ, 08.10.2010).

= **Eisaufbereitungsmaschine, Eismaschine, Eishobel** [Там же: 29]

Одно из решений, которое приняли авторы словаря, заключается в выявлении условно предпочтительного термина или лексической единицы с бóльшим уровнем терминологичности и отсылке к ней (с помощью вертикальной стрелки, обращенной вверх), напр.:

Mannschaftsführer *m* -*s*, = ↑ SKIP [Там же: 25]

Таким образом, разработка различных видов специальных словарей остается актуальным и перспективным аспектом терминографии благодаря постоянному пополнению терминологий различных видов спорта и расширению языка спорта за счет появления новых спортивных направлений. Настоящий переводной словарь-справочник представляет собой одну попытку нормирования и стандартизации одной из областей современной немецкой терминологии зимнего спорта. Лексикографическая работа в данном направлении может быть продолжена в различных направлениях, в т.ч. в расширении тематических областей, составлении обратного – русско-немецкого – варианта словаря и т.д.

Литература

1. Вайцеховский С.М. Немецко-русский спортивный словарь: ок. 30 000 терминов. – М.: Рус. язык, 1989. – 470 с.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
3. Едличко А.И., Яфаров Р.Х. Немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта = Wintersport. Deutsch-russisches Wörterbuch. М.: Прометей, 2021. 370 с.
4. Едличко А.И., Яфаров Р.Х. О новом немецко-русском словаре-справочнике терминов зимних видов спорта // Сборник научных статей XX международной конференции «Россия и Запад: диалог культур» 7-8 июня 2018 г. Вып. 20. М.: МГУ, 2018. С. 137–142. Зимние виды спорта. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зимние_виды_спорта (дата обращения: 10.08.2020).
5. Кудашев И.С., Кудашева И.О. Моделирование логико-понятийных схем в терминологических словарях // Терминология и знание: мат-лы III Междунар. симпозиума (г. Москва, 8-10 июня 2012 г.). М., 2009. – С. 105-120.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
7. Скородумова Н.Н. Немецко-русский словарь спортивных терминов. – М.: Физкультура и спорт, 1949. – 64 с.
8. Яфаров Р.Х. Вариативность терминов в немецкоязычном спортивном дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4 (40). – С. 241-249.

9. DeReKo – Das Deutsche Referenzkorpus des IDS Mannheim im Portal COSMAS II (Corpus Search, Management and Analysis System) URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web> (дата обращения: 21.08.2020).
10. Duden – die deutsche Rechtschreibung. 27., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Berlin: Dudenverlag, 2017. – 1264 S.
11. Hepp F. Sports dictionary in seven languages: English, German, Spanish, Italian, French, Hungarian, Russian. – Budapest: Terra; Berlin: Sportverlag, 1962. – 1111 p.
12. Svinks U. et al. Sports Dictionary in 4 Languages: English – Latvian – German – Russian. – Riga: Latvian Academy of Sports Education, 2010. – 1300 p.

References

1. Vajcekhovskij S.M. *German-Russian Sports Dictionary: Approx. 30,000 Terms*. Moscow: Rus. yazyk, 1989. 470 p.
2. Grinev-Grinevich S.V. *An Introduction to Terminography: How Simple and Easy to Compile a Dictionary. Tutorial*. – Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 224 p.
3. Edlichko A.I., Yafarov R.Kh. *German-Russian Dictionary of Winter Sports Terms = Wintersport. Deutsch-russisches Wörterbuch*. – Moscow: Prometej, 2021. 370 p.
4. Edlichko A.I., Yafarov R.Kh. *On the New German-Russian Dictionary of Winter Sports Terms*. In: *Almanack of the XX International Conference “Russia and the West: Dialogue of Cultures”*. № 20 (2018): pp. 137-142.
5. Winter Sports URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зимние_виды_спорта (accessed: 10.08.2020).
6. Kudashev I.S., Kudasheva I.O. *Modeling Logical-Conceptual Schemes in Terminological Dictionaries*. In: *Terminology and Knowledge*. (2009): pp. 105-120.
7. Lejchik V.M. *Terminology: Subject, Methods, Structure*. Moscow: LKI, 2007. 256 p.
- Skorodumova N.N. *German-Russian Dictionary of Sports Terms*. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1949. 64 p.
8. Yafarov R.Kh. *Terms Variation in German Sports Discourse*. In: *Bulletin of Smolensk State University*. № 4 (40) (2017): pp. 241-249.
9. DeReKo – Das Deutsche Referenzkorpus des IDS Mannheim im Portal COSMAS II (Corpus Search, Management and Analysis System) URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web> (accessed: 21.08.2020).
10. Duden – die deutsche Rechtschreibung. 27., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2017. 1264 S.
11. Hepp F. *Sports Dictionary in Seven Languages: English, German, Spanish, Italian, French, Hungarian, Russian*. Budapest: Terra; Berlin: Sportverlag, 1962. 1111 p.
12. Svinks U. et al. *Sports Dictionary in 4 Languages: English – Latvian – German – Russian*. Riga: Latvian Academy of Sports Education, 2010. 1300 p.

УДК 81.1

ОКСФОРДСКИЙ СЛОВАРЬ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Дрябина Елена Георгиевна
ст. преподаватель кафедры иностранных
языков и речевой коммуникации
Московский международный университет
Москва, Россия / elena015@bk.ru

Костина Мария Леонидовна
ст. преподаватель кафедры иностранных
языков и речевой коммуникации
Московский международный университет
Москва, Россия / kostina@yandex.ru

Аннотация

Любой язык – это отражение и мера времени. Стремительный темп современной жизни, цифровизация человеческого взаимодействия, беспрецедентный 2020 г.,

прошедший под знаком пандемии COVID-19, не могли не найти отражение в современном английском языке, и в первую очередь, в лексической системе как наиболее гибкой и подвижной его части. Перед лексикологами стоит непростая задача решить, пополнит ли новое слово лексический запас языка или исчезнет вместе с исчезновением обозначаемого концепта. Настоящая статья посвящена описанию оксфордского словаря от истоков до настоящего времени. Особый акцент сделан на новой лексике как средстве отображения изменений, возникших в современном английском языке под воздействием новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: неологизмы, словарь, обновление, вокабуляр, дефиниции, пандемия COVID-19, лексическая система

OXFORD DICTIONARY IN THE PARADIGMA OF MODERN ENGLISH LEXICOGRAPHY

Driabina Elena Georgievna

Senior teacher of foreign languages and speech communication department Moscow International University, Moscow, Russia / *elena015@bk.ru*

Kostina Maria Leonidovna

Senior teacher of foreign languages and speech communication department Moscow International University, Moscow, Russia / *marialkostina@yandex.ru*

Abstract

Any language is a reflection and measure of time. Rapid development of modern life, digitalization of human communication, the unprecedented year 2020 marked by the COVID-19 pandemic could not but effect modern English, and first of all lexis as its most flexible part. Lexicologists are to decide whether a new word will become part of the lexis or disappear together with the concept it denotes.

This article is devoted to the description of the Oxford dictionary from its origins to the present. Special emphasis is placed on the new vocabulary as a means of reflecting changes that have appeared in the modern English language under the influence of the new coronavirus infection.

Keywords: neologisms, dictionary, renovation, vocabulary, definitions, COVID-19 pandemic, lexical system

Оксфордский словарь английского языка является одним из авторитетных изданий в мире словарей, которое постоянно обновляется. Материал, которым пополняется словарь, представляет собой переработанные и дополненные версии уже существующих статей, а также совершенно новые статьи, посвященные появившимся за это время в языке неологизмам.

В 1884 г. были выпущены части первого издания словаря, который завершили только к 1928 г. В последующие годы были опубликованы дополнительные тома новых слов, дополняющих первое издание, и все они были интегрированы во второе издание, появившееся в 1989 г. Эту версию можно найти в большинстве библиотек. Цифровой релиз на CD-ROM последовал в 1992 г.

В марте 2000 г. словарь запустил онлайн-версию. Для этого нового варианта редакция пересмотрела определения, представленные в первом издании, поскольку многим из них более ста лет. Из-за своего размера это третье издание не будет выпущено в печатном виде, и эти изменения могут быть завершены не ранее 2034 г.

В то же время редакторы продолжают документировать язык по мере его роста, изменения и развития. В последнее обновление, датированное декабрем 2020 г., вошло более 500 абсолютно новых статей, подстатей и обновлений. В этом году была обновлена и расширена статья, посвященная одному из старейших английских глаголов «*follow*» – «следовать», который впервые был упомянут в Староанглийской западно-саксонской

версии Luke's Gospel в начале одиннадцатого века, а именно, было добавлено значение «тайно преследовать человека с целью наблюдения за его действиями или передвижениями».

Пара существительное – глагол «*adult*» существует в языке более ста лет и связана с обозначением «процесса взросления» (1909 г.) или (в отношении ребенка) «доведение до зрелости» (1921 г.). В 2020 г. слово «*adulating*», в последнее десятилетие часто встречающееся в социальных сетях, было внесено в оксфордский словарь в значении «выполнения каждодневных задач, которые являются необъемлемой частью взрослой жизни».

Примером одного из последних неологизмов является существительное «*deliverology*», очевидно, созданное британскими госслужащими для обозначения успешного (или неудачного) проведения в жизнь политики и достижения целей в правительстве. Впервые зафиксированное в 2007 г. в книге бывшего правительственного советника сэра М.Барбера (который описал его как «ужасное» слово), это выражение стало применяться в политическом контексте за пределами Великобритании.

Неологизмы, которые мы вслед за А.П. Седых, определяем как «новое лицо» национального языка, которое обновляется с приходом в жизнь новых, ранее не существовавших реалий в конкретном социуме» [Седых 2019: 83], приходят в английский язык всеми возможными способами. Создатели словаря видят свою миссию в том, чтобы отслеживать эти слова, регистрировать их и следить за их распространением. При этом используются различные источники, начиная от собственных программ и кончая запросами общества. Часто обновления требуют не только дефиниции, во многих случаях пересматриваются разделы, посвященные этимологии и формам слов.

Традиционно каждый год Оксфордский словарь определяет «Слово Года», но 2020 г. был беспрецедентным по масштабам и скорости изменения и развития языка, поэтому создатели словаря решили не выбирать «Слово Года», так как не представлялось возможным выбрать одно единственное слово (или выражение), которое смогло бы отразить дух и настроение прошедшего года и стать его символом.

В своем отчете «Слова беспрецедентного года» авторы оксфордского словаря детально проанализировали все направления развития английского языка, включая COVID-19 и связанный с этим вокабуляр, изменения в политической и экономической жизни, социальную активность, окружающую среду, а также быстрое развитие новых технологий и изменения в моделях поведения людей в связи с переходом на удаленную работу и карантин.

Было проанализировано, как английский язык реагировал на новые вызовы, иногда принимая общие слова для обозначения глобального феномена, иногда используя собственные, характерные для данного региона.

Пандемия COVID-19 породила немало новых терминов, которые представляют собой результат слияния отдельных слов, уже существующих в языке, и многие из них находятся в списке наблюдения редакции. К ним относятся «*maskne*» (*mask+acne*) – высыпание прыщей на лице, вызванное ношением маски; «*zoombombing*» (*zoom+bombing*) – вторжение посторонних на видеоконференцию; «*quarantini*» (*quarantine+martini*) – коктейль, употребляемый изолированно.

В марте 2020 г. исследователи отметили, что во всех англоговорящих странах наиболее употребительными были слова коронавирус, ковид-19, пандемия, самоизоляция, карантин (*coronavirus, covid-19, pandemic, self-isolation, quarantine*).

Вместе с тем меры, направленные на сдерживание распространения вируса путем серьезного ограничения передвижения людей, в разных юрисдикциях получили свои специфические названия. Например, термин «*lockdown*» – локдаун (заимствование, пришедшее в русский язык из английского и обозначающее ограничительные меры, режим изоляции в период пандемии) в разных англоязычных странах передается по-разному. «*Lockdown*» – наиболее распространенное слово во всем мире чаще используется

в Великобритании, Канаде и Австралии. В США ограничительные меры, связанные с коронавирусом, называются «*shelter-in-place*» («укрытие на месте») – изначально предписание людям найти безопасное место в районе проживания в случае ядерной войны или террористической атаки. В Сингапуре используется термин «*circuit breaker*», известный большинству людей как предохранитель – безопасное устройство, которое останавливает ток в электрической цепи, или известное специалистам в области финансов как регуляторный инструмент, направленный на предотвращение панических продаж посредством временного приостановления торгов на бирже. Это, разумеется, имеет смысл для Сингапура как глобального бизнес хаба. В Малайзии для обозначения этой реалии выбрали аббревиатуру «*MCO*» («*movement control order*») – приказ о контроле за передвижением, а на Филиппинах предпочтение отдается сокращению «*ECO*» («*enhanced community quarantine*») – усиленный общественный карантин. Оба выражения являются официальными правительственными указаниями населению не покидать свои дома.

Еще один известный словарь английского языка Merriam Webster dictionary в только что начавшемся 2021 г. уже добавил 520 новых слов. Кроме слов, связанных с COVID-19 появились неологизмы, связанные с другими сферами жизни и деятельности общества.

Цифровое человеческое взаимодействие было обычным способом связи на протяжении десятилетий, но изоляция, диктуемая пандемией, подразумевающая социальное дистанцирование, дистанционное обучение и работу из дома, сделала его необходимым. Ряд терминов, относящихся к тому, как мы общаемся в Интернете друг с другом, являются новыми дополнениями:

«*Reaction GIF*»: GIF кого-то или чего-то (например, знаменитости или животного), который отправляется или публикуется в ответ на что-то (например, текстовое сообщение или сообщение в социальных сетях или комментарий) и который обычно изображает и выражает реакцию.

«*Digital blackface*»: использование белыми людьми цифровых изображений черных или коричневых людей или оттенков кожи, особенно с целью саморепрезентации

«*Hard pass*»: твердый отказ или отклонение чего-либо (например, предложения)

«*Performative disapproving*»: неодобрение сделано напоказ (чтобы поддержать свой собственный имидж или произвести положительное впечатление на других)

«@» (*informal*): отвечать, оспаривать или пренебрегать утверждением или мнением (кого-то) – обычно используется во фразе «*don't @ me*»

Огромное влияние на жизнь человека, а, следовательно, и на язык оказывают мобильные технологии. Кардинально изменилось то, как, где и когда мы работаем, как мы собираемся вместе, будь то работа или сбор средств.

«*Makerspace*»: коммунальный общественный семинар, в котором создатели могут работать над небольшими личными проектами.

«*Coworking*»: пребывание, связь или работа в здании, где несколько арендаторов (например, предприниматели, стартапы или некоммерческие организации) арендуют рабочее пространство (например, столы или офисы) и пользуются коммунальными удобствами.

«*Crowdfundin*»g: практика получения необходимого финансирования (как для нового бизнеса) путем привлечения взносов большого числа людей, особенно из онлайн-сообщества.

«*Gig worker*»: человек, который работает на временной работе, как правило, в сфере услуг в качестве независимого подрядчика или фрилансера.

В этом смысле неологизмы отражают «коллективные признаки этнокультурного социума, в большинстве своём присущие всем представителям языкового сообщества» [Бузинова 2019: 38]. Язык – это мера культуры, но во многих отношениях он может являться и мерой времени. Слова, которые мы используем – если они новые или относительно новые – это слова, которые нам нужны, чтобы выразить и объяснить наш

мир, описать конкретную ситуацию. Джон Алджео писал, что «мы используем новые слова, потому что ... они отражают изменения в материальной и интеллектуальной культуре. И они показывают нам то, как люди справляются с проблемами...» (*We use some new words because ... they reflect changes in material and intellectual culture. And they show us something of the way human beings cope with problems...*) [Algeo 1991: 15].

Лексическая система языка является наиболее гибкой и подвижной. Неологизмы создаются в языке под влиянием различных факторов, и чтобы слово попало в словарь необходимы два основных условия:

1. Данный неологизм должен быть широко распространен среди определенной группы людей, многие используют это слово и согласны с его значением, будь то устное или письменное его употребление.

2. Неологизм должен обладать «стойкостью», то есть не быть «одноразовым».

Перед лексикологами стоит непростая задача решить, является ли новое слово «успешным», по определению П. Кука. [Cook 2010], пополнит ли оно лексический запас языка или исчезнет вместе с исчезновением обозначаемого концепта.

Литература

1. Бузинова Л.М. Базовые концепты культуры: словарная языковая личность // Лексикография и коммуникация – 2019. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. С. 37-40
2. Седых А.П. Неологизмы 2018 в словарях: русский, французский, английский и немецкие языки // Лексикография и коммуникация – 2019. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ» 2019. С. 81-85
3. Algeo J. *Fifty years among the new words: A dictionary of neologisms, 1941-1991.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991
4. Cook. P. *Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms: [dissertation].* Canada. University of Toronto, 2010
5. <https://www.oed.com/>
6. <https://www.dictionary.com/e/getting-words-into-dictionaries/>

References

1. Businova L.M. *Bazovye koncepty kultury: slovarnaja jazykovaja lichnost* [Basic concepts of culture: vocabulary linguistic personality] // *Leksikografija i komunikacija -2019.* Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2019. 37-40 pp.
2. Sedykh A.P. *Neologizmy 2018 v slovarjakh : russkij, anglijskij, francuzskij i nemeckie jazyki* [NEOLOGISMS 2018 IN DICTIONARY: RUSSIAN, FRENCH, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES] // *Leksikografija i komunikacija-2019.* Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2019.- 81-85 pp.
3. Algeo J. *Fifty years among the new words: A dictionary of neologisms, 1941-1991.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991
4. Cook P.S. *Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms: [dissertation].* Canada. University of Toronto, 2010.
5. <https://www.oed.com/>
6. <https://www.dictionary.com/e/getting-words-into-dictionaries/>

**РАЗРАБОТКА ОМОНИМОВ *ВИРУС*¹ И *ВИРУС*² В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ
ОБЩЕГО ТИПА¹**

(на материале «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской)

Крылова Ирина Алексеевна

канд. филол. наук,

научн. сотр. РГПУ им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия / i_krylova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается словарная разработка омонимов *вирус*¹ и *вирус*² в «Словаре русского языка XXI века». Определяется, как этимология, толкования, речения, словообразование и однокоренные заимствования повлияли на принятие решения о разработке омонимов.

Ключевые слова: лексикография, омонимы, полисемия, вирус, толковый словарь.

**THE FORMULATION OF THE HOMONYMS *VIRUS*¹ AND *VIRUS*²
IN AN EXPLANATORY DICTIONARY**

(based on the materials of «Dictionary of the Russian Language of the XXI century»,
ed. G. N. Sklyarevskaya)

Krylova Irina Alekseevna

Candidate of Philology,

Research Fellow of Herzen State Pedagogical University

Saint-Petersburg, Russia / i_krylova@mail.ru

Abstract

The article presents the approach of the authors of "Dictionary of the Russian Language of the XXI century" to the formulation of the homonyms *virus*¹ and *virus*². The etymology, definitions, examples of use in speech, word formation and single-root borrowings influenced the decision to develop homonyms

Keywords: lexicography, homonyms, polysemy, virus, explanatory dictionary.

Одно и то же слово, использующееся в разных областях знания, обязательно приводит лексикографов к вопросу о статусе этого слова в словаре: будет ли оно представлено как многозначное или его следует разработать в виде омонимов. На принятие решения могут повлиять различные факторы: время и путь заимствования (для иностранных слов), исторический путь слова в языке (изменение и расхождение семантики), словообразовательные процессы, развитие системных связей.

То, как решение может быть реализовано в толковом словаре общего типа, посмотрим на примере слова «вирус». Это слово активно используется в медицинской и компьютерной сферах, имеет множество однокоренных слов, дало жизнь огромному словообразовательному гнезду, вступает в разнообразные системные отношения и имеет широкую сочетаемость.

В качестве толкового словаря общего типа используем «Словарь русского языка XXI века» (далее – СРЯ XXI), первые два тома которого подготовлены к изданию в РГПУ им. А. И. Герцена. Одним из преимуществ этого словаря представляется наличие обширного словника, максимально полно включающего новейшую заимствованную лексику, как общеупотребительную, так и имеющую узкоспециальный характер. Такой подход позволяет авторам принимать решения о лексикографическом статусе слов на

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской)»).

большом и разнообразном материале, показывающем количество связей слова, его сочетаемость, деривацию, стилистическую отнесенность. Разбиение слова на омонимы или сохранение семантических связей в рамках одной структуры при таком подходе выглядят убедительными.

Компьютерная терминология начала очень активно входить в русский язык еще в 90-х гг. XX в. (этот процесс зафиксирован в [Новые слова и значения 2016; Толковый словарь русского языка конца XX века 1998]) и с тех пор постоянно и динамично обновляется. Исследователи говорят о разных способах заимствования слов и освоения их русским языком. Во-первых, это калькирование, как семантическое (*memory* – *память*, *mouse* – *мышка*), так и словообразовательное (*motherboard* – *материнская плата*); во-вторых, прямое заимствование, т.е. транскрипция и транслитерация (*account* – *аккаунт*, *device* – *девайс*) [Осетрова 2013а, 148]. При этом во многих случаях речь идет не о первичном, а о вторичном заимствовании, при котором слово совпадает по форме с ранее заимствованным, но имеет иное значение, вплоть до полной омонимии [Современный русский язык, 176]. Так О. И. Осетрова показывает, что слово *домен* ‘группа узлов интернета’ является вторичным заимствованием и пришло из английского языка, в то время как *домен* ‘часть поместья феодала’ было воспринято из французского языка [Осетрова 2013b, 109]. Исследователь также указывает, что очень заманчивым решением для лексикографов было бы отнести все вторичные заимствования компьютерной англоязычной лексики сразу к омонимам, однако каждый случай индивидуален и требует отдельного рассмотрения [Осетрова 2013с, 46-47].

Такому всестороннему рассмотрению следует подвергнуть и слово *вирус*, которое уже становилось объектом внимания лингвистов. Исследователи рассматривали специфику терминологизации лексемы *вирус* в разных профессиональных дискурсах (медицинском, фармацевтическом и компьютерном) [Богатикова и др. 2014]. Авторы указывают на метафоризацию при переносе из медицинской области в компьютерную, рассматривая концепт *вирус* на материале английского языка ([Мишланова, Мишланов 2012]). О расширении значения этого слова говорят и авторы монографии «Актуальные проблемы культуры речи: теория и практика» [Сицына-Кудрявцева и др. 2014].

Материалы английского языка при этом не дают ответа о статусе этого слова и способе его лексикографирования в русском. В самом деле, можем ли мы говорить о метафорическом переносе на базе русского языка или речь идет по вторичном заимствовании? Ответ на этот вопрос может существенно повлиять на подачу слова как многозначного или разработку двух его омонимов в словаре.

В «Словаре русского языка XXI века» слово *вирус* представлено в виде двух омонимов. Под омонимами в СРЯ XXI «традиционно понимаются языковые единицы, совпадающие по звучанию и написанию, но не связанные по значению» [Скляревская и др. 2019, 147]. Вслед за авторами словаря попробуем доказать оправданность такой разработки слова.

Одним из важных аргументов выделения или невыделения омонимов является этимологическая справка [Сергеев, Фивейская 2020]. Медицинское значение, согласно этимологической справке, пришло из латыни:

в’ирус¹, а, м. [< лат. *vīrus* ядовитое выделение (змей и других животных), яд]

В качестве языка-источника компьютерного термина указывается английский язык:

в’ирус², а, м. [англ. *virus*]

Итак, уже на уровне этимологического комментария становится видна позиция составителей: омонимы представлены как генетические, заимствованные из разных языков и в разное время. Соответственно, можно говорить о том, что мы имеем дело с вторичным заимствованием, а не омонимией, возникшей вследствие распада полисемии.

Далее обратимся к толкованию этих омонимов.

в'ирус¹.. 1. *Биол. и Мед.* Неклеточная форма жизни, автономная генетическая структура, способная проникать в определенные живые клетки и размножаться только внутри них.

в'ирус².. *Информ.* Специальная компьютерная программа, способная самопроизвольно присоединяться к другим программам и при запуске последних выполнять различные нежелательные действия: портить файлы, стирать данные и т.п.; инфекция².

Толкования практически полностью не совпадают. Стоит отметить, что не все семы, выделенные [Богатиковой и др. 2004], были отмечены в словарных дефинициях и признаны значимыми. В толкование не включены семы «маленький размер» (у обоих омонимов) и «способность вести себя как живое существо» (у второго омонима, хотя у него и отмечена самопроизвольность действий программы). Если у *вируса*¹ важным видится способность проникать внутрь клетки и размножаться в ней, то у *вируса*² программа присоединяется к другим программам (необязательно встраивается) и выполняет разнообразные нежелательные действия именно при запуске.

Рассмотрев этимологическую справку и дефиниции, обратимся к речениям, иллюстрирующим наши омонимы. Именно словарные иллюстрации являются одним из самых весомых аргументов, поскольку показывают реальное функционирование слова в языке.

в'ирус¹.. *Опасный, смертельный вирус. Вирус гриппа, оспы, атипичной пневмонии. Вирус некротических пятен, скручивания листа растений. Распространение вируса. Эволюция, мутация вирусов. Вирулентность штамма вируса. Определить наличие вируса энцефалита в крови. Вирусы представляют собой молекулы нуклеиновых кислот, заключенные в защитную белковую оболочку. Вирусы являются основным компонентом биомассы на Земле и на порядки превосходят по численности все формы жизни. Иногда вирусы выделяют в особое царство живой природы.* Δ Вирус иммунодефицита человека (возбудитель неизлечимого инфекционного заболевания, поражающего иммунную систему человека).

в'ирус².. *Заразить ноутбук вирусом. Лечить смартфон от вирусов. Обнаружить вирус в почте. Резидентный вирус инфицирует все запускаемые программы. Паразитический вирус изменяет содержимое файлов или секторов диска. Основным принципом работы сетевого вируса является возможность самостоятельно передать свой код на удаленный сервер или рабочую станцию. Полиморфный, мутирующий вирус (создающий при каждой операции копирования новый код, что не дает возможности обнаружить антивирусной программой его копии). Переписывающий вирус (записывающий себя поверх исполняемой программы). Загрузочный вирус (внедряющийся в загрузочный сектор диска и изменяющий программу начальной загрузки или модифицирующий таблицу расположения файлов). Файловый вирус (внедряющийся в исполняемые файлы, файлы операционной системы, драйверы внешних устройств, библиотеки и т. п.).* Δ Троянский вирус (вредоносная программа, имеющая имя, похожее на имя какой-л. полезной программы и поэтому иногда запускаемая пользователем, хотя и не способная размножаться самостоятельно; троянский конь).

Речения хорошо отражают сочетаемость слова. С одной стороны, обнаруживаются слова, сочетаемость с которыми характерна для обоих омонимов: *мутирующий вирус, заразить вирусом, лечить от вируса, обнаружить вирус, вирус инфицирует, определить наличие вируса* (в речениях выделены подчеркиванием).

Но при внимательном рассмотрении видно, что значительно чаще сочетаемость омонимов различается. Так, *вирус*¹ сочетается с названиями болезней, химическими и биологическими терминами (*вирус гриппа, оспы, атипичной пневмонии; вирус некротических пятен, скручивания листа растений; смертельный вирус; штамм вируса*). А *вирус*² сопровождается следующими определениями из компьютерной сферы:

резидентный, паразитический, сетевой, полиморфный, перезаписывающий, загрузочный, файловый.

Одним из важных аргументов в пользу разделения слова на омонимы является несовпадение словообразовательных гнезд. Используя материалы СРЯ XXI, посмотрим, какие дериваты от *вируса*¹ и *вируса*² совпали в языке: *вирусный, вирусолог, вирусология, вирусоноситель, вирусоподобный, вирусосодержащий* и *вируссодержащий, вирусака*. Итого на данный момент создания словаря можно говорить о восьми совпадениях. Количество же несовпадающих дериватов, даже с учетом словника (который продолжает пополняться по мере подготовки томов к изданию), значительно превышает эти восемь единиц. Перечислим некоторые дериваты:

Вирус¹: *аденовирус, аденовирусный, антивирусный, антиретровирусный, арбовирус, арбовирусный, вирусно-бактериальный, вирусологически, вирусологический, вирусоносительство, вирусоскопия, коронавирус, коронавирусный, миксовирус, нейровирусный, онковирус, онковирусный, онковирусолог, онковирусология, папилломавирус, папилломавирусный, пикорнавирус, пневмавирусы, поксвирусы, полиовирусы, противовирусный, ретровирус, риновирусы, ультравирус, энтеровирус, энтеровирусный.*

Вирус²: *антивирус, антивирусник, антивирусный, бут-вирус, веб-антивирус, вирус-компаньон, вирус-невидимка, вирусписание, вирусписание, вирусписание, вирус-репликатор, макровирус.*

Как видно, словообразовательные гнезда практически не пересекаются и не связаны друг с другом семантическими отношениями. Такое разделение лишней раз подтверждает, что между омонимами практически нет связей.

В качестве дополнительного обоснования приведем еще слова, связанные с *вирусами* и являющиеся однокоренными с ними (хотя не всегда понятно, пришли ли они вместе из языка-источника или были образованы уже в русском языке). У *вируса*¹ это будут: *виремия* и *вирусемия* ('наличие вирусов в крови'), *вирион* ('полностью сформированная вирусная частица, находящаяся вне живой клетки'), *вирионный*, *вирулентность* ('степень реализации патогенности микроорганизмов, являющихся возбудителями инфекционных болезней'), *вирулентный*. У *вируса*²: *виральный* ('стремительно распространяемый пользователями в цифровой среде, Интернете...'), *вирмейкер* ('программист, пишущий вирусы'), *вирмейкерский*, *вирмейкерство*, *вирмейкинг*, *вирь* ('вирус').

Как видно, эти группы слов не пересекаются. Кроме того, наблюдение за стилистическими особенностями этих однокоренных слов показало, что медицинская лексика находится в научном поле и стилистически нейтральна (в словаре маркирована тематическими пометами *Биол.* и *Мед.*), а лексика компьютерной сферы (указанных однокоренных слов) практически вся принадлежит к жаргону (снабжена пометами *Информ. Жарг.*). Такое стилистическое расслоение также довольно показательно.

Итак, рассмотрев этимологические данные, формулировку дефиниций, представленный иллюстративный материал, словообразовательные связи и стилистические особенности однокоренных слов, мы можем утверждать, вслед за авторами СРЯ XXI, что слово *вирус* не может быть представлено как одно многозначное слово и должно быть лексикографировано как два омонима.

Литература

1. Богатикова П.Е., Исаева Е.В., Бурдина О.Б., Мишланова С.Л. Семантическая трансформация термина в полидискурсивном пространстве // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). М., 2014. №3 (41), том 2. Стр. 199-205.
2. Мишланова С.Л., Мишланов Я.В. Вирус как метафора (особенности метафоризации в компьютерной вирусологии) // *Философские проблемы информационных технологий и*

- киберпространства. 2012, № 1. Стр. 111-120. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virus-kak-metafora/viewer>, (дата обращения 18.03.2021).
3. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой и Е. А. Левашова. ИЛИ РАН. СПб., 2016.
4. Осетрова О.И. Закономерности освоения в русском языке англоязычных компьютерных терминов в зависимости от путей их формирования в языке-источнике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013а. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 147-151.
5. Осетрова О.И. Лексикографическое описание компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013б. № 29 (320). Филология. Искусствоведение. Вып. 83. С. 107–111.
6. Осетрова О.И. Проблемы определения лексикографического статуса вторичного заимствования в компьютерно-опосредованной коммуникации // Научное мнение. 2013с, № 9. Стр. 43-48. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20347549_20133187.pdf, (дата обращения 18.03.2021).
7. Сергеев М.Л., Фивейская Е.А. К вопросу о задачах этимологии в толковой лексикографии (на материале «Словаря русского языка XXI века») // Вопросы лексикографии. 2020, № 17. Стр. 74-89. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zadachah-etimologii-v-tolkvoyoj-leksikografii-na-materiale-slovarya-russkogo-yazyka-xxi-veka/viewer>, (дата обращения 18.03.2021).
8. Сицына-Кудрявцева А.Н., Еременко Н.А., Арбатская О.А., Мкртчян В.С., Яремчук О.В. Актуальные проблемы культуры речи: теория и практика. М., 2014. 136 с.
9. Складаревская Г. Н., Ткачева И. О., Сергеев М. Л., Ваулина Е. Ю., Фивейская Е. А. Словарь русского языка XXI века. Проект. СПб., Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. В: Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2019, vol. 1, no. 1. Стр. 136-311.
10. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX-XXI вв. / Е. И. Голованова и др. ; отв. ред. Л. П. Крысин. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 712 с.
11. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складаревской. РАН, ИЛИ. СПб., 1998.

References

1. Bogatikova P.E., Isaeva E.V., Burdina O.B., Mishlanova S.L. Semanticheskaya transformaciya termina v polidiskursivnom prostranstve // European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). Moscow, 2014. №3 (41), vol 2. Pp. 199-205.
2. Mishlanova S.L., Mishlanov YA.V. Virus kak metafora (osobnosti metaforizacii v komp'yuternoj virusologii) // Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva. 2012, № 1. Pp. 111-120. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virus-kak-metafora/viewer> (accessed 18.03.2021).
3. Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: in 3 v. / ed. T. N. Buceva and E. A. Levashov. ILI RAN. Saint-Petersburg, 2016.
4. Osetrova O.I. Zakonomernosti osvoeniya v russkom yazyke angloyazychnyh komp'yuternyh terminov v zavisimosti ot putej ih formirovaniya v yazyke-istochnike // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2013a. № 9 (27): in 2 vol. Vol. II. Pp. 147-151.
5. Osetrova O.I. Leksikograficheskoe opisanie komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013b. № 29 (320). Filologiya. Iskusstvovedenie. Publ. 83. Pp. 107–111.
6. Osetrova O.I. Problemy opredeleniya leksikograficheskogo statusa vtorichnogo zaimstvovaniya v komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii // Nauchnoe mnenie. 2013c, № 9. Pp. 43-48. [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20347549_20133187.pdf (accessed 18.03.2021).

7. Sergeev M.L., Fivejskaya E.A. К вопросу о задачах этимологии в толковой лексикографии (на материале «Словаря русского языка XXI века») // Вопросы лексикографии. 2020, № 17. Pp. 74-89. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zadachah-etimologii-v-tolkvoy-leksikografii-na-materiale-slovarya-russkogo-yazyka-xxi-veka/viewer> (accessed 18.03.2021).
8. Sicyna-Kudryavceva A.N., Eremenko N.A., Arbatskaya O.A., Mkrtychyan V.S., Yaremchuk O.V. Aktual'nye problemy kul'tury rechi: teoriya i praktika. Moscow, 2014. 136 p.
9. Sklyarevskaya G. N., Tkacheva I. O., Sergeev M. L., Vaulina E. Yu., Fivejskaya E. A. Slovar' russkogo yazyka XXI veka. Proekt. Saint-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2019. In: Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2019, vol. 1, no. 1. Pp. 136-311.
10. Sovremennyy russkiy yazyk: aktivnye processy na rubezhe XX-XXI vv. / E. I. Golovanova and others; ed. L. P. Krysin. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow, 2008. 712p.
11. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka konca XX veka. Yazykovye izmeneniya / ed. G. N. Sklyarevskaya. RAN, ILI. Saint-Petersburg, 1998.

УДК 81'373.612.2

МЕТАФОРИЧЕСКИ СТРУКТУРИРОВАННЫЙ КОНЦЕПТ *СЛОВАРЬ* В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX – НАЧАЛА XXI в.

Богданович Лариса Анатольевна
аспирант кафедры белорусской и русской
филологии
Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина
Мозырь, Республика Беларусь /
larisa.blishch@yandex.ru

Кураш Сергей Борисович
кандидат филологических наук
доцент кафедры белорусской и русской
филологии
руководитель научно-методического
Центра русистики,
Мозырский государственный
педагогический университет имени
И.П. Шамякина
Мозырь, Республика Беларусь /
text2005@mail.ru

Аннотация

Метаязыковая рефлексия – одна из типологических особенностей языка русской поэзии XIX – начала XXI вв. В статье решается задача выявления способов функционирования лексемы *словарь* в составе метафорических построений в русском поэтическом дискурсе XIX – начала XXI вв. с привлечением ресурсов Национального корпуса русского языка. Отмечается, что для русской поэтической речи характерна актуализация как словарных (или близких к ним) значений лексемы *словарь* (а также синонимических лексем), но и индивидуально-авторских, которые выявляются в составе тропеических (в первую очередь – метафорических) конструкций. Метафорическое структурирование концепта *словарь* в русских лирических текстах отличается достаточным разнообразием образных формул. В одних из них он представлен в качестве «левого», в других – в качестве «правого» элемента метафорической модели, т.е. регулярно выступает и как рефлекслируемый поэзией (напрямую либо косвенно) феномен, и как средство метафорической концептуализации неязыковых концептов, относящихся к различным денотасферам.

Ключевые слова: концепт, метафора, поэтический дискурс, образ, словарь.

METAPHORICALLY STRUCTURED CONCEPT *СЛОВАРЬ* IN RUSSIAN POETRY TEXTS OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Bogdanovich Larisa Anatolievna

Postgraduate student of the Department of
Belarusian and Russian philology
Mozyr State Pedagogical University named
after I. P. Shamyakin
The Republic of Belarus /
larisa.blishch@yandex.ru

Kurash Sergey Borisovich

Candidate of Philological Sciences
associate Professor of the Department of
Belarusian and Russian philology,
The Head of the Scientific and
Methodological Centre of Russian Studies
Mozyr State Pedagogical University named
after I. P. Shamyakin
The Republic of Belarus /
text2005@mail.ru

Abstract

Metalinguistic reflection is one of typological features of Russian poetry of the XIX – the beginning of the XXI century. In this article the task of revealing ways of functioning of the lexeme «*словарь*» in metaphorical constructions in the Russian poetry discourse of the XIX – the beginning of the XXI century by means of the resources of Russian National Corpus is being solved. It is noted that Russian poetic speech is characterized by actualization of dictionary (or close to them) definitions of the lexeme «*словарь*» (as well as synonymous lexemes), and individual author's ones, which are revealed as a part of figurative (mainly metaphorical) constructions. Metaphorical design of the concept «*словарь*» in Russian lyrics differs in a variety of figurative formulas. In some of them, it is represented as a «left» element, in others as a «right» element of metaphorical model, i.e. it regularly acts both as a phenomenon reflected (directly or indirectly) by poetry, and as a means of metaphorical conceptualization of non-linguistic concepts, that belong to different denotation spheres.

Key words: concept, metaphor, poetic discourse, image, *словарь*.

Введение

Рефлексию над языком некоторые исследователи называют типологической особенностью литературы XX в. Понятия «язык» и «поэзия» неразрывны для нашего сознания. На обыденном уровне мы воспринимаем поэзию прежде всего как необычный язык, которым изложены те или иные мысли. Весьма характерно в этом плане название монографии Н. А. Фатеевой – «Поэзия как филологический дискурс» [Фатеева 2017], в основу которой положена идея о том, что в поэтической функции языка вступает в стихотворных текстах в тесную интеракцию с метаязыковой функцией.

Отмеченное выше мы рассматриваем как теоретическую базу для исследования форм и способов участия фигурантов концептуального пространства «Язык» в метафорическом структурировании поэтической картины мира [Кураш 2020, с. 111-154].

Основная часть

Цель работы – выявить способы функционирования лексемы *словарь* в составе метафорических построений в русском поэтическом дискурсе XIX – начала XXI вв.

Материалы и методы исследования

В качестве фактического материала привлечены толковые словари русского языка и ресурсы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Исследование осуществлено с применением методов контекстного и компонентного анализа, семантической интерпретации, метафорического моделирования.

Результаты исследования

Одним из важнейших фигурантов концептуального пространства «Язык» в текстах русской поэзии последних двух столетий, безусловно, является **СЛОВАРЬ**, причём не просто как компендиум лексического (фразеологического и пр.) состава языка, а как

«Вселенная в алфавитном порядке», говоря словами Анатоля Франса. Характерно, что среди прочих памятных дат в России ежегодно отмечается День словарей и энциклопедий – 22 ноября, в день рождения Владимира Ивановича Даля.

В большинстве толковых словарей русского языка данная лексическая единица подаётся в двух значениях:

СЛОВАРЬ, -я, м. 1. Собрание слов (обычно в алфавитном порядке), устойчивых выражений с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык. *Толковый с. Энциклопедический с. Фразеологический с. Двухязычный с. Терминологический с. Словари синонимов, омонимов, антонимов. С. морфем (толкующий значимые части слов)*. 2. ед. Совокупность слов какого-н. языка, а также слов, употребленных в каком-н. одном произведении, в произведениях какого-н. писателя или вообще употребляемых кем-н. *Богатство русского словаря. Поэтический с. Пушкина. Он изъясняется по-английски с трудом: его с. очень беден.* || уменьш. словарик, -а, м. (к 1 знач.). || прил. словарный, -ая, -ое. *Словарная статья (главка словаря, посвященная отдельному слову или фразеологизму, вынесенному в ее заглавие). С. запас.* [Ожегов 2008; Ушаков 2008].

В словарях синонимов русского языка к данной лексеме в качестве таковых приводятся такие номинативные единицы, как *азбуковник, вокабулярий, глоссарий, книга, лексика, лексикон, словник, тезаурус, лексика, лексикон, словарный состав, словарный запас, лексический состав, лексический запас, запас слов* и др.

Для русской поэтической речи прямое (или близкое к прямому) употребление лексемы *словарь* (а также также синонимических лексем) характерно, причём в обоих значениях, ср.: *Вы образцы ума и слога! / Но все же, как водилось встарь. / Хотя взгляните, ради бога, / В Академический словарь* (П. Вяземский); *А вижу я, винюсь пред вами, / Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо б меньше мог / Иноплеменными словами, / Хоть и заглядывал я встарь / В Академический Словарь* (А. Пушкин); *Словарь у нас простой, / созвучья – из пословицы* (А. Тарковский); *Но для свадебных этих глаз, / для девического томленья / в комсомольский словарь у нас / не попали определенья* (Я. Смеляков); *Перебираю, как влюбленный, / Наивный рыцарский словарь, / Комки суждений запыленных / И птичий слушаю тропарь* (В. Шаламов); *И на бесклассовой заре / Вновь появились в словаре: / «Патриотизм», «народ», «святая / Столица родины – Москва» – / Давно знакомые слова, / Давно лежавшие в могиле. / Они лежали, но не гнили* (А. Баркова).

Однако не менее активно образ СЛОВАРЯ задействован в метафориконе русской поэзии. Метафорическое структурирования концепта СЛОВАРЬ в русских лирических текстах отличается достаточным разнообразием образных формул, парадигм образов (по Н.В. Павлович [Павлович 1995]). Вместе с тем отмечаются некоторые и наиболее устойчивые образно-тропеические серии, характеризующие данную денотасферу как объект поэтической метафорики:

- **«словарь – живой организм»:** *Словарь косою птицею / Взлетает на камин* (Саша Чёрный); *Ты знаешь, но молчишь, – заговори, словарь* (Е. Рейн); *Без союзов словарь онемев* (С. Липкин); *Не я словарь по слову составлял, / А он меня творил из красной глины* (А. Тарковский);

- **«словарь – объект природы / природное явление»:** *И рады, что нашли возможность, / На разум века не смотря, / Свою распухлую ничтожность / Прикрыть цветами словаря!* (А. Бестужев-Марлинский); *Сады словарей/ посетили дожди* (С. Кирсанов); *Весною раскроется / сад словарей* (С. Кирсанов); *Отраден мой сегодняшний улов: / Мир и словарь – как море и аквариум* (Г. Шенгели); *В утайке недр земных и словарей сохранен / сородич не цветка, а цвета: гиацинт* (Б. Ахмадулина); *Всё кличет кто-то: Сольвейг! Сольвейг! – / в чащобах ихер и словарей* (Б. Ахмадулина); *но мертвы моих слов соловьи, / и теперь их сады – словари* (Б. Ахмадулина); *Как, выдохнув, язык/ выносит бред пословиц / на отмель словарей, / откованных, как Рим* (А. Ерёмченко); *Оттого и обрыдло копаться в словах, / что словарь мой до дна перерыл* (Б. Кенжеев);

- **«словарь – предмет, приспособление»:** *Потомки, / словарей проверьте полавки* (В. Маяковский); *но не выдерживает слово / цепей земного словаря*

(Б. Кенжеев); *Проходи по чужим городам, под чужими созвездьями странствуй / И, как в шахте глубокой, томись в непечатых слоях словаря* (И. Елагин); *Я улегся строительным блоком / в стройку, словом вошел в словарь* (Б. Слуцкий); *Другим – подарки сентября, / грибарий леса осени; / а мне – гербарий словаря. / лес говора разрозненный* (С. Кирсанов);

• **«словарь – пространство, бытие»:** *Его словарь открыт во всю страницу, / От облаков до глубины земной* (А. Тарковский); *Ты пробудилась и преобразила / Вседневный человеческий словарь* (А. Тарковский).

Лексема *словарь* функционирует в исследованном корпусе текстов как при структурировании «левого» (что было продемонстрировано примерами, приведёнными выше), так и «правого» элементов образно-метафорической формулы. Иными словами, СЛОВАРЬ не только способен сам подвергаться метафорическому осмыслению, но и функционирует как источник, когнитивная база для образно-метафорической концептуализации разного рода неязыковых объектов и явлений.

Таким образом, СЛОВАРЬ – это на протяжении двух последних столетий регулярно рефлекслируемый поэзией (напрямую либо косвенно) феномен, а формой такого рефлексирования зачастую выступает поэтическая метафорика.

Денотасфера «словарь», представленная при структурировании «правого» элемента метафоры, привлекается для метафорического структурирования концептов, относящихся к различным денотасферам, и прежде всего:

• **«человек, человечество»:** *Я улегся строительным блоком / в стройку, словом вошел в словарь* (Б. Слуцкий);

• **«природа»:** *Другой словарь придумает весна* (И. Эренбург); *Но весь цветник земной – не гуще, чем словарь* (Б. Ахмадулина); *море – свалка всех словарей, только твердь язык проглотила* (А. Парщиков);

• **«предметы»:** *А список длинный блюд заморских – / В гастрономический словарь* (В. Филимонов); *Задворков праздничный словарь* (А. Тарковский);

• **«пространство»:** *Я волхв, ты волк, мы где-то рядом / В текучем словаре земли* (А. Тарковский); *В бессмертном словаре России / мы оба смертники с тобой* (А. Тарковский); *Садом Судеб Высоких значится / Этот слой / в словаре миров, / И, о нем помышляя, плачутся / От бессилья / созвучья строф* (Д. Андреев);

• **«отвлечённые понятия»:** *и время стало как словарь* (А. Введенский); *А ты – подспудной тайной славы / Засасывающий словарь* (Б. Пастернак); *У дружбы есть иной словарь* (П. Антокольский); *Словарь твоей любви, – как розовые пожни / Под инеем сквозным, – вписал он в книге той* (В. Державин);

• **«действие, состояние»:** *И не покину пиршества живых – / Прямой гербовник их семейной чести, / Прямой словарь их связей корневых* (А. Тарковский); *Другой словарь придумает весна* (И. Эренбург).

В ряде случаев контексто- и текстообразующими становятся вовлечённые в метафоризацию концептуально (парадигматически) соположенные лингвистические понятия, в результате чего создаются развёрнутые тропы синкретичного характера, ср.: *я носил за собою клеенчатый горб – / словарей и учебников разговор* (С. Кирсанов). В данном примере находим весьма интересный случай совмещения метафорических и метонимических ассоциаций. «Метафоро-метонимический контекст деформирует привычную систему смысловых связей, основанную на прямой номинации, и выстраивает новую парадигму отношений, в которой описываемые предметы приобретают дополнительные признаки и специфический способ функционирования» [Седых 1999, с. 21]. Так, *клеенчатый горб* – метафорическая перифраза (на горб может быть похож ранец или рюкзак с книгами), но одновременно и метонимия (от тяжести такой ноши за плечами дети нередко сутулятся, горбятся); *словарей и учебников разговор* – также метафора, в данном случае персонифицирующая; но в то же время носил за собою ... разговор – опять-таки метонимия, реализующая смежностную ассоциацию «учебник (словарь) → разговор».

Заметим, что данная ассоциация лежит и в основе метафорически структурируемого образа СЛОВАРЯ-СОБЕСЕДНИКА, что в языковом отношении может быть выражено не только лексически (соответствующими предикатам и), но и синтаксически – помещением данной лексемы в позицию обращения, ср.: *Как по утрам бывало мне желанно / Со **словарем** беседовать в тени* (С. Соловьев); *Соцветья суверенные повисли, / но бодрствуют. Кому она верна? / Зачем не любит? Как ее по-фински / зовут? С утра спрошу у **словаря*** (Б. Ахмадулина); *Ты знаешь, но молчишь, – заговори, **словарь**. / Я сам себе никто, а ты всему главарь* (Е. Рейн).

Этот же образ становится объектом контрарной оппозиции в его концептуализации у А. Тарковского и Б. Ахмадулиной, ср.: *Как слово звать – у словаря не спросишь, / покуда сам не скажешь **словарю*** (Б. Ахмадулина) vs. *Не я **словарь** по слову составлял, / А он меня творил из красной глины* (А. Тарковский).

Структурная организация метафорического образа СЛОВАРЯ может реализоваться и на уровне целых текстов. Так, известное стихотворение С. Маршака «Словарь» заканчивается (сильная позиция!) отрицательной метафорой, выражающей основной смысл текста: *Нет, не словарь лежит передо мной, / А древняя рассыпанная повесть*.

Заключение

Как можно в итоге судить даже по таким фрагментарным заметкам, СЛОВАРЬ как лингвокультурный феномен в поэтическом мировидении имеет в русском поэтическом дискурсе как минимум несколько концептуальных ипостасей: это и опора, незаменимый собеседник и подсказчик у поэта; это и характерный объект метаязыкового рефлексирования, наряду с другими, определяющими её «филологичность» (к слову, заметно усилившуюся в XX – начале XXI вв.); это и «зона отправления» образно-метафорических ассоциативов, привлекаемых для концептуализации неязыковых объектов разного рода.

Литература

1. Кураш С.Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект. – Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2020. – 322 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.
3. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М. : ИРЯ РАН, 1995. – 491 с.
4. Седых А. П. Трансформация значения в метафоро-метонимическом контексте: на материале произведений М. Пруста: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05; Белгород. гос. ун-т. – Воронеж, 1999. – 22 с.
5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – М. : Альта-Принт [и др.], 2008. – 1239 с.
6. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. – М. : Изд. дом ЯСК, 2017. – 360 с.

References

1. Kurash S. *Metaphorics of Belarusian and Russian poetry: text-discursive aspect*. Mozyr: UO MGPU im. I.P. Shamyakina, 2020. 322 p.
2. Ozhegov S. *Explanatory dictionary of Russian language : about 100 000 words, terms and phraseological units*. M. : Oniks [i dr.], 2009. 1359 p.
3. Pavlovich N. *The language of images. Paradigm of images in Russian poetic language*. M. : IRYa RAN, 1995. 491 p.
4. Sedykh A. *Transformation of meanings in metaphorical and metonymical context: on the basis of material of works of M. Proust: dissert. abstract ... cand. philol. scien.: 10.02.05; Belgorod. st. un-y. Voronezh*, 1999. 22 p.

5. Ushakov D. *Big explanatory dictionary of modern Russian: 180000 words and phrases*. М. : АГ та-Print [i dr.], 2008. 1239 p.
6. Fateeva N. *Poetry as a philological discourse*. М. : Izd. dom YaSK, 2017. 360 p.

УДК 030

О СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ И «СПЕШАЩИХ» ЛЮДЯХ

Нагайникова Ульяна Ивановна

Студент Московского Международного Университета
факультет Иностранных языков
Москва, Россия / ulia86231@mail.ru

Аннотация

В статье осуществляется попытка описания превосходящих по скорости и удобству словарей, а также производится их сопоставительный анализ. Показана целесообразность совмещения новых технологий и традиционных печатных словарных изданий. Представлены перспективы развития словарного дела с учётом возрастающих скоростей современной жизни.

Ключевые слова: электронный словарь, печатный словарь, классификация, новые лексикографические технологии.

ABOUT MODERN DICTIONARIES AND «HURRYING» PEOPLE

Nagainikova Uliana Ivanovna

Student of Moscow International University
Faculty of Foreign Languages
Moscow, Russia / ulia86231@mail.ru

Abstract

The paper attempts to describe dictionaries that are superior in speed and convenience, and also makes a comparative analysis of them. The expediency of combining new technologies and traditional printed dictionary editions is shown. The prospects for the development of vocabulary taking into account the increasing speeds of modern life are presented.

Keywords: electronic dictionary, printed dictionary, classification, new lexicographic technologies.

Темп современной жизни набирает все новые и новые обороты и этого невозможно не заметить. В условиях такой спешки многие желают сделать что-то наиболее быстрым и удобным способом, и словарей это, конечно, тоже коснулось. Для многих исход статьи будет ясен, посмотрев лишь на заголовок: естественно, выбор падет на электронный словарь, ведь по скорости он опережает. Но стоит задуматься, а надо ли спешить? Ведь не всегда то, что быстро так же качественно.

В глобальном смысле различают словари двух типов:

- Энциклопедические
- Филологические (лингвистические)

Энциклопедический словарь обычно включает большое количество кратких списков, расположенных в алфавитном порядке и захватывающих широкий круг тем. Такие словари могут быть общими, содержать статьи по темам в самых разных областях; или же они специализируются в определенной области. Энциклопедические словари также могут быть организованы вокруг определенной академической, культурной, этнической или национальной точки зрения. В них объясняются явления, понятия, сообщаются сведения о различных событиях.

Филологические (лингвистические) словари могут быть как одноязычными, так и многоязычными. Лингвистический словарь – это сборник слов на языке, обычно перечисленных в алфавитном порядке, с определениями, произношением, этимологией и другой лингвистической информацией или с их эквивалентами на другом языке. Проще говоря, слова толкуются и разъясняются.

В современном мире на лидирующую позицию по скорости и удобству на первое место выходят именно электронные (автоматические, компьютерные) словари. И на более низкой ступени печатные (в частности, карманные, если говорить о компактности и в какой-то мере удобстве использования, ими можно пользоваться в любом месте благодаря небольшому размеру).

Электронные словари могут быть как онлайн, так и оффлайн. Оффлайн словари – это программы, устанавливаемые на ваше устройство (будь то компьютер, телефон или любое другое устройство). С такими словарями можно работать даже при отсутствии доступа в Интернет. Для онлайн словарей, напротив, не нужна установка дополнительных программ, но они доступны для пользования исключительно через Интернет. Таким образом, сравнивая онлайн и оффлайн версии электронных словарей можно выделить следующее: онлайн версии удобны тем, что не занимают места в памяти устройства, не нужно терять время и силы на установку программ (это особенно актуально для старшего поколения), постоянно добавляются новые слова и значения. Имея же оффлайн словарь, пользователь никак не зависит от сети, так что пользоваться он им может где угодно. Каждый пользователь может скачать необходимый ему набор словарей, а некоторые программы позволяют разделить их на группы. Можно выделить такие оффлайн словари как:

GoldenDict (форматы: WordNet, XDXF, Babylon (.bgl), StarDict (.ifo / .dict / .idx / .syn), Dictd (.index / .dict / .dz), BBYY Lingvo (.dsl / .lsa / .dat), Sdictionary (.dct), Aard (.aar), Sound packs (.zips), MDict (.mdx / .mdd), EPWING (.Catalogs).)

SimpleDict (форматы: XDXF, DSL, MOVA.)

LiteDict (формат только XDXF.)

Jalingo (4 формата словарей: DSL, Mova, PtkDict / phpMyLingvo MySQL dumps; Sdictionary.) На русский язык не переведена.

Электронные vs бумажные словари

Онлайн и оффлайн словари и правда удобны и достаточно просты в использовании, но стоит ли пренебрегать всеми привычными бумажными словарями?

Был проведен опрос среди молодого населения с целью определить частотность и удобство пользования онлайн и бумажных словарей. Принимали участие в основном студенты Московских и Подмосковных вузов (количество респондентов 58: лингвистика – 29, 3%, менеджмент – 27, 6% , журналистика – 10, 3%, теология, юриспруденция, психология, УКГ – 3,4% , информационная безопасность, физическое воспитание, мировая, экономика, логистика, православное богословие, юриспруденция, управление крупными городами, реклама и связи с общественностью, ГМУ – 1,7%). Результаты следующие:

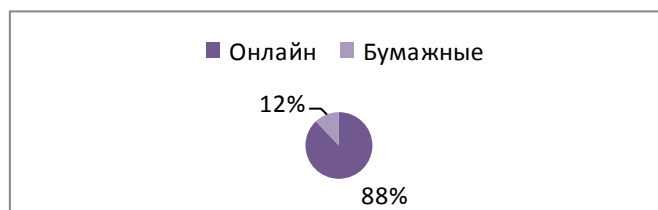

Рис.1. Наиболее удобные словари

Рис. 2. Какие словари чаще всего используются

Учитывая то, что удобство бумажных словарей отметили 7 отвечающих, и в то же время ими чаще всего пользуются только 2 человека, можно сделать вывод, что по скорости использования на первом месте остаётся всё же онлайн версии словарей (рис. 1, рис. 2).

Однако каким быстрым и удобным не был бы словарь, всегда находятся некоторые недочёты. Таким образом, сравнивая словари этих двух видов, мы можем выделить следующие группы:

1) Плюсы бумажных словарей (и в чем же такой словарь превосходит электронные).

- Ища среди сотни других слов и перелистывая страницу за страницей, многие, таким образом, лучше и надольше запоминают слова.
- «Эффект снежного кома». Порой, отыскивая необходимое слово, запоминаются и рядом стоящие.
- Тренировка для мозга. Поиск слов в печатном издании тренирует ум и помогает развить навыки решения проблем, это актуально особенно для детей. Чтобы найти слово, должен учитываться порядок и последовательность, алфавитность, орфография, контекст и многое другое. Поиск смысла и информации – отличное упражнение для мозга.
- Такие словари создаются и проверяются профессионалами, имея надежные и проверенные источники.
- Для здоровья полезнее работать с бумажным словарем, ведь глаза в этом случае устают куда меньше.
- Нет необходимости доступа в сеть Интернет, из этого следует, что словарем можно пользоваться в любой момент и в любом месте, нет никаких реклам, всплывающих окон, вредоносных программ, файлов cookie и так далее.
- Наконец, эстетика бумажных словарей. Удивительное чувство держать живую книгу и трогать её страницы. Это не только приятно, но также способствует хорошему настроению при использовании.

2) Касаемо достоинств электронных словарей:

- Быстрота пользования. Требуется лишь секунда, чтобы найти нужное слово.
- Это бесплатно. Хотя есть и платные версии, по-прежнему большинство онлайн словарей находятся в свободном доступе.
- Комплексное использование. Несколько словарей в одном: предлагается разная информация о слове, как, например, синонимы, антонимы, жаргонные слова и многое другое. В печатном же виде не получится просматривать эту информацию, используя всего один источник.
- Постоянное обновление и быстрое исправление ошибок. В печати же обновления появляются только один раз в несколько лет, и причина этому – стоимость печати. Кроме того, внесение исправлений происходит еще медленнее.
- Включение часто употребляемых слов. Вот как это происходит на примере словаря Merriam-Webster: *«Чтобы решить, какие слова включить в словарь и определить, что они означают, редакторы Merriam-Webster изучают язык по мере его использования. Они тщательно отслеживают, какие слова люди используют чаще всего и как именно они их используют».*

- Возможность прослушать произношение любого слова.

Разумеется, выбор остается за пользователем, однако такие важные критерии, как скорость, удобство, компактность и multifunctionality выделяют электронные словари. Из этого исходит следующий вопрос: находятся ли бумажные словари на грани исчезновения? Например, Найджел Портвуд, главный руководитель такого крупного издательства, как Oxford University Press (OUP), известного по всему миру, еще 10 лет назад заявил *"Рынок печатных словарей просто исчезает, он падает на десятки процентов в год"*. Спустя еще 4 года, находясь в Индии и выпуская девятое издание Оксфордского словаря, на вопрос являются ли онлайн словари угрозой печатным Найджел Портвуд ответил следующим образом: *«Трудно сказать, как это будет развиваться в конечном итоге, но цифровой формат, безусловно, дополняет бумажный. Кроме того, с ним легче ходить, а не таскать с собой большое количество книг. Но мы по-прежнему печатаем около 110 с лишним миллионов книг, и их число растет с каждым годом. Мне трудно представить себе мир, где нет печати»*.

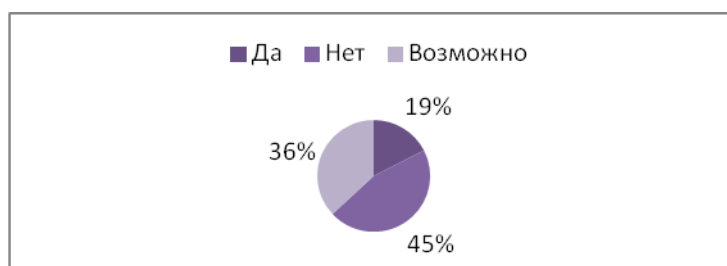

Рис.3. Исчезнут ли бумажные словари?

Также недавний опрос показал, что немалая часть респондентов сомневается в этом вопросе. Действительно, еще рано говорить о полном исчезновении печатных изданий, так как относительно достоверности и качества изложенной информации, а также обучающего момента, онлайн словарь на данном этапе не может стать альтернативой бумажному.

Подводя итоги, учитывая все недочеты и достоинства сравниваемых словарей (а именно электронных и бумажных), можно сказать, что для более быстрого перевода разумнее пользоваться техникой, но этим не стоит злоупотреблять, так как качество перевода может не всегда быть подходящим. В случаях особой спешки рекомендуем пользоваться следующими словарями:

- Multitran (особенности: можно прослушать произношение, большое количество специализированных словарей)
- Cambridge Dictionary (Особенности словаря: возможность создания и пополнения своего аккаунта новыми словами; есть англо-русский, но нет русско-английского перевода ;произношение и британское, и американское.)
- Lingvo (универсальный, удобный, легкий, полный словарь)
- АБВУ Lingvo (оффлайн словарь)
- Polyglossum (для специалистов разных областей)

Таким образом, на наш взгляд скорость обработки и извлечения необходимой информации не должны негативно влиять на качество современных словарей. В перспективе предлагается исследовать новые возможности словарных изданий с учётом современных технологий и лексикографической методики аксиологической направленности.

Литература

1. Роберт Л. Коллисон, Уоррен Э. Прис, Редакторы Британской энциклопедии //Виды Энциклопедий// <https://www.britannica.com/topic/encyclopaedic-dictionary> (дата обращения: 10.03.21 время: 18:02)

2. Гинзбург Р.С., Хидекель С.С., Князева Г.Ю., Санкин А.А. стр. 107 //Курс современной английской лексикологии// <https://studfile.net/preview/3488679/page:107/> (дата обращения:14.03.21 время: 13:00)
3. Сравнение свободных электронных словарей, 2020 <https://континентсвободы.рф/программы-спо/сравнение-свободных-электронных-словарей.html> (дата обращения: 15.03.21 время: 15:32)
4. Отслеживание использования слов <https://www.merriam-webster.com/help/faq-words-into-dictionary> (дата обращения: 19.03.21 время: 3:14)
5. The Independent, Ники Трап, 2011 <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/oxford-english-dictionary-may-not-be-printed-again-2065559.html> (дата обращения: 21.03.21 время: 0:49)
6. The Economic Times <https://economictimes.indiatimes.com/opinion/interviews/its-hard-to-imagine-a-world-where-there-is-no-print-nigel-portwood/articleshow/46273492.cms> (дата обращения: 21.03.21 время: 1:20)

References

1. Robert L. Collison, Warren E. Preece, The Editors of Encyclopaedia Britannica //History Of Encyclopaedias// <https://www.britannica.com/topic/encyclopaedic-dictionary> (date 10.03.21)
2. R. S. Ginzburg , S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin, p. 107 //A course a modern english lexicology// <https://studfile.net/preview/3488679/page:107/> (date:14.03.21)
3. Comparison of free electronic dictionaries, 2020 <https://континентсвободы.рф/программы-спо/сравнение-свободных-электронных-словарей.html> (date: 15.03.21)
4. Tracking Word Usage <https://www.merriam-webster.com/help/faq-words-into-dictionary> (date: 19.03.21)
5. The Independent by Nicky Trup, 2011 <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/oxford-english-dictionary-may-not-be-printed-again-2065559.html> (date: 21.03.21)
6. The Economic Times Times <https://economictimes.indiatimes.com/opinion/interviews/its-hard-to-imagine-a-world-where-there-is-no-print-nigel-portwood/articleshow/46273492.cms> (date: 21.03.21)

УДК 81

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТИРОВАНИИ: МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР И АНГЕЛА МЕРКЕЛЬ

Носова Марина Валериевна

учитель иностранного языка
муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Лицей
№ 32» г. Белгорода
Белгород, Россия /
nosovamarina302@gmail.com

Мелихова Полина Сергеевна

учитель иностранного языка
муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «СОШ
№ 7»
Белгород, Россия / *pol344942@yandex.ru*

Аннотация

Лингвокультурологическое портретирование политических деятелей на основе уровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова. Рассмотрение речевых способов создания лингвокультурологического портрета женщины-политика на вербально-семантическом уровне. Выделение ценностно-смысловой составляющей лингвокультурологического портрета Маргарет Тэтчер и Ангелы Меркель. Характеризация интенций и мотивов поступков политических деятелей, установление наиболее частотных коммуникативных стратегий и речевых средств их реализации.

Ключевые слова: лингвокультурологическое портретирование, политический дискурс, коммуникативные стратегии, лексические и стилистические средства, грамматические конструкции, фразеологические единицы и идиомы.

ON LINGUOCULTUROLOGICAL PORTRAITING: MARGARET THATCHER AND ANGELA MERKEL

Nosova Marina Valerievna
foreign language teacher
municipal budgetary general education
institution «Lyceum 32»
Belgorod, Russia /
nosovamarina302@gmail.com

Melikhova Polina Sergeevna
foreign language teacher
municipal budgetary general education
institution School N7
Belgorod, Russia / *pol344942@yandex.ru*

Abstract

Linguoculturological portrayal of political figures based on the tier model of the linguistic personality, worked out by Yu. N. Karaulov. Consideration of speech methods of creating a linguoculturological portrait of a female politician at the verbal-semantic level. Highlighting of the value and meaning component of the linguoculturological portrait of Margaret Thatcher and Angela Merkel. Characterization of the intentions and grounds of the political figures' actions, the establishment of the most frequent communication strategies and speech means of their implementation.

Keywords: linguoculturological portrayal, political discourse, communicative strategies, lexical and stylistic means, grammatical constructions, phraseological units and idioms.

Особенности национальной лингвоментальности часто выступают в качестве объекта исследования ученых лингвистов по всему миру [1; 2; 3]. Это объясняется неуклонным ростом заинтересованности общественности в изучении и понимании личности человека: ее психологических и поведенческих особенностей, социально-культурных предпосылок деятельности, мотивационно-ценностной сферы, классово-гендерных стереотипов и т.д., реализуемых в языке.

В частности, данная статья преследует цель лингвокультурологического описания женщин-политиков Маргарет Тэтчер и Ангелы Меркель на основе уровневой модели языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым. Анализ вербально-семантического, когнитивного и мотивационного уровней языковой личности премьер-министра Великобритании и канцлера Германии обнаружил разность результатов исследования.

Это может быть объяснено тем, что лингвокультурологическое портретирование, равно как и сама языковая личность существуют внутри и являются продуктом социокультурного пространства, отражаемого языком [4; 5]. Это, в свою очередь, указывает на способность языковой личности и лингвокультурологического портрета к накоплению и качественной переработке, преломлению культурно-исторических знаний, умений и навыков определенной человеческой общности через призму личностного опыта конкретного представителя вышеупомянутого объединения.

Изучение вербально-семантического уровня языковой личности политических деятелей обнаружило отличия в выборе лексикона, грамматических конструкций, стилистических средств языка, фразеологических единиц и идиом. Анализ когнитивного уровня выявил несовпадения понятийно-концептуальной составляющей языковой личности. Деятельностно-коммуникативные потребности женщин-политиков также несходны.

Подобные результаты могут быть объяснены как различием временных показателей речевой выборки, места, условий и ситуаций политического общения, так и непосредственно личностными особенностями политических лидеров. Среда,

оказывающая влияние на складывание личностно-профессиональных устремлений политиков, имела «национальный» колорит, подчеркнутый идеей злободневности и актуальности. Это накладывало отпечаток на внутренние убеждения и публичные позиции, занимаемые политическими деятелями. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в разное время внимание политиков привлекали разные вопросы, перед ними вставали несходные вызовы и преграды, которые преодолевались не только за счет непосредственных социо-политических и экономических реформ и преобразований, а также с помощью грамотного использования коммуникативных стратегий и тактик речевой деятельности. При этом мы можем говорить о полноте речевой реализации коммуникативных стратегий и тактик, языкового выражения ценностно-смысловой составляющей лингвокультурологического портрета политического деятеля в определенный момент времени.

Если характер выбора лексических единиц Маргарет Тэтчер и Ангелой Меркель носил сходный характер (терминология экономического и политического плана: *“sovereignty”, “leader”, “chairman”, “democracy”, “government”, “unemployment”, “economic growth”, “inflation”, “income tax”, “currency”, “Eurocopter”, “Beziehungen”, “wirtschaftliche Kooperation”, “Wissenschaft”, “Wirtschaft”, “Branche”, “Vertreter”, “Emission”, “Partnerschaft”, etc*), намеренное создание и акцентирование внимания на подчеркнутой открытости, честности, взвешенности и рассудочности с помощью наречий с соответствующей семантикой у премьер-министра: *“unacceptable”, “unmistakable”, “surely”, “prudently”, “unnecessary”, “hilfreich”, “offensichtlich”, “honestly”, “deliberately”, “steadily”, “urgently”* и частота обращения к англоамериканизмам: *“Ich finde, genau das ist die Antwort auf das Motto dieser Tagung „The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces?“ Nur wir alle zusammen ...”, “Denn es muss das geben, was man heutzutage – ja auch schon fast auf Deutsch – als „ownership“ bezeichnet...”* как доказательство вовлеченности Германии в глобальную политико-экономическую повестку у канцлера Германии.

Такие морфологические категории и синтаксические структуры, как формы грамматической категории корреляции Present/Past (Perfect) и условные предложения позволяют оценить характер, особенности мыслительных процессов премьер-министра Великобритании. Частота обращения политика к Zero Conditionals говорит о ярко выраженных аналитических способностях премьер-министра: *“In politics if you want anything said ask a man. If you want anything done, ask a woman.”, “We may go through a period of rocking, but if we keep our policies firm and do all the right things, you know, keep public spending under control, keep the budget deficit low, keep public borrowing down, keep the money supply under control.”, “If they’re right, it’s right to be firm.”, “If we want that back, we have to go on improving our own industrial performance”, “One to look at the modernisation of older weapons, and the second one, the arms control aspect, to say ‘look, we needn’t modernise or deploy them if we can in fact negotiate with the Soviet Union for them to stop deploying them and get them down”, “If we are weak at any time they can come gradually by one means or another across that line.”.* Использование 1 Conditionals указывает на склонность к прогнозированию с целью извлечения максимальной выгоды и минимизации потерь: *“Because if education is backward today, national performance will be backward tomorrow.”, “I want to put to you that if that is true–after all that’s your explanation, it isn’t theirs—that if that is the correct explanation, you’re going to have further runs on sterling before the General Election, aren’t you?”, “And I do not think it will adhere to their credit or to Britain’s credit if they go on saying that.”.* В то время как употребление 3 Conditionals намекает на легкую недоудовлетворенность и разочарованность текущей ситуацией: *“If we had listened to the Labour Party and to CND, insofar as you can distinguish between the two, that agreement would never have been achieved.”.* 2 Conditionals указывают на нереальный характер событий в настоящем или будущем времени, «заземляют» образ политика: *“There could not be proper home life if the people had to share their homes with another*

family.”, “That would be the mechanical increase if you were looking at it strictly on an arithmetical basis...”.

В сравнении с Маргарет Тэтчер анализ политического дискурса Ангелы Меркель указывает на явное преобладание повествовательных предложений (die Aussagesätze). Политик прибегает к использованию, как сложносочиненных (die Satzreihen), так и сложноподчиненных предложениях (die Satzgefüge). При этом канцлер Германии сознательно отдает предпочтение сложным предложениям с несколькими придаточными: “Wir sollten das im Sinne der Partnerschaft und der Tatsache tun, dass wir noch so viele andere Probleme auf der Welt zu lösen haben, weshalb es hilfreich wäre, wir könnten uns verständigen.”, “Wenn diese Autos, die ja dadurch, dass sie in South Carolina gebaut werden, doch nicht weniger bedrohlich werden als dadurch, dass sie in Bayern gebaut werden, plötzlich eine Bedrohung der nationalen Sicherheit der Vereinigten Staaten von Amerika sind, dann erschreckt uns das“ и т.д. Повествование традиционно ведется в Präsens: “Ich unterstütze alle Bemühungen der Fairness und des Handels.”, „Jetzt geht es um die Frage der Methodik unserer Zusammenarbeit.“ с эпизодическими вкраплениями Futur I: “Die Ergebnisse werden in einen Maßnahmenkatalog einfließen, den wir derzeit erarbeiten.”, „Da wird Deutschland vor einer Riesenaufgabe stehen,“ и Präteritum: “Dazu waren und sind tiefgreifende Maßnahmen unumgänglich.”.

Сослагательное наклонение (Konjunktiv 2) способствует эмоциональной дистанцированности, позволяет политику оставаться в контексте событийности, несмотря на обсуждаемый материал, не скатываться в оценочность и категоризацию. Этой же цели служат субстантивация (“Verteidigungspolitik”, “Waffensystem”, “Bündnisverteidigung”, “Mitgliedstaaten”), уход от прямых обращений, употребление пассивных конструкций (“Die Entscheidungen wurden ... getroffen” вместо “wir haben entschieden...”) и склонность к использованию неопределенно-личных местоимений: “Das kann man zusammenfassen.”, “Darf man da auch über politische Fragen diskutieren?“, “Dazu kann man als deutsche Bundeskanzlerin nur sagen: Da sind die Chancen für uns schlecht...”.

С помощью стилистических средств премьер-министр Великобритании придает речи необходимый уровень эмоциональной насыщенности и выразительности. Так, параллелизм, лексические повторы, градация, парцелляция и риторические вопросы делают речь политика более логическистройной, способствуют расстановке смысловых акцентов, привлечению внимания.

Параллелизм: “**Where there is discord, may we bring harmony. Where there is error, may we bring truth. Where there is doubt, may we bring faith. And where there is despair, may we bring hope.**”

Лексические повторы: “We may go through a period of rocking, but if we **keep** our policies firm and do all the right things, you know, **keep** public spending under control, **keep** the budget deficit low, **keep** public borrowing down, **keep** the money supply under control.”, “You do **go through** those periods with international currencies, the **dollar’s gone through it**, the **Yen’s gone through it**, the **Deutschmark’s gone through it**, we all do.”, “...I think at the moment the rocking’s been temporary, we’re carrying on with those firm policies **because they’re the right ones**, not because they’re firm but **because they’re right. If they’re right, it’s right to be firm...**”, “And of course it depends what happens to **Sterling. Sterling** may well recover.” и т.д..

Градация: “As you know the **Deutschmark** and the **Yen** had been **very weak, unusually weak for their performance as an economy, unusually weak against the dollar**, and of course we are always caught in the cross-fire.”

Анадиплозис: “I am well aware that a number of committees of local authorities have two different kinds of **power—power to recommend and power to discharge** the function of the local authority itself because that local authority has specifically delegated that task to the committee...”

Риторические вопросы: “But what precisely does the resolute approach involve for Britain?”, “What does not having an early election actually mean?”, “What has this Government been doing with our defences?” и т.д.

Использование прецедентного текста демонстрируют высокий общекультурный уровень оратора, повышают степень ироничности высказывания: *“I know full well the responsibilities that await me as I enter **the door of No. 10** and I'll strive unceasingly to try to fulfil the trust and confidence that the British people have placed in me and the things in which I believe...”*.

Также политические речи политика изобилуют метафорами. Например, метафорическое сравнение *“rock the boat”* программы Лейбористской партии с раскачиванием лодки демонстрирует убежденность спикера в опасности продвижения данных идей для экономической стабильности бюджета страны, в зыбкости позиций стерлинга. *“There have been other factors. There have been people getting nervous about the future, a number of factors affect that, and therefore some moved into other currencies. There will be a number of people, and I think the Labour Party programme is one, who can rock the boat. They have been rocking the boat. All I can do is to try to keep the boat steady, and that means saying very firmly the policies will continue. We may go through a period of rocking, but if we keep our policies firm and do all the right things, you know, keep public spending under control, keep the budget deficit low, keep public borrowing down, keep the money supply under control. These are the things that will tell, and the boat will come through surely and steadily, and sterling will stay firm.”*

При этом стилистический аспект вербально-семантического уровня языковой личности Ангелы Меркель преимущественно реализуется при помощи цепных повторов: *“Entscheidend dafür – das ist unsere Überzeugung – ist auch **eine offene Gesellschaft – eine Gesellschaft**, die neue Technologien bedacht, aber ohne Scheu nutzt, um bisher Verborgenes in den Blick zu nehmen und neue Wege zu gehen.”*, *“Ich möchte mit einem beginnen, der mich persönlich in meiner Arbeit, aber auch viele von uns sehr umtreibt: das ist unser Verhältnis zu **Russland. Russland** war ja in Form der Sowjetunion sozusagen der Antagonist in Zeiten des Kalten Krieges“*. Сравнения, такие как *“der Gemeinschaftssinn ist unser stärkster Schatz ...”*, эпитеты предметно-содержательного, логического плана: *“wichtig”*, *“vielbeachtet”*, *“wertvoll”*, *“leistungsfähig”*, *“umfassend”* способствуют установлению предметно-логических связей, формированию отношения общественности к описываемым событиям или позициям.

Использование фразеологических оборотов свойственно политическому дискурсу обоих политиков: *“We were told ‘you can’t give council tenants the right to buy’. But we did and the houses **sold like hot cakes.**”* и *“Wenn die Pandemie etwas Gutes hat, dann dass sie uns zeigt, wozu wir Menschen in der Lage sind, wenn wir das Herz in die Hand nehmen.”*

Основу лингвокогнитивного уровня языковой личности премьер-министра Великобритании составляет ценностно-смысловая картина, представляющая собой сложную иерархическую структуру вопросов, касающихся необходимости разоружения (ядерный потенциал стран), сохранения и преумножения социальноэкономических гарантий (вопросы безработицы, здравоохранения и системы образования), права женщины на самореализацию не только в семье, но и в профессиональном плане и т.д.. Иерархию ценностей личности канцлера Германии Ангелы Меркель можно представить в виде системы мировоззрений, умозаключений и убеждений о месте и роли Германии в мировом социо-экономико-политическом пространстве, способах укрепления экономического благосостояния страны в кризисную короновирусную эпоху, создании собственной IT-экосистемы в стране по подобию Силиконовой долины, о климатическом вопросе и т.д.

Анализ текстов политических выступлений позволяет говорить о комплексном характере использования коммуникативных стратегий и тактик, что особенно характерно для речей Ангелы Меркель. В ходе анализа политического дискурса канцлера Германии и премьер-министра Великобритании нами были выделены типичные для политиков дочерние коммуникативные стратегии в рамках коммуникативной макростратегии убеждения.

Речевая реализация коммуникативных стратегий и тактик носит индивидуальный характер, что предполагает различия в выборе и частоте употребления лексико-стилистических средств языка канцлером Германии и премьер-министром Великобритании. В случае с первым политическим деятелем предпочтение отдается метафорическим сравнениям. Метафоризированное противопоставление сложности, многосоставности новых идей, разрушающих однокомпонентность классического порядка, создает образ Германии-фрагмента головоломки, которой необходима для комфортного существования остальная часть пазла (союзники, партнеры). “... *Meine Damen und Herren, all diese Fragen, die ja puzzleartig auf uns zukommen und die ich ja hier auch gar nicht alle nennen kann, sind letztlich Ausdruck einer Grundfrage. Weil wir merken, wie groß der Druck auf unsere klassische, für uns gewohnte Ordnung ist, stellt sich jetzt die Frage: Fallen wir in lauter Puzzlestücke auseinander und denken, jeder kann das Problem für sich alleine am allerbesten lösen? Dazu kann man als deutsche Bundeskanzlerin nur sagen: Da sind die Chancen für uns schlecht...*“ [6]. Тогда как британский политик дополняет их использование разнообразными прецедентными текстами, что требует от аудитории высокой образованности и сконцентрированности не только на теме выступления, но и деталях. Метафорическое сравнение сложности введения новшеств в политическую жизнь страны и работу госаппарата, недоверие и откровенный скептицизм отражаются в характере подбора лексики политиком. «Продавливание» каждого нового шага на пути реформирования работы правительства сравнивается с перекрестным допросом, единственной целью которого является поиск недостатков и недоработок плана. “The changes have been tremendous and I am not surprised that **the whole system is under cross-examination...**”. Прецедентный текст в сочетании с метафорическим сравнением тех, кто хочет отыскать универсальное решение, не требующее изменений, дополнений и не допускающее ошибок с наивным в своей хитрости наемником, ставит жирную точку в презентации идей, концепций и закономерных опасений политика. “You may know **the story of the soldier of fortune** who once asked **the Sphinx** to reveal the divine wisdom of the ages in one sentence, and the Sphinx said ‘Don't expect too much.’” [7]

Таким образом, лингвокультурологическое портретирование премьер-министра Великобритании формирует образ человека решительного, радеющего за страну, смело отстаивающего ее интересы на мировой политической арене (программы разоружения, "мирного атома", борьба с терроризмом и торговлей людьми, противостояние возросшей влияния СССР, вопрос собственной валюты), политика, ставшего на долгие годы лицом партии Консерваторов, образцовым лидером и идейным вдохновителем для миллионов молодых британцев, стремящихся реализовать себя в политике (дискредитация идеологических оппонентов, улучшение качества жизни граждан Великобритании: вопросы качества образования в школьной и университетской среде, заработной платы, эффективного налогообложения, оптимизации процесса школьного питания в соотношении цена-качество), женщины, успешно совмещающей карьеру и семью. В то время как канцлер Германии производит впечатление сдержанного, суховатого в эмоциональном плане человека, облеченного огромной властью, но использующем влияние ради упрочения позиций страны в мире, поисков новых путей и способов реализаций «имперских» интересов и амбиций страны (цифровой суверенитет) и сохранения прежних долгосрочных договоренностей, формирующих образ «надежного партнера» (договора, касающиеся членства в ЕС), возможностей увеличения числа «продуктивного» населения, т.е. граждан, способных к полезной в общественном плане деятельности (программы в сфере образования, ассимиляции мигрантов и беженцев) и т.д..

Литература

1. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов // Культурная идентичность и использование языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 261 с.

2. Седых А.П., Ааматов А.М. Коммуникация как межкультурный диалог: французы, американцы, русские // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 191-200.
3. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 24-29.
4. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – С. 12-13.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – М., 2012. – 256 с.
6. Die Bundeskanzlerin – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/866580!search> (дата обращения 03.03.2021).
7. Margaret Thatcher foundation – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/essential> (дата обращения 03.03.2021).

References

1. Grishaeva L.I. Peculiarities of the usage of language and the cultural identity of communicants // Cultural identity and the usage of language. – Voronezh: Voronezh State University, 2007. – 261 p.
2. Sedykh A.P., Amatov A.M. *Kommunikacija kak mezkul'turnyj dialog: francuzy, amerikancy, russkie* [Communication as an intercultural dialogue: French, Americans, Russians] // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2010. № 6. P. 191-200.
3. Sedykh A.P. Specifics of the speech influence of Jacques Chirac // Political linguistics. 2011. № 1 (35). P. 24-29.
4. Tumanova G.A. Communicative strategy of persuasion and its features of realization in political discourse (on the material of Russian and German languages): dissertation abstract. ... candidate of philological studies. – М., 2016. 12-13.
5. Chudinov A.P. Political linguistics: text edition / A.P. Chudinov. – 4 edition. – М., 2012. – 256 p.
6. Die Bundeskanzlerin – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/866580!search> (accessed: 03.03.2021)
7. Margaret Thatcher foundation – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/essential> (accessed: 03.03.2021)

УДК 81'25:811.112.2

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «EIN FICHTENBAUM STEHT EINSAM...» СБОРНИКА «КНИГИ ПЕСЕН» ГЕНРИХА ГЕЙНЕ И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Полякова Наталья Владиславовна
старший преподаватель

Московский международный университет
Москва, Россия / natalia.polyakowa@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию содержания стихотворения Генриха Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» и восьми вариантов его перевода на русский язык. Материалом исследования являются переводы стихотворения такими именитыми поэтами как М.Ю.Лермонтов, А.А.Фет, Ф.И.Тютчев, П.И.Вейнберг и др. Основным методом исследования является сопоставительный анализ этих переводов с оригиналом Гейне и переводов друг с другом. Целью исследования является вопрос: как сохраняется в переводах смысл, заложенный автором, а что переводчик вносит своего. В статье

рассматриваются различные взгляды на сущность стихотворения Гейне и прослеживается зависимость выбора лексических средств от основной идеи перевода.

Ключевые слова: перевод, стихотворение, Гейне, строка, переводчик, сосна, исследование

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POEM «EIN FICHTENBAUM STEHT EINSAM...» OF THE COLLECTION «THE BOOK OF SONGS» BY HEINRICH HEINE AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

Polyakova Natalia Vladislavovna

Senior Lecturer

Moscow International University

Moscow, Russia / *natalia.polyakowa@gmail.com*

Abstract

This article is devoted to the study of the content of Heinrich Heine's poem "Ein Fichtenbaum steht einsam ..." and eight versions of its translation into Russian. The material of the research is the translations of the poem by such eminent poets as M.Y.Lermontov, A.A.Fet, F.I.Tyutchev, P. I.Weinberg etc. The main method of research is a comparative analysis of these translations with the original Heine and translations with each other. The aim of the research is the question: how the author's meaning is preserved in the translations, and what the translator contributes. The article examines various views on the essence of Heine's poem and traces the dependence of the choice of lexical means on the main idea of translation.

Keywords: translation, poem, Heine, string, translator, pine, study

Введение

Сложно найти такого великого зарубежного поэта, который бы переводился на русский язык так много, как Гейне. Начиная с 1827 года, когда впервые в журнале "Галатея" и в альманахе "Северная лира" были напечатаны несколько стихотворений Гейне в переводе Ф.И.Тютчева, – интерес к поэзии Гейне никогда не угасал в России. В XIX веке Гейне переводили такие поэты различных направлений как Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Фет, Майков, Некрасов, Добролюбов, А.К.Толстой, Блок и др.

Герман Ритц, автор солидного исследования "150 лет русского перевода Гейне" [5, с.4], во введении отмечает этапы развития русского перевода: классицистический, романтический, послеромантический (реалистический), символистский и советский. Ритц также учитывает, что вопросы перевода тесно связаны с общей историей русской культуры, и в разные периоды по-разному воспринимались в России.

Настоящее увлечение творчеством Гейне начинается в 1840-х годах: все крупные и мелкие русские поэты переводят Гейне и во всех журналах можно встретить его стихотворения. Но "русский Гейне" в это время еще очень мало похож на свой немецкий оригинал. Переводы его стихов очень далеки от подлинника по содержанию и форме. Переводы Тютчева и Лермонтова не определяли "лицо" Гейне, а "массовые" переводчики искажали его лирику, превращая в "альбомного поэта". Долгое время Гейне рассматривали лишь как исключительно романтического поэта. Это было связано с запретом на остальные его стихотворения. Это обеднение Гейне послужило причиной потери интереса к нему русской публики. По этому поводу Н.А.Добролюбов писал: "Многие, вероятно, помнят, что у нас лет пять тому назад понималось под стишками в гейневском роде. „Ручей мирно журчит; но я смущен, – я вспоминаю речи изменницы милой“. Или „Облака несутся по небу, я смотрю на них и думаю, что это не облака, а душа моей милой“; или еще: „Мы сидели с милой и нежно разговаривали, а на крыше мяукали кошки“ [3, с. 88] После смерти поэта начинается новая волна интереса к Гейне.

Подражание Гейне, на наш взгляд, также требует упоминания. Многие русские поэты, не обладавшие громким именем, и иногда из боязни представить на суд публики

свои лирические произведения, прикрывались именем Гейне, выдавая свои стихи за его переводы, или брали его имя как псевдоним. В. Левик собрал список псевдонимов этих новоявленных русских Гейне. "Гейне внутреннего употребления, Генрих Гений, Гей-не-Генрих, Гейне из Глуховки, Гейне из Житомира, Гейне из Ирбита, Гейне из Калуги, Гейне из конюшни, Канцелярский Гейне, Иван-не-Гейне, Из Генриха Гейне, Перевод из Гейне, Вольный перевод из Гейне, Очень вольный перевод из Гейне, Подражание Гейне, Кажется, подражание Гейне, Верно, из Гейне, Почти что из Гейне, Должно быть из Гейне, Беда быть из Гейне, Гейне в новом виде и тд." [1, с. 228]

Основная часть

В связи с этим целью исследования становится вопрос: являются ли некоторые переводы лирики Генриха Гейне переводами стихотворений или подражанием Гейне, как сохраняется в переводах смысл, заложенный автором, а что переводчик вносит своего.

Особенно сильные споры разгорелись вокруг стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam...». Стихотворение входит в сборник «Книги песен» (1827г.), цикл «Лирическое интермеццо», №33.

Материалом для исследования являются переводы стихотворения различными авторами. Это одно из самых популярных стихотворений Гейне. Уже к концу XIX века было известно около 80 его музыкальных переложений. По приведенной академиком Л.В.Щербой справке, только на русский язык существует около четырех десятков его переводов. Дважды переводит стихотворение Лермонтов, дважды Тютчев, дважды М.Михайлов, а также Майков, Фет, Вейнберг, З.Гиппиус. В России уже в середине XIX века оно было переведено даже на язык коми.

Основным методом исследования является сопоставительный анализ этих переводов с оригиналом Гейне и переводов друг с другом.

Исследователи до сих пор спорят о содержании этих восьми строк: только ли о любви двух разделенных, скованных сердец писал Гейне? Или же Гейне говорит об обреченности человека на одиночество? Были попытки истолкования этого стихотворения и в социальном плане.

Камнем преткновения всех переводчиков является слово Fichtenbaum – а именно, противопоставление der Fichtenbaum – die Palme. Немецкое (die) Palme точно соответствует по роду русскому "пальма", а в немецком (der) Fichtenbaum и русском "пихта, ель, сосна" налицо несоответствие рода. Если в переводе оставить "сосна, пихта", то противопоставление "сосна"- "пальма" уже нельзя будет рассматривать как влюбленных, томящихся в разлуке. Сохранив гейневское значение "сосна", утрачивается, таким образом, любовный конфликт.

Пытаясь толковать стихотворение Гейне аллегорически как любовь двух существ, разные переводчики переводят это слово по-разному. Так, Тютчев, Майков, Гиппиус переводят его кедром; Вейнберг, Фет, Яковлев – дубом. Другие переводчики уходят от грамматического противопоставления. В частности, у Лермонтова – сосна, у Михайлова – ель. Так ли решающе важно, что сосна – она? На наш взгляд, это противопоставление для Гейне-романтика важно. Ведь выбор Гейне пал не на слово (die) Fichte, которое даже более употребительно в немецком языке, а на (der) Fichtenbaum.

А. Смольников, анализируя стихотворение Лермонтова, защищает его выбор русского эквивалента и полагает, что замена дубом или кедром не увязывается с русской фольклорной традицией, в которой дуб и кедр представляются могучими богатырями. "Попробуйте-ка снять с кедра или дуба ореол фольклорного богатства, молодчества! Так это сразу перекосит все стихотворение!" [2, с.200] Он возражает также против перевода Вейнберга. "На что уж вроде покойничек – под саваном! – но и его приходится "уничижать", чтоб под мерку: он "бедный", ему "грезится" и т.д. Дубу и "грезится" – каково!" [2, с.200] Со Смольниковым можно поспорить. Дуб в русской фольклорной традиции действительно воспринимается как богатырь, и не растет в северных лесах, но кедр, самое северное растение, далеко не так часто встречается в фольклоре и, скорее, символ выносливости из-за удивительной стойкости его

древесины к влиянию времени. Кроме того, сама сосна не ассоциируется в сознании такой уж снедаемой грустью, как береза или ель. Наиболее удачным представляется все-таки кедр, тем более что порода дерева для Гейне вряд ли является важной. Хотя, имело бы смысл продумать и другие варианты.

Еще одним важным моментом, значительным для понимания смысла стихотворения, который вложил в него Гейне, является глагол *träumen*. Этот глагол имеет два практически одинаково часто употребляемых значения: „мечтать“ и „видеть сон“. Большинство переводчиков передает его значением "спит": Лермонтов, Тютчев – "снится", Гиппиус – "видит сон", Фет – "во сне ему видится". Михайлов предлагает неопределенное – "И еле мерещится". Яковлев и Вейнберг останавливаются на "грезится". По одной этой строке трудно сказать, что же подразумевал сам Гейне: сладкий сон или несбыточную мечту. Но на две строки выше у него стоит глагол *ihn schläfert*. В его переводе почти все переводчики единодушны – "дремлет". Только Гиппиус переводит как "спит" и соответственно как "видит сон". В немецком языке глагол *ihn schläfert* имеет значение "клонит ко сну", "одолевает сон". К тому же – это безличный глагол. Большинство же переводчиков передают его личным глаголом, только Михайлову удается сохранить безличную конструкцию "ей дремлет", что было бы более подходящим вариантом как среднее между сном и явью.

Следовательно, *träumen* нельзя перевести только как "спать" или "мечтать". Это нечто среднее, скорее грезы в полусне, как предлагают Яковлев и Вейнберг. Перевод "дремлет" лишает обрез главного героя активности. У Лермонтова же в сочетании с "качаясь", создается образ баюкания, чего у Гейне абсолютно нет. Тютчев даже в большей степени, чем Лермонтов, развивает идею сладкого сна: "*И сладко заснул он и в унистой мгле, И сон его вьюга лелеет*".

У Гейне покров пихты (сосны) образуют снег и лед. Михайлов и Яковлев оставляют только снег. Для Гейне образы *Eis und Schnee* являются более важными, чем *weiße Decke*, которое переводится и как "покров снеговой" (Яковлев), и как "саван" (Вейнберг), и как "ковер" (Фет), и как "снежный покров" (Михайлов), и, необычно бережно сохраняя оригинал, "одеялом белым" (Гиппиус). О важности *Eis und Schnee* говорит порядок слов: Гейне сделал их психологическим сказуемым, пытаясь показать, что *Fichtenbaum* находится не только в одиночестве, но и в суровом заточении, которое лишает его возможности действовать. Отсутствие льда у Михайлова и Яковлева не позволяют полностью раскрыться этой мысли, причем строка Яковлева "зарывшись глубоко в туманы", точнее возвратная частица -ся причастия "зарыться", наводит на мысль о добровольном заточений.

В строфе *Einsam und schweigend trauert Auf brennender Felsenwand* глагол *trauern* тоже имеет большое значение. У Гиппиус и Лермонтова – "грустить" (У Гиппиус это глагол, у Лермонтова – наречие), Яковлев – "тоскует". Но, по замечанию Л.В.Щербы [4, с.103], в русской "грусти" много сладости, которой нет в немецком *trauern*. Действительно, *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm* [7] так объясняет глагол *trauern*: „*der tiefe Schmerz über ein trauriges Erlebnis von besonderer schwere*“. Поэтому более точным было бы "горюет" Вейнберга или переданное целым выражением, "в безмолвной глубокой печали" Фета.

Центр тяжести предложения лежит на *auf brennender Felsenwand*. Эти слова поставлены после глагола вопреки грамматическому правилу, по которому глагол в придаточном предложении должен стоять на последнем месте, и тогда требовался бы следующий порядок слов: „...*die auf brennender Felsenwand einsam und schweigend trauert*“. Немецкое *Felsenwand* означает отвесная скала. Поэтому "степь" Яковлева, и даже "холм" Тютчева уничтожает смысл, вложенный Гейне; говорящего об удрученной женщине, находящейся в тяжелом заточении.

Каждое из стихотворений, являющееся переводом Гейне, несет на себе печать стиля и даже образ мыслей переводчика. Особенно ярко это прослеживается в переводе

Лермонтова "На севере диком". Специалисты до сих пор спорят, является ли это стихотворение переводом Гейне или самостоятельным стихотворением. В частности, Л.В.Щерба считает, что "... Лермонтовское стихотворение является хотя и прекрасной, но совершенно самостоятельной пьесой, очень далекой от своего quasi-оригинала". [4, с.97] Сущность стихотворения Гейне академик видит в "мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине" [4, с.99]. "Сущность стихотворения Лермонтова к тому, что некое одинокое существо благодушно мечтает о каком-то далеком, прекрасном и тоже одиноком существе" [4, с.104]. Такой вариант перевода Щерба связывает с традиционным для поэзии Лермонтова, мотивом одиночества, который Лермонтов выносит в переводе на первый план.

А.Смольников [2, с.203] соглашается со Щербой в вопросе о сущности стихотворения Лермонтова, но трактует Гейне по-другому. Он полностью отбрасывает любовный конфликт у Гейне, сохраняя лишь тему одиночества, к которой и сводит стихотворение Гейне. Видя в этом смысл гейневских строк, Смольников доказывает, что "На севере диком" точно передает мысли Гейне и поэтому является переводом его стихотворения.

Основное изменение, внесенное Лермонтовым, вызвано передачей значения слова Fichtenbaum. То есть, оба героя оказываются одного рода, что полностью меняет весь смысл стихотворения: появляется мотив человеческой разобщенности и одиночества. Сосна и пальма не влюблены и не стремятся друг к другу. Напротив, Лермонтов развивает идею "сладкого сна", подчеркивает бессилие, обреченность героев. С прибавкой слова "качаясь" создается впечатление сладостной дремоты, которого нет в оригинале. *ihn schläfert*, соответственно, у Лермонтова переводится как дрема, сон. Академик Щерба полагает, что Лермонтов сознательно снимает или ослабляет ненужные ему элементы трагического. По его мнению, Лермонтов добивается, чтобы стихотворение звучало как легенда, сказка. Fern превращается в "пустыню далекую", из реальной в сказочную, недостижимую страну; север – в "север дикий", Palme – в "прекрасную пальму", "kahle Nöh – в "голую вершину". Он использует в своем переводе слова с оттенком русского фольклора ("зыбучим", "горючим") и сравнение "как ризой", более высокого стиля, чем Деске. В отличие от крайне сдержанного языка Гейне, где нет ни одного лишнего слова, у Лермонтова наоборот обилие эпитетов создает сказочное очарование.

Здесь, в отличие от Гейне, сосна – не грамматическое подлежащее, как Fichtenbaum, а сказуемое, позволяя Лермонтову выделить "на севере диком", и подчеркивая условия, в которых находится эта сосна. Сама же сосна как бы уходит на второй план и лишается индивидуальности, которая присутствует у Гейне. Изменяется и тон повествования: вместо сдержанного языка Гейне строка получает тон "благодушного рассказа".

Хочется обратить внимание еще на одно слово оригинала: Morgenland является синонимом к Osten (восток), но его образное значение, почти стертое в немецком языке: "страна утра". Это образное значение вводит Лермонтов в свое стихотворение: "*В том крае, где солнца восход*".

Несмотря на то, что стихотворение, оказалось "далеким от своего quasi-оригинала", Лермонтов начал все-таки с перевода "Ein Fichtenbaum..." Об этом свидетельствует первоначальный текст, хотя и без пометки на факт перевода. Первая редакция ближе к подлиннику, а кое в чем даже повторяет его. Но уже в нем Лермонтов вносит ряд слов, которых нет в оригинале, и которые перешли во второй вариант. При переработке первоначального текста поэт удаляется от точности. Первый вариант перевода не только более лаконичен, но и проще по лексике, содержит меньше метафор. Интересно, что и в первой редакции Лермонтов переводит Fichtenbaum как сосна. По расположению слов в строках он ближе к подлиннику. Например, *Er träumt von einer Palme* – „Ей снится прекрасная пальма". Пальма ставится на то же место, что и в оригинале. Но уже здесь сосна уходит в конец предложения, теряя место логического подлежащего. Отсутствующее слово "север" заменяется "хладной и голой вершиной", при этом "голая"

перейдет и во вторую редакцию. В этом варианте уже присутствует "качаясь", как и "снегом сыпучим". Невзирая на лаконизм, в первом варианте уже есть ряд слов, привнесенных Лермонтовым, эпитеты ("под снегом сыпучим", "прекрасная пальма", "песчаной скале"). Часть этих изменений переходит во вторую редакцию.

Рассмотрим несколько переводов, где авторы сохраняют идею оригинала. В.Яковлев переводит Fichtenbaum как дуб, то есть сохраняет пару "дуб" – "пальма". Но, в отличие от Гейне, его ничего не сковывает: *"Он дремлет, зарывшись глубоко В туманы, в покров снеговой"*. Напротив, здесь подчеркивается "добровольность" действия. Причастие "зарывшись" можно было бы заменить на "зарытый". И тогда изменился бы смысл всего стихотворения. У Яковлева смысл всего стихотворения сводится к следующему: ничем не скованный мужчина грезит во сне о "зеленой пальме", не пытаясь ничего предпринять. И особенных препятствий для достижения любимой нет. Ведь стоит она не как у Гейне на brennende Felsenwand, а в степи. А сиротка-пальма ждет его и "тоскует". И дуб вряд ли такой уж одинокий, хотя и "одиноко стоит над угрюмой скалой".

В переводе Тютчева главное действующее лицо – кедр. Важно, что он – мужчина. Перевод глаголов ihn schläfert и träumen как "сладко заснул" и "снится ему" дает понять, что "юная пальма" всего лишь сон одинокого кедра. Содержание тютчевского перевода сводится к следующему: одинокий кедр, мечтающий о возлюбленной, заснул под баюканье вьюги (*"И сон его вьюга лелеет"*). Ему снится, возможно, счастливый сон о "юной пальме", потому что он "сладкий". Обращает на себя внимание обилие эпитетов: "на севере мрачном", "на дикой скале", "В инистой мгле", "под мирной лазурью" и т.д. Это придает переводу Тютчева, в отличие от почти протокольного языка Гейне, лиричность, тон русской сказки.

Почти ту же мысль вызывает и прочтение перевода Гиппиус. Тот же кедр, также спит и видит сон. Но как-то ближе он к Гейне. Та же лаконичность, ни одного слова от себя, строгая передача значений. По расположению слов в строфе и отдельных строках он близок к оригиналу. Опираясь на опыт предшественников, З.Гиппиус очень бережно относится к оригиналу, и Гейне поворачивается к нам совсем другой стороной.

Ритмика находится в тесной связи с содержанием стихотворений. Так же, как и оригинал, все переводы написаны амфибрахией. Это позволяет показать неторопливое повествование, уравновешенность мыслей и чувств, полудремоту. Здесь нет и особенного подъема или спада чувств. Почти всем известным нам переводчикам стихотворения удалось сохранить трехударные стихи Гейне. Только Тютчев и Лермонтов вводят четырехударные строки, усиливая тем самым повествовательную интонацию. Причем о Лермонтове стоит сказать особо. Его первая редакция ритмически ближе к стихотворению Гейне. Там, в отличие от окончательного варианта, сохранена трехударность, в то время как второй вариант содержит сочетание стихов с четырьмя ударениями в нечетных строках с трехударными в четных, что придает переводу большую живость. Четырехударные строки в сочетании с обилием эпитетов придают стихотворению особую интонацию рассказывания сказки, в отличие от более "сухой" интонации Гейне. Кроме того, в первом варианте у Лермонтова, как в оригинале, попарно рифмуются лишь четные стихи с мужскими рифмами (что удастся передать Вейнбергу, Гиппиус, Фету, Михайлову). Переписывая свой перевод, Лермонтов усложняет его метрически, вносит в стихотворение своеобразную рифмовку: рифмуются, кроме четных стихов с мужскими рифмами, как у Гейне, еще и нечетные, но не через стих, а через три стиха: первый с пятым, третий с седьмым (с женскими рифмами). Тютчев и Яковлев вводят перекрестную рифмовку. У Тютчева в нечетных стихах мужские рифмы, а в четных – женские. У Яковлева же наоборот – в четных – мужские, а в нечетных – женские.

Заключение

Таким образом, рассмотрев переводы различных писателей, можно сделать вывод, что каждый из них, являясь переводом стихотворения Гейне, по-своему самобытен и неповторим. Так, Лермонтов начал, безусловно, с перевода, но в процессе работы он внес в стихотворение свои коррективы, что сделало его своеобразным, не уступающим по

красоте и смыслу стихотворению Гейне. Если же рассматривать переводы в связи с передачей того или иного значения слова Гейне, то каждый из них имеет свои находки и свои потери.

Вместе с тем необходимо помнить, что в то время, когда было написано большинство из них, то по принятым тогда нормам эти переводы часто являлись тем, что мы называем теперь обработкой сюжета. Любой перевод, каким бы точным он ни был, является переработкой оригинала, тесно связанной с национальной культурой и историческим моментом.

Чтобы раскрыть свою мысль, хочется привести небольшую цитату Н.А. Некрасова, которая сама по себе может служить заключением к сказанному: "Такие поэты как Шиллер, будут постоянно переводиться, и каждый новый перевод будет более и более давать чувствовать красоты подлинника... Каждый век откроет в Шекспире что-нибудь новое, что не поддавалось или ускользало от понимания предшествующего века" [6, с.46-47].

Литература

Статьи

1. Левик В. Гейне и молодые переводчики // Литературная учёба. 1981. – №1. С. 228-231.
2. Смольников А.С. 8 строк Гейне: О стихотворении "Сосна и пальма" // Литературная учёба. 1979. № 2. – С. 198-205

Книги

3. Добролюбов Н.А. Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова. – СПб. 1858. – 144 с.
4. Щерба Л.В. Избранные произведения по русскому языку. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
5. Ritz G. 150 Jahre russische Heine-Übersetzung. Bern; Frankfurt am Main; Las Vegas. 1981. – 478 с.

Электронные ресурсы

6. Некрасов Н.А. Предисловие ко второму изданию «Полного собрания драматических произведений» Шекспира, 1875 URL: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/public/izdatelskaya-deyatelnost/predisloviya-otechestvennyh-zapisok-1868-1876.htm> (дата обращения: 19.03.2021).
7. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Bd. 21, Sp. 1382] – URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#3> (дата обращения: 10.03.2021).

References

Articles

1. Levik V. Heine and the Young Translators // Literary studies, No.1. 1981: p. 228-231.
2. Smol'nikov A.S. 8 lines of Heine: About the poem "Pine and palm" // Literary studies, No.2. 1979: p. 198-205

Books

3. Dobrolyubov N.A. Songs of Heine translated by M.L.Mikhailov. Saint Petersburg, 1858. 144 p.
4. Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1957. 188 p.
5. Ritz G. 150 Jahre russische Heine-Übersetzung. Bern; Frankfurt am Main; Las Vegas: 1981. – 478 p.

Electronic resources

6. Nekrasov N.A. Preface to the second edition of Shakespeare's Complete Dramatic Works, 1875. URL: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/public/izdatelskaya-deyatelnost/predisloviya-otechestvennyh-zapisok-1868-1876.htm> (date of request: 19.03.2021).
7. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Bd. 21, Sp. 1382] – URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#3> (date of request: 10.03.2021).

РЕЛЕВАНТНЫЙ СЛОВАРЬ РАЗЛИЧИЙ В КУЛИНАРНОМ БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Пономарёва Наталия Александровна
преподаватель иностранного языка
Белгородский техникум общественного питания
Белгород, Россия

Сериков Дмитрий Андреевич
студент I курса
специальности Технология продукции общественного питания
Белгородский техникум общественного питания,
Белгород, Россия / balalaika53@bk.ru

Аннотация

Инновация данного разработанного словаря заключается в релевантности использования на уроках иностранного языка синхронного сопоставления британского и американского вариантов кулинарной лексики, особенно необходимой для всех специальностей, существующих в «Белгородском техникуме общественного питания». Аналогов разработанного кулинарного Британско-Американского словаря не существует.

Ключевые слова: актуальный, британский английский, американский английский, овощи, зелень, фрукты, ягоды, кондитерские изделия, блюда, напитки.

RELEVANT DICTIONARY OF DIFFERENCES IN COOKING BRITISH AND AMERICAN ENGLISH

Ponomareva Natalia Alexandrovna
foreign language teacher
Belgorod technical school of public catering,
Belgorod, Russia / balalaika53@bk.ru

Serikov Dmitry Andreevich
1st year student
specialties Foodservice technology
Belgorod technical school of public catering,
Belgorod, Russia / balalaika53@bk.ru

Abstract

The innovation of this developed dictionary lies in the relevance of using a synchronous comparison of British and American culinary vocabulary in foreign language lessons, which is especially necessary for all specialties that exist in the Belgorod Public Catering College. There are no analogues of the developed British American Culinary Dictionary. The purpose of this dictionary is to analyze the modern English-language continuum and characterize the typical linguistic divergences in the culinary field between the two most prestigious varieties of modern English: British and American.

Key words: relevant, British English, American English, vegetables, green-stuff, fruit, berries, confectionery, dishes, the drinks.

Согласно инновационным концепциям современности, владение языком означает не только знание лексико-грамматических конструкций этого языка, но и умение применять их в различных социальных и культурных контекстах. Эта идея впервые была рассмотрена в работах известного американского лингвиста В. Лабова [1] и затем была развита Д. Хаймсом, который назвал такой уровень владения языком коммуникативной компетенцией [2]. Концепция коммуникативной компетенции получила широкое признание в современной педагогике и послужила основой для развития коммуникативного метода обучения иностранным языкам.

До середины 50-х годов оставшегося позади столетия статус международного стандарта была закреплена за британским литературным вариантом английского языка, однако в настоящее время эту функцию выполняет равно американский литературный вариант английского языка.

Модерновый английский язык – это гетерогенная система, в которой уживаются многочисленные варианты и формы [5].

Целью создания данного словаря является анализ современного англоязычного континуума и характеристика типичных языковых расхождений в кулинарной сфере между двумя наиболее престижными вариантами современного английского языка: британским и американским.

В Великобритании и США английский язык был наделен легальным статусом раньше, чем в других англоязычных странах, и на текущий момент литературные формы английского языка этих двух стран являются эталонами обучения английскому языку во всем мире [3].

Ной Вебстер (1758–1843) издал учебник по английской орфографии в 1783 году, первым реформировал правописание большей части лексики международного британского варианта английского языка. Введенная Вебстером орфография приобрела статус стандартной после опубликования им в 1828 году словаря «*An American Dictionary of the English Language*», который в последующих изданиях стал носить название словарь Вебстера (Webster's Dictionary).

Ной Вебстер, переделав лексический запас Британского варианта английского языка, предложил измененное правописание и всей пищевой лексики. Проведя скрупулезную аналитическую выборку и анализ двух вариантов пищевой лексики на грамматическом уровне, мы сформировали Релевантный словарь различий в кулинарном Британском и Американском английском.

Синхронно необходимо выделить два базисных типа отличий между лексическими единицами американской и британской лексико-семантических систем кулинарной лексики: различия в плане выражения и различия в плане содержания. Части противопоставлений первого типа называются лексико-семантическими аналогами, а части противопоставлений второго типа – лексико-семантическими дивергентными [4]. В нижеследующей таблице представлены примеры таких аналогов и дивергентных.

British English	American English	Translation
Aubergine	eggplant	баклажан
beetroot	beet	свёкла
courgette	zucchini	Цуккини, кабачок
rocket	arugula	руккола
cos	romaine	салат ромэн
maize	corn	кукуруза
chicory	endive	цикорий
coriander	cilantro	кориандр, кинза
haricot beans	Navy beans	фасоль
French beans, runner beans	String beans	стручковая фасоль
green pepper	bell pepper	болгарский перец
pomegranate	garnet	гранат
tangerine	mandarin	мандарин
pawpaw	papaya	папайя
date-plum, sharon fruit	persimmon	хурма
blackberry	bramble	ежевика
bilberry	blueberry	черника
cowberry	lingonberry	брусника
Rose hip	brier	шиповник
sultana	raisins	изюм
biscuit	cookie, cracker	печенье

graham crackers	digestive biscuits	хрустящее печенье из непросеянной пшеничной муки
sweet	candy	конфета
fairy cake	cupcake	кекс
pudding	dessert	десерт
tart	pie pasty	пирог, пирожок
icing	frosting	глазурь
candyfloss	cotton candy	сахарная вата
jello	jelly	желе
donut	doughnut	пончик
sorbet	sherbet	фруктовое мороженое
ice lolly	ice pop	мороженое на палочке
icing sugar	powdered sugar	сахарная пудра
cornstarch	cornflour	кукурузный крахмал
chocolate bar	candy bar	шоколадка
double cream	heavy cream	взбитые сливки
preserves	jam marmalade	варенье
jelly babies	jelly beans	мармелад
lolly	lollipop	леденец на палочке
treacle	molasses	патока
starter	appetizer	закуска
bag	hamburger bun	булочка для гамбургера
brown bread	wholemeal bread	ржаной хлеб
chips	French fries	картофель фри
crisps	potato chips	картофельные чипсы
faggot	meatball	фрикаделька
fish fingers	fish sticks	рыбные палочки
jacket potato	baked potato	печёный картофель
mash	mashed potato	картофельное пюре
polony	bologna	варёно-копчёная свиная колбаса
porridge	cooked oatmeal	овсяная каша
beefburger	hamburger	гамбургер
sandwich	butty	бутерброд
doner kebab	gyro	шаурма
macaroni cheese	mac and cheese	макароны с сыром
banger	sausage	сосиска
liver sausage	liverwurst	ливерная колбаса
omelette	omelet	омлет
kipper	smoked herring	копчёная селёдка
smoked salmon	lox	копчёная лососина
grill	broiler	гриль
rasher	slice (bacon)	тонкий ломтик ветчины
gammon	ham	ветчина, окорок
minced meat	ground meat	мясной фарш
whisky	whiskey scotch	виски
coffee white, without	coffee cream, no sugar	Кофе с молоком без сахара
cup of tea	cuppa	чашка чая
real lemonade, squash, cordial	lemonade	лимонад
spirits	liquor	Спиртной напиток (виски, водка, джин)

Таким образом, исходя из характеристик сформированного актуального словаря Англо-американских лексико-семантических аналогов, возникает вывод: что по частотности употребления в мировом языковом континууме, именно Американская кулинарная лексика превалирует и пользуется невероятной популярностью. Генеральным заключением является колоссальный успех инновационного Американского варианта кулинарной лексики, несмотря на относительно автономное его развитие в течение длительного исторического периода.

Литература

1. Лабов В. Изучение языка в его социальном контексте // Фишман Дж. А. Успехи социологии языка. Том. 1. – Гаага: Мутон, 1971. – С.153.
2. Хаймс Д. О коммуникативной компетентности // Прайд Дж. Б., Холмс Дж. Социоллингвистика: избранные материалы. – Книги Пингвинов, 1972. – С. 111, 146, 221, 229.
3. Чешир Дж. Великобритания и США // На английском языке по всему миру. Социоллингвистические перспективы / Дж. Чешир. – Кембриджский унив. Press, 1991. – С. 13.
4. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии.– М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 104, 114.
5. Эльянова Н.М. Сравнительная характеристика британского и американского английского языка. *Ленинград: Просвещение, 1971. 324 с.*

References

1. Labov W. The Study of Language in its Social Context // Fishman J. A. Advances in the Sociology of Language. Vol. 1. – The Hague: Mouton, 1971. – P.153.
2. Hymes D. On Communicative Competence // Pride J. B., Holmes J. Sociolinguistics: Selected Readings. – Penguin Books, 1972. – P. 111, 146, 221, 229.
3. Cheshire J. The UK and the USA // In English around the World. Sociolinguistic Perspectives / J. Cheshire. – Cambridge Univ. Press, 1991. – P. 13.
4. Schweitzer A. D. Literary English in the USA and England. – М.: Editorial URSS, 2003. – P. 104, 114.
5. Eljanova N.M. Comparative characteristics of British and American English. Leningrad: Education, 1971. 324 p.

УДК 811.161.1

СЛОВАРЬ ПАНДЕМИИ: «САНИТАРНАЯ» НЕОЛОГИЗАЦИЯ

Седых Аркадий Петрович
доктор филол. наук, профессор
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Заметта Дарья Николаевна
зав. учебно-методическим управлением, ст.
преп. каф. юриспруденции
Московский Международный университет
Москва, Россия / dnk_78@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается лексический материал национальных языков, «обогащённых» пандемией. Рассматривается словообразовательный потенциал неологизмов, которые представляют собой неисчерпаемый материал для исследований не только лингвистического свойства, но и является базовым материалом отображения менталитетных свойств нации. Выявляются элементы языковой игры, свойственные для словообразовательного феномена в моменты кризисных состояний любого социума.

Выдвигается рабочий тезис о том, что категория «языковая игра» обладает высокой степенью лингвокультурной активности в современном дискурсе, и находит своё отражение в языковой картине мира. Намечаются перспективы исследования неологического творчества и коммуникативно-концептуальной картины мира в дистантных языках.

Ключевые слова: дискурс, языковая игра, словообразование, неологизация, языковая картина мира, лингвокультура.

PANDEMIC DICTIONARY: «SANITARY» NEOLOGIZATION

Sedykh Arkadiy Petrovich

Dr. philol. sciences, professor
Belgorod State National Research
University

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Zametta Daria Nikolaevna

head educational and methodological
management, senior lecturer at the Department of
Law

Moscow International University
Moscow, Russia / dnk_78@mail.ru

Abstract

The article examines the lexical material of national languages "enriched" by the pandemic. The article considers the word-formation potential of neologisms, which are inexhaustible material for research not only linguistic properties, but also are the basic material for displaying the mental properties of the nation. The elements of a language game are revealed that are characteristic of a word-formation phenomenon at moments of crisis in any society. A working thesis is put forward that the category "language game" has a high degree of linguocultural activity in modern discourse, and is reflected in the linguistic picture of the world. Prospects for the study of neological creativity and the communicative-conceptual picture of the world of national linguoculture are outlined.

Key words: discourse, language-game, word formation, neologization, linguistic picture of the world, linguistic culture.

Для каждого исторического поворота – свой словарь. События современного мира с неизбежностью «подпитывают» национальные языки неологизмами, которые вторгаются в обыденный язык, а затем продолжают своё существование в словарях, как энциклопедических, так и лингвистических (толковых). Санитарный кризис начала XXI века не является исключением. В настоящее время термины общелитературного языка «маска», «вирус», «удалённая работа», «изоляция», «карантин» теперь входят в активный словарь большинства мировых социумов. Лингвокультурная экспансия слова «изоляция» [*confinement* (фр.); *lockdown* (англ.)] активизировалась до такой степени, что данный термин был избран словом года по версии популярного британского словаря *Collins* – 2021 [2].

Если официально употребляемая терминология знакома большинству представителей национальных сообществ (*вакцинация, ковид, локдаун* и пр.), то неологический фонд разговорного дискурса обогащается специфическим вокабуляром, не всегда освоенным каждым носителем национального языка, и единицы которого появляются благодаря феномену «языковая игра». Так, в языке россиян отмечено появление следующих аксиологических неологизмов: *вируспруденция, гречкохайп, коронавирьё, карантец, карантэ, ковидло, макароновирус, маскобесье* (<https://russian.rt.com/science/news/803798-lingvisty-leksikon-pandemiya>). На уровне морфологического состава можно говорить о наличии в составе приведённых неологизмов следующих словообразовательных элементов: презрительно-уничижительных суффиксов (субъективной оценки): – *вьё, – вье* (вороньё, бабьё, офицерьё, мужичьё, ворьё); жаргонных постфиксов – *тец* (ездец, крантец, трандец); – *ло* (погоняло, копало, шугало, хамло, чухло). Интересно отметить модные семантико-словообразовательные «изыски» новорусского языка: *гречкохайп* и *макароновирус* = ажиотажное поведение россиян по

поводу «нервных» закупок гречи и макарон в преддверии предполагаемого тотального повышения цен на продукты.

Отдельного внимания заслуживает феномен «ковидных анекдотов», которые отражают «бодрое» отношение россиян к эпидемии века. Приведём по нашему мнению наиболее яркий из них: Вопрос на Прямой линии:

Владимир Владимирович! Это Нина Егоровна, 75 лет, Саратовская область! У нас горячей воды нет, сортир на улице, половину пенсии отдаю за ЖКХ, больницу закрыли, скорая к нам не едет. У меня вопрос: не окажет ли пандемия коронавирусной инфекции 2019-нСov негативного влияния на сроки реализации важнейшего национального проекта «Цифровая экономика»? Спасибо, дай вам Бог здоровья! (<https://www.interessant.ru/people/aniekdoty-o-koronavirusie>).

Подобные шедевры пандемической стойкости и критической позитивности достойны отдельного исследования, поэтому мы рассматриваем данный материал в рамках эпистемологической перспективы выявления доминантных черт языкового мышления в рамках прагмакоммуникативного подхода к анализу языковых явлений. В любом случае, вышеприведённые коммуникативные паттерны говорят о высоком потенциале лингвопсихологических способов адаптации человека (в частности россиян) в период кризисов любой природы. Несомненно, данные неологизмы не входят в активный общелитературный фонд носителей русского языка, но они передают важные элементы лингвокультурного мировоззрения нации.

Рассмотрим некоторые единицы современного «пандемического» вокабуляра Французской республики, которые находят своё отражение в национальных словарях типа Robert и Larousse. Так, неологизмы «*déconfinement*» (отмена режима самоизоляции), «*Covid*» (Ковид), «*gestes barrière*» (меры предосторожности), «*distanciation sociale*» (социальное дистанцирование), «*patient zéro*» (нулевой пациент) уже вошли в арсенал словарных статей словаря Le Petit Robert 2021. Данные слова практически официализированы во французской лингвокультуре, но следующие пандемические словообразования вызывают особый интерес с точки зрения изучения людической коммуникации французов: «*lundimanche*», «*confinemanche*», «*apérue*», «*coronabdos*», «*confifi*», «*déconfifi*». Найти эквиваленты данным неологизмам в русском языке не представляется возможным, поэтому воспользуемся «услугами» комплексных переводческих трансформаций [1].

Итак, рассмотрим квазипаронимную пару «*lundimanche*» и «*confinemanche*». Первая лексема образована из слияния двух слов *lundi+dimanche* (понедельник+воскресенье), морфология которых подчеркивает монотонность пандемической недели, состоящей из дней похожих друг на друга как две капли воды (напоминает известный всему миру «день сурка»). Последующий запрет покидать своё жилище «породил» ещё одно слово *confinemanche* для обозначения типичной недели в период локдауна, в течение которой французы стали даже забывать и путать даты. Второе слово также состоит из двух «обрезанных» слов по принципу апокопы (отсечение последнего слога) *confinement* (изоляция) = *confine*, и по принципу афезы (опущение первого слога) *dimanche* (воскресенье) = *manche*. Если первая лексема более «привычна» для уха французов, то вторая обладает семиотическим потенциалом ироничной прагматики, так как включает в себя три элемента (две морфемы ограниченного употребления и одна – нейтральная, но потенциально арготическая) с соответствующими семами: *con* (груб.), *fine* (выс.), *manche* (арго.).

Закрытые рестораны и бары не мешают барменам продавать алкогольные напитки навынос, особенно в таких больших городах как Париж. В настоящее время нередко можно видеть парижан, сидящих на тротуаре с бокалом (стаканом) аперитива в руке. Дело в том что французы в прямом смысле не могут жить без аперитива (*apéro*), отсюда и появление нового слова, отражающего современные кризисные реалии: *apérue* (букв. ‘аперитив на улице’). Сюда же следует отнести «алкоронавирусные» языковые единицы, отражающие «виртуальные» способы потребления спиртного: «*coronapéro*»,

«whatsapéro», «skypéro», «vodkafone», «whiskype» (), «zoombar». Не забудем и креативно развивающуюся во многих странах практику «выпивания» в пижамах или в исподнем: для итальянцев – «le **quarantini**», для японцев – «**on-nomi**», для финнов – «**kalsarikännit**».

Следующий пакет «коронавирусных» неологизмов: «**confifi / déconfifi**», «**confinage**», «**confination**», «**confinature**», «**confinette**»; «**solidaritude**» отражает лингвосемиотическую стойкость, но иногда некоторую нервозность (*covidéprimer* = ощущать ковидодепрессию, *émarmailleur* = испытывать непреодолимое желание отшлёпать детишек, постоянно находящихся перед глазами родителей) французов перед лицом монотонности и повторяемости каждодневного существования. Характерными в этом плане являются лексемы, касающиеся здоровья (*graduvid*, *immobésité*, *coronabdos*; *homezage*), а также слова, состоящие из «дистанционного» префикса – *télé* и глагольных конструкций (*télévaluer*, *télédéconnecter*, *faire des télépauses*, *téléfetes*, *télétravailleurs*).

Необходимо отметить недавно появившиеся ругательства, которые имеют интернациональный характер: (фр. *covidiot*, *confini*, *paranovirus*, *hypoconfiniaque*; итал. *covidiota*; англ. *covidiot*). Наконец, совсем недавно обнаруженный словообразовательный «новодел» *vaccinodrome* (перев. транслит. ‘вакцинодром’), отражающий французскую реалию последних недель. Речь идёт о стадионах, переоборудованных для целей массовой вакцинации.

Таким образом, «изобретение» новых слов и словосочетаний выполняет своеобразную терапевтическую функцию, помогающую «выпустить пар», образовавшийся из-за устойчивого состояния апатии и перманентной тревоги. Человеческое сознание, скорее всего, структурировано наподобие языковых структур, тем самым мозг «защищается» от внешнего давления угнетающей действительности. Любой кризис обостряет креативные способности человеческого существа, и в этом плане, не имеет значения какой национальности это существо.

Литература

1. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.
2. Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/submissions/latest> (Accessed 11.04.2021)

References

1. Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2019) *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticheskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND. 128.
2. Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/submissions/latest> (Accessed 11.04.2021)

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ РУССКИХ ИМЕН КАЧЕСТВА С СУФФИКСОМ *-ИЗМ* В ТОЛКОВОМ И МОРФЕМНОМ СЛОВАРЯХ

Чжан Шучунь
аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия / shushu8522@mail.ru

Аннотация

Существительные с суффиксом *-изм* как тип производных имен качества описываются в толковом и морфемном словарях разнообразно. Соотносясь с прилагательными, одно и то же существительное данного типа может описываться как мотивирующая единица в

толковом словаре, а мотивированная – в морфемном. В этом отражается вопрос о расхождении формы и семантики производных единиц в русском языке, а также о статусе слов на *-изм* как имен с качественной семантикой, имеющих иностранное происхождение. Анализ словарных описаний имеющихся существительных на *-изм* в словаре Н.Ю. Шведовой показывает, что значение качества у данных слов описывается в менее явном виде, чем у слов с исконно русскими суффиксами, притом отсылка к прилагательному всегда отсутствует. Однако в морфемном словаре под редакцией В.В. Лопатина и И.С. Улуханова существительные на *-изм* в основном описываются как мотивированные прилагательными единицы. Выяснилось, что для более полного описания существительных с суффиксом *-изм* потребуется больше информации о их соотношениях с прилагательными. Для этого необходимо использовать корпуса текстов как живой материал.

Ключевые слова: деадъективная номинализация, имена качества, синтаксическая деривация, словообразовательный тип, регулярная полисемия

ON DESCRIPTION OF RUSSIAN NOMINA QUALITATIS FORMED WITH THE *-ISM* SUFFIX IN EXPLANATORY AND MORPHEME DICTIONARIES

Zhang Shuchun

postgraduate student

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia / *shushu8522@mail.ru*

Abstract

In this paper Russian *nomina qualitatis* with the *-ism* suffix as a type of formed abstract nouns are analysed in the perspective of differed lexicographical principles, applied in explanatory and morpheme dictionaries. As a result of deadjectival nominalisation, the given nouns with quality semantics are described in the explanatory dictionary of N. Shvedova as non-derivative words, the meanings of which are defined by other *nomina qualitatis*, formed with nonborrowed Russian suffixes *-ost'*, *-ota*, *-schina* and etc. Meanwhile, in the morpheme dictionary of V. Lopatin and I. Ulukhanov, the same category of words is defined as derivatives, while described through their connection with the relative adjectives. This difference demonstrates a crucial problem in the field of Russian word-formation: the discordance of the form and the semantics, often detected in a formed Russian word. The analysis shows that more detailed and attached work should be done in order to give a comprehensive description of the studied word-formation type.

Key words: deadjectival nominalisation, name of quantity, syntactic derivation, word-formation type, regular polysemy

Имена качества представляют собой один из основных типов синтаксических дериватов и уже давно стали объектом системного описания в российской и зарубежной лингвистике. Называя качество, они регулярно мотивируются прилагательными (ср. *строгий* > *строгость* и т.п.).

Важной особенностью русского языка, осложняющей его изучение и перевод, является то, что для такого грамматического явления, как синтаксическая деривация, в русском языке используются разнообразные словообразовательные, а не грамматические средства. Так, согласно «Русской грамматике», при образовании существительных со значением отвлеченного признака используются более 10-ти суффиксов [6: 175]. Что еще важнее, с помощью этих средств порождаются семантически неоднозначные единицы. Можно говорить о своего рода «словообразовательной парадигме», реализуемой при образовании русских имен качества от прилагательных. Состав этой парадигмы определяется теми видами преобразований, которые возможны для пары «качество + его носитель». При изосемическом грамматическом выражении качество оформляется в русском языке виде пары «прилагательное+существительное».

Как отмечал Е. Курилович, признак в такой паре может занимать как позицию определения, так и позицию сказуемого ((1) *скромный человек так не скажет* – (2) *Этот*

человек скромный). При синтаксической деривации происходит «синтаксическая субстантивация сказуемого» [3: 64]. В результате, как пишет Е. А. Земская, возникают «существительные – имена действий и признаков в отвлечении от их носителей <...>. При этом реализуется конструктивная функция словообразования» [2: 165].

«Отвлечение» от носителя при номинализации предиката качества заключается не в том, что признак обретает способность употребляться без носителя. Последний сохраняется, но имя качества становится грамматически главным, присоединяя к себе в русском языке зависимое имя носителя в виде «валентности» *кого/чего*. При этом такое преобразованное сочетание сохраняет исходную пропозитивную семантику и обозначает факт наличия качества. Это позволяет сделать само наличие качества объектом дальнейшего самостоятельного осмысления. Ср.: *Это скромный человек > Скромность этого человека заслуживает уважения* (= 'тот факт, что этот человек скромен ...).

«Синтаксическая субстантивация сказуемого» – важная особенность русского литературного языка, отличающая его от китайского языка, для которого такая трансформация не характерна. Эта трансформация позволяет «сворачивать» фактологическую пропозицию и помещать ее в позиции субъекта, объекта, признака ситуации, т.е. обеспечивает полипропозитивность высказывания.

Как показал Е. Курилович, производные существительные возникают в результате номинализации не только сказуемого, но и определения. Такая трансформация – Е. Курилович считал, что она возникает на втором этапе деривации – порождает уже не синтаксические, а лексические дериваты [3: 64]. Как отмечается в работах по семантике (см., например, [Панов 1962], [Апресян 1974]), нужно два вида трансформации лексического значения исходного атрибута качества – «параметрическую» и «опредмеченную» трансформацию. Первая сопровождается незначительным изменением в семантике качества – устранением семы 'большое количество' ('*magn*'). Существительное имя признака в этом случае начинает обозначать сам параметр, на основе которой измеряется признак, никак не характеризуя его величину. Третий вид трансформации имеет другой семантический механизм – он представляет собой перенос имени качества на определенный, конкретный класс носителей. В результате исходное словосочетание «качество+носитель» обозначается одним словом – существительным. В этом случае можно говорить о реализации как номинативной, так и компрессивной словообразовательных функций.

В русском языке эти разные типы трансформаций могут обозначаться с помощью одного и того же существительного. Это порождает регулярную многозначность Ср., например, слово *емкость*:

(1) *Этот бак отличается своей емкостью* = 'он имеет качество быть емким' (синтаксический дериват (СД)), обозначает качество 'быть емким');

(2) *Емкость этого бака – 10 литров. Она недостаточна.* = 'он емкий в недостаточной степени' (параметрический дериват).

(3) Они уже наполнили водой все ёмкости («предметный» дериват).

Однако здесь наблюдается большая непредсказуемость. Ср., например, невозможность использовать в роли СД или «параметра» слова *гадость* (*гадость чего).

Никаких формальных показателей, указывающих на то, может ли слово использоваться как синтаксический дериват и/или параметр в самом русском слове нет. Нерегулярный характер носит и выбор суффикса, используемого при образовании имени качества. Поэтому задача описания семантики таких существительных с точки зрения их функций является очень актуальной и практически важной. Прежде всего важно определить круг тех средств, с помощью которых в русском языке наиболее активно осуществляется синтаксическая деривация. Лучше всего, хотя и в недостаточной степени, в этом отношении описаны слова на -ость.

Гораздо в меньшей степени исследовался заимствованный, но продуктивный суффикс *-изм*, который в некоторых случаях конкурирует с основным средством

синтаксической деривации – суффиксом -ость. Поэтому именно он стал объектом исследования в данной статье.

Для анализа мы использовали описание значений суффикса *-изм* в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» (далее ССА) [Лопатин, Улуханов, 2016] и «Толковый словарь русского языка с включением сведений об этимологии слов» [Шведова 2011].

Наличие специальных словарей словообразовательных морфем – важная особенность русской лексикографии. Такие словари – относительно новое явление в русском языкознании. Их наличие отражает важность словообразовательных средств для русского языка. В «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» выделяются три омонимичных суффикса: ИЗМ¹, ИЗМ² и ИЗМ³. Второй и третий омоним имеют очень конкретные значения: *-ИЗМ²* – 2. элемент языка, речи, произведения; *-ИЗМ³*. целое, состоящее из частей (*организм* и пр.) [4: 353].

Значение суффикса *-ИЗМ-1* описано так: «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, качество, склонность, образ мыслей, сфера жизни и деятельности, болезнь, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим словом [там же, с. 348]. Таким образом, значение «чистого» качества, без конкретизации его носителя, включено в словарь в семантику самого суффикса как одно из возможных.

‘Качество’ присутствует также в виде одного из перечисляемых значений словообразовательного типа «сущ. < сущ. – имя живого существа» (*героизм* < *герой* и т.п.). Ср.: «1.1.1. ЗП: **качество**, свойство, образ мыслей и действий, направление, болезнь, носителем который является лицо или живое существо, названное мотивирующим словом» [там же]. Важно, что производящее существительное в этом типе является нарицательным, а не собственным.

Поскольку существительные – имена качества в норме образуются в русском языке от качественных прилагательных, механизм образования таких слов от существительных представляет особый интерес. Можно, очевидно, предположить, что в случае *герой*, *эгоист*, *-> героизм*, *эгоизм* ... суффикс *-изм* выполняет функцию «извлечения» качества из имени лица. Это позволяет использовать как средство трансформации, аналогичной СД: качественное имя лица > качество лица: *Он ведет себя как герой, эгоист ! > Его героизм восхищает*. Имя качества и имя лица при этом обозначаются разными лексемами, образуя сочетание «качество кого». При этом качество характеризует обычно специфику поведения человека. Это проявляется в возможности появления в этом сочетании конкретизаторов типа «героизм его *поступка, поведения*».

Поскольку для имени качества первична часть речи «прилагательное», в русском языке процесс «извлечения», лексического «отделения» качества от его лица-носителя достаточно регулярно сопровождается появлением прилагательного (ср.: *героический*, *эгоистичный* и пр.), а также номинализацией этого прилагательного с помощью суффикса *-ость* (героичность, эгоистичность). Будучи исторически производным, такое прилагательное семантически занимает исходную позицию в деривационной цепочке в силу своей семантики: * *герой* > *героизм* > *героический* начинают восприниматься в *героический* (качество) > *героизм* (отвл. качество), *герой* (лицо с качеством). Таким образом, с помощью рассматриваемого словообразовательного типа сущ. *-изм* < сущ. *-лицо* русский язык осуществляет важную когнитивную функцию – извлекает новые качества лиц из заимствуемых из других языков имен существительных, помогая носителям языка лучше осознавать эти качества.

При описании значения словообразовательного типа «сущ. < прил.» (*аполитичность*, *аморализм* и пр.) слово *качество* в ССА не используется. Здесь находим только *свойство*, *склонность*. Ср.: «ЗТ: общественно-политическое, идейное... направление, образ мысли, склонность, свойство, явление, сфера действительности, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прилагательным [там же, 350]. Ср.:

гуманизм (гуманный образ мыслей), историзм (=историчность, исторический подход), универсализм (=универсальность), эмпиризм, интернационализм, аполитизм, эротизм, аморализм, автоматизм, жпикуреизм, классицизм, сентиментализм, рационализм, динамизм, идеализм, радикализм, романтизм, историзм [там же].

При работе с такими толкованиями возникает проблема того, как нужно понимать дефиниции «качество» и «свойство». Очевидно, их нельзя понимать как синонимы. Можно, очевидно, говорить о том, что они в общем случае отражают разницу между качественными и «относительными» признаками. Поскольку синтаксические дериваты образуются от имен качества (качественных прилагательных), то нужно предположить, что отсутствие в перечислении упоминания *качества* является признаком того, что функция СД для типа *-изм* «сущ.< прил.» него не характерна. Это представляется странным, поскольку в норме номинализуются именно прилагательные, а не существительные. В связи с этим возникает вопрос о том, действительно ли для слов этого типа не характерна функция СД. Анализ таких слов показывает, что их можно разделить на четыре основных типа: а) слова, способные обозначать качество поведения лица (его гуманизм = его гуманность); б) слова, обозначающие качества продуктов деятельности лица (лиризм = его лиричность X); в) слова, обозначающие качества неличного носителя (параллелизм = их параллельность); г) слова, не имеющие качественной семы (*альпинизм*).

Слова, которые содержат качественную сему, способны управлять существительным-носителем признака. В типе (а) часто возникает неединственная мотивация, поскольку при слове на *-изм* во многих случаях есть и однокоренное имя лица (ср.: *гуманизм* < *гуманист*, *идеализм* < *идеалист*, *радикализм* < *радикал* и пр.). В связи с этим возникает вопрос о том, чем отличается *эгоизм* < *эгоист* (тип сущ.<сущ. по ССА) и *гуманизм* < *гуманист*, *гуманистический*. Семантическая разница здесь достаточно неочевидна. Но обращает на себя внимание то, что в словах, относимых в ССА к типу «сущ < прил.», носителем качества выступает не просто поведение лица, а **взгляды**, определяющие это поведение. То есть отделение качества от его конкретного носителя представляется в этом случае менее полным. Это проявляется с помощью употребления конкретизатора типа «взгляды» и др.

В подтипе (б) типе, где слово на *-изм* характеризует продукт деятельности лица, также сохраняется способность управлять именем лица (кого) (ср. *его лиризм*, *его историзм*), но здесь еще более очевидна необходимость конкретизации неличного носителя (его лиризм = *лиризм его поэзии, стихов*; *его историзм* – *историзм метода, применяемого в его труде*). И в первом, и втором случае при сочетании с управляемым именем лица регулярно возникает эффект эллипсиса и ощущение компрессии. Чем он сильнее, тем труднее говорить о чисто конструктивной функции.

В третьем случае – при неличном носителе, значение качественной характеристики может вообще отсутствовать. Ср. *альпинизм*. Если же оно присутствует, то функция СД возможна (ср: Эти линии параллельны = *их параллельность очевидна*)

Описание суффикса *-изм* в ССА позволяет сделать следующие выводы. Значение «качество» входит в семантику самого суффикса. Функция «чистой» синтаксической деривации существительные на *-изм* способны реализовать в словообразовательном типе «сущ < нариц. сущ., обозначающее лицо» (см. *эгоизм* < *эгоист*). Здесь такие слова обозначают качество, характеризующее поведение лица. При мотивации прилагательным конструктивная функция у слов на *-изм*, управляющих именем лица, регулярно сочетается с функцией номинации характеризуемого аспекта поведения лица (конкретного неличного носителя качества, см. *гуманизм* < *гуманный, гуманизм*) – это тип взглядов или тип характерная особенность используемого метода (см. *лиризм, историзм*).

Нужно особо отметить, что в ССА отмечена в виде подзначения типа сущ. < сущ. и параметрическая функция слов на *-изм*. См.: 1.1.4 || «Изменчивое, количественно измеряемое явление»: *травматизм* [там же: 349].

Описание словообразовательных типов дает только общее представление о возможностях слов на -изм. В силу высокой степени лексикализации информацию о способности русского существительного быть синтаксическим дериватом следует искать в толковых словарях.

Мы проанализировали с этой целью описание слов на -изм в «Толковому словарю» под ред. Н. Ю. Шведовой [Шведова 2011]. Всего, по БД ЛОКЛЛ этого словаря, в нем оказалось 281 слово с финалью -изм.

В отличие слов на -ость, у которых явным признаком функции СД является отсылочный способ описания или описание в статье прилагательного, у слов на -изм эксплицитного указания на СД нет. Здесь приходится опираться на косвенные признаки.

При поиске признаков функции СД нами была выдвинута следующая исходная гипотеза: одним из таких признаков может служить наличие в словарной статье слова на -изм производного прилагательного. Ср.:

АЛЬТРУИЗМ: (книжн.). Готовность бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими интересами. || *прил. альтруистический*;

ДОГМАТИЗМ: Некритическое мышление, опирающееся на догмы. || *прил. догматический*;

Однако оказалось, что этот признак использовать нельзя, так как в словаре нет помет о том, качественное это или относительное прилагательное. Производные прилагательные даны в статьях абсолютного большинства существительных на -изм: 202 из 281. При этом большая их часть – это относительные прилагательные, т.е. синтаксические дериваты существительных. Ср., например:

АБСЕНТЕИЗМ – абсентеистский

АБСОЛЮТИЗМ – абсолютистский

АНАРХИЗМ – анархический [Шведова 2011].

Некоторые из таких прилагательных (например, *деспотический*), могут номинализироваться существительными на -изм, характеризуя качество поведения лица. Однако информация о такой возможности дается опосредованно – чаще всего через указание на синонимию с прилагательным, имеющим производное слово существительное на -ость. В [Шведова 2011] всего нашлось 10 случаев такого типа описания (сущ. на -изм > прил. на -ический > прил. на -ичный > сущ. на -ость) – *авантюризм, альтруизм, аристократизм, бюрократизм, механизм, синкретизм, флегматизм, энциклопедизм, эротизм, эгоизм, эгоцентризм*. Ср.:

АЛЬТРУИЗМ: (книжн.). Готовность бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими интересами;

АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЙ: 1. см. *альтруизм*. 2. То же, что *альтруистичный*.

АЛЬТРУИСТИЧНЫЙ: Проникнутый альтруизмом, самоотверженный. || *сущ. альтруистичность* [Шведова 2011].

Однако указание на синонимию и наличие однокоренного слова на -ость есть далеко не всегда. Ср., например, отсутствие указания на синонимию *романтический – романтичный* в статье слова РОМАНТИЗМ:

РОМАНТИЗМ: 1. Направление в искусстве конца 18 – первой четверти 19 в. <...>. 2. Направление в искусстве <...>. 3. Умонастроение, мироощущение, проникнутое идеализацией действительности, мечтательной созерцательностью (книжн.). || *прил. романтический*;

РОМАНТИЧНЫЙ: Проникнутый романтизмом (в 3 знач.), мечтательно-созерцательный. || *сущ. романтичность* [Шведова 2011].

Самым явным способом указания на наличие функции СД можно считать непосредственное толкование слова на -ИЗМ через однокоренное слова на -ость, если оно есть в языке. Однако такое толкование встречено в Словаре только для описания 4-х слов (*демократизм, трагизм, гуманизм и универсализм*). При этом они выступают в 3-х толкованиях не как точные синонимы, а с характеризующими компонентами. Ср.:

ДЕМОКРАТИЗМ: 2. Простота и доступность в обращении с окружающими, **демократичность в жизни, в поведении;**

ГУМАНИЗМ: 1. Гуманность, человечность **в общественной деятельности, в отношении к людям;**

УНИВЕРСАЛИЗМ: (книжн.). Разносторонность, **универсальность в знаниях, сведениях.**

У слова *трагизм* однокоренное сущ. используется для описания одного из двух значений:

ТРАГИЗМ: 1. Трагический элемент в художественном произведении. 2. То же, что **трагичность** [Шведова 2011].

Таким образом, по «формальным» признакам выявить слова на *-изм* с функцией СД не удастся. Приходится анализировать их толкования, причем не на предмет наличия этой функции, а на предмет наличия в значении слова на *-изм* семы «качество». Это связано с необходимостью устранить из дальнейшего анализа слов типа *альпинизм, организм и т.п.* Самым явным признаком «качественности» является толкование через существительные с очевидной «качественной» семантикой, т.е. производные от качественных прилагательных, а также указание в толковании на степень признака.

Найдено 57 слов на *-изм*, толкуемых таким образом (включая 2 слова, толкуемые через родственные единицы на *-ость*). Здесь используются существительные на *-ость, -ота, -ство, -ие, -щина, -ица*, производные от качественных прилагательных. Ср.:

АПОЛИТИЗМ: **Безразличие** к вопросам политики, к общественно-политической жизни; (Ср. *безразличный*)

БЮРОКРАТИЗМ: 2. **Канцелярица**, пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей

ГЕРОИЗМ: Отвага, **решительность** и самопожертвование в критической обстановке;

ИДИОТИЗМ ‘2. **Глупость, бессмыслица**’

ЦИНИЗМ: Пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, **наглость, бесстыдство;**

Ср. также ЭГОЦЕНТРИЗМ: ‘Крайняя степень **эгоизма**’.

Итак, 57 слов из 281 слов на *-изм*, т.е. 20% имеют значение с качественной семой. При этом стоит отметить, что все они описываются в Словаре с помощью самостоятельных статей.

Таким образом, на основе проведенного анализа выяснилось, что русские существительные с суффиксом *-изм* как производные имена вызывают большие трудности для лексикографического описания и исследования. Считаем целесообразным учитывать функцию синтаксического деривата данных существительных при реальных употреблениях, для чего необходимо анализировать весь спектр контекстных узусов.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма Восточная литература РАН, 1995.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 272 с.
3. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. М.: Издательство иностранной культуры, 1962.
4. Лопатин В.В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
5. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений об этимологии слов. М.: Азбуковник, 2011.
6. Русская грамматика. Том 1. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

References

1. Apresyan Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy, tom 1. Leksicheskaya semantika* [Collected works. Lexical semantics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Izdatel'skaya firma Vostochnaya literatura RAN.
2. Zemskaya E.A. (1992) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word-formation as an activity]. Moscow: Nauka, 272.
3. Kuryłowicz J. (1962) *Ocherki po lingvistike. Sbornik statei* [Remarks on linguistics. A collection of essays]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi kul'tury.
4. Lopatin V.V., Ulukhanov I. S. (2016) *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Inherent Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow: Izdatel'skii tsentr Azbukovnik.
5. Shvedova N.Yu. (2011) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii ob etimologii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Etymological Information]. Moscow: Azbukovnik.
6. Shvedova N. Yu. (1980) *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian Grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka.

Раздел 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОММУНИКАЦИЯ: КАТЕГОРИИ ОПИСАНИЯ

УДК 81

В ПОИСКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЭЗИИ: ПОЭЗИЯ – ЭТО...

Харченко, Вера Константиновна

Доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
Белгород, Россия / wera_kharchenko@mail.ru

Концепт «поэзия» относится к числу наиболее известных среди читающей публики концептов, но, тем не менее, и наиболее уязвимых, позволяющих представить то самое противоречие ощущений, сосредоточенных в этом слове, которое возникает при чтении стихов. Попробуем представить это многообразие определений поэзии, почерпнутых из самых различных источников.

Поведём речь сначала о самих поэтах. «Большая слава делает имя словом. Есенин, Пастернак – как бы уже не фамилии, а слова. Слова, которых до них не было, а у нас есть. Восточная традиция, мешая призвание с лаской, оставляет поэту, как вечному общему ребёнку, лишь его имя, уже без фамилии. Так, в любимой Беллой Ахмадулиной Грузии (или в Грузии, столь любящей Беллу Ахмадулину...) звучат слова-имена Шота, Галактион. Дети нации. Их кличут, зовут: где вы? идите скорей сюда, к нам! скучно без вас...» [Битов 2007]. Имя поэта – это уже слово. Есенин, Пушкин – это уже не только имена поэтов, это поэтические знаки, но здесь свои сложности, свои игры. Так, Пушкина цитируют, а Баратынского скорее нет, чем да. Имя Баратынского несколько меркнет в пушкинском окружении, хотя это был превосходный поэт. *«Мой дар убог, и голос мой негромок, / Но я живу, и на земле моё / Кому-нибудь любезно бытиё: / Его найдёт далёкий мой потомок / В моих стихах. Как знать? / Душа моя окажется / С душой его в сношение, / И как нашёл я друга в поколенья, / Читателя найду в потомстве я»* (Евгений Баратынский). Точно также произошло с Есениным и Маяковским. Есенин становится символом поэзии, а Маяковского в США ценят гораздо больше, чем на его родине. Так что в общем национальном словаре имена самых известных поэтов становятся словами.

Обратимся теперь непосредственно к самой поэзии. Сейчас стихи будто бы не в первом ряду, не в моде, а нам вдруг пришла мысль поговорить о поэзии отдельно, особо, захотелось почувствовать, как они, эти поэтические вставки, лирические изыски украшают речь, делают её запоминающейся, оттеночной, изысканной. Замечательный ученый Александр Афанасьевич Потеня был глубоко прав, утверждая: «Поэзия не только там, где великие произведения, как электричество не только там, где гроза». *«Оставь, и я была как все, / И хуже всех была, / Купалась я в чужой росе, / И пряталась в чужом овсе, / В чужой траве спала»* (Анна Ахматова). Сколько новых красок придают нашей речи поэтические вкрапления! Заходит ли речь о человеческом смирении, и в это смирение вписываются слова М.В. Ломоносова: *«Так Нил смиренно протекает: / Бреггов своих он не терзает, / Но пользой выше прочих рек.* Думаем ли мы об эмигрантах, и сразу же цитируем из «Божественной комедии» Данте: *«Ты будешь знать, как горестен устам / Чужой ломоть, как трудно на чужбине / Сходить и восходить по ступеням».* Поведём ли речь о сроках жизни, и тогда откровением для нас становятся строки Степана Щипачева: *«...И краткое тире, / что их соединит, / В какой-то миллиметр / всю жизнь мою вместит».* За столом нелишне припомнить детское стихотворение из Андрея Усачева: *«Конфета – это вкусно, / Конфета – это сладко, / Но лучшая конфета – / Большая шоколадка».* Множество стихов можно использовать для юмора, для снятия напряжения:

«Со всех сторон теснят нас злые гады, / Товарищи, мы – в огненном кольце!» (Демьян Бедный). Прелестен стих, сочиненный ребёнком: «Дримпопони! / Римпопони! / Едет папа на вагоне. / Молодец паровоз – / Хорошо его довёз!» [Глоцер 1964].

Пора признаться в специфике нашего анализа: мы сейчас суммируем те сведения о поэзии, которые накопились в записях прошлых лет. Не предполагая тогда ещё никакой публикации, мы, тем не менее, выписывали эти фрагменты, и поэзия в целом становилась всё шире, всё неохватнее, но уж никак не проще. Поэзия многокрасочна, объёмна, но что ещё таится в ней? «Поэзия – увеличительная речь. Как простое стекло путём особой шлифовки (и придания ему особой формы) превращается в линзу и начинает увеличивать, так и человеческая речь путём особой шлифовки (и придания ей особой формы) превращается в увеличительную речь. Это и есть поэзия» [Солоухин 1981: 40]. «О мертвых память нам нужна, / А им – живых под солнцем радость, / Им в Божьей памяти дана / Не отцветающая младость» (Вячеслав Иванов). Найти точное определение (младость *непреходящая, не отцветающая*) значит пересмотреть механизм рождения слова, проникнуть в глубины мышления. Найти точное определение (младость *не отцветающая*) значит пересмотреть механизм рождения слова, проникнуть в глубины мышления.

Когда говорят о поэзии, то на первое место выставляют чувства, будто бы в стихах эти чувства отражаются лучше и глубже, чем в прозе. Вроде бы всё так и есть, однако... «Кстати, Рильке (я вам уже говорил об этом) тоже предупреждал, что стихи – никакие не чувства. Конечно, стихи – не чувства. Стихи – это органы производства чувств, когда поэт создал что-то, чтобы испытать. Причём испытать уже чувственно, вполне природно. Но само это испытание природным образом произойти не могло. Создал, чтобы испытать» [Мамардашвили 2000: 248-249]. Весьма и весьма точное наблюдение: стихи как органы *производства* чувств (*Тогда я начинаю понимать...*). Казалось бы, с чувствами всё понятно. Но почему стихи достаточно часто при этом становятся загадочными, не совсем понятными. Спросим себя, что это: влияние старинных заговоров, мистики, колдовства? Василий Андреевич Жуковский издавал альманах «Für Wenige» «Для немногих». И здесь уместно привести мнение Евгения Бунимовича, вырисовывающего образ современной поэзии далеко не таким, как он представляется нам, а может быть, как раз и таким, жутковатым. «Она на самом деле не должна быть доступной, потому что те, кому хочется доступности, никогда в жизни не придут на поэтический вечер... Так вот, когда социологи попытались обойти такое шаблонное прямое вопрошание и спросили, а какой у вас образ современной поэзии, то образ оказался следующий. Закрытый город с высокими стенами, с узкими неосвещёнными улицами... То есть речь о замкнутости, о непонятности, о чем-то таком, даже враждебности, опасности. С одной стороны – гетто, а с другой – нечто несущее опасность. По этим улицам страшновато ходить, непривычно уж точно, особенно в ситуации нынешнего отношения к искусству как к такому неперемennomu удовольствию» [Бунимович 2005: 224]. «Ночь, улица, фонарь, аптека, / Бессмысленный и тусклый свет... (Александр Блок).

Аргентинский испаноязычный писатель Хорхе Луис Борхес как-то бросил мимоходом крылатую фразу о том, что поэзия таинственна, поскольку никто из читателей до конца не знает, что поэту удалось написать. Но дальше философ, комментирующий эти слова, продолжает свою мысль так: «Текстуальная конструкция, понимаемая символически, есть нечто, посредством чего вносится какой-то порядок в хаос действительности, в хаос впечатлений, чтобы внутри этого порядка извлекался или увиделся какой-то порядок самой действительности» [Мамардашвили 2000: 127]. И у того же Блока находим строки: «Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века, / Душа, забудь, оставь... / Снам бытия ты предпочла от века / Несбыточную явь... / Чтобы сквозь сны бытийственных метаний, / Сбивающих с пути, / Со знаньем несказанных очертаний, / Как с факелом, пройти» (Александр Блок).

И в обычной речи иногда, садясь за письменный стол (теперь, точнее, за компьютер), мы говорим себе словами И. Бродского, взывая к порядку: «Скрипи, моё перо, мой коготок,

мой посох». Вообще Иосиф Бродский о поэзии писал замечательно точно: «В своей Нобелевской лекции Бродский сказал о поэте, то есть о себе: «Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации. И. Бродский считал, что поэзия дисциплинирует прозу, «будучи высшей формой человеческой речи, поэзия не только самый сжатый, но и наиболее конденсируемый способ передачи человеческого опыта; она предлагает наивысшие из возможных стандарты любого лингвистического действия – особенно на бумаге» [Бродский [http](#)]. *«Ты забыла деревню, затерянную в болотах / залесенной губернии, где чучел на огородах / отродясь не держат – не те там злаки, / и дорогой тоже все гати да буераки. / Баба Настя, поди, померла, и Пестерев жив едва ли, / а как жив, то пьяный сидит в подвале, / либо ладит из спинки нашей кровати что-то, / говорят, калитку, не то ворота. / А зимой там колют дрова и сидят на репе, / и звезда моргает от дыма в морозном небе. / И не в ситуациях в окне невеста, а праздник пыли / да пустое место, где мы любили» (Иосиф Бродский).*

Поэзия дисциплинирует прозу? Значит, поэзия нужна прозе. Случайно ли, что многие поэты на переломе своего творчества обращались к прозаическим произведениям, будучи подготовленными к ним, их созданию.

«Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки – посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготее преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» [Бродский [http](#)]. Замечательные слова, а мы не можем понять, почему многие представители самых различных профессий (врачи и священники, журналисты и работники сельского хозяйства, преподаватели и инженеры) так тянутся к стихосложению. Случайно ли наблюдение А. Немзера: *«Вышептывали стихи на лагерных нарах многие?»*

Поэзия должна звучать. К сожалению, сейчас нередко бывает, что праздничные концерты вообще обходятся без стихов. В 20-х годах XX века в Москве, и особенно в Ленинграде, существовали даже специальные организации: институты живого слова, не говоря уже о вечерах поэзии, встречах с поэтами, чтениях стихов наизусть. Здесь есть что-то от молитвы, от колдовства поэзии, с чем хотелось выступающим поделиться. Есть эта потребность и сейчас, только надо её услышать внутренне. В рамках докторской диссертации И.И. Чумак-Жунь проводила исследование «плюсов» и «минусов» в оценке Гамлета студентами непосредственно, по памяти шекспировского текста, во-первых, и, во-вторых, после чтения одного из стихотворений о Гамлете: «Гамлет», «Офелия в защиту королевы...», «Я – Гамлет. Замирает кровь...». Выбранные стихотворения весьма неоднозначны, они порождают, скорее, стереоэффект оценок. Эксперимент, однако, показал, что в вариантах восприятия, связанных с поэтическим текстом, преобладали положительные оценки образа [Чумак-Жунь 2009]. Это научное открытие свидетельствует, что чтение стихов делает восприятие более позитивным, настраивает на положительные смыслы.

«Поэзия обладает редкой способностью отчуждать непредметный опыт человеческих чувств, облекать его в слова и возвращать преобразённым в поле коммуникации» [Губайловский 2000: 153]. И стихи можно отыскать такие, которые

помогут относиться к соотечественникам как к достойным людям, начиная с членов семьи и кончая руководителями высокого ранга. *«В них не было следов холопства, / Которые кладёт нужда, / И новости, и неудобства / Они несли как господа»* (Борис Пастернак). Этический пафос этих строк заставляет их повторять и повторять как путеводную мантру, молитву, как компас, подсказывающий вектор поведения.

Филологу-профессионалу всегда есть что сказать, поскольку в его распоряжении – нет, не «колоссальный объём информации», как сейчас принято говорить, а ценные источники уникальных знаний, о которых мало кто знает, среди них пребывают и поэтические источники. Конечно, в стихах звенят иногда публицистические ноты. *«Знаю, что в слове «до-ро-ги» звенит цена, / – Дорогие нынче дороги!.. И дальше: Но в Державе такой, в Государстве таком / Бездорожье – уже безнравственно»* (Роберт Рождественский). Это не устаревшее стихотворение читается сейчас ещё острее, чем в момент «первой встречи» с ним.

«Поэзия возвращает словам множественность смыслов, в противоположность «аналитическому насилию» прозы, которая стремится к однозначности: «Поэт высвобождает материю слова. Прозаик её приневоливает». Казалось бы, это новая версия романтических воззрений на язык и поэзию: поэзия как сакральная субстанция, поэтический акт как акт причастия». «Парадоксальным образом, «вырывая слова с корнем» из обыденной речи, поэт возвращает их в непрерывную стихию мифического, священного языка, где они ещё не испорчены утилитарным применением. «Всякий раз, как мы пользуемся словами, мы наносим им вред. А поэт словами не пользуется. Он им служит» [Пас 2000]. *«И голос был сладок, и луч был тонок, / И только высоко, у Царских Врат, / Причастный Тайнам, – плакал ребенок / О том, что никто не придет назад»* (Александр Блок). *Причастный Тайнам...* здесь речь идёт о священном языке, далёком от утилитарного применения.

Привлекательность, аттрактивность поэзии связана с её парадоксальностью. В двадцатые годы прошлого века (а время было тяжёлое, рушилась страна, возникало нечто новое, неизвестное и посему страшное), так вот в это время вдруг появился интерес к поэзии лёгкой, окрыляющей, мажорной. Об этом писали, но я сошлюсь на свой опыт. Как-то нам предложили поехать в Новооскольскую колонию для несовершеннолетних и выступить там со стихами. Я подготовила стихи о трудностях, предательстве, ошибках, а моя напарница Татьяна Огурцова – другие стихи. И что же? Стихи Татьяны Огурцовой оказались более востребованы девочками, живущими «за колючей проволокой» и мечтающими (да-да!) о любви, красоте, хорошей жизни.

Бывает, что отдельных строф, строк нам не хватает, и мы запоминаем целые или почти целые стихи. С детства памятен городской парк, с его старинной, сталинской ещё скульптурой, с его качелями-каруселями, и неожиданно мы встречаем стихотворение, и видим в нём себя, и тот парк, и те чувства, которые будто бы были в нас, но не проявлялись до этих строк. *«Про те же самые чувства показывало искусство, / Про этот самый парк отдыха, про мальчика на руках. / И бесконечность прошлого, высвеченного тускло, / Очень мешает грядущему обрести размах»* (Борис Рыжий). Органично вписывается стихотворение в память, выражая всё нерасказанное. Стихотворение должно помниться, быть в сердце: французское «наизусть» буквально значит помнить сердцем: *savoir par cœur*).

«Поэзия – не способ существования, а единственный способ убедить человека, что он мудр и добр, что любить – весело, а лгать – не только подло, но и смертельно скучно» [Каверин 1983]. Похожая мысль встречается и в научной литературе. «Поэзия в этом плане неисчерпаемый источник смыслов, постоянно меняющий систему координат в эмоционально-ментальном континууме личности: она обуславливает постоянное движение индивидуально-оценочной шкалы...» [Колесникова 2006: 368].

Несколько лет назад в Белгороде был проведён эксперимент. Студентам второго курса факультета журналистики преподаватель давал стихотворные строки с пропуском

слова, и это слово надо было найти. Доцент С.В. Ушакова писала на доске из Есенина: *Не жаль мне лет, растроченных напрасно, / Не жаль души сиреневую ...* И из Пушкина: *Чем меньше женщину мы любим, / тем ... нравимся мы ей.* Студенты, по словам С.В. Ушаковой, не смогли придумать (вспомнить) слово «цветь». Положим, это окказионализм, но в пушкинском отрывке они, не задумываясь, вставляли «больше», *больше нравимся!* Когнитивно они ориентировались на антонимы: *меньше – больше*, тогда как Пушкин тонко уходит от, казалось бы, явной антонимии (*легче нравимся*).

Когда мы говорим, пишем, утверждаем: *тайна поэзии, поэзия таинственна*, то подчас несколько пасуем перед её семантикой. Стихи знают о нас больше, чем мы сами знаем о себе. Когда-то в далеком Вьетнаме я была влюблена, всё шло хорошо, но стихи получались грустными: о свадьбе (не на мне) моего любимого, о сыне (хотя был приговор бездетности), о внуках (*и внуки шумные уж на руках повисли*). А потом всё, как в стихах, и произошло. Есть сын, есть четыре внука, а Володи уже нет в живых, да и не был он моим мужем, не срослось.

Неисчерпаемый источник смыслов... Как эта, в общем-то, привычная, если не сказать банальная мысль соотносится с другими научными разработками? «Современные ученые, если верить СМИ, провели исследования и доказали, что чем больше поэзии в сознании человека, тем продуктивней голова работает. Ученые вводили в кровь человеку особое вещество и давали ему читать стихи. И когда встречалась какая-нибудь необычная метафора или интересная рифма, в мозгу происходил энергетический всплеск. Следовательно, поэзия – вроде бы мощный включатель и активизатор мозга» [Логвинюк 2006: 205]. *«И цветы, и шмели, и трава, и колосья, / И лазурь, и полуденный зной... / Срок настанет – господь сына блудного спросит: / «Был ли счастлив ты в жизни земной?» И забуду я все – вспомню только вот эти / Полевые пути меж колосьев и трав – / И от сладостных слез не успею ответить, / К милосердным коленям припав»* (Иван Бунин). Стихотворение было написано 14 июля 1918 года, а читается как свежее, сегодняшнее, не только даже потому, что актуальны смыслы, в нём заключённые, но и по заключенному в нём «интеллектуальному наслаждению». Н.И. Жинкин подчёркивал, что поэзия является одним из наиболее сильных средств обработки языка, и объяснял это тем, что продукт такой обработки «подкрепляется интеллектуальным наслаждением» [Жинкин 1998: 50]. Рене Шар так определял поэзию: поэзия есть реализованная любовь к желанию, оставшемуся желанием. *«Когда-то у той вон калитки / Мне было шестнадцать лет, / И девушка в белой накидке / Сказала мне ласково: «Нет!»* (Сергей Есенин).

Однако и это ещё не всё. Поэтическая мозаика в нашей речи тем важнее, что по жизни стихи сейчас не особо востребованы, почему и в изысканной речи они могут быть прелестными вставками. Максим Соколов писал: «Цитатами больше не пишут. У народа, у языкотворца умер звонкий забулдыга-подмастерье» [Соколов 2005]. «...Неиспользование современной поэзии в повседневной языковой практике есть худший приговор для поэтов» (Новый мир. 2005, № 10. С. 228). Разве случайно, что поэзией называют все высшие чувства человека, далеко не только к другому человеку, но и к предмету (философия, филология), и даже к электронной машине.

...Философия – это тоже «поэзия» в высочайшем и благороднейшем смысле греческого слова... «творить, создавать, делать» [Лоренц 1992: 35]. «Мало того, есть поэзия в филологии. Любому ученому ведомо, что найти ответ на вопрос – дело важное, но второстепенное; всё начинается с куда более сложной задачи: найти вопрос и поставить его *единственно* верно» (Знамя, 2003, № 12). «С нежностью посвящается машине, – я запомнил это наизусть, – посвящается машине IBM 650, некогда установленной в Кейсовском технологическом университете, в обществе которой я провёл много приятных вечеров». Это ли не поэзия?! Книга посвящается любимой... Что там Лаура? Машина! Вот предмет обожания» [Семенов 1986].

Отметим ещё вот что. Поэзия может быть эффективным средством комического, во-первых, через поднимание ситуации. *О рыцарь, что тебя томит? О чём твои печали?*

Или: *Над шрамом шутит тот, кто не был ранен!* Или: *Что я пожну, когда так страшно сею?* Последние два фрагмента из Шекспира, а первый, про рыцаря, – начало стихотворения Дж. Китса. Во-вторых, через её опускание, низведение, обыгрывание. «Например, ища запропастившуюся куда-то сумочку, [Анна Ахматова] могла сказать из любимого ею «Дяди Власа»: *«Кто снимал рубашку с пахаря? Крал у нищего суму?* Причём поощряла скорее утилитарное и даже свойское отношение к стихам, чем трепетное, как к священному тексту» [Найман 2002].

Эта игровая функция стиха напрямую связана с его содержанием. Мы выше писали о сходстве стихотворения с заговором, молитвой, поэтому не случайно существует оптимальный объём стихотворений. Отчасти он обусловлен и протяженностью нашей страны, но только отчасти. «Поэзия не должна утомлять читателя. Затянувшееся стихотворение снимает элемент сакральности его восприятия» (Книжное обозрение, № 50, 11 декабря 2000 г.). Стихотворение в идеале должно помниться, оно должно быть в сердце (французское «наизусть» буквально значит помнить сердцем: *savoir par cœur*).

Попробуем, подытоживая сказанное, прочертить перспективы дальнейшего развития поэтического взгляда на мир. Поэзия нужна **языку** (является средством существования языка, имя поэта уже слово, поэзия дисциплинирует прозу). Поэзия добавляет красок **этике** (неисчерпаемый источник смыслов, поведенческое кредо). Без поэзии сложно развиваться **науке** (мощный включатель мозга, порядок, возникающий из хаоса, ускоритель сознания). Поэзия связана с **аттрактивистикой** (интеллектуальное наслаждение, мена восприятия жизни), с **психологией** (орган производства чувств, любовь к желанию), с **повседневностью** (обыгрывание ситуаций через высокое или смешное). Поэзия сопряжена с **географией** (объем стиха), **историей** (поэзия не только там, где великие произведения), с **когнитивистикой** (увеличительная речь, наименование высших чувств). Наконец, поэзия соотнесена с **религией** (она не пользуется словами, а служит им, поэзия – это тайна, подчас непонятная даже самим её творцам, поэтам). В настоящее время роль поэзии может возрастать, несмотря на многочисленные ситуации будто бы отдаляющие человека от чтения и сочинения стихов.

Литература

1. Битов Андрей. Поэзия, явленная в одном лице... // Октябрь, 2007, № 3.
2. Бродский Иосиф. Нобелевская лекция: Электронный адрес: https://booksafe.net/read/brodskiy_iosif-nobelevskaya_lekciya-78998.html#p1
3. Бунимович Евгений // Обзор. Новый мир, 2005, № 2.
4. Глоцер В.И. Дети пишут стихи. Книга о детском литературном творчестве. – М.: Просвещение, 1964.
5. Губайловский В. Неизбежность поэзии // Новый мир, 2004, № 2.
6. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество // Избранные труды. – М.: Лабиринт, 1998.
7. Каверин Вениамин. Наука расставания. Роман. Октябрь, 1983, № 5.
8. Колесникова О.И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребёнка. // Дис. ... д-ра филолог. наук. Киров, 2006.
9. Логвинюк Егор. Не в коня корм, или Тинейджер в пространстве поэзии // Знамя, 2006, № 5.
10. Лоренц Конрад. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии, 1992, № 3.
11. Мамардашвили Мераб. Эстетика мышления. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.
12. Найман Анатолий. Рассказы о Анне Ахматовой. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2002.
13. Пас О. Освящение мига: Поэзия. Философская эссеистика. / Пер. с испанского. – СПб., 2000.
14. Семенов Георгий. Ум лисицы. Повесть // Новый мир, 1986, № 7.
15. Соколов Максим. GlobalRus.ru, 2005, 24 февраля.
16. Солоухин Владимир. Камешки на ладони // Наш современник, 1981, № 3.

17. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков // Диссертация... д-ра филолог. наук. – Белгород, 2009.

References

1. Bitov Andrej. Poeziya, yavlennaya v odnom lice... // Oktyabr', 2007, № 3.
2. Brodskij Iosif. Nobelevskaya lekciya: Elektronnyj adres: https://booksafe.net/read/brodskiy_iosif-nobelevskaya_lekciya-78998.html#p1
3. Bunimovich Evgenij // Obzor. Novyj mir, 2005, № 2.
4. CHumak-ZHun' I.I. Diskursivnoe prostranstvo poeticheskogo teksta: obraznoe slovo v russkoj lirike konca XVIII – nachala XXI vekov // Dissertaciya... d-ra filolog.nauk. – Belgorod, 2009.
5. Glocer V.I. Deti pishut stihi. Kniga o detskom literaturnom tvorchestve. – M.: Prosveshchenie, 1964.
6. Gubajlovskij V. Neizbezhnost' poezii // Novyj mir, 2004, № 2.
7. Kaverin Veniamin. Nauka rastavaniya. Roman. Oktyabr', 1983, № 5.
8. Kolesnikova O.I. Hudozhestvennyj modus yazyka i yazykovaya kompetenciya rebyonka. // Dis. ... d-ra filolog.nauk. Kirov, 2006.
9. Logvinyuk Egor. Ne v konya korm, ili Tinejdzher v prostranstve poezii // Znamya, 2006, № 5.
10. Lorenc Konrad. Agressiya (tak nazyvaemoe Zlo) // Voprosy filosofii, 1992, № 3.
11. Mamardashvili Merab. Estetika myshleniya. – M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij, 2000.
12. Najman Anatolij. Rasskazy o Anne Ahmatovoj. – M.: Izd-vo EKSMO, 2002.
13. Pas O. Osvyashchenie miga: Poeziya. Filosofskaya esseistika. / Per. s ispanskogo. – SPb., 2000.
14. Semenov Georgij. Um lisicy. Povest' // Novyj mir, 1986, № 7.
15. Sokolov Maksim. GlobalRus.ru, 2005, 24 fevralya.
16. Solouhin Vladimir. Kameshki na ladoni // Nash sovremennik, 1981, № 3.
17. ZHinkin N.I. YAzyk – rech' – tvorchestvo // Izbrannye trudy. – M.: Labirint, 1998.

УДК 81'25

ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОГО КОММУНИКАТИВНОГО ФОРМАТА ЗНАНИЯ

Огнева Елена Анатольевна

заведующая кафедрой иностранных языков
доктор филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассмотрен переводческий трансфер как преобразование текстовой модели оригинала в текстовую модель перевода, как реконструкция текстовой модели оригинала средствами переводного языка, как способ транскультурного моделирования текстовых коммуникативных форматов знания. Обозначены отличия авторского видения переводческого трансфера от перевода. Выявлена специфика транскультурной проксемной модели «Нил», представленной в текстах произведения У. Черчилля «The River War» / «Война на реке» на английском и русском языках. Транскультурная проксемная текстовая модель «Нил» рассмотрена как коммуникативный формат знания. Обозначены интерпретативные перспективы переводческого трансфера при транскультурном текстовом моделировании.

Ключевые слова: перевод, переводческий трансфер, текст, текстовый формат знания, транскультурное моделирование

TRANSCULTURAL MODELING AS TRANSLATION TRANSFER OF TEXT COMMUNICATIVE KNOWLEDGE FORMAT

Ogneva Elena Anatolievna

Head of Department of Foreign Languages, Doctor of Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ogneva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with translation transfer as the original text model transformation into the translation text model, as a reconstruction of the original text model by means of translation language, as a method of transcultural modeling of text communicative formats. The differences between the author's point of view of translation transfer and translation are indicated. The specific features of the transcultural proxemic model "The Nile" presented in the texts of W. Churchill's work "The River War" in English and Russian are identified. The transcultural proxemic text model "The Nile" is considered as a communicative knowledge format. Interpretive perspectives of translation transfer in transcultural text modeling are outlined.

Keywords: translation, translation transfer, literary text, literary format of knowledge, transcultural modeling

Введение

В современном языкознании одним из актуальным направлений исследования является моделирование, в частности моделирование текстовых коммуникативных форматов знания, под которыми понимаются тематически структурированные проекции мировидения писателя при условии, что формат знания рассматривается как «систематизированная семиотически оформленная проекция знания» [Огнева 2019, 17].

Транскультурный перевод текстовых коммуникативных форматов знания может быть интерпретирован как трансфер текстового знания, заложенного в произведение, которое представляет собой проекцию реального или вымышленного мира. К.И. Леонтьева отмечает, что перевод как «языковой механизм и дискурсивная практика (процесс) трансфера текстов из одних социокультурных координат в другие закономерно предполагает трансфер кодируемых и активируемых этими текстами схем и моделей интерпретации мира» [Леонтьева 2018, 37].

Интерпретация текстов в виде совокупности четырех типов проекционных моделей мира: культурно-маркированной модели, темпоральной модели, проксемной модели и эмотивной модели, позволяет рассмотреть переводческий трансфер как преобразование текстовой модели оригинала, состоящей из n -числа компонентов и номинантов, в текстовую модель перевода, т.е. переводческий трансфер представляет собой реконструкцию текстовой модели оригинала средствами переводного языка. В свете этого переводческих трансфер может быть рассмотрен как один из типов «коммуникативно-когнитивных технологий с точки зрения перспектив моделирования адекватного алгоритма перевода» [Седых, Бузинова, Зиборов 2019, 170].

Значим тот факт, что переводческий трансфер отличается от перевода тем, что при переводе проявляется симметричная / асимметричная перекодировка единиц перевода, а при переводческом трансфере осуществляется симметричная / асимметричная передача параметров текстовой модели оригинала средствами языка перевода. Очевидно, что при переводе и при переводческом трансфере достигается схожая цель – транскультурная коммуникация, поскольку «перевод – это путь преодоления культурного изоляционизма» [Жирова, Цзякан 2020, 139-141] и переводческий трансфер – это тоже путь преодоления проблем перекодировки культурно-маркированного сегмента текстовой модели оригинала при её адаптации к восприятию инокультурным читателем. Тем не менее, ряд ученых

считают, что «стирание граней между собственно переводом и другими видами межъязыкового посредничества не вполне оправданным» [Валуйцева, Хухуни 2019, 118]. Несмотря на это, необходимо отметить перспективность разграничения и сравнения перевода и переводческого трансфера. Так, сравнение показало, что существует ещё одно сходство двух явлений: и при переводе, и при переводческом трансфере «на создание текстового мира влияет и наличие, и характер фоновых знаний двух субъектов взаимодействия» [Даниленко 2017, 36].

В свете этого рассмотрение текстовой модели оригинала как компонента текстового коммуникативного мира, подверженного как переводу, так и переводческому трансферу, выводит исследователей на новый уровень интерпретации текстовых коммуникативных форматов знания, интерпретации, основанной на знаковой природе двух типов текстовых единиц, культурно-маркированных и нейтральных, которые в совокупности создают единую текстовую модель, где «важнейшей характеристикой слова как лингвистического феномена является соотнесенность с объектом окружающего мира» [Хвесько, Третьякова 2019, 563].

Очевидно, что в модели текста, рассматриваемого в качестве основного компонента текстового мира, значимы «средства пространственной и временной референции эгоцентрических элементов» [Комуцци 2018, 80]. Говоря о категориях описания пространства Г.Р. Бар и Л. Хурни подчеркивают, что существует три категории текстового пространства: «месторасположение, зоны, где происходят события, и пути, вдоль которых движутся герои произведений» [Bär, Hurni 2011, 309], тем самым эти ученые дают объективный ответ на вопрос другого зарубежного исследователя М. Доэля о том: «Что собой представляет художественное пространство?» [Doel 2018, 43], а именно текстовое пространство.

Цель исследования заключается в выявлении специфики передачи параметров текстовой проксемной модели посредством переводческого трансфера.

Методы исследования направлены на достижение поставленной цели и представляют собой синергию контекстного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа и интерпретативного анализа. В качестве материала исследования взяты тексты произведения У. Черчилля «The River War» / «Война на реке» на английском и русском языках.

Результаты исследования

Проблема транскультурного моделирования текстов в их оригинальной и переведённой версиях решается посредством учета результатов переводческого трансфера коммуникативного формата знания, в частности, посредством интерпретации результатов переводческого трансфера проксемных текстовых параметров.

Исследование проксемной текстовой модели, репрезентированной в произведении У. Черчилля «The River War», показало высокую частотность составляющих её разнотематических моделей, среди которых к числу доминантных относится текстовая проксемная модель «Нил».

Проксемная текстовая модель «Нил»

Исследование показало, что в произведении У. Черчилля «The River War» высока частотность номинантов проксемной модели «Нил». Например, в следующем контексте выявлено сопряжение трёх проксем, входящих в рассматриваемую модель:

«The great river is their only means of growth, their only channel of progress. It is by the Nile alone that their commerce can reach the outer markets, or European civilisation can penetrate the inner darkness. The Soudan is joined to Egypt by the Nile, as a diver is connected with the surface by his air-pipe. Without it there is only suffocation. Aut Nilus, aut nihil!» [Churchill 2010, 76].

Контекст передан следующим образом на русский язык:

«Развитие страны и ее прогресс всецело зависят от великой реки. Лишь по Нилу купцы могут добираться до мест сбыта своих товаров, и только пройдя этим путем, европейская цивилизация сможет рассеять царящий здесь мрак невежества. Нил связывает

Судан с Египтом так же, как воздушная трубка связывает ныряльщика с поверхностью воды: стоит лишь перекрыть ее – и наступит удушье» [Черчилль 2004, 7].

Выявлено, что проксема «the great river» (великая река) представлена в виде семантического повтора: «channel of progress» (канал прогресса). Вторая проксема «by the Nile alone that their commerce can reach the outer markets, or European civilisation can penetrate the inner darkness» репрезентирует не только протяженное пространство, но и содержит два динамических пространственных вектора, один из них направлен к Средиземному побережью, а именно «their commerce can reach the outer markets», а другой пространственный вектор направлен от побережья вглубь континента, что выражено конструкцией «European civilisation can penetrate the inner darkness». Третья проксема «the Soudan is joined to Egypt by the Nile» состоит из трех топонимов, которые сами по себе являются проксемами, маркирующими обширные географические пространства: «Soudan», «Egypt», «the Nile».

Сравнительно-сопоставительный анализ вышеперечисленных проксем в составе оригинальной проксемной текстовой модели «Нил» и её переведенного формата показал, что проксема «the great river» (великая река), представленная в виде семантического повтора словосочетанием «channel of progress» (канал прогресса), передана симметрично словосочетанием «великая река», однако проксема «channel of progress» нивелирована, вследствие чего описанное в оригинальной проксемной текстовой модели значение Нила было преуменьшено. Вторая проксема «by the Nile alone that their commerce can reach the outer markets, or European civilisation can penetrate the inner darkness», состоящая из двух проксемных векторов, перекодирована следующим образом: первый проксемный вектор «by the Nile alone that their commerce can reach the outer markets» переведен симметрично: «лишь по Нилу купцы могут добираться до мест сбыта своих товаров». Тот факт, что лексема «markets» передана эквивалентным словосочетанием «места сбыта своих товаров», не трансформирует пространственный аспект.

Второй проксемный вектор «European civilisation can penetrate the inner darkness» при передаче был трансформирован следующим образом: «только пройдя этим путем, европейская цивилизация сможет рассеять царящий здесь мрак невежества», т.к. в переведенной модели границы пространства расширены посредством замены глагола «penetrate» (проникать) глаголом «рассеять».

Третья проксема «the Soudan is joined to Egypt by the Nile» перекодирована асимметрично, поскольку в оригинальной модели внимание читателя приковано, прежде всего, к двум государствам, то есть к земному пейзажу, а затем указан тот факт, что государства связаны Нилом, то есть привлекается внимание к водному пейзажу, тогда как в переведенной модели внимание читателя сначала приковано к водному пейзажу, посредством упоминания реки: «Нил связывает Судан с Египтом», а затем внимание читателя привлекается к двум земным пейзажам, поскольку указано два названия государства. Необходимо отметить, что три топонима-проксема, маркирующие обширные географические пространства: «Soudan», «Egypt», «the Nile», переведены симметрично.

Примечательно, что в оригинальной проксемной текстовой модели «Нил» река упоминается ещё раз в виде интертекстового изречения «Aut Nilus, aut nihil!» (Или Нил, или ничего), построенного по образцу латинского изречения, тогда как в переведенной модели эквивалент этому изречению отсутствует, что приводит к асимметрии оригинальной проксемной текстовой модели и переведенной, поскольку количество проксем уменьшено.

Заключение

Транскультурное моделирование решает одну из основных задач текстового моделирования – выявление тенденций передачи параметров текстовых моделей оригинала средствами переводного языка посредством переводческого трансфера, основным отличием которого от обычного перевода видится оперирование транскодированием культурных реалий на уровне моделей текста.

В произведении У. Черчилля «The River War» выявлено значительное количество разнотематических моделей, среди которых преобладают проксемные текстовые модели. Исследование переводческого трансфера проксемных текстовых моделей показывает преобладание асимметричного транскодирования параметров моделей, примером которого является проанализированная в работе проксемная текстовая модель «Нил».

Литература

1. Валуйцева И. И. Переводной дискурс и текст оригинала: воспроизводить или заменять? / И. И. Валуйцева, Г. Д. Хухуни // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 36. – С. 118-125.
2. Даниленко И. А. Этапы создания текстового мира (на примере произведения Ф.С. Фитцджеральда «Tender is the Night») // Лингвистические горизонты: сб. материалов V Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 35-39.
3. Жирова И. Г. Художественный перевод как средство преодоления культурного изоляционизма / И. Г. Жирова, Ч. Цзякан // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2020. – С. 139-141.
4. Комуцци Л. В. Языковые средства пространственно-временной референции в поэме Э.А. По «Ворон» / Л. В. Комуцци, Н. С. Гончарова // Научный журнал Дискурс. – 2018. – № 6 (20). – С. 80-86.
5. Леонтьева К. И. Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 37-46.
6. Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкторы текстовых миров: монография. – М.: Эдитус, 2019. – 190 с.
7. Седых А.П. Коммуникативно-когнитивные технологии и алгоритм перевода / А.П. Седых, Л.М. Бузинова, С.И. Зиборов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 170-173.
8. Хвесько Т. В. Когнитивно-прагматический аспект антропонимов в художественном дискурсе / Т. В. Хвесько, С. Ю. Третьякова // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Т. 37. – С. 562-567.
9. Bär H.R. Improved Density Estimation for the Visualisation of Literary Spaces / H.R. Bär, L. Hurni // The Cartographic Journal. The World of Mapping. – Vol. 48. – 2011. – Issue 4: Cartographies of Fictional Worlds. – Pp. 309-316.
10. Doel M. Literary space uncut. Literary Geographies. – 2018. – 4 (1). – Pp. 42-49. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151176728.pdf> (дата обращения 27.02.2021).

Список фактического материала

11. Churchill W. S. The river war and other works. Halcyon Classic Series. – London, Kindle Edition, 2010. – 1421 p.
12. Черчилль У. Индия, Судан, Южная Африка. Походы британской армии. – М.: Эксмо, 2004. – 560 с.

References

1. Valujtseva I. I., Khukhuni G. T. Translation discourse and original text: reproduce or replace? *Kognitivnie issledovania yazyka*. – 2019. – No 36. – Pages 118-125.
2. Danilenko I. A. Stages of text world creation (based on the novel “Tender is the Night” by F.S. Fitzgerald). *Lingvisticheskie gorizonti*. – 2017. – Pages 35-39.
3. Girova I. G., Tsz’akan Ch. Literary translation as the way of overcoming of cultural isolationism. *Aktualnie problemi lingvoculturologii i megkulturnoj kommunikatsii v teorii i praktike perevoda*. – 2020. – Pages 139-141.
4. Kommutsi L.V., Goncharova N.S. Language means of spatio-temporal reference in the poem “Raven” by E.A. Po. *Nauchnij gurnal Diskurs*. – 2018. – No 6 (20). – Pages 80-86.
5. Leont’eva K. I. The dominant principle of translation and the mechanisms for its implementation in discourse. *Voprosi kognitivnoj lingvistiki*. – 2018. – No 4. – Pages 37-46.

6. Ogneva E.A. *Dominant concepts as informative constructs of text worlds*. – M.: Editus, 2019. – 190 pages.
7. Sedykh A.P., Buzinona L.M., Ziborov S.I. Communicative-cognitive technologies and translation algorithm // *Izvestia Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2019. – № 5 (138). – С. 170-173.
8. Khves'ko T.V., Tret'akova S.U. Cognitive-pragmatic aspect of anthroponyms in the literary discourse. *Kognitivnie issledovania yazika*. – 2019. – Т. 37. – С. 562-567.
9. Bär H.R. Improved Density Estimation for the Visualisation of Literary Spaces / H.R. Bär, L. Hurni. *The Cartographic Journal. The World of Mapping*. – Vol. 48. – 2011. – Issue 4: Cartographies of Fictional Worlds. – Pages 309-316.
10. Doel M. Literary space uncut. *Literary Geographies*. – 2018. – 4 (1). – Pages 42-49. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151176728.pdf> (дата обращения 27.02.2021).

УДК 81'22

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТОРЕЧНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРАХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА
«ТИХИЙ ДОН»**

Белик Наталья Александровна
старший преподаватель
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия / *natalya-
belik@yandex.ru*

Турчанова Аксинья Викторовна
студент
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия /
aksinya1998@gmail.com

Аннотация

Во все времена просторечие было неотъемлемой составляющей разговорной речи. Ведь именно в ней зачастую рождаются новые просторечные единицы, среди которых можно выделить семантические и структурные просторечия. В отличие от разговорной лексики просторечия не соответствуют литературной норме русского языка. Особую нишу среди просторечной лексики занимают фразеологизмы с просторечным компонентом. Фразеологические единицы обладают повышенной экспрессивностью и употребляются в речи, реализуя определенные функции. На сегодняшний день актуальны исследования в области изучения просторечного компонента в речи, т.к. со временем просторечия могут переходить в группу разговорной лексики и в этом случае перестают быть отклонением от литературной нормы. Данный процесс сложен и должен быть подробно изучен. В качестве материала исследования был выбран роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», т.к. лексика в романе изобилует просторечиями в составе фразеологических единиц. Цель данной статьи – проанализировать просторечные фразеологизмы из романа «Тихий Дон» М. А. Шолохова и установить их функцию в речи.

Ключевые слова: грубо-просторечная лексика, литературная норма языка, просторечие, просторечный компонент, фразеологические единицы;

**THE USE OF A VERNACULAR COMPONENT IN THE STRUCTURES
OF PHRASEOLOGICAL UNITS ON THE MATERIAL OF THE NOVEL
«THE QUIET DON» BY M. A. SHOLOKHOV**

Belik Natalya Aleksandrovna
Senior Lecturer
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia / *natalya-
belik@yandex.ru*

Turchanova Aksinya Viktorovna
student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia /
aksinya1998@gmail.com

Abstract

At all times vernacular words were an integral part of colloquial speech. Vernacular units are often born in our speech, among which semantic and structural vernaculars can be distinguished. Unlike colloquial vocabulary vernacular lexis do not correspond to the literary norm of the Russian language. A special place among vernacular vocabulary is occupied by phraseological units with a vernacular component. Phraseological units have increased expressiveness and are used in speech, providing certain functions. Today research in the field of studying the vernacular component in speech is relevant, since over time, vernaculars can pass into the group of colloquial vocabulary and in this case cease to be a deviation from the literary norm. This process is complex and must be studied in detail. The novel by M. A. Sholokhov "The Quiet Don" was chosen as the data for study because the vocabulary in the novel is overflowing with vernaculars in the structure of phraseological units. The purpose of the article is to analyze vernacular phraseological units from the novel "The Quiet Don" by M.A. Sholokhov and establish their function in speech.

Keywords: rude vernacular words, literary language norm, colloquialism, vernacular component, phraseological units

Фразеология – один из наиболее интересных и в то же время сложных разделов русского языка. В живой разговорной речи фразеологические единицы встречаются довольно часто. Объяснить это явление можно тем, что именно в процессе общения человека и воспроизводятся фразеологизмы, которые эмоционально, образно и ярко отражают эмоции и чувства говорящего. Существует множество фразеологических единиц, которые знакомы не всем носителям русского языка. В данном случае мы можем обратиться к фразеологическим словарям. Так, например, фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Федорова насчитывает около 13 000 фразеологических единиц. Каждой из них дано толкование значения, а также представлены примеры употребления единицы в художественной литературе.

Фразеологическая единица – это устойчивое сочетание слов, существующее как единое целое в определенном языке. Они служат для обозначения тех или иных явлений окружающего мира и по своему значению являются эквивалентом слова. Фразеологические единицы обладают рядом свойственных им признаков и функций и играют важную роль в русском языке.

Среди категориальных признаков фразеологических единиц выделяем следующие:

1. Воспроизводимость. Так как фразеологизмы не рождаются в речевом потоке, а регулярно воспроизводятся в готовом виде.
2. Устойчивость. Фразеологизмы являются неизменными и неделимыми оборотами речи.
3. Идиоматичность. Фразеологизмы имеют целостное значение.
4. Экспрессивность. Фразеологические единицы обладают высокой эмоционально-экспрессивной окраской.

Цель данной статьи – провести анализ фразеологических единиц с просторечным компонентом и определить их функцию в речи героев романа "Тихий Дон" М.А. Шолохова.

Текст романа «Тихий Дон» М.А. Шолохова выбран в качестве материала исследования, т. к. героями литературного произведения являются люди невысокого социального статуса. Диалогическая речь таких героев содержит просторечные высказывания, которые взяты для анализа.

В исследовании применяются теоретические методы, среди которых наиболее эффективны сравнительный анализ и синтез языковых единиц.

Все просторечия обладают свойством личностной грубоватой оценки того или иного явления, действия, предмета, которое может проявляться в большей или меньшей степени. Так, например, закрепленные в толковом словаре просторечия с пометами экспрес., ирон., пренебр., предосуд., и др. усиливают экспрессивность высказывания.

Просторечия с пометой грубо–прост. выражают более эмоциональное отношение говорящего к человеку или явлению, чем просторечия с пометой *прост.*

Просторечные слова, характерные для речи малообразованного человека, не являются литературной нормой, но со временем могут проникать в литературный язык при переходе из группы просторечий в разговорную речь.

Среди просторечий различают семантические и структурные просторечия. К семантическим относят просторечия, закрепленные словарем, т.е. узуальные, в то время как к структурным относятся просторечия окказиональные, которые не закреплены словарями. Отличительные черты структурных просторечий – это нарушение употребления окончаний падежных форм существительных, префиксов и суффиксов разных частей речи, т. е. отклонение от нормы литературного языка.

Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» богат фразеологическими единицами с семантическим просторечным компонентом. Слова в составе фразеологизмов соответствуют литературной норме, но в сочетании друг с другом они приобретают иную семантику, и словосочетание становится просторечным, например:

«...против власти я не пойду до тех пор, пока она меня *за хрип* не *возьмет*». [1, с. 1294] Брать за хрип кого. Экспрес. Притеснять, принуждать кого–либо, подчиняя своему влиянию, власти. [5, с. 41] Фразеологизм употреблен с отрицательной частицей «не».

«В этот момент Петр не помнил, что собирался *бить* жену *смертным боем*...» [6, с. 408] Бить смертным боем. кого. Экспрес. Сильно, беспощадно избивать кого–либо. [5, с. 34]

«И знаешь, начало меня рвать, всего вымотало *в доску!*» [1, с. 861] В доску. Экспрес. Очень сильно, до предела (напиться пьяным). Фразеологическая единица употреблена в сочетании с глаголом «вымотало», что придает выражению еще более яркое значение.

«Плац весь выгорел. Купецкие дома *все больше*». [6, с. 985] «Я с ними по–всячески, *все больше* лаской». [6, с. 1388] Все больше. Особенно. [5, с. 36]

«Должно быть, к матери в гости направилась, и чего вы плачете – *в ум* не *возьму!*» [6, с. 1123] Брать (взять) в ум (разум).что. Попытаться понять, уразуметь что–либо. [5, с. 40] В тексте романа употреблено с отрицательной частицей «не», чтобы выразить отрицание.

«Что ни двор – то вексель у Сергея Платоновича: *зелененькая* с оранжевым позументом *бумажка* – за косилку...». [1, с. 92] Зелененькая бумажка. Доревол. Трехрублевый кредитный билет. [5, с. 53]

«Отвори, товарищ! *До ветру* хочу, по нужде надо сходить!..» [1, с. 643] До ветру. (Пойти, выйти и т.п.) для оправдания естественных потребностей. [5, с. 69]

«Великое дело – зипун, *то бишь* полушубок!» [1, с. 1181]. То бишь. Устар. Употребляется для обозначения поправки, исправления сказанного; то есть. Фразеологизм относится к вышедшей или выходящей из употребления лексике. Фразеологическая единица употреблена в значении «то есть», чтобы исправить сказанное ранее. [5, с. 26]

«Внутренне все вставало в ней *на дыбы*, противилось, но грязь наружного не пятнила хранившегося глубоко и надежно чувства». [1, с. 572] На дыбы кто. Экспрес. Кто-либо резко проявляет своё несогласие, противостояние, противодействие чему-либо. [5, с. 220]

« – Вот *сподобил* *господь* на старости годов увидеть летучую машину!» [1, с. 930] Господь сподобил. Устар. Удалось что–либо. [5, с. 154] Фразеологизм относится к вышедшей или выходящей из употребления лексике.

«И так *голова дурная*, а от нее и вовсе загубишься». [1, с. 1300] Дурная голова чья. Пренебр. О глупом, бестолковом человеке. [5, с. 145]

«Гарновка – ох да и хороша ж вышла у людей, а нам, *как на грех*, не пришлось ее посеять». [1, с. 1135] Как на грех. К несчастью; как нарочно, как назло. [5, с. 157]

«За Коршунова гутарить не буду – он атаманил, весь век *на чужом горбу* катался, а вот Авдеича Бреха за что?» [6, с. 794] На чужом горбу. Экспрес. Используя чужой, тяжёлый труд (добывать, получать что–либо). [5, с. 151]

«Сына задумал женить, а сам *ни гугу*». [6, с.51] Ни гугу (гугу). Экспрес. Ни слова, ни звука (не произносить, не сообщать; молчать). [5, с. 161]

«– Исхудала ты, в чем и душа держится». [6, с. 1237] В чем душа держится. Экспрес. Очень хилый, слабый человек. [5, с. 215]

«...ему ли, простому казаку, с мальства *крутившему хвосты быкам*, было думать об офицерстве и иной сладкой жизни...» [6, с. 380] Быкам хвосты крутить. Пренебр. Выполнять работу пастуха, конюха, скотника и т.п. [5, с. 327]

Приведенные в качестве примеров фразеологизмы привычны донским казакам, героям романа. Фразеологические единицы с семантическим просторечным компонентом вытесняют из речи нейтральную общеупотребительную лексику, делая речь героев выразительной, образной и эмоциональной.

В тексте романа встречаются также грубо-просторечные фразеологизмы, которые обладают еще большей коннотацией, например:

«А временное правительство... да *на кой* оно нам ляд приснилось! Как вы, станишники?» [6, с. 473] На кой. Зачем, для чего? [5, с. 302]

«*Соплей* любого надвое *перешибешь*». [6, с.149] Соплей перешибить. О слабосильном, тщедушном человеке, таком, с кем легко справиться. [5, с. 465] Фразеологическая единица употреблена в сочетании с наречием «надвое» для усиления выразительности речи.

«...поворочал мозгами, решил: не допустить сотню до Петрограда...» [6, с. 445] Ворочать мозгами. Обдумывать, размышлять, соображать. [5, с. 92] В составе фразеологической единицы употреблен глагол совершенного вида, образованный при помощи приставки «по-».

Данные фразеологизмы употреблены героями в конфликтных ситуациях и ссорах, в негативных или бранных высказываниях о ком-либо, в выражении несогласия с чем-либо и т. п.

Структурные просторечия встречаются в тексте романа редко, при этом часто повторяется одна и та же нелитературная форма слова «хоть», которая делает фразеологическую единицу просторечной, например:

«Промажу, бывало, и так мне обидно, *хучь криком кричи*». [6, с. 644] Словарем закреплен фразеологизм «хоть криком кричи», который не имеет пометы прост. Экспрес. То же, что *хоть караул кричи*. Выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжёлого или безвыходного положения. [5, с. 323] Фразеологическая единица образована при помощи изменения в корне частицы «хоть» из-за особенностей казачьего говора.

«Он и женишок *хучь куда*». [6, с. 71] Словарем закреплен фразеологизм «хоть куда», который не имеет пометы прост. Разг., экспрес. Отличный, прекрасный, превосходный. [5, с. 332] Фразеологизм образован при помощи изменения формы корня частицы «хоть» из-за особенностей казачьего говора.

«За всю жизнь за горькую отлюблю!.. А там *хучь убейте!* Мой Гришка! Мой!» [6, с. 52] Словарем закреплен фразеологизм, который не имеет пометы прост. «Хоть убейте» – клятвенно заверяю, что невозможно понять, объяснить что-либо или сделать что-либо. [5, с. 695] Фразеологизм образован при помощи изменения в корне частицы «хоть» из-за особенностей казачьего говора.

В романе автор намеренно усекает слоги в составе слов, тем самым делая их просторечными, отклоняющимися от нормы языка, например:

«*Душу* ты мою *вынаешь!*.. Сгубилась я...» [6, с.58] Словарем закреплен фразеологизм «вынимать душу», который не имеет пометы прост. Устар., экспрес. истязать нравственно, мучить. [5, с. 117] Фразеологизм относится к вышедшей или выходящей из употребления лексике.

Таким образом, фразеологические единицы и просторечие часто совпадают в функции, которую они выполняют. Сама по себе фразеологическая единица служит для усиления экспрессивности речи, в то время как просторечный компонент в составе фразеологизма выражает колорит жизни и быта, делает язык выразительнее. Проведенный анализ фразеологизмов с просторечным компонентом в романе «Тихий Дон» М.А. Шолохова позволяет нам сделать вывод о том, что через просторечный компонент в

составе фразеологических единиц автор передает образность и экспрессивность, а также свое отношение к происходящему. Фразеологизмы в речи героев семантически становятся понятны читателям, при этом указывают на социальный статус говорящих и уровень их образования. Перспективы исследования данной проблемы заключаются в том, чтобы прийти к единому определению просторечия, таким образом будут установлены особенности идиостиля М. А. Шолохова.

Литература

1. Балашова, Л. В. Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальные аспекты). – Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2017. – 24 с.
2. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т./РАН СССР, Ин-т рус.яз. – М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 4. С-Я. 1988. – 800 с.
3. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 19.02.2021)
4. Лычкина, Ю. С. Фразеосемантическое поле «Характер человека» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис... канд. филол. наук / Ю. С. Лычкина. – Ростов н/Д.: РГПУ, 2005. – 20 с.
5. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А.И.Федоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878с.
6. Шолохов, М. А. Тихий Дон. – М., Изд-во «Молодая гвардия», URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt> (Дата обращения: 21.02.2021)

References

1. Balashova, L. V. Speech genres in Russian idioms (semantic and conceptual aspects). – Saratov, N.G. Chernyshevsky SGU, 2017. – 24 p.
2. Evgenieva A. P. Dictionary of the Russian language: RAS USSR, Institute of Russian language. – M.: Russian language, 1985-1988. T. 4. C – Я. 1988. – 800 p.
3. Evgenieva A. P. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes \ Institute of Linguistic Research. – M.: Russian language; Polygraphs, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (the date of access: 19.02.2021)
4. Lychkina J. S. Phraseosemantic field ‘Human character’ in the novel by M. A. Sholokhov ‘The Quiet Don’: synopsis... Candidate of Philology \ J. S. Lychkina. – Rostov on Don.: RSPU, 2005. – 20 p.
5. Fedorov A. I. Phraseological dictionary of the Russian literary language: about 1300 phraseological units \ A. I. Fedorov. – M.: Astrel: AST, 2008. 878.
6. Sholokhov M. A. ‘The Quiet Don’. – M.: Publishing House “Young Guard”, URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt> (the date of access: 21.02.2021)

УДК 811.161.1

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ КОММЕНТАРИИ ИНТЕРРОГАТИВОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ (на материале французских телевизионных ток-шоу)

Бочарова Анастасия Юрьевна

студентка факультета иностранных языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / bocharrrova@yandex.ru

Аннотация

В статье устанавливается и рассматривается зависимость метакоммуникативных ходов тематического характера, сопровождающих интеррогативный речевой акт во французских политических ток-шоу, от этапа общения. Они маркируют начало, развитие

и завершенность диалогического взаимодействия, отличаются семантическим и прагматическим разнообразием, а также способствуют прагматической интерпретации интеррогатива, отражают социально-ролевые характеристики участников диалога.

Ключевые слова: ток-шоу, интеррогативный речевой акт, метакоммуникативный ход, метакоммуникативный маркер, этап диалогического взаимодействия, эксплицитность, имплицитность, прагматическая интерпретация.

METACOMMUNICATIVE COMMENTS ON INTERROGATIVES IN POLITICAL DIALOGUE (based on French TV talk shows)

Anastasia Bocharova

Student of the Faculty of Foreign Languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *bocharrova@yandex.ru*

Abstract

The article establishes and examines the dependence of the metacommunicative moves of a thematic nature that accompany the interrogative speech act in French political talk shows on the stage of communication. They mark the beginning, development and completion of dialogic interaction, differ in semantic and pragmatic diversity, and also contribute to the pragmatic interpretation of the interrogative, reflect the social and role characteristics of the participants in the dialogue.

Keywords: talk show, interrogative speech act, metacommunicative move, metacommunicative marker, stage of dialogic interaction, explicitness, implicitness, pragmatic interpretation.

Как известно, политическое ток-шоу относится к числу весьма важных и динамично развивающихся жанров массмедийного дискурса. Это обусловлено тем, что современные ток-шоу являются площадкой для полемического обсуждения наиболее актуальных вопросов политики, самого широкого круга социальных, экономических и культурных проблем.

Политические ток-шоу максимально приближены к разговорному стилю и представляют собой «интеграцию речи спонтанной и речи подготовленной, смешение разговорных и книжно-письменных стилей» [1, с. 15], а их содержание обусловлено спецификой определенного национально-культурного сообщества. «Эти различия, объясняемые разным общественным строем, историческими особенностями формирования и развития функциональных стилей, связаны также с определенными журналистскими традициями» [2, с. 18]. К национально-специфическим характеристикам французских телевизионных ток-шоу можно отнести высокую степень этноцентризма и этикетности, свойственные французской журналистике в целом [3], а также особый статус приглашенных (как правило, это политики высокого ранга).

Одной из важных особенностей политического ток-шоу является сложность и многовекторность его коммуникативно-прагматической организации. Ток-шоу предполагает взаимодействие участников, выполняющих различные коммуникативные роли (активные/пассивные участники, эксперты, наблюдатели, модератор и т.п.), реализацию разнообразных моделей коммуникативного поведения (кооперативных и некооперативных, имеющих информирующий и воздействующий характер, рациональных и эмоционально-оценочных и т.д.).

Соответственно, коммуникативные ходы участников ток-шоу, направленные на разворачивание диалога, зачастую сопровождаются дополнительными метакоммуникативными комментариями, среди которых важное место занимают речевые ходы, ориентированные на мониторинг тематической стороны общения. Такие ходы могут сопровождать любые речевые действия коммуникантов, в том числе и

интеррогативные речевые акты. Интерес исследователей к метакоммуникации как важному компоненту человеческого общения обусловлен стремлением изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального общения с учетом национально-культурных аспектов коммуникации, целей, мотивов, психологических, социальных и других характеристик его участников. Метакоммуникативные речевые действия как средство организации и управления ходом коммуникации приобретают особую значимость в процессе диалогического речевого взаимодействия.

Объектом метакоммуникативной рефлексии может выступать любой речевой акт. Однако, учитывая ту роль, которую играют в управлении интеракцией именно интеррогативы, обладающие широким прагматическим потенциалом, представляется интересным рассмотреть метакоммуникативное сопровождение данного речевого акта.

В качестве материала исследования выбраны метакоммуникативные комментарии интеррогативов в политическом диалоге современных французских ток-шоу: полемичность, гибкость, динамичность и спонтанность, свойственные жанру ток-шоу, в том числе политическому, дают возможность наблюдать широкое разнообразие и вариативность метакоммуникативных ходов.

Для интеррогативов в политических диалогах французских ток-шоу характерны следующие особенности метакоммуникативного оформления.

1. Преобладание ретроспективных метакоммуникативных ходов (МКХ) над проспективными. В случае ретроспективной направленности МКХ отсылает к предыдущим репликам диалога: *j'ai une question là-dessus; par rapport à ce que vous dites il y a une question; il y a derrière ça une question; juste une question qui fera transition avec ce qu'on a dit*. При проспективной направленности следует прогностический комментарий: *puis il y aura un journaliste de la rédaction, il vous interpellera et vous demandera*.

2. Доминирование нерелексивных МКХ над релексивными.

В политических диалогах французских ток-шоу МКХ чаще всего направлены на комментарий речи второго коммуниканта или третьих лиц, участвующих в коммуникации, т. е. носят нерелексивный характер: *vous venez de poser une question sur; votre question, elle oblige à dire un peu plus; alors je complète une question qui a été posée par les deux contradicteurs*.

В то же время коррекция может быть направлена и на собственную речь (самокоррекция), например: *peut-être c'était pas une bonne question mais je me méfie e toujours des questions hypothétiques*.

3. Широкая представленность тематических МКХ.

Поскольку для политической коммуникации особое значение имеет соблюдение постулата релевантности, для ее субъектов характерно эксплицитное акцентирование ввода новой темы, удержания обсуждаемой темы, отклонения от общей темы и т. д.: *on pourrait ici détailler un peu la question; c'était la question de la représentativité, si j'ai bien compris la question*.

4. Употребительность оценочных МКХ.

Очевидно, что МКХ могут функционировать в рамках как кооперативного, так некооперативного типов поведения. В ситуации кооперативного общения позитивно-оценочные комментарии чаще всего направлены на качественные характеристики коммуникации: *une bonne question, une question importante, intéressante, sérieuse, actuelle* и под. В случае, если комментарий приобретает неконструктивный, нетолерантный, некооперативный характер, то оценочные МКХ могут иметь негативную окраску: *j'ai compris la question, elle est aussi vieille que le thème; j'agresse parce que c'est seulement dans l'interrogation qu'on fait la question, la réponse dans la question ou la question dans la réponse. Vous cherchez juste votre question suivante et vous ne vous occupez pas de la réponse*.

Таким образом, анализ МКХ, сопряженных с интеррогативностью, демонстрирует их вариативность и разнообразие решаемых при их употреблении прагматических ходов.

Как показал анализ, во французских политических ток-шоу метакоммуникативные ходы (МКХ), сопровождающие и характеризующие интеррогативы, весьма активно участвуют в регулировании тематических аспектов диалога, причем характер этого участия различается в зависимости от этапа диалогического взаимодействия.

Этап 1. Вступление в диалог.

Наиболее типичными метакоммуникативными маркерами фиксации темы на данном этапе являются структуры с ключевым словом **question**:

- *J'ai une question là-dessus qui porte sur les mères qui portent les voiles et qui accompagnent et qui peuvent accompagner les sorties de classe. Vous êtes prononcé contre cette possibilité?;*

- *Derrière cette question ou vous ramenez toujours à la stigmatisation, à la délinéation de nos compatriotes musulmans, il y a derrière ça une question décisive qui est : qu'est-ce que c'est que la France et qu'est-ce que c'est que la France demain dans ses classes populaires?;*

- *Par rapport à ce que vous dites, il ya une question.*

При условии, что речевое поведение коммуникантов направлено на сотрудничество, а не на конфронтацию, фиксация тем происходит с учетом социальных ролей коммуникантов и при соблюдении субординативных и этикетных норм. Соотношение статуса и ролей адресанта и адресата «конституирует системы равно – и разноположных отношений, включая или не включая механизм подчинения» [4]. Зачастую для того, чтобы с самого начала настроить собеседника на определенную тональность диалога и подчеркнуть важность обсуждаемой темы, эксплицитно может быть выражено указание на социальный статус собеседника, его гендерную принадлежность и т.д.:

- *Autant qu'au ministre marocain je vous pose la question. Je voudrais entamer encore une question qui préoccupe surtout les femmes et ce serait logique de la poser en premier lieu à notre invitée, la seule femme à accéder au poste de Premier ministre?;*

Метакоммуникативное оформление вопроса – в случае ввода темы – чаще всего имеет трехчастную структуру, включающую вводную конструкцию, фиксацию новой темы (либо отсылку к уже прозвучавшему суждению) и только затем собственно вопрос [5, с. 41]. Ср.:

- *Nous, on voulait poser une question sur précisément cette offre politique (a), c'est à dire, on sait que l'extrême droite se nourrit en règle générale de la crise démocratique en mélangeant comme vous le faites la gauche, la droite comme le fait E. Macron, vous créez un espace politique assez important qui fait l'espace large entre vos oppositions (б). La question: est-ce que cet espace politique ce n'est pas un risque ? (в).*

- *Donc ma question vous le savez comme on vous a dit de quoi nous allons parler(a). C'est que la position, vous l'avez aujourd'hui, et l'air totalement réconcilié avec votre jeunesse, vos engagements révolutionnaires, anticapitalistes au côté et avec le parti communiste quand même posent une question et on doit se poser (б). Alors ma première question est toute simple (в).*

- *Avant de passer à un autre thématique une question (a) liée car c'est une question d'actualité, liée à ce qui était le point de départ, la Lybie (б). Deux questions toutes simples (в).*

Вступая в диалог, адресант – в наиболее сложных ситуациях – пытается предусмотреть различные пути его развития и эксплицирует мотивы актуализации вопроса, предваряя его комментарием, основанным на фоновых знаниях и пресуппозициях:

- *Je pose la question parce que votre bras droit Alexis Corbière a que la diffusion par les chaînes en direct du mariage princier était une farce de mauvais pour notre République. Est-ce que vous partagez cette opinion?*

Этап 2. Развитие диалога.

На этом этапе МКХ уточняют, поясняют или дополняют вопрос.

В ток-шоу они могут быть представлены как

• автокоррекция: *J'ai encore une nuance sur la question de imams;*

- побуждение не отклоняться от обсуждаемой темы:

-Mais la question porte sur le contrôle, vous avez compris; Juste une question qui fera transition avec ce que vous a dit J-J;

- намерение уточнить/развернуть тему:

- Quant à votre question initiale, peut-être que nos échanges permettront d'en éclairer une partie et puis l'histoire aussi jugera. Vous venez de poser une question sur...

- *Cela veut dire donc que le nombre de migrants diminue?*

• намерение сменить тему: *Je termine sur cette question généralement en forme de questions philosophiques par la référence à un livre que je cite souvent.*

Поскольку данный этап развития диалогического взаимодействия является наиболее значимым, для него характерны развернутость и детализированность МКХ обсуждаемого типа: *Est-ce que dans ce débat y a pas aussi une forme de changement de mentalité d'évolution, c'est-à-dire que traditionnellement quand on vivait à la campagne, quand on vivait dans les petites villes, on vivait pas comme dans les grandes villes? Certaines choses étaient plus loin et plus difficiles à obtenir et est-ce qu'aujourd'hui, il ya une nouvelle attente de vos habitants, par exemple?*

Этап 3. Завершение диалога.

На этом этапе МКХ, относящиеся к речевому акту интеррогатива, маркируют завершенность темы. Сигналы исчерпанности могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно; при этом эксплицитное выражение характеризуется более категоричной формой, имплицитное же выражение отличается некатегоричностью и некоторой неопределенностью, вследствие чего его интерпретация адресатом может быть неоднозначной. Ср.:

- C'est la question pour les historiens, pour nous ce qui est l'essentiel c'est l'avenir. Moi j'en ai assez qu'on pose un certain type de questions pour poser un certain paysage!

На данном этапе развития диалога МКХ, сопровождающие интеррогативные речевые действия, зачастую обусловлены тем, что коммуникант пытается уйти от ответа, демонстрирует нежелание / неспособность высказаться по соответствующему поводу, отказывается обсуждать предлагаемую тему.

Здесь возможны такие варианты, как

- указание на непонимание темы вопроса:

- Et vous demandez ce que je pense de la quatrième République?

- Je vous demande juste, c'est notre histoire commune. Vous dans une dynamique de force. Vous pouvez être le troisième, le deuxième, voire le premier à la présidentielle.

- Et quelle est la question?

- La question est qu'est-ce que vous avez à dire de tout cela?

- De quoi?

- De cela. Cela ne vous concerne pas?

- Mais si vous m'interrogez sur Vercingétorix?

- F. Mitterrand n'est pas le Vercingétorix pour vous?

- критические замечания по поводу содержания вопроса:

- Je trouve que vous posez votre question en terme un peu curieux.

- Je crois pas du tout que ce soit une question au centre de l'attention des Français.

- Bon, peut-être c'était pas une bonne façon de répondre mais je me méfie toujours des questions hypothétiques.

- ссылка на отсутствие информации:

- Je ne suis pas compétent à y répondre.

- Vous dites la compétence mais est-ce qu'il n'y a pas derrière ça une stratégie de mensonge?

- ссылка на отсутствие времени:

- Nous n'avons pas le temps d'aborder des questions de Ford, de parler des programmes, contredire que 50% des Français ne savent pas pour qui voter aujourd'hui.

Таким образом, во французских политических ток-шоу тематические МКХ, сопровождающие интеррогативы, отличаются семантическим и прагматическим разнообразием: они участвуют в планировании и развитии темы, способствуют прагматической интерпретации интеррогатива, отражают социально-ролевые характеристики участников диалога. При этом их характер и прагматические функции обнаруживают очевидную зависимость от этапа общения.

Литература

1. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. 264 с.
2. Кузнецов, В.Г. Женевская Лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму / В.Г. Кузнецов. М.: Едиториал УРСС, 2003. 184 с.
3. Седых, А.П. Штрихи к портрету языковой личности французского журналиста: Патрик Пуавр Д'Арвор / А.П. Седых // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 28 (240). С. 124-129.
4. Макаров, М.Л. Регламентный компонент ситуации речевого акта / М. Л. Макаров // Речевые акты в лингвистике и методике: сб. науч. тр. Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1986. С. 142.
5. Метакоммуникативная организация диалогического дискурса / под общ. ред. Е.Г. Задворной. Минск: МГЛУ, 2017. 112 с.

References

1. Dobrosklonskaya, T. G. Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of mass media / T. G. Dobrosklonskaya. M.: FLINTA: Nauka, 2008. 264 p.
2. Kuznetsov, V. G. The Geneva Linguistic school: from Saussure to functionalism / V.G. Kuznetsov. M.: Editorial URSS, 2003. 184 p.
3. Sedykh, A. P. Shtrikhi k portretu linguistic personality of the French journalist: Patrick Poivre D'Arvor / A. P. Sedykh // Nauchnye vedomosti. Ser. Humanit. science. Belgorod, 2016. Issue. 32. № 28 (249). Pp. 124-129.
4. Makarov, M. L. Regulamentnyj komponent situatsii rechevogo akta [The regulatory component of the situation of a speech act] // Rechevye акты v lingvistike i metodike : sb. nauch. tr. – Pyatigorsk : Izd-vo PGPII, 1986. – p. 142.
5. Metacomunikativnaya organizatsii dialogicheskogo diskursa [Speech acts in linguistics and methodology] / under the general editorship of E. G. Zadvornaya. – Minsk: MGLU, 2017.-112 p.

УДК 81'373.7

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРЫ «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)

Волкова Анастасия Игоревна

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / korolina45@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые особенности локализации компьютерных игр на примере игры «The Elder Scrolls V: Skyrim». Корректный перевод игрового дискурса и его адаптация для иноязычных геймеров имеют огромное значение. Некачественная локализация может существенно усложнить прохождение игры и повлиять на ее успешность. Главная задача переводчика-локализатора – умело и грамотно использовать весь доступный ему арсенал переводческих приемов, принимая во внимание

множество нюансов, способных негативно повлиять на восприятие видеовербального текста игры геймером.

Ключевые слова: художественный дискурс, игровой дискурс, перевод, локализация, адаптация, переводческая трансформация

FEATURES OF THE TRANSLATION OF ARTISTIC DISCOURSE OF COMPUTER GAMES (ON THE MATERIAL OF THE GAME «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)

Volkova Anastasia Igorevna

graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *korolina45@yandex.ru*

Abstract

This article considers some features of the localization of computer games on the example of the game «The Elder Scrolls V: Skyrim». The correct translation of the game discourse and its adaptation for foreign-language gamers are extremely important. Incompetent localization can significantly complicate the passage of game and affect its successfulness. The main objective of a translator-localizer is to skillfully and competently use the entire available arsenal of translation techniques, taking into account many nuances that can negatively affect the perception of the video-verbal text of a game by a foreign-language gamer.

Key words: artistic discourse, game discourse, translation, localization, adaptation, translation transformation

Видеоигры прочно вошли в нашу жизнь. Люди различных возрастных категорий активно используют их не только для проведения досуга, но и в качестве источника саморазвития, самореализации и даже дохода. Современные видеоигры – это огромный «параллельный» мир, в котором игрокам порой комфортнее, чем в реальном. Здесь свои законы, интересные непредсказуемые сюжеты и яркие персонажи, живописные пейзажи и несуществующие в реальности животные, здесь можно реализовать такие мечты, которые в жизни неосуществимы. Возникает вопрос, как сделать этот продукт не только современным, но и содержательным, информативным, развивающим, дающим пищу для размышлений, т.е. качественным.

Если рассматривать вопрос в таком ключе, на первый план выступает проблема локализации компьютерных игр, то есть перевода на другие языки для комфортного прохождения сюжета игроками различных стран. Главная цель языковой локализации компьютерно-игрового дискурса – передача эмоций, воссоздание схожего игрового опыта у представителей целевой аудитории, независимо от уровня владения языком и культурного опыта [Болотина, Кузьмина 2019, 43]. Некачественно выполненный перевод игрового дискурса не только влияет на успешность игры на рынке данных услуг.

Перед локализаторами стоит еще одна сложная задача: в отсутствие словарного соответствия или при невозможности его использования подобрать наиболее подходящую к конкретному тексту и наиболее целесообразную переводческую трансформацию – преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле [Комиссаров 1990, 170].

Для нашего исследования был выбран художественный игровой дискурс видеоигры «The Elder Scrolls V: Skyrim» от студии Bethesda. Данный продукт был выпущен в 2011 году и до сих пор остается одним из самых популярных на игровом рынке. Материалом для сравнительно-сопоставительного анализа послужили оригинальная англоязычная версия игры, а также ее русская и французская локализации.

Дискурс компьютерной игры и его локализация включает в себя множество аспектов. Проблема качественного перевода компьютерной игры требует комплексного междисциплинарного подхода и включает помимо перевода текстовых модулей, имеющих непосредственное отношение к сюжету, перевод пользовательского интерфейса, инструкций, руководств по программному и аппаратному обеспечению, файлов readme и т.д. [Анисимова 2018, 82].

Одним из самых интересных для исследования и сложных для элементов игрового дискурса являются топонимы. Особенно это касается игр в жанре фэнтези, действие которых чаще всего разворачивается в вымышленных мирах. Это относится и к «The Elder Scrolls V: Skyrim», насчитывающей более 300 различных локаций.

Сравнивая англоязычную версию игры и ее локализации, можно отметить, что русские переводчики довольно часто прибегали к таким приемам, как транскрибирование и транслитерация, например: *Skyrim* → *Скайрим*. Во французской версии название имперской провинции, где разворачивается действие игры, звучит как *Bordeciel*, т.е. использован прямой перевод с перестановкой частей слова. Общий процесс переводческих преобразований в данном случае можно представить следующей схемой:

SKYRIM → *SKY-RIM* → *CIEL-BORDE* → *BORDE-CIEL* → *BORDECIEL*

небо край, окраина

Таким образом, можно сказать, что французские локализаторы, в отличие от русских, не слишком охотно прибегают к таким видам переводческих трансформаций, как транслитерация и транскрибирование. Французы – известные борцы за чистоту родного языка, и эта черта национального менталитета довольно ярко проявляется в переводе игры. Та же тенденция наблюдается в отношении других топонимов, например, названий владений Скайрима и их столиц:

Владения Скайрима

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Eastmarch	Истмарк	Estemarche
Falkreath	Фолкрит	Épervine
Haafingar	Хаафингар	Haafingar
Hjaalmarch	Хьялмарк	Hjaalmarche
The Pale	Белый Берег	Le Clos
The Reach	Предел	La Crevasse
The Rift	Рифт	La Brèche
Whiterun	Вайтран	Blancherive
Winterhold	Винтерхолд	Fortdhiver

Столицы владений Скайрима

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Windhelm	Виндхельм	Vendeaume
Falkreath	Фолкрит	Épervine
Solitude	Солитьюд	Solitude
Morthal	Морфал	Morthal
Dawnstar	Данстар	Aubétoile
Markarth	Маркарт	Markarth
Riften	Рифтен	Faillaise
Whiterun	Вайтран	Blancherive
Winterhold	Винтерхолд	Fortdhiver

В отношении более мелких локаций, расположенных на территории Скайрима, в обеих локализациях используются как прямые переводы, так и транслитерация с транскрибированием (например, для лексических единиц, не подлежащих прямому

переводу): *Clearpine Pond* – *Пруд Чистых Сосен* – *Étang de Pinclair*; *Tower of Mzark* – *Башня Мзарк* – *Tour de Mzark*; *Riverwood* – *Ривервуд* – *Rivebois*.

Также довольно интересно проследить за переводом слова «Dragonborn» на русский и французский языки. По сюжету игры главный герой от рождения наделен «кровью дракона» и является единственным, кто способен навсегда умертвить это могущественное существо, поглотив его душу. Таких людей, благословленных богом Акатошем, называют «Довакин» – «*Драконорожденный*». Как мы видим, в русской версии использован прямой перевод данного слова. Во французской же версии локализаторы прибегли к такой лексической переводческой трансформации, как модуляция: *Dragonborn* → *Enfant de Dragon* (дитя дракона).

Самым объемным пластом игрового дискурса является речь персонажей. Перевод диалогов и отдельных реплик требует не только точно подобранного слова, но и чувства стиля. Каждый персонаж разговаривает в своей особой манере, порой употребляя только для него характерные языковые единицы. Это может в некоторой степени осложнить процесс перевода. Особую трудность могут представлять игры слов, значение которых способны понять только представители определенной культуры. Задача локализаторов – как можно более точно перевести видеовербальный текст, беря во внимание контекст и стилистические особенности речи каждого персонажа, а также умело обыгрывать словесные каламбуры и прочие моменты, которые могут быть непонятны, т.е. адаптировать текст игры для иноязычного игрока.

Первая фраза, которую слышит геймер, начиная новую игру: «*Hey, you. You're finally awake*». Дословно ее можно перевести как «*Эй, ты. Ты наконец проснулся*». Варианты перевода официальных локализаций представлены в таблице:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Hey, you. You're finally awake.	Эй, ты. Не спишь?	Tiens, vous avez fini par vous réveiller?

Так, для обращения «*hey, you*» в русском варианте был использован прямой перевод: «*эй, ты*»; во французском же варианте употреблено междометие «*tiens*», которое служит для привлечения внимания и может переводиться как «*вот!*», «*смотри-ка*», «*гляди-ка*», «*о!*», «*а!*», «*ага!*» и т.д. В русском переводе опускаются наречие «*finally*» и местоимение «*you*», а также используется своего рода антонимический перевод: *проснулся* – *не спишь*. Французские локализаторы передают оттенок наречия «наконец» глаголом «*finir*» – заканчивать, завершать. Стоит отметить, что в обоих вариантах утвердительная фраза становится вопросительной, что частично меняет смысл реплики.

Нельзя обойти вниманием следующую саркастичную реплику, которую можно услышать от стражи Скайрима, широко известную среди поклонников игры и ставшую своеобразным мемом:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Let me guess – someone stole your sweetroll...	Дай-ка угадаю – кто-то украл твой сладкий рулет...	Laissez-moi deviner – quelqu'un vous a volé votre pâtisserie...

Здесь примечательна именно адаптация названия кондитерского изделия «*sweetroll*». В русском варианте используется прямой перевод – «*сладкий рулет*», тогда как французские локализаторы прибегли к генерализации и выбрали более обобщенное понятие «*pâtisserie*» – сладкая выпечка, кондитерские изделия.

Также весьма интересен следующий пример:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
- Skyrim doesn't belong to you, Ulfric. - No... But I belong to her .	- Скайрим не принадлежит тебе, Ульффрик. - Нет... Но я принадлежу ему .	- Bordeciel ne vous appartient pas, Ulfric. - Non... Mais moi, je lui appartiens.

Обычно в английском языке по отношению к неодушевленным объектам употребляются местоимения «it», «its». Тем не менее, когда речь идет о той или иной стране, могут быть использованы местоимения «she», «her», что мы и наблюдаем в данном примере. Персонажи игры в отношении провинции Скайрим используют именно местоимения «she», «her». Это позволяет говорить о восприятии ими родной земли как живого существа, наделенного душой. Данная особенность характерна только для английского языка, так как ни русскому, ни французскому не свойственно выделение отдельных местоимений для обозначения неодушевленных объектов. Гендерная маркированность приведенного в примере местоимения указывает на то, что Скайрим в представлении его жителей является женщиной – матерью, кормилицей. В русской локализации Скайрим – это «он», суровый и доблестный воин-норд, чей образ прочно ассоциируется с заснеженными просторами холодного края. Во французском варианте невозможно установить «пол» провинции, так как местоимение косвенного дополнения «lui» может относиться и к мужскому, и к женскому роду.

Стоит также обратить внимание на то, как персонажи игры обращаются друг к другу. В оригинальной версии при обращении на «ты» и на «вы» используется одно местоимение – «you». В русской локализации оно может переводиться как «ты» и «вы» в зависимости от того, насколько близки персонажи и как они друг к другу относятся. Однако более частотное обращение именно на «ты», вероятно, в силу средневекового сеттинга игры, подразумевающего некую простоту и непринужденность в общении. Обращение на «вы» встречается намного реже и является проявлением особого уважения («*Простите, генерал, больше не повторится*», «*Ярд Элисиф, оставьте это мне*»). Во французской же версии абсолютно все персонажи обращаются друг к другу на «вы», что можно наблюдать в приведенных выше сопоставительных таблицах. И если такой подход уместен в диалоге с вышестоящим (например, легат обращается к генералу), то в разговоре между близкими друзьями или давними знакомыми, сражавшимися бок о бок в войне (например, между Ульффриком Буревестником и Галмаром), он некорректен. Это можно отнести к недостаткам французской локализации игры.

Говоря о недочетах перевода, нельзя не привести следующий пример:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
You may be used to the Empire bowing to your every whim, but I'm afraid you'll find the Thalmor receive no such treatment here.	Вы, наверное, привыкли, что Империя склоняется перед каждой вашей прихотью, но, боюсь, талморцы не потерпят такого обращения.	L'Empire vous fait peut-être des courbettes en toute occasion, mais je crains que les Thalmor n'aient pas le même traitement de faveur, ici.

Данная реплика обращена к представителю шовинистской фракции Талмор, правящей государством Альдмерский Доминион и в силу ряда причин имеющей определенное влияние в Империи. Анкано выразил недовольство тем, что как советник архимага Коллегии Винтерхолда он недостаточно осведомлен о проводимых исследованиях и прочих делах организации. Мирабелла Эрвин в довольно резкой форме отвечает на попытку вмешательства: хоть Империя и подчиняется Талмору, здесь, в месте, свободном от политики, представители данной фракции особого отношения не встретят, и «пресмыкаться» перед ними никто не будет. В русской локализации в виду некорректного перевода фраза полностью утрачивает свой смысл и становится нелогичной. Создается ощущение, что талморцы не потерпят именно потакания своим прихотям. Во французском варианте эмоциональность реплики усиливается употреблением негативно окрашенного выражения «*faire des courbettes*» – расшаркиваться, преклоняться, лебезить, раболепствовать перед кем-либо, а также за счет такой переводческой трансформации, как лексическое добавление: *treatment* → *traitement de faveur*.

Таким образом, локализация компьютерной игры – сложный и многогранный процесс, требующий от переводчика не только хорошего знания лексики и грамматики

исходного языка, но и междисциплинарной подготовки, чувства стиля, знакомства с технической терминологией, учета множества языковых и культурных нюансов, способных повлиять на восприятие иноязычным геймером видеовербального текста игры. В процессе перевода могут возникать различные нестандартные ситуации, и локализаторы должны использовать весь свой арсенал, все свое мастерство, чтобы как можно более точно донести до игрока заложенную в оригинале мысль.

Литература

1. Анисимова Т.А. Феномен компьютерной игры в переводческом дискурсе // Научный вестник Южного института менеджмента. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. №2. С. 82–86.
2. Болотина М.А., Кузьмина Е.В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. №1. С. 43–50.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

References

1. Anisimova T.A. (2018) *Fenomen kompyuternoy igry v perevodovedcheskom diskurse* [Phenomenon of computer game in translation discourse]. – Scientific bulletin of the Southern Institute of Management. Linguistic and communication problems. – 2018. – Issue 2. 82-86.
2. Bolotina M.A., Kuz`mina E.V. (2019) *Leksicheskie problemy perevoda komp`uternyh igr.* – Vestnik Baltiiskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. Filologiya, pedagogika, psihologiya. – 2019. – Issue 1. 43-50.
3. Komissarov V.N. (1990) *Teoriia perevoda (lingvisticheskiie aspekty): Ucheb. dliia in-tov i fak. inostr. iaz.* – M.: Vyssh. shk., 1990. – 253 p.

УДК 81

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ КИТАЙСКОГО РЭПА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТРАНЫ

Глотов Фёдор Игоревич

НИУ ВШЭ, 11 класс

Москва, Россия / fedichigarich@gmail.com

Аннотация

В статье представлен семантический анализ текстов китайского рэпа за период с 2016 по 2020 годы. Автор выделяет восемь основных тем песен и с помощью лингвистических компьютерных программ делает выборку наиболее часто встречающихся слов по каждой теме. Анализ словарного состава песен показал, что превалирует лексика, связанная с темой успеха, родины, тяжелого труда и сопутствующей им атрибутики, что позволяет сделать вывод о специфике китайского рэпа, о его отличии от западных и американских образцов. Для объективного описания словарного состава песен автор делает краткий экскурс в историю зарождения и современного развития китайского рэпа. В статье указывается многоаспектность изучения рэпа, как элемента жанра хип-хоп культуры: лингвистическая, социокультурная и театрально-музыкальная составляющие. Тематика и словарный запас рэп-текстов уникальны в каждой нации и являются отражением социокультурных особенностей страны. Такой анализ позволяет создать интернациональный тезаурус современной хип-хоп культуры.

Ключевые слова: рэп, словарный состав, китайский рэп, песенный текст, тематическое моделирование, семантический анализ.

VOCABULARY OF CHINESE RAP AS A REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL SPECIFICS OF A COUNTRY

Glotov Fyodor Igorevich

NRU HSE, 11 class

Moscow, Russia / *fedichigarich@gmail.com*

Annotation

The article presents a semantic analysis of Chinese rap texts for the period from 2016 to 2020. The author identifies eight main themes of the songs and selects the most frequently encountered words for each theme using linguistic computer programs. The analysis of the vocabulary of the songs showed that the prevailing vocabulary associated with the theme of success, motherland, hard work and typical attributes. This allows us to make a conclusion about the specifics of Chinese rap and about its difference from Western and American samples. Also, the author makes a short excursion into the history of the origin and modern development of Chinese rap for an objective description of the vocabulary of the songs. The article shows, that there are many aspects of studying Chinese rap as an element of hip-hop culture: linguistic, socio-cultural and theatrical and musical components. Themes and vocabularies are different in each nation, and it shows us socio-cultural features of a country. This analysis allows us to create an international thesaurus of modern hip-hop culture.

Keywords: rap, vocabulary, Chinese rap, lyrics, thematic modelling, semantic analysis.

Рэп-музыка, как основополагающий элемент субкультуры хип-хопа, имеет богатую историю и присутствует практически во всех национальных культурах. Рэп рассматривается исследователями как явление интегративное, включающее себя поэзию, – с одной стороны, и музыку, театральные перформансы, – с другой (Богданов А.В. [1], Борискина С.Д. [3], Колесников А.А. [6], Лапина Е.В. [7], Янченко Я.М. [10] и др.).

Характерной чертой рэп-музыки можно назвать выраженную социокультурную составляющую, которая заключается в отражении самых острых, насущных проблем современного общества (Бойченко А.Е. [2], Иванов С.В. [5], и др.). Рэп, будучи одним из самых популярных жанров, транслирует идеи и ценности, миропонимание, оценку и восприятие социальных явлений. Основной лингвистической функцией рэп-жанра, по мнению Gutler С.А., выступает стремление раскрывать и вербализовывать социальные концепты. В связи с этим, словарный состав рэп-текстов можно, без преувеличения, назвать тезаурусом современного молодого общества [11].

Изучение лексической наполняемости рэп-текстов – вопрос не новый. С точки зрения словаря хорошо изучены англоязычный, американский, французский рэп-дискурсы, есть работы и по русскому хип-хопу. А вот работ, которые анализируют китайский рэп и, в частности, его лексическую составляющую, – нами не обнаружено. Из работ, посвящённых его отдельным аспектам, назовём обзорную статью В.Н. Холоповой [9] о китайском авангарде и немногочисленные просветительские статьи о современной китайской музыке в медиапространстве «Магазета» [12].

История китайского рэпа молода. Культурно-политическая ситуация современного Китая не является благоприятной для развития рэпа, так как продолжает действовать коммунистическая идеология, цензура.

Отправной точкой развития рэпа в Китае можно считать 2010 год, когда появился ресурс ZHONG TV, познакомивший мир с китайскими рэп-исполнителями. Серия рэп-баттлов в последующие годы сделала жанр столь популярным, что продвинуло китайских рэперов на официальное медиа-пространство. Постепенно в китайском рэпе выделилось 2 ветви. Первую составляют исполнители, чье творчество допущено на TV. Они отличаются спокойным внешним видом, а в текстах отсутствует бранная лексика. Вторая ветвь – представители более аутентичного рэпа. Их музыку можно встретить на международных онлайн-площадках, а атрибутика соответствует традиционной рэп-культуре.

Цель нашей работы – проанализировать словарный состав песен китайского рэпа и показать, как он отражает социокультурные особенности страны.

Текст песни представляет собой дискурс, в котором прослеживается связь с культурой и социальными особенностями страны. Так, в песенных текстах присутствуют не только лингвистические единицы, но и целая история и специфика, которая позволяет интерпретировать тексты и связывать их с явлениями окружающей действительности (Ли О.Д. [8]). В своем исследовании мы будем пользоваться определением Л.Г. Дунашевой, которая трактует песенный дискурс как «текст в совокупности с контекстами его создания и интерпретации, включая эффект, производимый им на слушающего в определенном историко-культурном контексте» [4: с.12] .

В качестве *источников* исследования мы отобрали в общей совокупности 115 текстов исполнителей, которые были выложены на Ютуб-канал с 2016 г. Все оригинальные тексты найдены на сайте genius.com и переведены самостоятельно. Выборку материала исследования ограничили историческим отрезком времени с 2016 г. по 2020 г., на протяжении которого шел процесс «созревания» новой китайской музыкальной рэп-культуры (иногда называемой «грэпп»). Более ранние произведения еще мало адаптированы под реалии Китая и представляют собой кальку американских образцов.

Для целей исследования использовались следующие методы: структурно-семантический анализ, герменевтический метод (интерпретации), тематическое моделирование с помощью компьютерных программ лингвистического анализа текстов.

Структурно-семантический анализ предполагает выделение из темы ключевых слов (структурный анализ) и последующее раскрытие их смыслового содержания (семантический анализ). В качестве вспомогательного метода использовался метод семантического структурирования, который проводился с помощью текстовой программы Advego.

Для интерпретации песенных текстов использовался герменевтический метод, позволяющий самостоятельно описать каждый текст в отдельности и выделить главные и дополнительные тематические линии, выявить культурологические и социальные особенности именно китайской тематики. Таким образом, были сформулированы темы, поднимаемые в текстах.

На первом этапе тексты песен были обработаны в программе Advego в разделе «Семантический анализ текста». Пропустив через программу 115 песен (127000 знаков без пробелов и без стоп-слов), было получено семантическое ядро, состоящее из самых часто употребляемых слов. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1
Семантическое ядро текстов песен китайского рэпа

№ п/п	слово	релевантность	№ п/п	слово	релевантность
1	Китай (китайский)	2.45	13	дизайнер	0.58
2	одежда	1.27	14	плакать	0.58
3	брат	1.27	15	сердце	0.58
4	шанс	1.27	16	аккуратно	0.58
5	деньги	1.17	17	жизнь	0.58
6	Чэнду	0.98	18	смотреть	0.49
7	надеть	0.88	19	женщина	0.49
8	любить	0.78	20	танец	0.49
9	лгать	0.78	21	работать	0.48
10	скопировать	0.68	22	получить	0.44
11	молодой	0.68	23	богатый	0.44
12	цепочка	0.68	24	улица	0.44

Как видно из таблицы, выделенные ключевые слова соответствуют разнообразным темам. Далее, вторым этапом, были проанализированы тексты в ходе структурно-

семантического анализа, и выделены основные темы китайского рэпа. По популярности темы расположились в следующей последовательности: *успех и превосходство, любовь, атрибутика, родина, город, работа над музыкой (создание музыки), жизненные истории, отдых и удовольствия*. Ключевые слова отражают эти темы.

На третьем этапе изучения с помощью тематического моделирования анализировался лексический состав каждой темы китайского хип-хопа.

Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
Словарный состав основных тем китайского рэпа

№п/п	Тема	Лексика
1.	Успех	деньги, работать, богатый, получить, молодой, хвастаться, стиль, покупать, удача, тратить
2.	Любовь	девушка, парень, любить, лгать, сердце, плакать, ложь, она, уходить, чувства, Ромео
3.	Создание музыки	студия, бит, продюсер, рэп, микрофон, текст, песни, слушать, хит, делать
4.	Атрибутика	дизайнер, цепочка, носить, одежда, брэнд, золотой, сумка, вещи, дорогой, кроссовки
5.	Жизненные истории	шанс, умение, раньше, прошлое, день, время, мечта, реальность, жить, хотеть
6.	Родина	Китай, китаец, народ, братья, друзья, нация, Азия, азиатский, Восток, культура
7.	Город	город, улица, машины, магазин, Чэнду, водить, ездить, дороги, парковка, вокруг
8.	Отдых и удовольствия	танцевать, пить, вечеринка, есть, еда, расслабляться, отдыхать, играть, чувствовать, спать

Проанализируем данные таблицы 2 с позиции того, как словарный состав каждой темы отражает социокультурные особенности Китая..

Тема успеха, превосходства – самая популярная в китайском рэпе. Подобная тематика распространена и в западном хип-хопе, однако китайская рэп-поэзия имеет своеобразие, связанное с подчеркиванием роли работы в успехе и создании музыки, что отражает традиционные представления о трудолюбии китайского народа. Чаще всего авторы говорят об усердной работе, которая должна привести к успеху, о том, как поменялась их жизненная философия во время трудной работы; о том, что успех не получается просто так. Нередко встречаются размышления о том, каким путем рэперы пришли к успеху и какие моральные выборы им приходилось совершать в своей жизни. В песнях о превосходстве может выплескиваться агрессия к своим врагам и ненавистникам, которые считают, что по сравнению с ними артист успешнее, богаче и т.д.

В песнях китайских рэперов *о любви* присутствует много лирики, поэтических образов, в том числе связанных со стихией, природой, обилие художественных приемов выразительности, что обычно более характерно для жанра поп-музыки. В качестве метафор часты упоминания западной культуры в описании любви, а именно Шекспира и его героев Ромео и Джульетты, а так же современных известных западных личностей.

Тема *создания музыки* раскрывает вопросы внутренней «кухни» хип-хопа: как артист поёт и читает, как работает на студии, что необходимо сделать, чтобы у него получились лучшие биты, как приходит вдохновение на написание музыки. Повествуя о процессе записи своей музыки, авторы рассказывают о том, насколько мастерски, быстро, эффективно и качественно изготавливают свои песни, то есть используют элемент превосходства.

Своеобразие этой тематики в китайском рэпе проявляется в том, что затрагивается противостояние между «ТВ-артистами» и творчески свободными рэперами.

Исторически сложилось, что в хип-хоп культуре *атрибутика* играет значительную роль, поэтому данная тема занимает лидирующие позиции в любом национальном рэпе.

Например, в китайском – золотая цепь (и драгоценности) показывает результат долгой работы и материальный успех рэпера.

В современном китайском хип-хопе атрибутами рэп-исполнителей стала дорогая брендовая одежда, сумки (Gucci, Lui V, Chanel, т.д.). Нашлись даже треки, где припев состоит из перечисления всего этого богатства. Исполнители, в подавляющем большинстве случаев, упоминают атрибутику, свидетельствующую о богатстве и элитарности, подчеркивая возрастающие у молодежи в Китае потребительские мотивы.

Темы *жизненных историй* являются одними из лидирующих в западном хип-хопе, в то время как в китайском рэпе они не столь значительны. Личные истории всегда связаны с темами тяжелого труда и достижения материального достатка. Одним из основных мотивов таких историй является выход из тяжелого материального положения. Артисты рассказывают о жизни до того, как пришли к успеху и популярности. Таким образом, некоторые исполнители пытаются замотивировать фанатов развиваться и работать. Подобная тематика в песнях китайского хип-хопа часто имеют какую-то поучительную направленность, в которой исполнитель не только рассказывает историю и делает из неё выводы, но и даёт советы слушателям.

Своеобразной особенностью китайского рэпа является довольно большое количество песен о родине. Такое отношение сложилось благодаря действующей идеологии и, в некоторой степени, – цензуре. Тема родины и понятие «китайский» часто вплетено в другие сюжетные линии. Возможность выделить целую группу песен, посвященных этой тематике, – особенность китайского рэпа. Исполнители восхваляют в песнях родину, высказывают уважение к ней, говорят о положительном вкладе артистов в имидж своей страны. Часто в текстах упоминается слова «Китай» и «китайский» (в значении «сделано в Китае»). Возможно, такое отношение сложилось и благодаря цензуре.

Кроме того, мы обнаружили некоторые композиции, где артисты затрагивают геополитические вопросы Китая. Так, они говорят о малых народах Китая и об отношении между ними. Например, о том, как воспринимают себя китайцы материка и китайцы с Гонконга и Тайваня. Таких композиций не слишком много и основным мотивом всех песен этой темы является гордость своей Родиной.

Тема города: в ней есть специфическая особенность, отличающая китайский рэп. Китайские исполнители не подразумевают город и улицу, как площадку для криминальной деятельности, для них улица – это площадка для развлечения, для покупок, посещения бизнес-центров и размещения своих дорогих машин, то есть антураж их повседневного быта. Для темы «город» характерными словами являются «улица», «шоссе», «машины», «клуб».

Так же, как в американской хип-хоп культуре, у китайского рэпа есть негласная столица – город Чэнду (в Америке – Атланта). Новая школа китайского рэпа (трэп) появились именно в Чэнду, поэтому реперы часто упоминают его в своих произведениях.

Тема отдыха и удовольствий в китайском рэпе одна из самых редких, что обусловлено доминированием тем успеха, работы, трудолюбия. В мировом хип-хопе принято, что эта тематика занимает лидирующие места, но в китайском рэпе об отдыхе говорят не так много. Возможно, это связано с тем, что китайские исполнители большую часть своих текстов посвящают трудолюбию и усердию в достижении личного и материального успеха.

Ещё одна важная особенность состоит в том, что китайские рэперы не говорят о нелегальных веществах в контексте отдыха, а напротив, тщательно подчеркивают альтернативу им. Например, могут говорить о предпочтении газированные напитков курению, об удовольствии от еды. В большинстве текстов отдыхом является принятие ванны, общение с девушками, вечеринки, танцы. Авторы призывают слушателей танцевать и расслабиться, чтобы чувствовать себя лучше и отдыхать.

Таким образом, анализ словарного состава китайской рэп-музыки, позволил выделить основную тематику китайских рэп-текстов и показать как они отражают

социокультурные реалии современного Китая. Данная работа вносит скромный вклад в объемную тему изучения китайского хип-хопа. Современная китайская рэп-музыка транслирует молодежную субкультуру, в которой наряду с общераспространенными западными ценностями формируется собственное концептуальное пространство, поэтому дальнейшее исследование китайской рэп-музыки может быть связано с изучением этих концептов и тем, какими лексическими способами оно передается. На наш взгляд, на сегодняшний день актуальна тема сравнения творчества исполнителей двух ветвей китайского рэпа: от тематики и до используемых лингвистических приемов. В текстах рэп-музыки нередко встречаются обращения к другим культурам, историческим и культурным объектам и личностям, в связи с чем представляет интерес изучение подобных заимствований в китайском рэпе.

Литература

1. Богданов, А.В. Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса: автореф. дисс. канд. филолог. наук. – Москва, 2007.
2. Бойченко А.Е., Жучкова С.В. Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены // Журнал социологии и социальной антропологии. – № 2. –2020. – С. 131-162.
3. Борискина, С. Д., Желудкова, Е.Г. Средства речевого воздействия в текстах рэпа (на материале французского языка) // Вестник КемГУ. Филология. – 2008. – №2. – С 130-132.
4. Дуняшева, Л.Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе: на материале жанров блюз и рэп: автореф. дисс. канд. филологич. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 24 с.
5. Иванов, С.В. Феномен российского хип-хопа: смыслообразование в контексте культурного взаимодействия. Дисс. канд. культурологии. – Москва, 2012. – 317 с.
6. Колесников, А.А. Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры: автореф. дисс. канд. филологических наук. – Москва, 2016. – 22 с.
7. Лапина, Е.В. Опыт анализа поэтических текстов рока и рэпа // Глобализация науки: проблемы и перспективы. Сб. статей Международной научно-практической конференции / Ответ.ред. Сукиасян А.А. – Уфа, 2015. – С. 79-83.
8. Ли, О.Д. Песенный текст как объект лингвистического исследования // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8 (98) – С. 86-89.
9. Холопова, В.Н. Китайский авангард: от Сан Туна до Тан Дуна // М.Е Тараканов: человек и фоносфера. Воспоминания. Статьи. / ред.-сост. Е.М. Тараканова. – М.: СПб., 2003.
10. Янченко, Я.М. История изучения хип-хоп дискурса в зарубежной и отечественной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – №3 (82). – С. 398-400.
11. Gutler C.A. Cutler C.A. Hip- Hop language in sociolinguistics and beyond // Language and Linguistics Compass. 2007. 1(5):519 – 538

Интернет-ресурсы

12. Магазета. URL: <https://magazeta.com/underground-podcast/>

References

1. Bogdanov, A.V. Linguocultural characteristics of African American rap discourse: author. diss ... cand. philologist. sciences. – Moscow, 2007.
2. Boychenko A.E., Zhuchkova S.V. What does Russian rap hide? Thematic modeling of the texts of the Russian-language hip-hop scene // Journal of Sociology and Social Anthropology. – No. 2. –2020. – S. 131-162.
3. Boriskina, S. D., Zheludkova, E.G. Means of speech influence in rap texts (based on the French language) // Bulletin of the KemSU. Philology. – 2008. – No. 2. – From 130-132.

4. Duniyasheva, L.G. Linguocultural features of gender construction in African-American song discourse: on the material of blues and rap genres: author. diss. Cand. philological. sciences. – Nizhny Novgorod, 2012. – 24 p.
5. Ivanov, S.V. The phenomenon of Russian hip-hop: meaning formation in the context of cultural interaction. Diss. Cand. cultural studies. – Moscow, 2012. – 317 p.
6. Kolesnikov, A.A. Linguistic specifics of the language of representatives of hip-hop culture: author. diss. Cand. philological sciences. – Moscow, 2016. – 22 p.
7. Lapina, E.V. The experience of analyzing poetic texts of rock and rap // Globalization of Science: Problems and Prospects. Sat. articles of the International Scientific and Practical Conference / Answer ed. A.A. Sukiasyan – Ufa, 2015. – S. 79-83.
8. Lee, O.D. Song text as an object of linguistic research // International research journal. – 2020. – No. 8 (98) – S. 86-89.
9. Kholopova, V.N. Chinese avant-garde: from San Tong to Tan Tung // M.E. Tarakanov: man and phonosphere. Memories. Articles. / ed.-comp. EAT. Tarakanova. – M.: SPb., 2003.
10. Yanchenko, Ya.M. History of the study of hip-hop discourse in foreign and domestic linguistics // World of science, culture, education. – 2020. – No. 3 (82). – S. 398-400.
11. Gutler C.A. Cutler C.A. Hip- Hop language in sociolinguistics and beyond // Language and Linguistics Compass. 2007. 1(5):519 – 538

Internet resources:

12. Magazeta. URL: <https://magazeta.com/underground-podcast/>

УДК 811.13

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ
В ЯЗЫКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

Добрунова Алина Александровна

Студент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / dobrunova.alina@gmail.com

Аннотация

Язык французской интернет-коммуникации представляет собой уникальное явление, он имеет свои особенности. В материале настоящей статьи рассматриваются аббревиатуры и сокращения, используемые во французском интернет-дискурсе, их отличительные черты, способы их образования и декодирования.

Ключевые слова: французский язык, интернет-дискурс, аббревиатура, сокращение, интернет-коммуникация.

**THE USAGE OF ABBREVIATIONS AND ACRONYMS IN THE LANGUAGE
OF FRENCH INTERNET COMMUNICATION**

Dobrunova Alina Aleksandrovna

Student of German and French department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / dobrunova.alina@gmail.com

Abstract

The language of French Internet communication is a unique phenomenon; it has its own features. This article discusses the particularities of abbreviations and acronyms used in the language of French Internet communication, their distinctive features, ways of their formation and decoding.

Key words: French, Internet discourse (ID), abbreviation, acronym, Internet communication.

Язык интернета уникален, он значительно отличается не только от классического литературного языка, но также и от разговорного. «Особенным языком в наше время становится виртуальное общение, которое, по сути, сводится к использованию сокращений с небольшим количеством употребляемых полных лексических единиц» [Гришечкина 2013; 3] Язык интернет-дискурса представляет собой синтез письменной и устной речи, но при этом он выходит за эти рамки, образуя нечто новое. Как и в случае с любым другим языком, во французском языке тоже существует свой вариант языка, используемый в сети Интернет. Отличия языка французского интернет-дискурса от любого другого варианта французского многочисленны и проявляются в синтаксисе, орфографии, морфологии. Французский язык интернет-коммуникации во многом похож на разговорный язык: в нем также присутствует большое количество сленговых выражений, различных сокращений и неологизмов, но в то же время интернет-язык восполняет недостачу реального общения с помощью различных графических средств. В языке французской интернет-коммуникации можно встретить большое количество эмодзи, а также использование букв верхнего и нижнего регистра для передачи эмоций и настроения интернет-пользователя. Необходимо отметить, что сложность изучения языка интернет-коммуникации заключается в том, что он развивается быстрее, чем стандартный письменный французский, а также потому что он создается совместно всеми пользователями глобальной сети.

В данной статье речь пойдет об одной из особенностей французского языка Интернета – сокращениях, используемых в интернет-дискурсе. Для начала необходимо сказать, что различные виды аббревиатур и акронимы не являются современными лингвистическими изобретениями. Одна из самых известных аббревиатур восходит ко временам Римской империи: SPQR («Senatus Populusque Romanus», то есть «Сенат и народ Рима»). Аббревиатуры во Франции – очень частое явление. Названия многих предприятий и правительственных ведомств обозначаются через аббревиатуры (SNCF- Société nationale des chemins de fer français, EDF- Électricité de France). Кроме того, общепринятыми являются сокращения слов Monsieur (M.), Madame (Mme) и Mademoiselle (Mlle). Также аббревиатуры по типу «с-à-d» (с'est-à-dire) или SVP и STP (s'il vous plaît, s'il te plaît) являются довольно популярными [Anis J. 2001; 32-33]. Таким образом, процесс сокращения слов имеет место быть во французском языке на протяжении очень долгого времени, но примечательна чрезвычайно высокая частота его использования в языке интернет-коммуникации.

Ограничения, сопровождаемые общение в интернете, по сути привели к развитию множества акронимов и сокращений. Многие аббревиатуры, используемые во французском интернет-дискурсе, были взяты непосредственно из английского языка (например, «lol»), в то время как другие возникли как перевод уже существующего английского акронима («mdr» эволюционировал как альтернатива «lol», от французской фразы «mort de rire»). Другие возникли из естественной потребности французского языка интернета в использовании большего количества сокращений. О.Г. Косарева утверждает, что аббревиатура – это «не столько экономия средств, сколько более окрашенные формы выражения уже известных понятий» [Косарева 2004; 86].

Французский язык интернет-коммуникации адаптировал любопытный лингвистический процесс использования чисел и букв в качестве фонетических представлений их звука, то есть буквы и цифры используются для обозначения их звука, их значение в таком контексте игнорируется. По-французски это еще называют аллографом. Аллограф означает, что число, к примеру 2, можно использовать для замены не только слова, его обозначающего (deux), но также звуков в словах demain и deux, отсюда одно очень распространенное сокращение для завтрашнего дня (demain): 2m1. В данном примере -ain, которая является носовой гласной / ε /, представлена цифрой 1. При этом эта аббревиатура отображает словесный феномен, который в настоящее время встречается во французском языке: слияние носовых гласных, как в числе 1 (/ oe /) с

носовой гласной, как в *demain* (/ ε /) [Untied B. R. 2009; 15]. Этот случай также иллюстрирует то, как интернет-дискурс отражает устный французский язык. Как правило подобные сокращения легко читаются, и об их значении довольно просто можно догадаться самостоятельно. Например, «C1Blag? 1posibl» (*C'est une blague? Impossible*) или «omg bi1to l'anniversaire de Jean» (*bi1to = bientôt*) [Twitter]. Среди таких сокращений также можно назвать: 1er = Premier. Соответственно «Première» будет записываться как «1ere» или «lère»; A2m1 = À demain; Cb1 = C'est bien ; Qq1 = quelqu'un и др.

Что касается использования букв в аббревиатурах, то они сохраняют произношение самой буквы (/ ka / для буквы «К», / se / для буквы «С» и т. д.). Довольно часто буква, которая должна произноситься не в соответствии с правилами чтения, а соответственно ее произношению в алфавите может быть заглавной, но это не является обязательным правилом. Таким образом, «Я говорил с ним» иногда пишется *je lui ai parlE*. Следует отметить, что, хотя «E» произносится в алфавите как [ø], заглавная E обычно понимается как [é], потому что диакритические знаки часто опускаются при написании заглавных букв. Когда буквы представляют собой целые слова и разделены пробелами, использование заглавных букв не требуется. Таким образом, можно увидеть букву «с», обозначающую «с'est», а «t t» – сленговый вариант «tu étais», то есть «t'étais».

Примером, в котором важно использование заглавных букв, может являться фраза «с'est raté», которая при написании ребуса будет отображаться как «CraT». В этом случае заглавные буквы «С» и «Т» указывают на их произношение как на элементы алфавита (/ se / и / te /), а строчные буквы читаются как обычные фонетические представления (/ ra /). Несмотря на это негласное правило нужно быть внимательным. К примеру, «C Ca» будет означать «C'est ça», по аналогии «C la vi» – это «C'est la vie», но в случае с «Cv», «C» будет читаться как «Ça», то есть «Ça va».

В то же время, одно и то же сокращение может записываться совершенно по-разному, с использованием чередования строчных и прописных букв, также с использованием только букв верхнего или только нижнего регистра. Существующие на данный момент тенденции указывают на то, что интернет-пользователи не придают большого внимания строчным и прописным буквам как средствах дешифрования сокращений, но используют их по большей части для выражения настроений и эмоций. На данный момент одна из основных сложностей в освоении языка интернета заключается как раз в его понимании, в дешифровании многочисленных сокращений, появляющихся с большой быстротой, но также быстро исчезающих, чтобы уступить место новым, более простым, современным или просто интересным формам аббревиации.

Как упоминалось выше, сокращения подобные *svp* (*s'il vous plaît*) и *stp* (*s'il te plaît*) используются довольно часто, а также являются легкими для понимания. Еще одним из часто встречающихся сокращений является *rstp* (*réponds, s'il te plaît*).

Необходимо отметить, что английский язык оказывает значительное влияние на развития языка интернет-коммуникации во франкоговорящих странах, поэтому присутствие заимствований естественно. Например, *J'u go* означает *je dois partir*. Как можно заметить, в данном сокращении использован английский глагол «go». Еще одной известной аббревиатурой является *OMG* (*Oh My God*). При этом во Франции существует собственный аналог – *OMD* (*Oh Mon Dieu*). Нужно отметить, что в данный момент «Oh Mon Dieu» во Франции редко используется вне ироничного контекста, поэтому чаще можно встретить заимствование из английского. В то же время вместо знакомого многим *LOL* (*Laughing Out Loud*), во французском используется сразу два сокращения: *mdr* (*mort de rire*) или *ptdr* (*pété de rire*). Иногда можно встретить аббревиатуру «jpp» (*je n'en reux plus*), которая используется в нескольких случаях: в прямом значении, то есть «я больше не могу», также очень часто иронично или как синоним фразы «mort de rire».

Как говорилось выше, молодежный сленг также находит свое отражение в мире интернета, поэтому встретить сокращения сленговых выражений не составляет труда. Например, «jsg» будет означать «je suis génial», то есть «я чувствую себя прекрасно». Еще

одно интересное сокращение – «msk», от слова «miskine». Само слово «miskine» арабского происхождения. Первоначально использовалось для обозначения состояния отчаяния, в котором находится человек. Miskine = бедный, несчастный, потерпевший неудачу в жизни. В интернет-дискурсе «msk» чаще всего используется как междометие, выражающее эмоции интернет-пользователя [L'Internaute].

Некоторые сокращения, как к примеру «jdcjdr», больше похожи на набор случайных букв. «Jdcjdr» означает «je dis ça, je dis rien», используется, чтобы дать понять, что человек не хочет навязывать своим мнение или не хочет брать полную ответственность за сказанное. Также часто используется в ироничном контексте.

Помимо рассмотренных выше примеров можно назвать бесчисленное множество аббревиатур, используемых в языке французской интернет-коммуникации. Чаще всего это происходит с самыми употребительными словами: vla = voilà, biz = bisous, tlm = tout le monde, bjr = bonjour, bsr = bonsoir и т.д [Twitter].

Таким образом, аббревиатуры и сокращения занимают значительное место во французском языке интернет-коммуникации. Часть сокращений являются производными от английского и других языков, остальные – французские. Для обычных интернет-пользователей дешифровка некоторых сокращений может представлять определенную сложность, так как язык интернет-среды изменчив, потому что создается всеми пользователями интернета совместно. Понимание основных законов создания аббревиатур и сокращений в языке французской интернет-коммуникации является ключом к лучшему пониманию современного французского языка.

Литература

1. Гришечкина А.М. Аббревиация во французском языке и ее использование в различных видах дискурсов (на примере спортивного и виртуального дискурсов современной французской прессы и живого разговорного языка) // Вопросы современной филологии и методики преподавания иностранных языков в многопрофильном вузе. – «Издательство Курсив», 2013.
2. Косарева О.Г. Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы) // Иностр. яз. в shk. 2004. №2. – С. 85-89.
3. Anis J. Parlez-vous texto?. – Paris: Le Cherche Midi, 2001.
4. Gajos Mięczysław. Parlez-vous cyber ? // Studia Romanica Posnaniensia. Vol. XXXII. – Adam Mickiewicz University Press, Poznań, 2005, pp. 33-44.
5. Untied B. R. (2009) French Cyberlanguage (MA Thesis), Tuscaloosa: The University of Alabama.
6. L'Internaute : actualité, loisirs, culture et découvertes... Available: www.linternaute.fr
7. Twitter. Available: www.twitter.com

References

1. Grishechkina A. M. Abbreviation in the French language and its use in various types of discourses (on the example of sports and virtual discourses of the modern French press and the live spoken language) // Voprosy sovremennoy philologii i metodiki uchavleniya foreign languages v multidisciplinary higher education institution. – "Publishing House Kursiv", 2013.
2. Kosareva O.G. Abbreviation as one of the means of economy and expression of speech (based on the material of modern press). // Inostr. yaz. v shk. 2004. №2. – S. 85-89.
3. Anis J. Parlez-vous texto?. – Paris: Le Cherche Midi, 2001.
4. Gajos Mięczysław. Parlez-vous cyber ? // Studia Romanica Posnaniensia. Vol. XXXII. – Adam Mickiewicz University Press, Poznań, 2005, pp. 33-44.
5. Untied B. R. (2009) French Cyberlanguage (MA Thesis), Tuscaloosa: The University of Alabama.
6. L'Internaute : actualité, loisirs, culture et découvertes... Available: www.linternaute.fr
7. Twitter. Available: www.twitter.com

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ФЕМИНИТИВОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Долгих Анастасия Игоревна
магистрант 2 курса направления «Экономическая социология»
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия / *dolgix.n@yandex.ru*

Аннотация

В данной статье исследуется современное отношение носителей русского языка (также на высоком уровне владеющих немецким как иностранным) к употреблению феминитивов в русском и немецком языках.

Ключевые слова: феминитивы, русский язык, немецкий язык, гендер, лингвистическая асимметрия.

ON THE USE OF FEMINITIVES IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Dolgikh Anastasia Igorevna
2-year undergraduate student of the direction «Economic Sociology»
Tyumen State University
Tyumen, Russia / *dolgix.n@yandex.ru*

Abstract

This article examines the current attitude of Russian speakers (who also speak German as a foreign language at a high level) to the use of feminitives in Russian and German.

Key words: feminitives, Russian, German, gender, linguistic asymmetry.

Введение. Дискуссия об использовании феминитивов является весьма актуальной для России на протяжении последних лет. В современной лингвистике гендерный аспект породил множество исследований, изучающих способы и средства выражения гендера в языке и динамику изменения гендерной дифференциации общества [6, с. 130-131].

А.В. Кирилина, говоря о гендерных исследованиях в лингвистике, пишет, что гендерные стереотипы понимаются как культурно и социально обусловленные предпосылки о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов. Неприятие феминитивов поддерживает такие стереотипы на всех уровнях языка, а также искажает существующую картину мира [1, с. 140-142].

В. Сосновский и Ж. Сатола-Стастьяк пишут, что современный русский язык унаследовал множество профессиональных названий или титулов, ставших нормой и не имеющих стилистической окраски, например «графиня», «активистка», «повариха», «трактористка», «стюардесса» и т.д. В 20 веке стало нормой использовать феминитивы в двух случаях: во-первых, в отношении «традиционно женских» профессий (доярка, акушерка), а во-вторых, в тех сферах, где женщины стали занимать важное место (спортсменка, студентка). Некоторые другие формы также стали нейтральными (писательница, учительница). Однако стилистические правила советской эпохи требовали употребления в документах существительных мужского рода, в том числе, чтобы дать более высокий ранг индивиду [17, с. 8].

В работе Р.Р. Гузаеровой, В.А. Косовой и Д. Саболовой говорится, что в антропонимах, соотносящихся по признаку пола и грамматического рода, женская форма обычно вторична по отношению к мужской. При этом языковая репрезентация женщин в языке, по мнению исследовательниц, должна отражать их активное вовлечение во все сферы деятельности, поэтому функционирование большого количества феминитивов в российском медиапространстве видится им закономерным и необходимым. [13, с. 308-310].

И.А. Салата пишет, что толчком к появлению языковой категории гендера, а затем и самостоятельной лингвистической отрасли, стали социальные факторы, главным из которых является активизация феминистского движения. Исследование гендерной лингвистики опирается на гипотезу Сепира-Уорфа, утверждавшего, что язык является не только средством коммуникации в обществе, но и участвует в формировании образа мышления его носителей [16, с. 88].

В. Сперлинг пишет, что использование феминитивов в русском языке вызывает споры, так как при любых попытках изменить язык приверженцы консервативных лингвистических взглядов сопротивляются таким изменениям, видя в новых словах искажение родного языка [14]. Аналогичная картина наблюдается в некоторых других европейских языках, однако существуют и противоположные примеры.

Так, в немецком языке на законодательном уровне осуществляется поддержка гендерно-корректного языка (*Gendergerechte Sprache*). Например, существуют законодательные акты, нормирующие использование феминитивов в различных профессиональных сферах (например, в юридической документации) [19]. Кроме того, во многих университетах немецкоязычных стран приняты рекомендации, регулирующие использование гендерно-корректного языка [10], [15].

Вокруг темы использования феминитивов складывается серьёзная научная дискуссия. Так, Г. Дивальд, одна из ведущих представительниц немецкой лингвистики, выступает в поддержку использования феминитивов, так как они иллюстрируют процессы изменения языка, отражающие изменения в обществе [8, с. 283-285]. Под ее соавторством был опубликован немецкоязычный словарь гендерно-корректного языка [18].

Цель данной работы заключается в исследовании современного отношения носителей русского языка, владеющих немецким языком, к употреблению феминитивов в русском и немецком языках.

Объектом данного исследования стала рефлексия языкового опыта носителей русского языка (также на высоком уровне владеющих немецким как иностранным) по поводу использования феминитивов в русском и немецком языках.

Предметом данного исследования являются феминитивы, как давно существующие в языке, так и недавно появившиеся (в частности, для обозначения профессий и занятий) в русском и немецком языках.

Наша основная **гипотеза** заключается в том, что на данный момент в русском языке, в отличие от немецкого, наблюдается значительная лингвистическая асимметрия относительно обозначения представителей и представительниц различных профессий и занятий, превалирует употребление форм мужского рода. Лингвистический андроцентризм затрудняет использование и регламентацию образования феминитивов, при этом русский язык имеет богатые возможности образования фемининных форм [17, с. 2-3].

Качественный аспект исследования отношения носителей русского языка, владеющих немецким языком, к восприятию феминитивов в русском и немецком языках подразумевал применение комплексного **визуально-нарративного подхода**. Визуальное нарративное исследование – это рефлексивный, активный процесс, в котором мнение и опыт информантов можно анализировать через интерпретацию их нарративных ответов на визуальные или текстовые вопросы [12, с. 539-540].

В исследовании приняли участие 32 информанта, для которых русский язык является родным и повседневным языком общения, и которые при этом владеют немецким языком не ниже уровня В2 (по классификации общеевропейских компетенций владения иностранным языком [7]). Исследование проводилось с применением онлайн-платформы для сбора ответов.

Визуальная составляющая исследования заключалась в предоставлении информантам изображений для их дальнейшего описания самими участниками. Анализировалось использование либо неиспользование феминитивов при описании каждого изображения. Нарративная составляющая заключалась в анализе мнения участников относительно их

восприятия русскоязычных и немецкоязычных текстовых отрывков, содержащих феминитивы, взятых из Национального корпуса русского языка и публикаций СМИ [2], а также из Корпуса немецкого языка DWDS и академических материалов [9].

В первом блоке информантам было предложено описать изображения с женщинами, представляющими различные профессии. Использование либо неиспользование феминитивов оставалось на усмотрение самих информантов.

- Изображение женщины, одетой в строительную форму и держащей в руках инструменты. Большинство информантов не использовало феминитив, предлагая варианты «*строитель*», «*слесарь*», «*мастер*», «*сантехник*», «*рабочий*», «*монтажник*», «*женщина-строитель*» и т.д. Меньшая часть информантов использовала феминитивы «*монтажница*», «*рабочая*», «*строительница*».

- Изображение женщины, одетой в военную форму с генеральскими погонами. Большая часть информантов не использовала феминитив, предлагая варианты «*офицер*», «*военный*», «*полицейский*», «*военнослужащий*», «*женщина-полицейский*» и т.д. Меньшая часть информантов использовала феминитивы «*военная*», «*военнослужащая*», «*адмиралесса*», «*офицерша*».

- Изображение женщины, одетой в защитный халат, очки и перчатки, держащей в руках пробирки с реактивами. Большинство информантов не использовало феминитив, предлагая варианты «*лаборант*», «*исследователь*», «*врач*», «*ученый*», «*химик*», «*научный сотрудник*» и т.д. Меньшая часть информантов использовала феминитивы «*ученая*», «*лаборантка*», «*исследовательница*».

- Изображение женщины, одетой в шахтерскую форму и держащей в руках кусок угля. Большая часть информантов не использовала феминитив, предлагая варианты «*шахтер*», «*геолог*», «*горняк*», «*горнорабочий*», «*женщина-шахтер*» и т.д. Меньшая часть информантов использовала феминитивы «*шахтерка*» и «*шахтерша*».

- Изображение женщины, которая сидит за рулем автобуса. Большинство информантов не использовало феминитив, предлагая варианты «*водитель*», «*шофер*», «*дальнобойщик*», «*женщина-водитель*» и т.д. Меньшая часть информантов использовала феминитив «*водительница*».

В отличие от русского языка, образование феминитивов от названия любой профессии в немецком языке является нормой, поэтому задания второго блока были слегка изменены по сравнению с первым. Во втором блоке информантам было предложено наиболее подробно описать на немецком языке изображения, каждое из которых представляет определенную по роду занятия группу людей разного пола. При этом для описания разнополовой группы употребление *Generisches Maskulinum* (напр. *Schüler*) либо отдельное название представителей группы мужского и женского пола во множественном числе (напр. *Schüler und Schülerinnen*) не регламентировалось, а использование либо неиспользование феминитивов оставалось на усмотрение самих информантов.

- Изображение мальчиков и девочек, сидящих за партой в школе. Большая часть информантов использовала отдельное название представителей группы, например, «*Schülerinnen und Schüler*», «*Mädchen und Jungen*» и т.д. Меньшая часть информантов описала данную группу с помощью *Generisches Maskulinum*, например, «*Schüler*» и «*Erstklässler*». Некоторые информанты предпочли нейтральные варианты «*Lernende*» и «*Kinder*».

- Изображение юношей и девушек, сидящих на лекции в аудитории. Большинство информантов использовало отдельное название представителей группы, такие как «*Studentinnen und Studenten*» и т.д. Меньшинство предпочло описать изображение с помощью *Generisches Maskulinum*, например, «*Studenten*», «*Schüler*» и «*Zuhörer*». Некоторые информанты использовали нейтральный вариант «*Studierende*».

- Изображение женщин и мужчин в полицейской форме с оружием. Большая часть информантов использовала отдельное название представителей группы, например, «*Polizistinnen und Polizisten*». Меньшая часть описала данную группу с помощью

Generisches Maskulinum: «*Polizisten*» и «*Polizeibeamten*». Одна информантка предпочла нейтральный вариант «*Militärleute*».

- Изображение женщин и мужчин в медицинских халатах со стетоскопами. Большинство информантов описало данное изображение, используя отдельное название представителей группы, а именно «*Ärztinnen und Ärzte*». Меньшинство описало данную группу с помощью Generisches Maskulinum: «*Ärzte*» и «*Mediziner*». Одна информантка использовала нейтральное словосочетание «*Medizinische Personal*».

- Изображение с фотографиями известных актеров и актрис. Большая часть информантов использовала отдельное название представителей группы, например: «*Schauspielerinnen und Schauspieler*», «*3 Frauen und 2 Männer*» и т.д. Меньшая часть информантов предпочла описать изображение с помощью Generisches Maskulinum, то есть «*Schauspieler*».

В **третьем блоке** информантам было предложено прочитать русскоязычные текстовые отрывки, содержащие часто или редко употребляемые феминитивы либо не содержащие их вовсе. Информантов просили поделиться их ощущениями от восприятия данного отрывка.

- «Одна пилотесса говорит, что старается всегда мягко посадить самолет, и когда пассажиры аплодируют, ей это очень приятно». Относительно феминитива «пилотесса» большинство информантов высказалось в негативной форме, потому что, по их мнению, оно «*режет слух*», «*не ассоциируется с профессией пилота*», «*не является узусом русского языка*», а также у него «*негативная коннотация*». Софья Д. отвечает: «*не являюсь сторонницей феминитивов в русском, считаю их применение уничижительным и редко обоснованным*». Меньшая часть информантов положительно оценила использование феминитива, так, Ольга Ч. считает, что «*активное использование феминитивов означает развитие языка. В данном случае сразу понятно, что речь идёт о женщине (что повышает видимость женщин в профессиях)*».

- «Как объяснила директриса, игровых комнат было две — для маленьких и для старших». Половина информантов высказалась положительно относительно данного феминитива, ведь он «*уже прижился в языке*», «*является разговорной нормой*», «*звучит гармонично*». Так, Вадим Л. высказывается относительно данного слова: «*оно употребляется так же часто, как слово «директор», т.к. в русских школах очень много женщин в этой должности*». Другая половина информантов высказалась негативно относительно употребления данного феминитива, потому что это «*звучит уничижительно*» и «*фамильярно*». Елена Н. полагает, что у слова «директриса — негативная коннотация, если хотим оскорбить человека, называем его "директриса"».

- «Мой друг недавно женился на враче». Большая часть информантов считает, что в данном отрывке не хватает уточняющего контекста и в нем необходим феминитив, потому что его отсутствие «*ограничивает читателя в полном восприятии новой информации*», «*это звучит странно*». Софья Ж. считает, что «*слово "врач" в этом контексте как бы намекает на гей-брак*». Юлия Г. также уверена, что «*если это касается России, то тут понятно, что врач — женщина, ещё и по глаголу "женился"*. Если это страна, где разрешены однополые браки, то слово «врач» не может определять пол». Меньшая часть информантов считает, что отсутствие феминитива верно и не мешает пониманию.

- «Среди стеллажей с книжками на небольшом возвышении стоял столик, за которым авторша некоей книги, обложку которой я разглядел не сразу, давала автографы». Практически все информанты негативно отнеслись к феминитиву «авторша» и посчитали, что это «*низкая лексика*», воспринимается «*пренебрежительно*», имеет «*негативную коннотацию*» в отношении писательницы. Лариса Г. полагает, что данный феминитив «*воспринимается как грубая речевая ошибка, отношение к автору-женщине негативное*». Три информантки предпочитают вариант «авторка», а не «авторша». При этом пять информантов посчитали его употребление верным и гармоничным.

- «Мне учительница сказала, что она тебе двойку в четверти поставит: ты делаешь по три ошибки в слове!». Практически все информанты считают, что употребление данного феминитива согласуется со всеми языковыми нормами, и его отсутствие изменит понимание текста. Кроме того, данный феминитив отражает реалии жизни, потому что *«в России в основном женщины становятся представителями данной профессии»*. Однако одна информантка находит употребление даже такого привычного для многих феминитива некорректным. Так, Софья Д. говорит, что данное слово *«как будто указывает на низкий уровень профессионализма, в документах всегда пишут в мужском роде»*.

- «Моя редактор Елена отдаст роман в печать через неделю». Большинство информантов полагает, что данная форма верна. Юлия Ш. ответила, что здесь слово «редактор» *«употреблено верно с точки зрения правил грамматики русского языка»*. Меньшая часть информантов считает отсутствие феминитива некорректным либо полагает, что местоимение «моя» и «редактор» не согласованы, это *«звучит неестественно»*. Несколько информантов предложили использовать феминитив «редакторка» или «редакторша».

В четвертом блоке информантам было предложено прочитать немецкоязычные текстовые отрывки, содержащие либо не содержащие феминитивы и Generisches Maskulinum. Информантов просили поделиться их ощущениями от восприятия данного отрывка.

- «Sie ist Raucher». Большинство информантов указало на необходимость феминитива «Raucherin», так как его отсутствие, по их мнению, *«звучит неправильно и неуважительно»*, *«не согласуется с местоимением»* и *«является ошибкой»*. Лидия С. пишет: *«в немецком языке для меня феминитивы являются узусом и словосочетание "sie" и "Raucher" смотрится странно и воспринимается как грамматическая ошибка»*. Меньшинство информантов не нашло ничего особенного в данном предложении.

- «Er verschluckte sich beinahe, als er den Auftrag seiner Kundin hörte». Все информанты посчитали употребление феминитива уместным. Так, Валентина Т. Полагает, что *«не страдает согласование и сразу понятно, что речь идёт о женщине»*.

- «Ausgewählt wurde die 33 Jahre alte ehemalige Pilotin Liu Yang». Все информанты посчитали употребление феминитива корректным и даже подчеркнули его необходимость. Так, Екатерина К. отвечает, что *«азиатские имена – сложные имена, не всегда понятно – мужчина это или женщина. Именно при помощи языка можно выявить гендер субъекта повествования»*.

- «Anne ist Ingenieur von Beruf». Большая часть информантов указали на необходимость феминитива «Ingenieurin», так как его отсутствие, по их мнению, *«является ошибкой»*, *«профессия не соответствует полу»* и т.д. Валентина Т. полагает, что *«отсутствие феминитива вызывает проблемы с согласованием и отображением женщин в профессиях»*. Меньшая часть информантов не увидела ошибки, так как *«мы изначально знаем, что речь идет об Анне»*.

- «Liebe Studenten!». Большая часть информантов считает отсутствие отдельного упоминания и студентов, и студенток, а также использование Generisches Maskulinum *«недостаточно информативным»*, *«дискриминирующим»*, *«недостаточно инклюзивным»*. Для того, чтобы избежать недосказанности в отношении пола студентов, предлагается использовать форму «Studenten und Studentinnen» либо нейтральное слово «Studierende». Меньшая часть информантов посчитала использование Generisches Maskulinum уместным, либо они считают, что в отрывке обращаются только к аудитории мужского пола.

- «Ab 1957 war sie Professorin mit Lehrstuhl und Direktorin des Instituts für Romanische Philologie der HU [Humboldt-Universität] zu Berlin». Все информанты согласились с тем, что в данном отрывке феминитивы использованы уместно и *«с помощью этой формы мы понимаем, что речь идет о женщине»*.

Как видно из анализа нарративов, лишь немногие информанты готовы употреблять как давно существующие в русском языке, так и недавно появившиеся феминитивы.

Большинство считает нормой только широко распространенные профессиональные феминитивы, хотя зачастую придает им негативную окраску. Мы выявили несколько возможных причин избегания носителями русского языка феминитивов:

1. Незнание формы женского рода, закреплённой в словаре. Вероятная причина этого – нераспространённость слова в повседневной речи и/или несоответствие узуса и языковой нормы.

2. Неверная коннотация. Феминитивы воспринимаются информантами как уничижительные, хотя в словаре такая коннотация не закреплена, а негативную окраску слову придают сами носители.

3. Наличие в контексте других слов, раскрывающих пол того, о ком идёт речь. Некоторые носители считают это достаточным для передачи информации о представительнице определённой профессии или деятельности.

При этом ситуация с использованием феминитивов в немецком языке также вызывает жаркие дискуссии у носителей языка и тех, кто проживает на территории немецкоязычных стран [11]. Однако не носители языка воспринимают феминитивы в немецком языке как языковую норму и данность. Вероятно, это связано с тем, что, во-первых, большинство учебников немецкого как иностранного языка ориентированы на употребление гендерно-корректного языка, а во-вторых, что сам толковый словарь DUDEN предлагает официальную форму феминитивов к каждой мужской форме обозначению профессии [18].

Можно сделать **вывод**, что носители русского языка пока не пришли к консенсусу относительно того, как лучше всего обеспечить гендерную инклюзивность и устранить языковую асимметрию. В немецком языке этот вопрос был решён применением нормативных документов и активным распространением гендерно-корректного языка.

Аналогичное решение пока не доступно для носителей русского языка, в котором в настоящее время наблюдаются две конкурирующие тенденции. Первая состоит в использовании одной формы (обычно мужской) для обозначения деятельности и людей, занимающихся ею [4]. Это влечёт за собой избегание феминитивов даже тогда, когда они являются устоявшимся формальным и/или приемлемым неформальным вариантом, в том числе в случае профессий, в которых женщины традиционно широко распространены.

Вторая тенденция (наблюдаемая в основном в СМИ и интернет-пространстве) заключается в том, чтобы всегда использовать фемининные формы при обращении к женщинам различных профессий с целью устранения существующего дисбаланса [3]. Такой подход часто требует создания новых феминитивов, либо потому, что нужных форм вообще нет, либо потому, что существующие формы имеют негативную, по мнению носителей, окраску.

В русском языке имеется проблема четкой регламентации правил для создания и использования феминитивов. При этом носители языка все чаще стремятся к гендерной инклюзивности применительно к профессиям, но использование феминитивов в официальных материалах и публикациях СМИ зачастую вызывает негативную реакцию [5].

Многие факторы влияют на восприятие и использование феминитивов в конкретной ситуации. Проблематичным представляется сделать обобщение всех закономерностей использования фемининных форм для всех носителей языка. Поэтому перспективным является дальнейшее изучение данной темы и создание исследовательских проектов со специалистами различного профиля и более детальной проработкой материала.

Литература

1. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С. 138-143.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 14.03.2021).

3. Точка зрения | Феминитивы [Электронный ресурс] // ПостНаука URL: <https://postnauka.ru/faq/96444> (дата обращения: 14.03.2021).
4. Феминитивы. Интервью с Максимом Кронгаузом [Электронный ресурс] // YouTube.com URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PyzikM4IXrY> (дата обращения: 14.03.2021).
5. Филологи о том, почему феминитивы всех бесят [Электронный ресурс] // Собака.ru URL: <https://www.sobaka.ru/city/science/71329> (дата обращения: 14.03.2021).
6. Фуфаева И.В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. – М.: Corpus, 2020. – 304 с.
7. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR) [Electronic resource] // Archive.today URL: https://archive.is/20120729045710/www.coe.int/t/dg4/linguistic/CADRE_EN.asp (accessed: 14.03.2021).
8. Diewald G. Zur Diskussion: Geschlechtergerechte Sprache als Thema der germanistischen Linguistik – exemplarisch exerziert am Streit um das sogenannte generische Maskulinum // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 2018. – №46. – P. 283-299. DOI: 10.1515/zgl-2018-0016
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource] // DWDS URL: <https://www.dwds.de/> (accessed: 14.03.2021).
10. Empfehlungen zu geschlechtergerechter Sprache [Electronic resource] // Universität Hamburg URL: <https://www.uni-hamburg.de/gleichstellung/download/empfehlungen-zu-geschlechtergerechter-sprache-2019-05.pdf> (accessed: 14.03.2021).
11. Geschlechtergerechte Sprache: Geht der Duden zu weit? [Electronic resource] // NDR URL: <https://www.ndr.de/kultur/Geschlechtergerechte-Sprache-Geht-der-Duden-zu-weit,duden136.html> (accessed: 14.03.2021).
12. Given L.M. The SAGE encyclopedia of qualitative research methods. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2008. – 1014 p.
13. Guzaerova R., Sabolova D., Kosova V. Rabotnitsa and bezdel'nitsa: russian feminitives with suffix -nitsa // 3С TIC. Cuadernos de desarrollo aplicados a las TIC. – 2019. – Special Issue, October 19. – P. 300-315. DOI: 10.17993/3ctic.2019.83-2.300-315
14. How women are fighting sexist language in Russia [Electronic resource] // Oxford University Press URL: <https://blog.oup.com/2019/08/how-women-are-fighting-sexist-language-in-russia/> (accessed: 14.03.2021).
15. Leitfaden für einen gerechten Sprachgebrauch [Electronic resource] // Universität Salzburg URL: https://www.uni-salzburg.at/fileadmin/multimedia/Arbeitskreis%20fuer%20Gleichbehandlungsfragen/documents/Sprachgebrauch_Publ_Gendup.pdf (accessed: 14.03.2021).
16. Salata I.A. Tendencies in using feminitives in modern English, Ukrainian, and Russian. Difficulties in translation // Young Scientist. – 2020. – №2. – P. 88-90. DOI: 10.32839/2304-5809/2020-78.1-24.
17. Sosnowski W., Satoła-Staśkowiak J. A contrastive analysis of feminitives in Bulgarian, Polish and Russian // Cognitive Studies. – 2019. – № 19. – P. 1-12. DOI: 10.11649/cs.1922
18. Steinhauer A., Diewald G. Richtig gendern: Wie Sie angemessen und verständlich schreiben. – Berlin: DUDEN, 2017. – 120 p.
19. Unterrichtung durch die Bundesregierung Maskuline und feminine Personenbezeichnungen in der Rechtssprache [Electronic resource] // Deutscher Bundestag URL: <https://dipbt.bundestag.de/doc/btd/12/010/1201041.pdf> (accessed: 14.03.2021).

References

1. Kirilina A.V. Gendernye issledovaniya v zarubezhnoj i rossijskoj lingvistike // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2000. – №4. – P. 138-143.
2. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Electronic resource] // Nacional'nyj korpus russkogo jazyka URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 14.03.2021).

3. Tochka zrenija | Feminitivy [Electronic resource] // PostNauka URL: <https://postnauka.ru/faq/96444> (accessed: 14.03.2021).
4. Feminitivy. Interv'ju s Maksimom Krongauzom [Electronic resource] // YouTube.com URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PyzikM4IXrY> (accessed: 14.03.2021).
5. Filologi o tom, pochemu feminitivy vseh besjat [Electronic resource] // Sobaka.ru URL: <https://www.sobaka.ru/city/science/71329> (accessed: 14.03.2021; 14.03.2021).
6. Fufaeva I.V. Kak nazyvajutsja zhenshhiny. Feminitivy: istorija, ustrojstvo, konkurencija. – Moscow: Corpus, 2020. 304 p.
7. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR) [Electronic resource] // Archive.today URL: https://archive.is/20120729045710/www.coe.int/t/dg4/linguistic/CADRE_EN.asp (accessed: 14.03.2021).
8. Diewald G. Zur Diskussion: Geschlechtergerechte Sprache als Thema der germanistischen Linguistik – exemplarisch exerziert am Streit um das sogenannte generische Maskulinum // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 2018. – №46. – P. 283-299. DOI: 10.1515/zgl-2018-0016
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource] // DWDS URL: <https://www.dwds.de/> (accessed: 14.03.2021).
10. Empfehlungen zu geschlechtergerechter Sprache [Electronic resource] // Universität Hamburg URL: <https://www.uni-hamburg.de/gleichstellung/download/empfehlungen-zu-geschlechtergerechter-sprache-2019-05.pdf> (accessed: 14.03.2021).
11. Geschlechtergerechte Sprache: Geht der Duden zu weit? [Electronic resource] // NDR URL: <https://www.ndr.de/kultur/Geschlechtergerechte-Sprache-Geht-der-Duden-zu-weit,duden136.html> (accessed: 14.03.2021).
12. Given L.M. The SAGE encyclopedia of qualitative research methods. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2008. – 1014 p.
13. Guzaerova R., Sabolova D., Kosova V. Rabotnitsa and bezdel'nitsa: russian feminitives with suffix -nitsa // 3C TIC. Cuadernos de desarrollo aplicados a las TIC. – 2019. – Special Issue, October 19. – P. 300-315. DOI: 10.17993/3ctic.2019.83-2.300-315
14. How women are fighting sexist language in Russia [Electronic resource] // Oxford University Press URL: <https://blog.oup.com/2019/08/how-women-are-fighting-sexist-language-in-russia/> (accessed: 14.03.2021).
15. Leitfaden für einen gerechten Sprachgebrauch [Electronic resource] // Universität Salzburg URL: https://www.uni-salzburg.at/fileadmin/multimedia/Arbeitskreis%20fuer%20Gleichbehandlungsfragen/documents/Sprachgebrauch_Publ_Gendup.pdf (accessed: 14.03.2021).
16. Salata I.A. Tendencies in using feminitives in modern English, Ukrainian, and Russian. Difficulties in translation // Young Scientist. – 2020. – №2. – P. 88-90. DOI: 10.32839/2304-5809/2020-78.1-24.
17. Sosnowski W., Satoła-Staškowiak J. A contrastive analysis of feminitives in Bulgarian, Polish and Russian // Cognitive Studies. – 2019. – № 19. – P. 1-12. DOI: 10.11649/cs.1922
18. Steinhauer A., Diewald G. Richtig gendern: Wie Sie angemessen und verständlich schreiben. – Berlin: DUDEN, 2017. – 120 p.
19. Unterrichtung durch die Bundesregierung Maskuline und feminine Personenbezeichnungen in der Rechtssprache [Electronic resource] // Deutscher Bundestag URL: <https://dipbt.bundestag.de/doc/btd/12/010/1201041.pdf> (accessed: 14.03.2021).

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВФЕМИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Ерышева Алёна Игоревна

Студент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / 1200058@bsu.edu.ru

Аннотация

Эвфемизмы, являясь словами-заменителями табуированных наименований, используются носителями языка в различных целях. В данной статье рассмотрен такой активный процесс в современном французском языке, как эвфемизация. Эвфемизмы являются инструментом политкорректности и отражают действие в языке принципов толерантности, терпимости, вежливости, коммуникативной учтивости.

Ключевые слова: негативная оценочность, эвфемизмы, язык СМИ.

LINGUO-STYLISTIC EUPHEMISM IN THE LANGUAGE OF THE MODERN FRENCH PRESS

Erysheva Alena Igorevna

Student of German and French department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1200058@bsu.edu.ru

Abstract

Euphemisms, being words-substitutes for taboo names, are used by native speakers for various purposes. This article examines such an active process in modern French as euphemization. Euphemisms are a tool of political correctness and reflect the action in the language of the principles of tolerance, politeness, and communicative courtesy.

Key words: negative evaluation, euphemisms, media language.

На протяжении столетий в обществе существовали табуированные темы, открытого обсуждения которых избегали. Если раньше подобные темы поднимались в узком кругу людей, то сейчас о них говорят с большей открытостью, и в этом людям помогло развитие языка.

В данной статье будут рассмотрены два явления, которыми характеризуется язык прессы: эвфемия и дисфемия, а также проанализирована лексика, благодаря которой происходящие в обществе события отражаются в языке.

Язык – это активно изменяющаяся структура, влияние на которую оказывают все события, происходящие в обществе: изменение общественно-политического строя, технический прогресс, влияние западной культуры, возрастающий темп жизни людей и даже их стремление к упрощению своей речи. Наибольшее отражение в наращивании новой семантики, переосмыслении и переоценке имеющейся лексики находят социальные тенденции. Мы рассмотрим тенденцию к «политкорректности».

Проблема политкорректности часто освещается в СМИ в последние годы (преимущественно западных), и 2020 год не стал исключением. Это было связано с большим числом конфликтов, как международных, так и возникающих на территории одного государства. Во избежание нарастания недовольств среди населения газеты и журналы стали внимательнее следить за языком публикаций, стремясь сгладить и без того острые углы.

Впервые термин «Political correctness» был использован в XX веке в США. Политкорректность предполагает применение внутренней цензуры человека, которая не

позволила бы продемонстрировать неуважение или указать на недостаток другого человека. Кроме этого, она включает в себя определенную манеру коммуникации, систему оценок информации и т.д. Одним из способов выражения политкорректности является эвфемия.

Эвфемизмы – это языковые феномены, уникальность которых заключается в предмете их отражения: они отражают социальные, культурные и нравственные ценности, особенности мышления не только использующего их человека, но и общества в целом. Они напрямую зависят от социальных оценок и базируются на основе понятий «хорошо/плохо», «приемлемо/ неприемлемо».

Процессу эвфемизации противопоставлен процесс дисфемизации. Дисфемизация – это процесс обозначения предмета (явления, действия) более вульгарным или грубым словом или выражением. Его задачей является замена нейтральных слов и словосочетаний, направленных на выражение пренебрежения или ненависти. Одна из задач данного явления – шокирование адресатов, посредством намеренной замены приемлемых в речевой ситуации выражений для достижения цели коммуникации более эффективным и быстрым способом.

Возникновение эвфемизмов связано с древнейшими языковыми запретами, которые носили, зачастую, религиозный или мистический характер. Так, например, были табуированы названия опасных явлений или предметов, имена богов, названия болезней, а также все названия, связанные со смертью. Считалось, что упоминание вышеперечисленного привлечет это в жизнь говорящего. Исторически табуированные слова заменялись эвфемизмами, но со временем те заменялись на новые, таким образом, изменение языка шло непрерывно.

Эвфемия – это многогранное явление, которое традиционно рассматривается в трёх аспектах:

- социальном: это моральные и религиозные общественные нормы;
- психическом: включает в себя эмоциональное воздействие на читателя;
- лингвистическом: наличие табуированного объекта или явления, косвенное наименование, которое влияет на восприятие адресата.

Эвфемизмы можно разделить на две большие группы, в зависимости от процесса их формирования:

- процесс деноминации. Процесс основан на отказе от некоторых лексем, их маскировке. Важно понимать, что такое опущение нежелательных слов не означает отсутствие проблемы, а направлено лишь на приукрашивание действительности;
- процесс смягчения. Направлен на искажение информации, снижения уровня тревожности читателей. Это замена нежелательных слов на более нейтральные.

Несмотря на то, что религиозные запреты уже не имеют такого значения в наши дни, сам феномен эвфемии сохранился и активно изучается: ведутся исследования данного явления, позволяющие рассматривать его не только как средство смягчения речи, но и как средство манипулирования сознанием.

Традиционно эвфемизмы применялись в дипломатии, военном деле и политике. Однако с годами важной сферой их использования стали СМИ, что сейчас является для нас обыденностью. Обычно эвфемизмы заменяют слова, относящиеся к:

- деятельности органов власти: чаще всего это различные репрессивные действия, меры воздействия на людей, политические манипуляции;
- военным действиям: речь идет как о деятельности и составе тех служб, которые связаны с военной тайной, так и о вооруженных конфликтах, разработке оружия и другое;
- терроризме;
- экономике;
- отношениям различных социальных групп [Заварзина 2006,124].

Подобное широкое применение эвфемизмов в СМИ вызвано необходимостью скрытой манипуляции сознанием читателя. Именно этот языковой феномен способен без ведома самого человека вуалировать описанные факты и события, исказить информацию и

влиять на мнение. Они также пробуждают различные чувства и побуждают к действиям. Такое сильное воздействие достигается за счет неочевидности для читателя и недостаточной информированности населения о существовании такого феномена [Кацев 1988, 47].

Наиболее спорными и вызывающими обсуждение в 2020 году стали те эвфемизмы, которые направлены на нейтрализацию отрицательных выражений, связанных с описанием принадлежности человека (расовой или социальной). После скандалов, связанных с движением BlackLivesMatter, общественность еще раз обратила внимание на обозначение афроамериканцев в публицистике: негативно окрашенные слова «*noir*» и «*mègre*» заменяются на нейтральное «*citoyen afro-américain*», «*afro-américain*» («Le Figaro» 02.06.2020).

Говоря об эвфемизмах, связанных с социальным неравенством, мы можем отметить тенденцию к отказу от слов «*immigré clandestin*» (нелегальный иммигрант) в пользу нейтрального «*sans-papier*»: например, в статье «*Sans-papiers : des milliers de manifestants à Paris pour «l'Acte 3»*» («Le Figaro» 17.10.2020). Подобная замена продиктована политкорректностью по отношению к прибывшим мигрантам. В то же время «*sans-papier*» может быть использовано как эвфемизм к ещё одному слову – «*clochard*». Схожую замену мы замечаем и в русском языке: некорректное сокращение «бомж» всё чаще заменяется на полную формулировку «лицо без определённого места жительства». Подобное обращение снижает уровень нетерпимости людей к этой категории населения.

Непростая мировая экономическая обстановка также наложила отпечаток на язык публицистики: вместо привычного «*crise*» (кризис) всё чаще используют «*tomber dans le rouge*» (попасть в красную зону): *WELLS FARGO tombe dans le rouge* («Le Figaro» 14.07.2020). Следующей заменой слова «*crise*» является «*croissance nulle*». Так называемый «нулевой рост» – это отсутствие расширения экономической активности, т.е. положительной динамики развития экономики. Данное выражение используется для сглаживания острой ситуации: слово «кризис» воспринимается как гнетущее и подавляющее, не дающее надежды на лучшее, в то время как «нулевой рост» – это тяжёлый период, вслед за которым будет положительная динамика. Похожая ситуация наблюдается при использовании «*croissance en recule*» («замедленный рост»).

Обозначение вооруженных конфликтов также нейтрализуется: пугающее «*guerre*» заменяют на «*conflit*»: «*Conflit dans le Karabakh: «N'allez pas à Agdam»*» («Le Figaro» 2.10.2020). Стремление смягчить информацию о конфликтах вызвано, в первую очередь, попыткой оградить читателей от возможного шока: данная тема неразрывно связана с человеческими потерями, жертвами среди мирного населения.

Важно отметить, что тема войны и терроризма тесно связана с другой табуированной темой: испокон веков тема смерти являлась личной и табуированной, люди боялись говорить о ней, опасались суеверий. Именно поэтому в наши дни существует большое количество слов-замен: «*disparaître*», «*partir pour un autre monde*», «*perdre la vie*», «*départ*», «*dernier sommeil*». Все они используются как при описании повседневной жизни, так и при описании военных конфликтов и террористических актов.

Важно отметить, что приведенные выше примеры отличаются по цели применения эвфемизма: эвфемизмы, связанные с принадлежностью человека и социальным неравенством, направлены на смягчение описания, снижение вероятности недовольства читателей, в то время как экономические и военные эвфемизмы используются для намеренного искажения информации и формирования у читателей недостоверной картины происходящих событий.

Очевидно, что нынешняя непростая обстановка в мире стала причиной повышенного интереса к освещению конфликтов, что повлекло за собой еще большее распространение эвфемии, которая и без того затрагивает различные сферы деятельности человека (социальную, экономическую, политическую, военную). Сам языковой феномен тесно связан с тенденцией к политкорректности: использование эвфемизмов позволяет избежать некорректных формулировок в адрес других людей и снизить вероятность возникновения конфликта.

Литература

1. Заварзина Н.Г. Эвфемизмы как проявление политической корректности // Русская речь. – 2006 – №2 – 54-56с.
2. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. – 80с.
3. <https://www.lefigaro.fr/culture/netfix-disney-hbo-apres-la-mort-de-george-floyd-ils-se-rassemblent-sous-la-banniere-blacklivesmatter-20200602>
4. <https://www.lefigaro.fr/flash-eco/sans-papiers-des-milliers-de-manifestants-a-paris-pour-l-acte-3-20201017>
5. <https://bourse.lefigaro.fr/actu-conseils/wells-fargo-tombe-dans-le-rouge-20200714>
6. <https://www.lefigaro.fr/international/conflit-dans-le-karabakh-n-allez-pas-a-agdam-20201002>

References

1. Zavarzina N. G. Euphemisms as a manifestation of political correctness " // Russian speech. – 2006-N2 – 54-56 p.
2. Katsev, A.M. Linguistic taboo and euphemia – L.: LGPI named after A. I. Herzen, 1988 – 80 p.
3. <https://www.lefigaro.fr/culture/netfix-disney-hbo-apres-la-mort-de-george-floyd-ils-se-rassemblent-sous-la-banniere-blacklivesmatter-20200602>
4. <https://www.lefigaro.fr/flash-eco/sans-papiers-des-milliers-de-manifestants-a-paris-pour-l-acte-3-20201017>
5. <https://bourse.lefigaro.fr/actu-conseils/wells-fargo-tombe-dans-le-rouge-20200714>
6. <https://www.lefigaro.fr/international/conflit-dans-le-karabakh-n-allez-pas-a-agdam-20201002>

УДК 81'72

ЯЗЫК ПАЛЕНКЕРО В КОЛУМБИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Зуева Ольга Борисовна

Старший преподаватель

кафедры иностранных языков и речевой коммуникации

Московский Международный Университет

Москва, Россия / *o.zueva@mtu.ru*

Аннотация

В статье делается попытка проследить траекторию одного из сохранившихся на территории Колумбии креольских языков, а именно, языка Паленкero, и дать оценку возможных перспектив развития данного языка, находившегося под угрозой декреолизации и исчезновения. Анализируется причина появления креольских языков в целом и Паленкero в Колумбии в частности – стремительное развитие торговли в эпоху великих географических открытий, а также работоторговли, которая была одним из существовавших решений недостатка рабочей силы в заморских территориях. В работе анализируются экстралингвистические и лингвистические факторы формирования языка Паленкero, история его развития. Одновременно с началом активного изучения Паленкero лингвистами и антропологами в середине 20го века начинался период упадка языка под влиянием «прогрессивных» факторов. Начинался процесс декреолизации. Однако группа молодых активистов из Сан-Басилио–дель-Паленке сумела вызвать интерес к родному языку, рассматривая его как проводник национальной идентичности паленкерос, их самобытности и африканских корней. Паленкero стал первым свободным народом Америки еще до освобождения всех колоний. Молодые носители паленкero стремятся к реставрации языка предков, еще большей его чистоте и аутентичности, создавая новые языковые формы, сближающие их с языком киконго, и отличающие от испанского языка. Можно говорить о процессе рекреолизации языка паленкero и оптимистическом взгляде на будущее этого языка.

Ключевые слова: Паленкero, креольский, Колумбия, Америка, Африка, испанский, банту, киконго.

PALENQUERO LANGUAGE IN COLOMBIA: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Zueva Olga Borisovna

Senior lecturer

the Department of foreign languages

Moscow International University

Moscow, Russia / *o.zueva@mmu.ru*

Abstract

The article attempts to trace the trajectory of one of the Creole languages preserved on the territory of Colombia, namely, the Palenquero language, and assess the possible prospects for the development of this language, which was under threat of decreolization and extinction. The author analyzes the reason for the appearance of Creole languages in general and Palenquero in Colombia in particular – the rapid development of trade in the era of the great geographical discoveries, as well as the slave trade, which was one of the existing solutions to the shortage of labor in the overseas territories. The paper analyzes the extralinguistic and linguistic factors of the formation of the Palenquero language, the history of its development. Simultaneously with the beginning of the active study of Palenquero by linguists and anthropologists in the middle of the 20th century, a period of decline of the language under the influence of "progressive" factors began. The process of decreolization began. However, a group of young activists from San Basilio del Palenque managed to arouse interest in the native language, seeing it as a vehicle for the national identity of the Palenqueros, their identity and African roots. The Palenquero became the first free people of America before the liberation of all the colonies. Young Palenquero speakers strive for the restoration of the ancestral language, even more purity and authenticity, creating new language forms that bring them closer to the Kikongo language, and distinguish them from Spanish. We can talk about the process of recreolization of the Palenquero language and an optimistic view of the future of this language.

Keywords: Colombia, Creole, America, Africa, Spanish, Bantu, Kikongo.

В настоящей работе делается попытка проследить траекторию одного из сохранившихся на территории Колумбии креольских языков, а именно, языка Паленкоро, и дать оценку возможных перспектив развития данного языка, находившегося под угрозой декреолизации и исчезновения. Первым стал изучать известный лингвист и антрополог Акилес Эскаланте Поло, продолжили видные лингвисты Карлос Патинью Роселли, Нина Фридман, Херман де Гранада, Хосе Хоакин Монте, Армин Швеглер, Джон Липски и другие.

Термин креольские языки произошел от испанского слова *criollo* от глагола *criar* «кормить», «выращивать», «выводить», которые, в свою очередь, восходят к латинскому глаголу *creare* «создавать». Общие черты креольских языков – это упрощенная грамматика, фонетика и доминирование аналитических форм. Креолизация представляет собой дальнейший этап развития пиджина, который из контактного языка в рамках одного поколения в ходе нативизации со временем превращается родной для большого процента проживающих на данной территории людей и становится самостоятельным языком, как, например, в рассматриваемом нами случае, среди беглых рабов африканцев в колумбийском поселении Сан-Басилио-дель-Паленке. Языком-лексификатором здесь является испанский, в меньшей степени португальский, а субстратом – бантуанские языки. Паленкоро понятен современным испанцам и португальцам.

В целом, возникновение креольских языков связано с колониальной экспансией западноевропейских держав около 500 лет назад в Эпоху Великих географических открытий, развитием торговли и работорговли. Например, в Колумбию «Из Африки были привезено 20 миллионов человек, принадлежавших сотням разных этносов» [Roux 1992: 15]. «Большинство из них были родом из центральных областей Конго, Анголы, Мали, Ганы, Гвинеи, Нигерии и других стран Африки. Представители этих территорий продолжали говорить на своих языках и после прибытия в Колумбию, где они расселились

главным образом на побережье Тихого и Атлантического океанов, ... Порт Картахена в Колумбии стал основным портом прибытия для рабов, приплывающих в Новый Свет с африканского континента». [Зуева 2020: 100] Формирование креольского языка в Колумбии произошло под влиянием экстралингвистических факторов.

Креольские языки «подпитываются социальным неравенством и поддерживают с соответствующими престижными языками отношения, отражающие структуру и социальное движение» [Friedemann, Patiño 1983: 85]. «Можно утверждать, что креольские языки сформировались в результате трансформаций пиджинов, когда последние из-за социального неравенства превратились в родной язык некоторых групп населения». [Зуева 2020: 102] То есть это не только лингвистическое, но и социально-историческое явление.

Паленкоро – один из старейших сохранившихся креольских языков на базе испанского языка, родной для колумбийцев африканского происхождения, проживающих в поселении Паленке–де–Сан-Басилио на побережье Карибского моря в Колумбии в департаменте Боливар, в 40 милях от Картахены-де-Индиас. Язык Паленкоро, или просто «язык», как говорят о нем жители самого поселения, является высоко структурированным афро-иберийским контактным языком с мощным влиянием языков банту, а именно, киконго и кимбундо, португальского языка и испанской лексики [Lipski 2012: 21].

Относительно даты основания поселения Паленке-де-Сан-Басилио ведутся споры, но Акилес Эскаланте пишет, что «в начале 1600 года группа африканских рабов по руководством Доминго Биохо, экс-монарха одного из африканских государств» [Escalante, 2005: 387] по прозвищу «Король Бенко» или «Король Арабуко» устроила бунт в городе Картахена–де-Индиас, скрылась в труднодоступной местности в южном направлении от города и основала укрепленное поселение Паленке (от испанского слова Palenque – ограда, частокол). Несмотря на перемирие с испанскими властями, Бенко Биохо продолжал борьбу с поработителями, в результате чего был повешен в 1621 году. [Lipski 2012: 21] До сих пор лидер беглых рабов Бенко Биохо считается в Колумбии одним из символов борьбы за свободу от рабства. Беглые рабы – мароны представляли серьезную опасность для испанских работорговцев, так как захватывали корабли, идущие по реке Магдалена вглубь страны, и освобождали их. После кровопролитного боя с испанской армией, в 1691 году испанская Корона в Мадриде издала указ, гарантирующий свободу африканцам из Сан-Басилио-дель-Паленке, хотя реальная автономия стала возможной только в 1713 году после массовых волнений. Таким образом, Сан-Басилио-дель-Паленке стал первым свободным африканским поселением во всей Америке [Arrázola 1970: 35].

Лидер беглых рабов-маронов (от испанского слова *simartón* – дикий, беглец) Бенко Биохо предположительно был рожден на западе Африки, но его последователи были родом из Центральной Африки и говорили на языках банту, главным образом на киконго, влияние которого можно проследить в языке Паленкоро. Киконго один из важнейших языков банту, под ним понимается группа многочисленных диалектов общего происхождения, которые произошли от материнского языка конго и стали разными под влиянием топографических условий. В настоящий момент на киконго говорят порядка 5 миллионов человек в Анголе, Конго и Заире. Язык кимбундо является менее значимым, и на нем говорят преимущественно в Анголе [Valdés 1990: 10].

Интересен тот факт, что близость жителей Сан-Басилио-дель-Паленке, которые проживали в относительной изоляции, и народов Западной Африки, говорящих на языках банту, доказана на генетическом уровне. Группа исследователей-иммунологов провела сравнительный анализ генов HLA (Человеческого лейкоцитарного антигена) паленкерос и народов бантоидной группы языков. Результат показал, что паленкерос генетически близки народам Сенегала, Буби и Гвинейского залива [Arnaiz-Villena 2009: 65].

В 1713 году испанский епископ Антонио Мария Кассиани впервые посетил и официально признал поселение Паленке-де-Сан-Басилио и смог общаться с его обитателями на некоем варианте испанского языка. В документе 1772 года говорится о

том, что «паленкерос говорят друг с другом на «особом языке, которому они сами учат своих детей, а также на испанском языке, на котором бегло говорят». [Gutiérrez Azopardo 1980: 34] С тех пор община была двуязычной, а язык Паленкеро сознательно поддерживался и преподавался последующим поколениям в мощном утверждении этнической идентичности, как членов «первого свободного поселения в Америке». [Arrázola 1970: 35]. На протяжении веков паленкерос сохраняли свою культуру, язык и национальную идентичность вдали от внешнего влияния из-за географического положения, выбранного Бенкосом Биохо.

До второй половины 20го века язык Паленкеро считался просто «плохим испанским», ассоциированным с африканским населением [Lipski 2012: 25].

Впервые точные транскрипции фраз на паленкеро дал антрополог и лингвист Акилес Эскаланте, но он не считал его креольским языком. В ALEC (Atlas Lingüístico-Etnográfico de Colombia) 1959 году паленкеро описан как один из региональных вариантов испанского языка. В 1968 году креолист Дерек Бикертон в сотрудничестве с антропологом Эскаланте опубликовал первую статью, признающую существование креольского языка паленкеро [Bickerton, Escalante 1970].

Одновременно с началом активного изучения лингвистами языка паленкеро во второй половине 20го века, быть паленкеро и говорить на паленкеро стало нелегкой задачей. Объяснить этот факт можно тем, что по времени это совпало с миграцией жителей одноименной деревни в большие города в поисках работы и лучшей жизни. К примеру, электричество пришло в Паленке только лишь в 1974 году, когда боксер из Паленкеро Кид Пембеле выиграл свой первый мировой чемпионат в суперлегком весе и привлек внимание к тяжелым условиям жизни забытой общины с африканскими корнями, а первая проселочная дорога туда была построена лишь семь лет спустя [Salcedo, Rodríguez 2005].

Когда жители Паленке-де-Сан-Басилио в новом месте начинали говорить на родном языке, то подвергались всяческого рода насмешкам и унижениям за то, что разговаривали на «плохом испанском», становились персонажами обидных анекдотов, говорить на паленкеро становилось стыдно. В результате чего родители запрещали детям и внукам говорить на паленкеро вне родной ограниченной территории. В 60е годы язык паленкеро подвергся широкой волне подавления под воздействием соседних «прогрессивных» регионов, многовековое языковое наследие начало теряться. Говорить на паленкеро стало синонимом отсталости, а на испанском языке – синонимом развития. Хотя община была все еще двуязычной, молодые люди постоянно стремились говорить друг с другом только на испанском [Friedemann, Patiño Rosselli 1983: 187-188] Важное воздействие оказывал на паленкеро официальный язык близлежащих территорий, словарные и грамматические новшества, распространение СМИ, развитие инфраструктуры. Начался процесс обратного превращения паленкеро в пиджин и, как следствие, его потери. «За исключением вмешательства маловероятных, но не невозможных факторов – реакции самой общины или адекватной официальной политики – завершение исторического цикла языка паленкеро не кажется очень отдаленным» [Patiño Rosselli 1983: 191]

В 70 годы группа молодых жителей Паленке-де-Сан-Басилио поставила перед собой задачу спасти родной язык паленкеро, находившийся на грани вымирания, а через язык – многовековую культуру и национальную идентичность. Посредством языка передаются все знания, накопленные предыдущими поколениями. Возрождение языка стало для паленкерос синонимом их самоопределения как первого свободного народа в Америке. [Arrázola 1970: 35] Группа активистов и лингвистов начала этно-образовательную программу, занятия и мастер классы в ходе которых молодым и пожилым паленкерос объясняли, что не стоит стесняться говорить на родном языке на публике, а наоборот, нужно испытывать чувство гордости за то, что это настоящий язык, а не «плохой испанский». Паленкеро начали преподавать в школах и детских садах, сочинять на нем рассказы и песни, проводить

католические мессы на паленкеро. Часто можно услышать обращение молодых родителей к маленьким детям: *miní aquí* (иди сюда), *¿bo a cuchá?* ' (ты слышал?) и *¿onde bo tando?* ' (Куда ты идешь?) ... Был издан Словарь Паленкеро (Cásseres Estrada 2005), Грамматика Паленкеро (Simarra Reyes/Triviño Doval 2008) и Глоссарий Паленкеро с комментариями (Simarra Obeso et al. 2008). [Lipski 2016: 26]

В 2005 ЮНЕСКО признало Сан-Басилио-дель-Паленке Нематериальным Культурным Наследием Человечества.

Новое поколение молодых паленкерос выросло в среде, которая способствовала формированию свежего взгляда на язык паленкеро. Такая среда, представляющая собой отход от более привычных векторов межпоколенной языковой передачи, открывает потенциал для быстрого появления лингвистических инноваций: самые молодые носители языка фактически воссоздают грамматику Паленкеро на основе входных данных, которые, хотя и более устойчивы, чем те, что обычно используются для формирования креольского языка, относительно истощены по сравнению с нормальной передачей родного языка. [Lipski 2016: 27]

Молодые носители языка стремятся к большей «чистоте» «нового» Паленкеро от влияния испанского языка, по сравнению с тем языком, на котором говорили их предки. Вводятся формы, наименее похожие на испанский язык, которые кажутся более аутентичными. В этом также выражается стремление подчеркнуть свою национальную идентичность как первого свободного народа Америки [Arrázola 1970: 35], имеющего африканские корни, освобождение от языка поработителей.

В середине прошлого столетия Мортон [Morton, 2005: 58] описал замену испанского производного *utere* (от испанского местоимения *Ustedes* – Вы) на традиционное местоимение центральноафриканского происхождения *enú*, и замещение африканским дериватом *lungá* (умирать) *morí* (от испанского *morir* – умирать). Другие «реставрированные» формы: *posá* вместо *casa* (дом), *maí* вместо *mamá* (мать), *chitiá* – *jablá* и *conbesá* (говорить, беседовать), *canatulé* – *jambre* (голод), *ngubá* – *maní* (арахис), *burú* – *plata* или *dinero* (деньги), *bumbilo* – *basura* (мусор), *combilesa* – *amigo* (друг), *chera* – *gora/trapo* (одежда), *piangulí* – *ceddo* или *puesso* (свинья), *vegá* – *año* (год) и *makaniá* – *trabajá* (работать). [Lipski 2016: 27-28]

В языке паленкеро, в отличие от испанского языка, имена существительные и прилагательные инвариантны в числе. Образование форм множественного числа осуществляется при помощи предложного маркера *ma*, происходящего от наиболее частотного префикса множественного числа бантуанского языка киконго, африканского субстрата языка паленкеро. Например: *ma combilesa* – друзья, *ma piangulí* – свиньи, *ma vegá* – годы. В паленкеро *ma* чаще используется с определенными предметами, но возможно и употребление с неопределенными: *Ma pelo asé ndrúmi mucho* (Собаки много спят) [Schwegler 2007: 62]

Возможно, что *ma* и другие африканские формы были сознательно введены марунами, чтобы сбить с толку людей, не входящих в общину, или для создания «экзотической» речи, которая была бы непонятной для чужаков. Например: *ún ma flo amaría* (несколько желтых цветов) ' *ése ma burü* (те деньги).

Молодые носители языка паленкеро делают ставку на то, что *ma* является основным элементом языка и, в отличие от предшествующих поколений, используют его не только как показателя множественного числа существительных и прилагательных, но и в качестве определенного артикля единственного числа [Lipski, 2016: 31]. Они могут использовать *e* (от испанского указательного *ese*) перед *ma* безо всякого указательного значения, но часто в значении определенного артикля. Например: *e ma posá jue di to suto* – тот дом наш; *e ma flo ta amaría* – тот цветок желтый; *ma puetta ta celao* – дверь закрыта; *celá ma puetta* – закрой дверь; *e ma pueta ta abieta* – та дверь открыта; *ma centro di reunión ri ma jende* – место собраний моей общины; *ese ma música ngutá mi nu* – мне не нравится эта музыка; *ma pueta di posá mi ta abieta* – дверь моего дома открыта; *ma moná mi* – мой

ребенок; e ma posá a sendá blanco – тот дом белый; e ma cuagro a teneba como dose monasita – в моем дворе было двенадцать девочек; ma bachillé mi – мой школьный диплом; ma fisioterapia ta vivá aquí Catagena – мой физиотерапевт живет в Картахене. [Lipski, 2016: 33]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что инновации и реставрирование паленкero являются новым, свежим взглядом молодых паленкерос на родной язык. Распространение паленкero среди молодых членов общины и его возрождение среди пожилых носителей предполагает оптимистичный прогноз на будущее паленкero. В настоящее время более четырех тысяч людей считают паленкero родным языком. Язык воспринимается ими как проводник национальной идентичности. Это препятствует процессу декреолизации, то есть обратного превращения креольского языка в пиджин с последующим исчезновением.

Таким образом, мы рассмотрели историю развития языка Паленкero с момента возникновения и до наших дней и оценили возможные перспективы на будущее. Община Сан-Басилио-де-Паленке сформировалась на территории Колумбии более трехсот лет назад из беглых рабов-африканцев, которые говорили на бантуанских языках. Креольский язык паленкero образовался на базе испанского языка и мощным субстратом кикондо и кимбунду. Однако, паленкero, как и большинство неофициальных языков обычно рассматривались в народе как варианты своих родительских языков или как «плохой испанский». В середине двадцатого века встал вопрос об исчезновении паленкero из-за «прогрессивного» влияния официального языка, унижений и дискриминации. Жители поселения Сан-Басилио-де-Паленке оказались в шаге от потери языка, рожденного в борьбе против угнетения и как доказательство победы первых маронов. Но в последние десятилетия молодыми паленкерос были предприняты успешные попытки возрождения родного языка, которые улучшили его статус как живого языка и как объекта лингвистического исследования. По мнению многих исследователей, новые тенденции были настолько неожиданными, что многие в них не верили. Носители паленкero осознают тот факт, что язык является проводником многовековой культуры и национальной идентичности и символом борьбы за свободу от рабства. Молодые паленкерос осознанно участвуют в «рекеролизации» своего языка, который соответствует современному видению своего места в многовековой истории и в будущем. Возрождение языка паленкero в Колумбии может служить хорошим примером для восстановления языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Литература

1. Зуева О.Б. Влияние африканских языков на национальный колумбийский вариант испанского языка. // Лексикография и коммуникация – 2020: Сборник материалов VI Международной конференции. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ». 2020. С. 99-103
2. Arnaiz-Villena, Antonio et al.. HLA Genes in Afro-American Colombians (San Basilio de Palenque): The First Free Africans in America. // The Open Immunology Journal. Madrid, 2009 Volume 2. С. 59-66
3. Arrázola, Roberto. Palenque, primer pueblo libre de América. Historia de las sublevaciones de los esclavos en Cartagena. Cartagena: Ediciones Hernández, 1970
4. Bickerton, Derek, Escalante, Aquiles. Palenquero: A Spanish Based Creole of Northern Colombia // Lingua, Amsterdam, 1970 – № 24. С. 254-267
5. Castillo Mathieu, Nicolás del. El léxico negro-africano de San Basilio de Palenque. Bogotá: ICC, 1984
6. Castillo Mathieu, Nicolás del. Esclavos negros en Cartagena y sus aportes léxicos. Bogota: ICC, 1982
7. Cultural space of Palenque de San Basilio, 2008 URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?pg=00011&RL=00102>(дата обращения 18.03.2021).

8. Escalante, Aquiles. Palenques en Colombia. // Revista del CESLA. Varsovia, 2005 – № 7, C. 385-390.
9. Friedemann, Nina de, Patiño Roselli, Carlos. Lengua y Sociedad en el Palenque de San Basilio. Bogotá, 1983
10. Granada, Germán de. Los esclavos en el Chocó. Su procedencia africana (siglo XVIII) y su posible incidencia lingüística en el español del área. // Thesaurus. Bogotá, 1988, tomo XLIII, № 1. C. 73
11. Gutiérrez Azopardo, Ildelfonso: Historia del negro en Colombia: ¿sumisión o rebeldía? Bogotá: Editorial Nueva América. 1980
12. Lipski, John M. The “New” Palenquero: revitalization and re-creolization. // Lingüística Iberoamericana. Madrid, 2012 – № 50. C. 21-33
13. Moñino, Yves. Convergencias lingüísticas iberocongolesas en Palenquero: ¿integrarse a la sociedad mayoritaria o distinguirse de ella? // Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond/Lenguas en contacto y cambio lingüístico en el Caribe y más allá. Frankfurt, 2007 – C. 37-57.
14. Morton, Thomas. Sociolinguistic Variation and Language Change: In El Palenque de San Basilio (Colombia). Doctoral Dissertation. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2005
15. Patiño Roselli, Carlos. El habla en El Palenque de San Basilio // Lengua y sociedad en El Palenque de San Basilio. Bogotá, 1983. C. 85-287.
16. Roux, Gustavo I de. Carta a un viejo luchador negro a propósito de la discriminación. // Documentos de Trabajo. Cali, 1992. № 09. C. 15.
17. Salcedo Ramos, Alberto, Rodríguez, Cynthia. El oro y la oscuridad: la vida gloriosa y trágica de Kid Pambelé. Bogotá: Debate, 2005
18. Schwegler, Armin. A Fresh Consensus in the Marking: Plural *ma* and Bare Nouns in Palenquero. // Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond/Lenguas en contacto y cambio lingüístico en el Caribe y más allá. Frankfurt, 2007 – C. 59-75.
19. Valdés Bernal, Sergio. Visión lingüística del Africa al sur del Sahara. La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1990

References

1. Zueva O.B. (2020) *Vlijanije afrikhanskih jazykhov na nacional'nyj kholumbijskij variant ispanskogo yazykha* [The influence of African languages on the national Colombian version of Spanish]. // *Leksikografija i komunikhatzija – 2020*, Belgorod, P. 99-103
2. Arnaiz-Villena, Antonio et al.. (2009) HLA Genes in Afro-American Colombians (San Basilio de Palenque): The First Free Africans in America. // *The Open Immunology Journal*. Madrid, Volume 2. P. 59-66.
3. Arrázola, Roberto. (1970) *Palenque, primer pueblo libre de América. Historia de las sublevaciones de los esclavos en Cartagena* [Palenque, the first free people of America. History of the slave uprisings in Cartagena]. Cartagena: Hernández Editions
4. Bickerton, Derek, Escalante, Aquiles. (1970) Palenquero: A Spanish Based Creole of Northern Colombia // *Lingua*. № 32. P. 254-267
5. Castillo Mathieu, Nicolás del. (1984) *El léxico negro-africano de San Basilio de Palenque* [The Black-African lexicon of San Basilio de Palenque]. Bogotá: ICC
6. Castillo Mathieu, Nicolás del. (1982) *Esclavos negros en Cartagena y sus aportes léxicos* [Black slaves in Cartagena and their lexical contributions]. Bogotá: ICC
7. Cultural space of Palenque de San Basilio, 2008 URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?pg=00011&RL=00102>(дата обращения 18.03.2021).
8. Escalante, Aquiles. (2005) *Palenques en Colombia* [Palenques in Colombia]. // *Journal of CESLA*. Warsaw, № 7, P. 385-390.
9. Friedemann, Nina de, Patiño Roselli, Carlos. (1983) *Lengua y Sociedad en el Palenque de San Basilio* [Language and society in the Palenque de San Basilio]. Bogotá

10. Granada, Germán de. (1988) *Los esclavos en el Chocó. Su procedencia africana (siglo XVIII) y su posible incidencia lingüística en el español del área* [The slaves in el Chocó. Its African origin (eighteenth century) and its possible linguistic incidence in the Spanish area]. // *Thesaurus*. Bogotá, volume XLIII, № 1. P. 73
11. Gutiérrez Azopardo, Ildefonso. (1980) *Historia del negro en Colombia: ¿sumisión o rebeldía?* [History of black people in Colombia: submission or rebellion?]. Bogotá: Nueva América Editorial.
12. Lipski, John M. (2012) The “New” Palenquero: revitalization and re-creolization. // *Ibero-American Linguistics*. Madrid, № 50. P. 21-33
13. Moñino, Yves. (2007) *Convergencias lingüísticas iberocongolesas en Palenquero: ¿integrarse a la sociedad mayoritaria o distinguirse de ella?* [Iberocongolese linguistic convergences in Palenquero: to integrate into the majority society or to distinguish oneself from it?] // *Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond*. Frankfurt, P.37-57
14. Morton, Thomas. (2005) *Sociolinguistic Variation and Language Change: In El Palenque de San Basilio (Colombia)*. // *Doctoral Dissertation*. Philadelphia: University of Pennsylvania
15. Patiño Roselli, Carlos. (1983) *El habla en El Palenque de San Basilio* [The speech in the Palenque de San Basilio]. // *Language and society in the Palenque de San Basilio*. Bogotá, P. 85-287
16. Roux, Gustavo I. de. (1992) *Carta a un viejo luchador negro a propósito de la discriminación* [Letter to an old black fighter about discrimination]. // *Working Papers*. Cali, № 09. P.15
17. Salcedo Ramos, Alberto, Rodríguez, Cynthia. (2005) *El oro y la oscuridad: la vida gloriosa y trágica de Kid Pambelé* [Gold and darkness: the glorious and tragic life of Kid Pambelé]. Bogotá: Debate
18. Schwegler, Armin. (2007) A Fresh Consensus in the Marking: Plural *ma* and Bare Nouns in Palenquero. // *Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond*. Frankfurt, P. 59-75
19. Valdés Bernal, Sergio. (1990) *Visión lingüística del Africa al sur del Sahara* [Linguistic vision of Africa south of the Sahara]. Havana: Social Sciences Editorial

УДК 811.133.1

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ
В ПРОЦЕССЕ КОДИФИКАЦИИ ФЕМИНИТИВОВ ДЛЯ НАИМЕНОВАНИЙ
ПРОФЕССИЙ, ДОЛЖНОСТЕЙ, ТИТУЛОВ И ЗВАНИЙ**

Корнеева Вера Александровна

старший преподаватель кафедры иностранных языков и речевой коммуникации
Московский Международный университет
Москва, Россия / *korneeva_va@mail.ru*

Аннотация

Данная статья посвящена основным аспектам влияния государственной языковой политики Франции на процесс создания и кодификации форм женского рода наименований профессий, должностей, титулов и званий. Упрочение роли женщин в социуме, борьба за равноправие между мужчинами и женщинами, меняющийся характер общественно-экономических отношений обусловили актуальность вопроса о признании нормативными некоторых форм женского рода. В статье рассматриваются этапы развития языковой политики в контексте стремления к созданию гендерного равенства во французском обществе, анализируются различные факторы, способствующие или противодействующие развитию процесса феминизации наименований профессий и должностей, особое внимание уделяется деятельности Французской академии в области нормотворчества. Нами также освещаются основные проблемы при выработке единого

свода правил по образованию форм женского рода и выборе наиболее предпочтительной формы из ряда существующих. Статья представляет интерес для исследователей в области лексикологии и лексикографии.

Ключевые слова: языковая политика, гендерная лингвистика, феминизация имен.

THE ROLE OF THE STATE LANGUAGE POLICY OF FRANCE IN THE PROCESS OF CODIFICATION OF FEMINITIVES DENOTING JOBS, TITLES, POSTS AND RANKS

Korneeva Vera Alexandrovna

Senior lecturer of the Department of Foreign Languages

Moscow International University

Moscow, Russia / *korneeva_va@mail.ru*

Abstract

The paper is devoted to the main aspects of the influence of the state language policy of France on the process of creation and codification of forms of the feminine gender of names denoting jobs, titles, posts and ranks. The growing role of women in society, the struggle for equality between men and women, the changing nature of socio-economic relations have made the issue of recognizing some forms of the feminine gender a normative one. The paper examines the stages of the development of language policy in the context of creation of gender equality in French society, it analyzes various factors that promote or oppose the development of feminization of names denoting jobs. A special attention is paid to the activities of the French Academy charged with publishing an official dictionary of the language. The article considers the main problems in the creation of rules for the formation of feminine forms and the problem of the choice of a form from a number of existing ones. The article is of interest to researchers in the field of lexicology and lexicography.

Keywords: language policy, gender linguistics, feminization of nouns.

В течение нескольких веков политика государственной власти Франции была направлена на формирование гомогенного французского языка. Эта тенденция отчётливо видна, например, в лозунге республиканцев *La langue doit être une comme République* (Наш язык должен быть единым, как Республика) во времена Французской революции. Для унитарного по своему устройству государства, которое представляет собой Французская республика сегодня, весьма характерно стремление к выработке единого свода правил для французского языка. Французский унитаризм является основополагающим элементом государственной идеологии, его реализацию можно наблюдать области этнокультурной и языковой политики. [3:41]

Центристский характер французской языковой политики был законодательно закреплён в принятой в 1958 г. Конституции Пятой Французской республики, вторая статья которой устанавливает французский язык в качестве единственного государственного языка.

Так, основными принципами языковой политики Франции являются централизм, имеющий целью создание единого языка в рамках государства, экспансионизм, предполагающий распространение французского языка на всей территории Франции и за её пределами, и пуризм, отражающийся в стремлении оградить французский язык от влияния иностранных языков, в частности английского, а также в языковой унификации, выработке чёткого свода правил языковых норм. [3:40-44]

В XX в. и в особенности в XXI в. увеличение количества женщин, работающих в различных областях, упрочение их роли в социуме, появление возможности для женщин занимать руководящие должности, стремление к гендерному равноправию оказали значительное влияние на современную языковую политику Французской республики. Возникновение вопроса, связанного с феминизацией наименований профессий,

должностей, титулов и званий, обусловлено стремительно меняющимся характером общественно-экономических отношений. Потребность в формах женского рода для некоторых существительных, обозначающих профессию, должность, титул или звание, представляет собой индикатор изменений в социуме и позволяет говорить о влиянии социального фактора на языковые нормы.

Присущий французской государственной языковой политике пуризм находит отражение в некоторой её консервативности, поскольку каждое нововведение подвергается тщательному рассмотрению. Именно этим можно объяснить длительность процесса кодификации форм женского рода для наименований профессий и должностей. Однако совокупность таких факторов, как наличие реальных коммуникативных потребностей в обществе и присутствие в системе языка соответствующих средств выражения, а также официальная поддержка со стороны государственных органов, способствуют успешному протеканию процесса феминизации. [1:41]

Начиная с 80-х годов XX в. языковая политика, направленная на феминизацию названий профессий, должностей, титулов и званий, проводилась одновременно с политикой, имеющей целью создание равенства между мужчинами и женщинами. Первым шагом на пути к кодификации форм женского рода стало создание в 1984 г. Терминологической комиссии по вопросам феминизации наименований профессий, званий и должностей (*La Commission de Terminologie pour la féminisation des noms de métiers, de grades et de fonctions*), главной задачей которой было изучение процессов феминизации наименований профессий и званий, а также языковых средств, используемых для обозначения женской профессиональной деятельности. В том же году Французская академия, целями которой являются изучение французского языка и регулирование языковой и литературной нормы, высказывает свои опасения насчет абьюзивного и неестественного характера феминизации в случае, если данный вопрос будет регулироваться государственной властью. Впоследствии Французская академия неоднократно, в 1998 г. и в 2002 г., выражала протест и подтверждала свою консервативную позицию касательно попыток провести феминизацию наименований профессий. Противостояние членов Французской академии государственной языковой политике послужило поводом для оживленных обсуждений в СМИ и даже публикации книжного издания *L'Académie contre la langue française* (Академия против французского языка) [9].

В 1986 г. была начата реформа феминизации наименований профессий, должностей, званий и титулов с целью заполнить существующие языковые лакуны в данной области [2:7]. Ключевым этапом в процессе кодификации форм женского рода стал Отчет Генеральной комиссии по терминологии и неологии, опубликованный в 1998 г. (*Le Rapport de la Commission générale de terminologie et de néologie sur la féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre / COGETER*). Он представлял результаты анализа лингвистической практики во Франции и в других франкоязычных странах, освещая также проблему правовых пределов в вопросах феминизации. В 1999 г. группой лингвистов из CNRS было подготовлено Руководство по феминизации названий должностей, должностей, званий или титулов (*Le Guide d'aide à la féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre*), которое включало в себя ориентировочный список из более чем 2000 наименований в мужском и женском роде. А в 2015 г. Высший совет по вопросам равноправия женщин и мужчин издает Практическое руководство по публичному общению без гендерных стереотипов (*Le Guide pratique pour une communication publique sans stéréotype de sexe*). И, наконец, в 2019 г. Французская академия публикует отчёт о Феминизации наименований профессий и должностей (*Le rapport sur la féminisation des noms de métiers et de fonctions*), где признает допустимым употребление форм женского рода для некоторых спорных случаев, таких как *un chef/une chef/une cheffe, un écrivain/une écrivaine, un professeur/une professeure* [8]. Французская академия воздерживается от выработки единых правил для феминизации существительных, обозначающих род деятельности, и подтверждает свою позицию касательно главенствующей роли узуса в данном вопросе. По мнению членов академии, попытка государства

унифицировать правила для образования форм женского рода существительных и применить их ко всем наименованиям профессий и должностей не принесёт успеха из-за великого многообразия языка.

Необходимо отметить, что трудности в феминизации некоторых существительных обусловлены феноменами омонимии и полисемии, проблемами эвфонии и настороженности звукового восприятия, а также пейоративной коннотацией предлагаемых форм женского рода [4:186-188]. Выбор наиболее подходящей формы женского рода из всех возможных зачастую бывает сложен. Так, слово *chef* позволяет образовать целый ряд феминитивов: (la) *chef*, *chefe*, *chèfe*, *chève* (по аналогии с *brève*), *chefesse* (устар.), и *cheftaine*. Французская академия рекомендует к использованию форму *chefe* как наиболее употребительную [8].

Мы обратились к 9-му постоянно актуализирующемуся изданию словаря Французской академии, доступному в электронном виде, и выяснили, что формы *la chef* и *la cheffe* зафиксированы в словарной статье со ссылкой на отчёт Французской академии о Феминизации наименований профессий и должностей [6]. В электронной версии словаря LAROUSSE приводится только одна форма женского рода – *une cheffe* – с уточнением, что она используется на территории Швейцарии и имеет тенденцию к распространению и в других франкоязычных странах [5]. Электронный словарь Le Robert приводит форму *la chef* в качестве женского рода для существительного *le chef*, а форма *la cheffe* указывается как встречающаяся наиболее часто в Швейцарии [7].

Таким образом, в настоящее время нельзя сказать, что процесс феминизации наименований профессий, должностей, званий и титулов и занесения нормативных форм в словарь близок к своему завершению, он весьма сложен и противоречив. Этому способствуют несколько факторов: многообразие предоставляемых языком форм женского рода, различная частотность их употребления, консервативность взглядов Французской академии на изменение языковых норм, государственная языковая политика, которая характеризуется, с одной стороны, консервативностью, а с другой – стремлением к созданию равноправия между мужчинами и женщинами на языковом уровне.

Литература

- 1.Ильина Т.П. Инклюзивное написание: нелепая мода или дальнейшее развитие французского языка по пути "феминизации"? // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 5 (795). URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/5_795.pdf (дата обращения: 20.03.2021).
2. Клоков, В.Т. Современный взгляд на развитие французской языковой политики. Часть II // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 3. – С. 3-10.
3. Клоков В.Т. Современный взгляд на языковую политику Франции. Часть I // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2009. Т.9, вып. 2. – С. 40-46.
4. Миретина М.С. Феминизация названий профессий, должностей, титулов и званий на материале франкоязычной прессы (Франция, Бельгия, Швейцария, Квебек) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 130. – С. 184-190.
- 5.Электронный словарь издательства Larousse, URL: <https://www.larousse.fr> (дата обращения: 20.03.2021).
- 6.Электронный словарь Французской академии, URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (дата обращения: 20.03.2021).
- 7.Электронный словарь издательства Le Robert, URL: [https:// www.lerobert.com/](https://www.lerobert.com/) (дата обращения: 20.03.2021).

8. Le rapport de l'Académie française sur la féminisation des noms de métiers et de fonctions. URL: <http://academie-francaise.fr/actualites/la-feminisation-des-noms-de-metiers-et-de-fonctions/> (дата обращения: 20.03.2021).
9. Viennot, Éliane. *L'Académie contre la langue française. Le dossier « féminisation »*. Donnamarie-Dontilly: Éd. iXe, 2016. P. 224.

References

1. Илина Т.П. "Inclusive Writing": A Fashionable Aberration or Natural Language Development towards «Feminization»? // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. № 5 (795) (2018) URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/5_795.pdf (last visited: 20.03.2021).
2. Klokov V.T. *The Modern View on the French Language Policy Development. Part II* // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. vol. 9, no. 3 (2009): P. 3-10.
3. Klokov V.T. *A Modern View on the Language Policy in France. Part I* // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. vol. 9, no. 2 (2009): P. 40-46.
4. Miretina M.S. *Feminization of Words Denoting Jobs, Titles, Posts And Ranks in the French Press (France, Belgium, Switzerland, Quebec)* // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. № 130 (2011): P. 184-190.
5. Electronic dictionary Larousse. URL: <https://www.larousse.fr> (last visited: 20.03.2021).
6. Electronic dictionary of the French Academy. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (last visited: 20.03.2021).
7. Electronic dictionary Le Robert. URL: <https://www.lerobert.com/> (last visited: 20.03.2021).
8. Le rapport de l'Académie française sur la féminisation des noms de métiers et de fonctions. URL: <http://academie-francaise.fr/actualites/la-feminisation-des-noms-de-metiers-et-de-fonctions/> (last visited: 20.03.2021).
9. Viennot, Éliane. *L'Académie contre la langue française. Le dossier « féminisation »*. Donnamarie-Dontilly: Éd. iXe, 2016. P. 224.

УДК 81'1

CLASSE DES MOTS COMPOSÉS EN FRANÇAIS CONTEMPORAIN

Koteneva Inna Anatolievna

Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / koteneva@bsu.edu.ru

Krivchikova Nelya Leonidovna

Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / krivchikova@bsu.edu.ru

Résumé

La formation des mots composés qui vient de différents types structurels se caractérise par la variété de formes morphologiques. Cet article vise à démontrer les structures sémantiques dévoilant le processus de transferts métaphoriques en français contemporain.

Mots clés: mots composés, métaphorisation, structure morphologique, processus sémantiques.

L'étude des possibilités de formation des mots du transfert métaphorique en français a permis de constater, en particulier, qu'il participait à la formation de mots composés métaphoriques (ci-après MCM) de différents types structurels.

Mots composés métaphoriques avec la formule structurelle "V" + "N" : *saute-ruisseau m* ; *traîne-pattes m, pl.* ; *lèche-bottes m* ; *casse-pattes m* ; *perce-pierre f* ; *lèche-vitrines m* ; *taille-mer m*, *gratte-ciel m*, *perce-muraille f*, *fumeterre f* etc. Ces entités complexes sont reconnues comme des mots composés (c'est-à-dire des unités de langage à forme entière) au motif que leur deuxième composant "n'est pas formalisé par rapport aux catégories grammaticales des noms au moyen de l'article et des déterminatifs" [Levit 1961, 90].

La structure sémantique des mots composés métaphoriques « V » + « N » est hétérogène. On peut distinguer trois sous-groupes de ces mots composés métaphoriques : a) le composant

verbal porte la charge métaphorique principale : *lèche-carreaux m*, *lèche-vitrines m*, etc ; b) le second composant porte la charge métaphorique principale : *saute-mouton m* ; c) la force métaphorique est portée par l'ensemble du composé dans son ensemble : *saute-ruisseau m*, *perce-muraille m*, *casse-pattes m*, etc.

La caractéristique principale des MCM « V » + « N » de ces trois groupes est que la propriété commune des objets comparés par similitude au cours du processus de métaphorisation, qui participe à leur formation, est la propriété inhérente non pas à un objet, mais à leur ensemble indéfini, ce qui permet de parler d'un certain sujet généralisé de la métaphorisation. Ainsi, lors de la formation des mots composés métaphoriques suivants, les objets initiaux de la métaphorisation sont des objets généralisés possédant les propriétés " percer une pierre " pour *perce –pierre f* (tout objet capable de percer une pierre peut servir d'objet initial de la métaphorisation lors de la formation de *perce-pierre f*), " sauter par-dessus un ruisseau " pour *saute-ruisseau m*, " gratter le ciel " pour *gratte-ciel m* etc.

La productivité du modèle « V » + « N » dans le système de formation des mots de la langue française est prouvée de manière convaincante par un certain nombre de travaux de linguistes russes et étrangers. Quant à la variante métaphorique du modèle « V » + « N », à notre avis, il y a toutes les raisons de la considérer comme productive également, puisque nous avons trouvé des mots composés métaphoriques créés par la formule structurelle de ce modèle dans la deuxième moitié du XIXe siècle et au XXe siècle.

MCM avec la formule structurelle « Adj. » + « N » : *vif-argent m* ; *faux-bourdon m* ; *blanc-bec m* ; *chauve-souris f*.

Les formations verbales composées de ce type sont reconnues comme des mots composés en vertu de la présence entre leurs éléments dans la forme figée de la forme archaïque de la connexion syntaxique caractérisée par la préposition des adjectifs *vif*, *blanc*, etc. aux noms déterminants, ce qui indique leur intégralité, puisqu'en français moderne, le trait distinctif des relations syntaxiques des noms avec les adjectifs qui les déterminent est la postposition de ces derniers.

La formation *vif-argent m* n'a pu naître dans la langue avec le sens de "mercure" que grâce à la métaphorisation, qui a permis de combiner dans une formation complexe des mots exprimant dans leur usage direct, le sujet et la qualité, qui en réalité ne peuvent pas coexister : *vif* – « *vivant* » (au sens biologique du terme, qui est le sens dans lequel *vif* est utilisé dans *vif-argent*) et *argent* (metal).

Nous pouvons donc en conclure que *le vif-argent m* n'a pas pu apparaître à la suite de la localisation d'une phrase libre préexistante dans la langue. Le MCM *vif-argent m* a été formé par le passage de deux processus interdépendants de métaphorisation : 1) Un processus métaphorique qui a abouti à la formation du composant *argent* avec la signification "métal liquide de couleur argentée". 2) Le processus métaphorique qui a abouti à la formation du composant *vif* avec la signification "très mobile, vivant". Le processus métaphorique *argent* précède nécessairement dans le temps le processus métaphorique *vif*, puisque ce dernier est une extension naturelle du premier, étant préparé par lui. Le fait est que l'objet nommé de la métaphorisation *vif* est la qualité de l'objet dénoté par le mot *argent*, mais pas dans son sens direct, mais dans son sens métaphorique, obtenu par lui comme résultat du processus métaphorique *argent* passé précédemment. D'où la relation et l'interdépendance des deux processus sémantiques.

MCM avec la formule structurelle "proposition+ N" : *avant-bec m*, ; *avant-coureur m* ; *arriere-bec m* ; *avant-courrier, ière m.f*.

L'absence d'article entre une préposition et un nom montre que les formations « proposition+N » sont entières, c'est-à-dire qu'elles appartiennent à la classe des mots composés.

Les MCM dont la formule structurelle est "Nom + Nom". Un certain nombre de chercheurs estiment que les formations composées de ce type (*bateau-mouche m*, *homme-grenouille m*, *poisson-sabre m*, *oiseau-abeille f* et autres) ne sont pas des mots composés du fait qu'il existe une connexion syntaxique entre leurs éléments (une connexion similaire entre les éléments des formations reconnues comme des combinaisons de mots libres telles que *valise*

avion, climat festival, etc.) Nous partageons ce point de vue en ce qui concerne les formations non métaphorisées de ce type, ainsi que les formations dont l'une des composantes – la première ou la seconde – est métaphorisée : a) la première composante *cheval arcon m, pistolet-pulvérisateur m, reine-marguerite f* ; b) la seconde composante est métaphorisée : *poisson-scie m, ciseau-lyre m, homme-grenouille m, poisson-sabre, etc.*

Cependant, il existe des formations métaphoriques "N+N" dans lesquelles les deux composantes sont métaphorisées : *sang-dragon m, cote-cheval m, cuisse-madame f, vesse-loup m.*

Selon nous, ces formations complexes doivent être classées comme des mots composés, car le lien syntaxique qui existe entre les éléments des combinaisons de mots libres apparentés est neutralisé par la métaphorisation, qui fusionne les deux éléments en un seul ensemble sémantique, où il est impossible d'établir les frontières sémantiques des éléments, et donc la nature des relations entre eux.

MCM avec la formule structurelle "N+de+N" : *oeil-de-boeuf m, oeil-de-perdix m, oeil-de-chat, oeil-de-serpent m, etc.*

Les formations " N+de+N " ne sont pour la plupart cas des mots composés en raison de leur séparation formelle (présence d'un lien syntaxique entre les éléments) : comparez *col-de-cygne m, queue-de-cheval f* et autres et la phrase libre *bloc de pierre.*

Les formations *oeil-de-boeuf m, oeil-de-perdix m, etc.* sont reconnues comme des mots composés en raison de l'incohérence de leur structure morphologique avec la structure morphologique des formes corrélées des collocations libres, exprimée notamment lorsque ces MCM passent au pluriel : *oeil-de-boeuf m -oails-de-boeuf m, pl. oeil-de-boeuf – yeux de boeuf ; oeil-de-perdix m -oails-de-perdix m, pl. / oeil de perdix – yeux de perdix, etc.*

Le système de formation des mots d'une langue, comme la langue dans son ensemble, est un phénomène en constante évolution dans son développement, et en tant que tel, il contient des éléments archaïques d'une part, et des formes en cours de formation d'autre part.

Selon A.N. Tikhonov "... Chaque tranche synchronique est caractérisée par le fait que des faits du présent et des éléments du passé coexistent dans le système linguistique, ainsi que des germes du futur " [Tikhonov 1972, 48].

On peut citer comme exemple de phénomène archaïque dans la formation « des mots en français moderne, le modèle " Adj. +N " : les mots nouveaux ne sont plus créés selon ce modèle.

Un exemple de modèles en cours de développement sont, à notre avis, des modèles avec une formule structurelle générale "N + N", dont le deuxième composant métaphorisé est presque complètement transformé en suffixe et a la qualité principale de ce morphème. La possibilité d'une telle transformation est indiquée par M.D. Stépanova, E.S. Kubryakova, J. Dubois et autres linguistes.

Ce sont les modèles "N+-fleuve", "N+ -marathon", "N+ -éclair", "N+ -gigogne" et autres.

« N+ -fleuve » : *roman-fleuve m, film-fleuve m, rapport-fleuve m etc.* « N+ – marathon » : *match-marathon m, examen-marathon m etc.*

« N+ -éclair » : *fermeture-éclair f, fusion-éclair f, guerre-éclair f etc.* « N+ -gigogne » : *poupée-gigogne f, fusée-gigogne f, cadeau-gigogne et d'autres.*

Selon toute vraisemblance, sous nos yeux (dans la synchronie, qui n'est pas dénuée d'une certaine étendue temporelle), la formation de nouveaux modèles de la langue française moderne est en cours : « N+ -fleuve », « N + – marathon », « N+ -éclair », « N+ – gigogne » et d'autres.

Les composants – fleuve, marathon, éclair, etc. possèdent les propriétés de base des suffixes: 1) signification lexicale abstraite généralisée: – fleuve; marathon; éclair, etc. 2) signification lexicale et grammaticale: les composants -fleuve, marathon, éclair, etc. sont similaires aux suffixes qui se forment dans la même catégorie lexico-grammaticale: -ette, -ier, etc.

On observe ainsi que les éléments -fleuve, -marathon, éclair, etc., entrent dans le modèle et deviennent de véritables formes suffixes.

Cependant, ayant les propriétés de base des suffixes, -fleuve, -marathon, -éclair etc. ont encore des liens avec les mots indépendants fleuve m, marathon m, éclair m etc. ce qui ne permet pas de les considérer comme des suffixes à part entière. Nous appelons donc, à la suite de M. D. Stepanova, tels composants des semi-suffixes.

Une des raisons de l'émergence de modèles tels que "N + -fleuve", "N + -marathon", "N + -éclair", "N + -gigogne", etc. c'est, apparemment, que la langue française moderne, ayant un ensemble varié de suffixes diminutifs (-et, -ette, -on, -otte, etc.), n'a pas de suffixes de grossissement neutres de plus grande intensité.

La particularité des semi-suffixes -fleuve, -marathon, -éclair, etc. dans la formation des mots composés métaphoriques (tant que ces composants ont un rapport avec des mots indépendants, les unités créées avec eux peuvent être considérées comme des mots composés métaphoriques) est qu'ils ne sont pas attachés de manière générale à n'importe quelle base productrice de mots, mais seulement aux bases productrices de mots qui dénotent des objets qui sont dans un rapport similaire avec les objets dénotés par les semi-suffixes dans leur usage direct comme mots à valeur entière fleuve m, marathon m, éclair m, etc, c'est-à-dire qu'ils ne peuvent être rattachés qu'à des bases dérivées capables de supporter leur métaphoricité.

Les recherches effectuées nous permettent de tirer les conclusions suivantes :

1) Le transfert métaphorique a participé à la formation de mots composés métaphoriques de la langue française de différents types structurels: "V+N", "adj.+N", "N+N", "N+de+N", etc.

2) Le transfert métaphorique élargit les possibilités des modèles "V+N", "adj.+N", "N+N" pour créer de nouveaux mots. Sans métaphorisation, des mots aussi complexes que taille-mer m, gratte-ciel m, vif-argent m, cote-cheval m, etc. ne pourraient être formés par ces modèles.

3) Les modèles "N+ -fleuve", "N+ -marathon", "N+ -éclair" etc. sont apparus et existent dans le système de formation des mots de la langue française en raison de relations de similarité métaphorique. Les modèles suivants sont utilisés pour créer des mots composés pour désigner des objets ayant des relations de similarité avec des objets désignés par les éléments -fleuve, -marathon, éclair en tant que mots indépendants : fleuve m, marathon m, éclair m, etc.

4) Les éléments -fleuve, -marathon, -éclair, etc. étant encore liés aux mots indépendants fleuve m, marathon m, éclair m, etc. C'est pourquoi, dans la littérature linguistique, ces éléments sont appelés semi-suffixes.

References

1. Levit Z.N. Sur la différence entre les mots composés et les mots équivalents phraséologiques en français moderne // Questions de lexicologie et de grammaire. – Minsk: École supérieure, 1961. – P. 90.

2. Tikhonov A.N. Synchronie et diachronie dans la formation des mots // Problèmes réels de la formation des mots russes, I. Samarkand, 1972. – 351 p.

УДК 81

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИСКУРСА ПРАВА И ДИСКУРСА ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.О. ДОМБРОВСКОГО

Макарычев Алексей Вячеславович

аспирант

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева

Самара, Россия / ale-makarychev@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию дискурса права и дискурса власти в прозе Ю.О. Домбровского. Автор выделил ряд аспектов правового и властного дискурсов, чтобы продемонстрировать, как именно право и власть, воспроизведенные в произведениях Ю.О. Домбровского, могут взаимодействовать с социокультурными реалиями. В ходе исследования были привлечены аксиомы права – фундаментальные правовые принципы, сложившиеся в результате многовековой правовой практики и ставшие утверждениями, не требующими доказательств. Также было обращено внимание на отсутствие сцен суда в прозе Ю.О. Домбровского и проанализированы причины этого отсутствия. Было

установлено, что суд в его произведениях может изображаться опосредованно, однако сам герой в суде не участвует. При изучении дискурса права и дискурса власти мы обратились к теории речевых жанров М.М. Бахтина. Нами были выявлены и проанализированы такие жанры судебного-правового дискурса, как жанр допроса, обвинительного заключения, прений сторон и протокола, а также такие императивные речевые жанры властного дискурса, как жанр приказа и жанр подчинения.

Ключевые слова: Юрий Домбровский, «Факультет ненужных вещей», «Державин», дискурс права, дискурс власти, правовые аксиомы, суд, речевые жанры.

ABOUT SOME FEATURES OF THE DISCOURSE OF LAW AND THE DISCOURSE OF POWER IN THE WORKS BY YURY DOMBROVSKY

Makarychev Aleksei Viacheslavovich
postgraduate student

Samara National Research University
Samara, Russia / *ale-makarychev@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the study of the discourse of law and the discourse of power in the prose by Y.O. Dombrovsky. The author has identified a number of aspects of law and power discourses in order to demonstrate how law and power, reproduced in the works by Y.O. Dombrovsky, can interact with socio-cultural realities. The study involved the axioms of law – fundamental legal principles that have developed as a result of centuries of law practice and have become statements that do not require proof. Attention was also drawn to the absence of court scenes in the prose by Y.O. Dombrovsky and the reasons for this absence were analyzed. It was established that the court in his works can be depicted indirectly, but the hero himself does not participate in the court. When studying the discourse of law and the discourse of power, we turned to the theory of speech genres by M. M. Bakhtin. We have identified and analyzed such genres of judicial and law discourse as the genre of interrogation, indictment, arguments of the parties and protocol, as well as such imperative speech genres of power discourse as the genre of order and genre of submission.

Keywords: Yury Dombrovsky, "Faculty of Useless Knowledge", "Derzhavin", discourse of law, discourse of power, legal axioms, court, speech genres.

Введение

Ю.О. Домбровский относится к числу писателей, для которых вопросы права и отношения к власти стоят на первом месте. Он считал, что государство гибнет, начиная с законов и правосудия, и что без них с незащищенным человеком можно сделать все, что угодно, – и это подтверждается не только его произведениями, но и судьбой. Собственная жизнь, протекавшая между желанием свободы, с одной стороны, и бесконечными арестами, тюрьмами, ссылками – с другой, обращала писателя в сторону раздумий о власти и праве, их природе и сущности. В исследованиях о Домбровском, в том числе и биографических, [1; 6] общим местом стали рассуждения о конфликте художника и власти, человека и системы, проявившемся в авторском высказывании писателя, на уровне сюжета и героев его произведений. Однако природа властно-правовых отношений, изображенных в произведениях Ю.О. Домбровского, их связь с социокультурными реалиями прошлого и настоящего – большого исторического времени, объемлющего различные эпохи, начиная с античности и заканчивая XX веком, эпохой, в которую жил писатель, изучена, на наш взгляд, недостаточно.

Цель работы

Ю.О. Домбровский жил в эпоху, когда многовековая культура права была отринута и уничтожена, а само оно, по его же собственному определению, превращено в «факультет ненужных вещей». Однако отсутствие правовой системы и произвол властей

заставили писателя с удвоенной силой исследовать механизмы подавления личности судебной карательной системой. Нам показалось важным проследить, как в художественных текстах Ю.О. Домбровского функционируют категории права и юридические практики описываемой им эпохи, будь то времена Сталина (диалогия «Хранитель древностей»/«Факультет ненужных вещей»), Державина («Державин, или Крушение империи») или Шекспира («Три новеллы о Шекспире»). Таким образом, целью нашего исследования явилось изучение дискурсов права и власти в прозе Ю.О. Домбровского. Поставленная цель потребовала решения ряда задач:

- 1) определить характер воздействия современной Ю.О. Домбровскому социокультурной ситуации на правовой и властный дискурсы его художественного мира;
- 2) рассмотреть особенности функционирования правовых аксиом в его произведениях и соотнести этот процесс с художественной аксиологией писателя;
- 3) проанализировать речевые жанры властного и правового дискурсов и способы их реализации в творчестве Ю.О. Домбровского;

Материалы и методы исследования

Основными исследовательскими методами для нас стали диалогическая теория и теория речевых жанров М.М. Бахтина, а также критический дискурс-анализ Т. ван Дейка.

Материалами исследования послужили следующие произведения Ю.О. Домбровского: романы «Факультет ненужных вещей» и «Державин», повесть «Смуглая леди» и рассказ «Ручка, ножка, огуречик...».

Результаты исследования

При рассмотрении дискурса права нам потребовалось обратиться к аксиомам права – фундаментальным правовым принципам, подтвержденным многовековой юридической практикой и принимаемым судебными и иными органами без доказательств, как само собой разумеющееся, которые, однако, тоталитаризмом в расчет не принимались. Назовем наиболее значимые аксиомы права: «право есть искусство добра и справедливости»; «если закон не определен, закона нет»; «к невозможному никого не обязывают»; «закон суров, но это закон»; «доказывание возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает» и др. [9: 12]

Как можно заметить, некоторые из аксиом концентрируют в себе моральные смыслы («право есть искусство добра и справедливости» [9: 12]), другие же ориентированы на передачу утилитарного содержания («если закон не определен, закона нет», [9: 12] «доказывание возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает» [9: 12]).

Мы предприняли попытку проследить, насколько сохранными оказались эти и некоторые другие аксиомы права в художественной системе Ю.О. Домбровского. Наблюдения позволили установить, что аксиомы утилитарной направленности у Ю.О. Домбровского используются при построении фабулы произведений, аксиомы же морального плана формируют аксиологию его лучших героев и авторскую аксиологию. Приведем пример.

Многовековой юридической практикой установлено: «доказательство возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает». [9: 12] Фабула романа Домбровского «Факультет ненужных вещей» противоречит этой аксиоме права. В главах 6 и 7 второй части романа Зыбин сталкивается с особо изощренной формой пыток – насильственным лишением сна: следователь и несколько так называемых «будильников» требуют от Зыбина признания в совершении преступления, но вместо следственных вопросов и аргументов в его сторону сыплются обвинения в «подлой антисоветской деятельности» и предательстве в пользу Японии. Зыбин оказывается на допросе в положении виновного вне зависимости от наличия доказательств, что позже подтверждает и Буддо в диалоге с ним («сомнения, брать вас или нет, у них были, но кончились на день раньше вашего ареста» [5: 255]).

Здесь интересно заметить, что сам Зыбин следует правовой аксиоме в ее устоявшейся форме: вставая в позицию отрицающего и отвечая на обвинения в «подлой

антисоветской деятельности», что «подлостями не занимается». Но вот «утверждающая» сторона, как объясняет Буддо, вместо доказывания использует какие-то свои умозрительные доводы, которые никак не могут считаться доказательствами (Он говорит об этом так: «ходите боком, подсмеиваетесь, шуточки-прибауточки какие-то отпускаете» [5: 256]). Правовая аксиома в юридической практике сталинского периода игнорируется и заменяется следовательским принципом «оформил и сдал».

Мы обратили внимание на то, что, сконцентрировавшись на вопросах преступления и наказания, на изображении преступных деяний власти, строящей ложные обвинения в отношении граждан, на изображении следствия и дознания («Факультет ненужных вещей», «Державин, или Крушение империи»), Ю.О. Домбровский изымает из поля собственного художественного зрения процедуру суда. Ни в одном из его произведений суд над героем не показан. Представляется важным понять, почему так происходит. Ведь русские писатели XIX века, обращавшиеся к криминально-правовым вопросам в ходе нравственно-философских поисков, делали процедуру суда одним из фабульно-сюжетных узлов своих произведений (достаточно вспомнить «Братьев Карамазовых» Достоевского или «Воскресение» Толстого). Отчасти ответом на этот вопрос могут послужить наблюдения В.Н. Дмитриевского в статье «Театр и суд в пространстве тоталитарной системы», касающиеся возбуждения в массовом сознании эмоции «безусловной правоты» и внедрения в систему социалистического правосудия «декоративной оценки событий» [2: 434]. У Домбровского суд изображается опосредовано: он может быть где-то в прошлом героя, на страницах протоколов или в чьем-то пересказе, но непосредственно в суде герой не участвует. У него нет картин суда, но юридические досудебные практики Домбровский изображает, поэтому акцент в изучении дискурса права мы вслед за автором перенесли на судебное производство и выяснили, что его герои вживаются не только в роли подсудимых обвиняемых, но и судей, адвокатов, прокуроров, разыгрывая их в своем воображении или в разговорах друг с другом. Здесь необходимо отметить смешение дискурса права с театральным дискурсом, поскольку персонажи вживаются в роли субъектов предварительного расследования и, подобно актерам, проигрывают сцены допроса, вынесения приговора и т.п.

В романе «Факультет ненужных вещей» подобным образом изображается проекция суда над Зыбиным в его диалоге с сокамерником Буддо, который пытается помочь ему советом. В этом «суде» Буддо становится и следователем, и адвокатом, и прокурором, и обвиняемым, и судьей, пытаясь «театрально» представить, как Зыбин может повлиять на переквалификацию своего «преступления» с 58-й статьи на хулиганство, чтобы не быть отправленным на Колыму.

Вначале, вставая на позицию обвинения, Буддо пытается изобразить, как Зыбина аттестовали бы в суде, привлекая его «темное» прошлое: «Зыбин Гэ Эн, пытаюсь выручить своих собутыльников, арестованных за бандитизм, сорвал студенческое собрание». [5: 171] Речь «прокурора» делает «обвиняемого» более обезличенным, поскольку его представляют предельно формально, только по фамилии и инициалам (вместо имени и отчества). К «обезличенному» обвиняемому присоединяются обвинения в хулиганстве, которые кажутся спасительными от более страшного обвинения. Прошлые «преступления» своего сокамерника Буддо описывает, используя сниженную лексику («собутыльники»), что помогает ему сформировать образ обвиняемого Зыбина с явно негативным и пренебрежительным оттенком. Но именно этого он и добивается, стремясь помочь Зыбину избежать 58-й статьи, выдав его за мелкого хулигана, а не за «опасного контрреволюционера». Буддо сопровождает свое актерство мнимой объективностью и напускным великодушием, руководствуясь логикой, продиктованной ролью прокурора сталинской эпохи, Зыбин представляется ему тем, кто это великодушие воспринимает как слабость («Воспользовавшись этим и приняв великодушие за слабость, он...» [5: 171]). После этого Буддо переходит на позицию адвоката и пытается отвести от Зыбина угрозу обвинения по политической статье, рассуждая, какие обвинения могут быть предъявлены

Зыбину при удачном раскладе: «...кроме пьянства, хулиганства и бытового разложения, они вам ничего не предъявляют!». [5: 171-172] Он как бы знакомится с материалами дела, а после их анализа и определения состава преступления предполагает, каким образом дело Зыбина можно переквалифицировать: «...они вам ничего не предъявляют!... И ничего вы больше знать не знаете. Они от вас наверняка тогда отвяжутся». [5: 172] Рассуждения Буддо больше похожи не на защиту подсудимого, а на сделку, так как жанр сделки как раз подразумевает взаимные обязательства и получение общей выгоды. [8: 148-149] Следуя этой логике, Зыбин обязан сознаться – в ответ прокуратура обязана дать ему срок ниже, в итоге получается обоюдная выгода: следователь получает закрытое дело, обвиняемый – меньший срок. Буддо прекрасно понимает, что в данном правовом поле адвокатура не работает. Роль адвоката в суде сталинского периода уже не столь значительна, как это было во времена Российской Империи, если не сказать, ничтожна: теперь адвокат не способен защитить даже невиновного. В речи Буддо начинают переплетаться жанровые элементы речи прокурора и речи адвоката: он понимает мотивацию прокурора и подстраивает под нее адвокатскую защиту. Эта логика извращенного правосудия приводит Буддо к попытке понять обвинение и встать на его сторону, когда Зыбин противится его предложению «сесть» за хулиганство, считая себя невиновным. Теперь Буддо примеряет на себя роль следователя, который сам может оказаться в роли обвиняемого: «Ни в чем не виноват! Опять зазря посадили! Так, что ли? ... вы туда, а следователь сюда, на вашу койку!» [5: 172]. Суть такого суда состоит не в том, чтобы понять правду, докопаться до истины, а в том, чтобы получить свою выгоду, в данном случае – не попасть под репрессии самому следователю.

В заключительной части диалога Буддо вновь «проигрывает» роль адвоката и уже пытается спасти Зыбина от смерти: «Вы знаете, есть лагеря, где зеки больше полугода не живут». [5: 173] Речь идет о смертной казне в завуалированной форме: невиновный в любом случае окажется виновным, а смерть наступит даже без вынесения смертного приговора. В довершение всего Буддо рассказывает об Особом совещании, куда могут передать дело и где его не будут смотреть, но обязательно вынесут более тяжкий обвинительный приговор: «Это такая хитрая машинка... она штампует наши судьбы там, в Москве». [5: 204] На удивление Зыбина о том, что дело будет рассматриваться без его участия, Буддо отвечает: «А что им на вас глядеть?... Что вы за зрелище такое?», [5: 204] передавая тем самым пренебрежительное отношение к Зыбину со стороны тех, кто будет вершить его судьбу. Домбровский показывает, что в этой судебной системе обвиняемый виноват априори. Суд полностью упраздняется и вместо него возникает совещание – как квинтэссенция отсутствующего органа; вместо суда образуется суррогат, который не использует нормы судопроизводства, но при этом выносит приговор.

Защита в суде, адвокатура практически отсутствуют. Адвокатура во всем судебном процессе упоминается только дважды, первый раз во время допроса свидетеля Магевич, которая могла бы дать необходимые суду показания для эффективного разбирательства в деле, но так как ее показания выдавали «жертву» Кравцову не в лучшем свете, то ее начали «давить» и прокурор и судьи. Если мы попытаемся рассмотреть деятельность адвокатов в этот момент, то обнаружим, что их здесь нет вообще, они упоминаются только в виде предположений Зыбина: «Очевидно, адвокаты ей сказали: "Молчи. Они сейчас все могут. На них управы нет"» [5: 157]. К тому же адвокатура явно противопоставляется как слабая, уязвимая сторона. В более раннем упоминании адвокатуры в тексте, она, как и подобает, не соглашается с обвинением по поводу участи Кравцовой («...защита же, наоборот, стояла на том, что никто ее не насиловал – сама все организовала, сама пришла в номер, сама перепилась и легла под кого-то» [5: 156]), но суд не воспринял такой трактовки событий. Кроме того, при анализе этого фрагмента мы заметили, что хотя и позиция адвокатуры упоминается, но в противовес ей начинается перечисление методов прокуратуры, которое растягивается на несколько предложений, эмоционально окрашено («Ой, кто только не прошел тогда перед судом!» [5: 156]) и

изображается более агрессивно, чем просто возражение адвоката («Допрашивали пристрастно, глумились, сбивали, угрожали, ловили» [5: 156]). Сам же Зыбин делает больший акцент на прокуратуре, практически убирая адвокатов из поля зрения, из чего мы можем сделать вывод, что защита в этом суде либо отсутствует, либо сливается с обвинением, лишь формально иногда возражая. Наши выводы подтверждает и то, как обстояли дела в действительности, например, адвокат П.М. Фрязинов заявлял, что часто слышал от судей, что его выступление «нужно не для суда, а для публики», [7: 162] намекая на формальный характер защиты, а о том, что защита в советском суде не нужна, в 30-е годы часто говорили в кулуарах прокуроры и судьи. [7: 161]

Изучение дискурса права и дискурса власти в творчестве Ю.О. Домбровского потребовало обращения к теории речевых жанров М.М. Бахтина. Мы установили, что жанры властного и правового дискурсов оказывают существенное влияние на характер художественной коммуникации у Домбровского. Нами были проанализированы жанры допроса, обвинительного заключения, адвокатской речи, прений сторон и протокола. В прозе Домбровского жанр допроса смешивается с жанром обвинительного заключения. Это выражается в том, что у следователя отсутствует задача доказать вину: в процессе допроса мы не обнаруживаем аргументов в поддержку обвинения, следователь практически не просит дать показания. Вместо этого сразу выдвигает обвинение и требует в нем сознаться для формального завершения процесса. Обвинение носит императивный характер, это можно наблюдать как в романе «Факультет ненужных вещей», когда следователь Хрипушин говорит Зыбину: «Расскажите о своей антисоветской деятельности в музее», [5: 239] так и в романе «Державин», где заключенные вспоминают о том, что говорил им на допросе следователь Державин, пытаясь заставить их сознаться в преступлении: «...все равно мы о всем уже наведаны» [3: 77].

В романе «Державин, или Крушение империи» мы обнаружили признаки речевого жанра прений сторон. Его характерной особенностью можно считать наличие сторон обвинения и защиты и использование аргументации для доказательства своей позиции. Офицер Балахонцев обвиняет бургомистра Халевина в алчности, а его молодой коллега выступает в роли адвоката: «...наш бургомистр не на словах, а не деле – герой» [3: 92].

Речевой жанр протокола подразумевает краткую фиксацию информации по делу – он составляется с учетом определенных языковых канцелярских шаблонов; кроме того, это документ, который должен помочь следствию в установлении истины. В рассказе «Ручка, ножка, огуречик...» речевой жанр протокола возникает, когда писатель понимает, что сейчас будет убит представителями органов охраны, в этот момент он думает: «Просто сел в поезд и не сошел с него. ...Винить некого. Следов нет» [4: 95]. Протокол становится одним из инструментов сокрытия преступления.

При исследовании речевых жанров властного дискурса мы отметили присутствие у Домбровского императивных жанров приказа, подчинения, владения. Приказ – наиболее явное выражение воли власти; как жанр он ориентирован на получение результата, невыполнение приказа может трактоваться как нарушение воли власти, что легитимизирует наказание. У Домбровского носители власти пользуются этим правом в полной мере и часто агрессивно. Например, в романе «Державин», Гавриил Романович, будучи представителем власти, требует у старосты деревни лошадей для государственного дела, показывая приказ: «Не чинить ему задержки...Едет по казенной надобности». [3: 66] Когда лошади не находится, Державин угрожает старосте пистолетом, тем самым используя свое право на наказание. Речевой жанр подчинения проявляется, когда говорящий показывает свою явную зависимость от вышестоящих. У Ю.О. Домбровского такой речевой жанр можно обнаружить в повести «Смуглая леди», когда в разговоре с Шекспиром Пембрук рассказывает: «Ее величество передала моему отцу, что ей все надоело и, если я не женюсь, она посадит меня в Тауэр» [4: 129]. Следовательно, власть может влиять даже на личную жизнь своих подданных.

Заключение, перспективы исследования

Домбровский жил в эпоху Большого террора, когда право приобрело самые уродливые формы толкования, что отразилось на людях, их понимании жизни. Домбровский, как личность, как художник является продуктом своего времени. В это широкое понятие входит множество компонентов: социальное взаимодействие в эпоху Большого террора, выстраивание речи при коммуникации (когда людям необходимо подбирать слова так, чтобы их нельзя было обвинить в условной «контрреволюции»), образ мысли, действия (когда, например, ради безопасности люди становятся доносчиками) и т.д. Свой отпечаток на Домбровского-художника наложил и опыт Домбровского-заключенного, который в полной мере узнал все ужасы сталинского правосудия. Под влиянием личного опыта, социальной напряженности, нежелания быть уничтоженным правовой репрессивной машиной рождалась уникальная проза Ю.О. Домбровского. Его драматический жизненный опыт обрел разные вариации в его художественных произведениях. Даже когда речь в них идет о другой эпохе, стране, правовой системе, мы все же можем разглядеть правоприменительные практики Большого террора, можем увидеть человека, ощутившего эту эпоху на себе, жившего в ней и пострадавшего от репрессий.

В нашей работе мы рассмотрели, каким образом выстраиваются правовой и властный дискурсы в прозе Ю.О. Домбровского. В выстраиваемом им художественном мире право перестает работать на самом фундаментальном уровне, лишая устоявшиеся правовые аксиомы силы. Обвинение становится всеобъемлющим и готово поглотить даже невиновных, оно приобретает ценность не за счёт доказательства, а становится, можно сказать, самоцелью. Защита теряет смысл и становится чем-то недостижимым, о чём можно лишь рассуждать.

Литература

1. Быков Д.Л. Един Державин // Домбровский Ю.О. Державин, или Крушение империи. – Оренбург: Оренбургское книжное изд. им. Г.П. Донковцева, 2018.
2. Дмитриевский В.Н. Театр и суд в пространстве тоталитарной системы. // Системные исследования культуры. 2008. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 404-436.
3. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. (Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов). – М.: ТЕРРА, 1992. – 352 с.
4. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Рассказы разных лет; Новеллы о Шекспире; Приложение; Комментарии. – М.: ТЕРРА, 1992. – 368 с.
5. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. (Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов). – М.: ТЕРРА, 1993. – 704 с.
6. Дуардович И. На черную доску, или Юрий Домбровский в архивах ВГЛК (1925-1929) // Вопросы литературы. 2020. № 3. – С. 213-276.
7. Олейник И.И. Проблема взаимоотношений советских адвокатов с судьями и прокурорами в первой половине 1930-х гг. // Проблемы Науки. 2015. № 12. – С. 161-163.
8. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход. // Вестник удмуртского университета. История и филология. 2012. №2. – С. 146-151.
9. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2012 – 41 с. Доступно по: <https://www.dissercat.com/content/sudebnyi-diskurs>. Ссылка активна на 22.03.2021.

References

1. Bykov D.L. One Derzhavin. Derzhavin, or The collapse of the Empire. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izd. im. G.P. Donkovceva, 2018.
2. Dmitrievsky V.N. Theater and Court in the space of the Totalitarian system. System research of culture. 2008. St. Petersburg: Aletejya, 2009. P. 404-436.

3. Dombrovsky Y.O. Collected works: in 6 vols. Vol. 1. Moscow: TERRA, 1992. 352 p.
4. Dombrovsky Y.O. Collected works: in 6 Vol. 3: Stories of different years; Short Stories about Shakespeare; Appendix; Comments. Moscow: TERRA, 1992. 368 p.
5. Dombrovsky Y.O. Collected works: in 6 vols. Vol. 5. Moscow: TERRA, 1993. 704 p.
6. Duardovich I. Onto the 'black bulletin board' of shame, or Yury Dombrovsky in the archives of the Higher State Literary Courses (VGLK) (1925-1929). Problems of literature. 3 (2020): P. 213-276.
7. Oleinik I.I. The problem of relations between Soviet lawyers and judges and prosecutors in the first half of the 1930s. Problems of Science. 12 (2015): P. 161-163.
8. Palashevskaya I.V. Genre organization of legal discourse: a sociolinguistic approach. Bulletin of the Udmurt University. History and Philology. 2 (2012): P. 146-151.
9. Palashevskaya I.V. Judicial discourse: the function, structure, narrative: Dokt. Dis. Volgograd, 2012. 41 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sudebnyi-diskurs>. Accessed Mar 22, 2021.

УДК 81'2

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Марабини Алессандра

ассистент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / *marabini92@gmail.com*

Аннотация

Фразеологизмы являются явлениями повседневного общения. Именно в разговоре носители языка прибегают к идиомам, крылатым словам, коллокациям и пословицам. Однако, профессиональная коммуникация также характеризуется этими явлениями. Входят в профессиональную коммуникацию экономический, юридический, медицинский, политический и другие дискурсы, языки которых имеют среди них общие черты. Рассматриваются фразеологизмы русского языка и их перевод на итальянский язык с целью выявить различия и сходства между языками.

Ключевые слова: фразеологизмы, коллокации, словосочетание, воспроизводимость, номенклатура, образность, идиома, дискурс, русский язык, итальянский язык

PHRASEOLOGICAL FEATURES OF PROFESSIONAL DISCOURSES IN RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES

Marabini Alessandra

Teacher assistant of the Department of German and French languages

Belgorod State University

Belgorod, Russia / *marabini92@gmail.com*

Abstract

Phraseological units are phenomena of everyday communication. Especially in native speakers' conversation it is possible to hear idioms, aphorisms, collocations and proverbs. However, professional communication is also characterized by these phenomena. Economic, legal, medical, political, and other discourses are included in the professional communication, the languages of which share common features. The phraseological units of the Russian language and their translation into Italian are examined in order to identify the differences and similarities between the two languages.

Key words: phraseologisms, collocations, word-combinations, reproducibility, nomenclature, figurativity, idiom, discourse, Russian language, Italian language

Важнейшей сферой приложения фразеологизмов является культура. Известно, что фразеологизмы носят специфически национальный характер и представляют собой показатели культуры одной страны. Фразеологические единицы обычно считают лексическими идиомами. Однако, с начала прошлого века, а именно с работами швейцарского учёного Ш. Балли и российского учёного В.В. Виноградова и, в дальнейшем, с работами учёных широкого направления фразеологии, фразеология как дисциплина расширила подклассы фразеологизмов, включая таким образом не только идиомы, но и другие виды сочетания и единицы, которые принимают разные названия в работах заинтересованных в теме учёных. Эти единицы делят некоторой степенью образности, целостности и слитности компонентов. В зависимости от степеней, в русском языке существует группа словосочетаний, идиом и коллокаций, которые составляют широкий спектр специализированной терминологии. Например, *вести работу*, *вести агитацию*, *вести пропаганду*, *вести собрание*, *вести конференцию* являются аналитическими конструкциями с широкой лексической сочетаемостью глагольного компонента и, согласно теории Ш. Балли, эти сочетания представляют собой фразеологические серии [Солодуб, Альбрехт 2003: 174-175]. Необходимо заметить, что эти примеры наиболее лексически связанные, чем фразеологически. Однако, они обладают свойствами фразеологизмов, такими как воспроизводимость, слитность компонентов и устойчивость значения. Кроме того, они применяются в языке науки. Например, *вести собрание* употребляется в предпринимательских или образовательных контекстах; *вести пропаганду* в политике. Лексическая система итальянского языка не употребляет одинакового глагола для всех сочетаний: *вести собрание* переводится в итальянский язык глаголом *condurre* (*condurre un evento*), *вести пропаганду* глаголом *fare* (*fare propaganda*).

Фразеология в широком смысле занимается вопросом воспроизводимости устойчивых сочетаний [Седых, Куган 2012]. Для сторонников данной концепции, сочетание типа *Министерство иностранных дел* можно считать фразеологизмом в связи с тем, что он хранится в памяти носителя языка в готовом виде. «Причины устойчивости и воспроизводимости раздельнооформленной структуры таких сочетаний слов, следовательно, находятся вне языка: их следует усматривать в познавательно-классификаторской деятельности человека» [Солодуб, Альбрехт 2003: 238]. Следует ещё заметить, что раздельнооформленная структура может менять свой вид: наиболее часто наименование превращается в аббревиатуру (*Министерство иностранных дел* – *МИД*). Вопрос о статусе номенклатурных названий, в самом деле, является актуальным и спорным по сей день. Фразеологи по-прежнему занимаются критериями принадлежности той или иной лингвистической единицы к сфере фразеологии. Российский учёный В.Н. Телия уточняет, что в номенклатурных названиях действительно один из компонентов употребляется в переносном значении, как например в *Совет Министров*, где термин *совет* не употребляется в его первом значении. Однако, эти единицы подчинены правилам официально-делового языка и нужно их рассматривать в изучении о терминологии или в прикладной лингвистике [Телия 1996: 71]. В этом аспекте итальянский эквивалент следует также считать техническим термином: *Ministero degli affari esteri e della cooperazione internazionale* – *МАЕСИ* – это соответствующее наименование *Министерство иностранных дел* – *МИД*. Замечаем, что наименования полностью не совпадают: в лексиконе говорящих по-итальянски оно воспринимается как *Министерство иностранных дел и международного сотрудничества*.

В связи с этим направлением, целостность словосочетаний нельзя считать единственным признаком, определяющим категоризацию сочетания в группах фразеологизмов, а следует рассматривать переносное значение одного из слов. *Усталость металла* со значением «состояние металлов, находящихся под многократным воздействием», характеризуется переосмыслением первого компонента. Фразеологический эквивалент в итальянском языке – *fatica del metallo*. Между русским и итальянским языками верифицируется полное совпадение научных фразеологизмов.

Примеры такого рода относятся к подгруппе терминологических коллокаций и касаются определённой области знаний [Влавацкая 2015: 59].

Современные исследования в фразеологии представляют ещё одну категорию, составленную словосочетаниями с одним несвободным компонентом. Эти единицы называют полуидиомами, частичными метафорами, или лексическими коллокациями. Они аналоги фразеологизмов, один компонент которых имеет несвободное значение [Солодуб, Альбрехт 2003: 242]. В этой подклассе находятся словосочетания, принадлежащие к профессиональной сфере общения. Например: *канцелярская крыса* в предложении типа *Мне эта канцелярская крыса ни один документ не подписала!* Лексема *крыса* реализует несвободное, лексически связанное значение. Это значит, что она может сочетаться только с определёнными прилагательными, такими как *канцелярская*.

Этот тип модели присущ и другим языкам. В итальянской традиции эти единицы называют *collocazioni ristrette* (ограниченные сочетания) или *parole monoccollocabili* (слова с одним коллокатом) [Obstova 2016: 34]. Например: *sistema immunitario*, *midollo osseo / spinale / allungato*. В сочетании *sistema immunitario* (иммунная система), второй компонент зависимый от первого и сочетается только с ним; в сочетании *midollo osseo / spinale / allungato* первый элемент (*мозг*) встречается в сфере анатомии только вместе с прилагательными *osseo* (*костный*), *spinale* (*спинной*), *allungato* (*продолговатый*).

Феномен коллокаций интересно изучать в межъязыковом аспекте. Коллокации представляют себя структуры с одним главным компонентом (база) и со вспомогательным компонентом (коллокатом). Так, русской коллокации *принимать решение* в итальянском языке соответствует коллокация *prendere una decisione*, а в английском – *to make a decision* (бук. «делать решение»). Коллокация в английском языке выражена разным коллокатом по сравнению с итальянским и русским языками.

Более того, особенно в деловом стиле преобладают коллокации, которые часто в литературе называют «отглагольные существительные», такие как *оказать действие – действовать*, *устроить приём – принимать*, *дать совет – посоветовать*, *провести анализ – проанализировать*, *принять участие – участвовать*, *давать гарантию – гарантировать*, *сделать заявление – заявить*, *производить ремонт – ремонтировать*, *осуществить выплаты – выплатить*. Семантическое сходство этих выражений сводится к стилистике. Они представляют собой раздельнооформленные единицы, обладающие структурой глагольно-именного словосочетания и их главным центром является существительное, в то время как глагол оказывается всего лишь опорным элементом. Заметим, что раздельнооформленные структуры допускают вариативности (страдательный залог, ввод наречий, и т.д.), но контексты употребления стилистически ограничены. Важно отметить, что некоторые сочетания невозможно заменить одним словом (сочетанию *отдать приказ* соответствует глагол *приказывать*, но *получить приказ* не имеет эквивалентной аналитической формы). При сопоставлении с итальянским языком выявляются параллели на уровне конструкции «глагол + существительное»: *провести анализ – condurre un'analisi*, *проанализировать – analizzare*; однако, существительное не всегда образуется от глагола: *оказать действие – prestare sostegno*; *действовать – contribuire*.

Наряду с отглагольными существительными в русском научном языке существуют также глагольные фразеологизмы, выражающие действие или состояние. Некоторые примеры – это *достигнуть договорённости* (*raggiungere un accordo*), *довести до сведения* (*portare alla conoscenza*), *принять во внимание* (*prendere in considerazione*). Приведённые эквиваленты на итальянском языке показывают, что итальянский язык тоже употребляет глагольные формы. Можно также заключить, что выражения рассматриваемых языков имеют большой степень фразеологизации.

Феномен коллокаций не только изучается в фразеологии, но и в комбинаторной лингвистике. Стандартные словосочетания, общеизвестны в такой дисциплине, изучаются в основном в публицистических и официально-деловых текстах: *придавать значение* (*attribuire un significato*), *уделять внимание* (*prestare attenzione*), *играть роль* (*giocare un*

ruolo), занимать положение (*occupare una posizione*), удовлетворять требования (*soddisfare delle necessità*), отвечать потребностям (*rispondere alle richieste*), принять меры (*prendere delle misure*), повысить уровень (*innalzare il livello*), возбуждать аппетит (*risvegliare l'appetito*), активный участник (*partecipante attivo*), вручение аттестата (*consegna di un attestato*), блестящие способности (*capacità brillanti*), горячая линия (*numero verde*), нетрадиционная медицина (*medicina tradizionale*). Они входят в группу традиционных (общеупотребительных) коллокаций [Влавацкая 2015: 58]. Особо интересно – это *горячая линия* и *numero verde*, которые можно считать также ситуативными клише [Баранов, Добровольский 2019: 91] из-за того, что их характер – ритуальный и их значение определяется традицией. Они передают стандартную информацию и в разных языках это выражается различными способами (*numero verde*, например, переводится буквально «зелёный номер»).

Словосочетания в профессиональной области не обладают только свойством фразеологической или лексической связанности, но и конструктивно обусловленным значением. Значение сочетания, т.е. его семантика реализуется лишь при определенной грамматической форме [Солодуб, Альбрехт 2003: 243]. Например: *акулы бизнеса* – это выражение, которое используется в современном бизнесе для того, чтобы указать на опытного и целеустремленного человека, обладающего превосходными деловыми качествами. Нужно заметить, что термин *акула* сочетается только с существительными в родительном падеже, и поэтому рассматривается как грамматически связанное словосочетание. Приведём соответствующий фразеологизм в итальянском языке: *pezzo grosso* бук. «большой кусок», который употребляется в значении «влиятельное лицо, человек власти».

В профессиональной сфере фразеология тесно связана с понятием стилистикой. Деловой стиль, например, характеризуется своеобразной фразеологией. Например, в юридическом документе наиболее часто употребляется более профессиональная форма *занимать площадь* (*occupare una superficie*) вместе общеупотребительный глагол *живёт* (*vive*), *предоставляется отпуск* (*si concede una vacanza*) вместе *дается* (*si dà*). При сопоставлении русского и итальянского языков нас прежде всего интересует сходства образования профессиональных терминов.

В научной стили речи русского языка прежде всего употребляются сложные предложения (*в течение, в результате, в соответствии с, в отличие от, наряду с, в связи с*) и сложные союзы (*ввиду того что, между тем как, вследствие того, что, несмотря на то что*). Такие фразеологизмы называют «синтаксические фразеологизмы» или «фразеосхемы» [Копотов, Стеклова 2016: 31]. Они принадлежат к классу грамматических фразеологизмов, в котором находятся и другие служебные слова, такие как частицы, предлоги, союзы и междометия [Баранов, Добровольский 2019: 84]. Хотя они выражают грамматические смыслы, они употребляются в научном дискурсе как устойчивые фразеологизмы. Эквивалентов на итальянском языке достаточно много в связи с многозначностью фразеологических единиц и их разные применения в контекстах.

Отыменные предлоги широко используются в деловой речи и, подобно сложным предложениям и сложным союзом, они являются устойчивыми и воспроизводимыми. Например: *за счет (экономических средств), на предмет (получения пособия), в случае (повторного нарушения); по истечении (указанного срока), по предъявлении (документа), по завершении (ремонта), по достижении (результата)*. Последние примеры с предлогом *по* представляют собой конструкции типа «по + предложный падеж». Подобные выражения называют также речевые штампы, т.е. речевые стандарты, которые облегчают заполнение некоторых официальных документов, будучи воспроизводимыми. В итальянском языке также употребляются отыменные устойчивые предлоги и формулы в основном формируются через предлог «а»: *alla scadenza (della data indicata), a conclusione (dei lavori), a raggiungimento (dei risultati)*.

Сложные предложения и отыменные предлоги характеризуются устойчивостью и воспроизводимости первой части, а вторая часть подчиняется варьированию.

В современном специализированном дискурсе экономики используются метафоры, выражающие ментальные процессы говорящего. В выражении *валютная выручка чистая* очевиден процесс метафоризации и переосмысления третьего компонента, выступающего как переносное фразеологическое связанное значение. В нём прилагательный *чистый* выступает как синоним *свободный*, а первый компонент, *валютный*, сохраняет своё прямое номинативное значение. В бизнес-языке русского языка прилагательный *чистый* часто подвергается метафоризации и отражает экономические метафоры, как например *чистая компания* (*good company*). Другие примеры: *зеленый бюджет* (*budget verde*), *зеленая экономика* (*green economy*), *агрессивная инфляция* (*inflazione grave*), *агрессивный бюджет* (*budget limitato*), *пустой рынок* (*mercato povero*), *рыхлый бизнес* (*commercio debole*), *плавающая экономика* (*economia lenta*), *жесткий бюджет* (*budget rigido*), *тяжелая экономика* (*industria pesante*), *распыленный бюджет* (*budget frammentato*), *слабый бюджет* (*budget debole*). Отмечаем, что прилагательные придают отрицательное или положительное значение метафорам, или передают специальные знания в области экономики [Денисова 2020: 65-66]. В экономическом русском языке метафорические образы занимают широкое место, что предлагается рассматривать в качестве перспектив исследования.

Образность фразеологизмов можем считать отличительным признаком, она наиболее важная, чем устойчивость сочетания. Фразеологизм, поэтому, следует считать сочетанием, обладающим переносно-метафорическим значением. Единицы со свойством переосмысления и метафоризации входят в другие специализированные языки, такие как астрономия (*белый гигант* – *stella gigante*, *жёлтый карлик* – *papa gialla*), физика (*точка кипения* – *punto di ebollizione*, *абсолютный ноль* – *zero assoluto*), лингвистика (*глухой согласный* – *consonante sorda*, *мягкий знак* – *segno dolce*) [Гусева 2014: 150].

На основе вышеизложенного можно констатировать, что в специализированных языках вербализируются образные и фразеологически связанные представления. Итак, профессиональный язык характеризуется наличием устойчивых, образных и воспроизводимых единиц, принадлежащих ментальным представлениям носителей языка и обогащающих самый профессиональный язык. Фразеологизмы превращают профессиональный дискурс в наиболее простой язык, поскольку они проникают из общезыковой фразеологии. Анализируя итальянские эквиваленты, можно заметить, что они обладают такими же свойствами, как и русские выражения. Однако, буквальный перевод не всегда способствует выявлению эквивалента в язык перевода, особенно в словосочетаниях и коллокациях. Только культурное и лингвистическое знания позволяют определить правильное сочетание. В заключении фразеологическое исследование даёт возможность воспринимать механизмы концептуализации типичны для каждого языка.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2019) Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие // 4-е изд. стер. – М.: Флинта. 312 с.
2. Влавацкая М.В. (2015) Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (53). С. 56-60
3. Гусева Н.А. (2013) Влияние морфолого-синтаксической типологии фразеологизмов на формирование структуры концепта “трудовая деятельность человека” (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. № 6. М.: Изд-во МГОУ. С. 20-24
4. Денисова В.В. (2020) Метафорические образы языка экономики // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 1 (36). С.62-69
5. Копотев М.В., Стексова Т.И. (2016) Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. // М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси. 168 с.
6. Obstova Z. (2016) Fenomeno della collocabilità ristretta nell'italiano di oggi. // Linguistica Pragmatis. P. 33-46.

7. Седых А.П., Куган Е.И. Языковая личность музыканта как фразеологическая проекция // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (14). С. 87-90.
8. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. (2003) Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков // 2-е изд. – М.: Флинта: Наука – 246 с.
9. Телия В.Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры». 288 с.

References

1. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2019) Osnovy frazeologii (kratkij kurs): učeb. posobie // 4-e izd. ster. – M.: Flinta. – 312 s.
2. Vlavsckaja M.V. (2015) Kombinatornaja leksikologija: funkcional'no-semantičeskaja klassifikacija kollokacij // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. №11 (53). – S. 56-60
3. Guseva N.A. (2013) Vlijanie morfologo-sintaksičeskoj tipologii frazeologismov na formirovanie struktury koncepta "trudovaja dejatel'nost' čeloveka" (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov) // Vestnik MGOU. Serija Lingvistika. № 6. – M.: Izd-vo MGOU. – S. 20-24
4. Denisova V.V. (2020) Metaforičeskie obrazy jazyka ekonomiki // Teorija jazyka i mežkul'turnaja komunikacija. № 1 (36). – S.62-69
5. Kopotev M.V., Steksova T.I. (2016) Isključenie kak pravilo: perechodnie edinicy v grammatike i slovare. // M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi. – 168 s.
6. Obstova Z. (2016) Fenomeno della collocabilità ristretta nell'italiano di oggi. // Linguistica Pragensia. P. 33-46.
7. Sedykh A.P., Kugan E.I. *Jazykovaja lichnost' muzykanta kak frazeologičeskaja proekcija* [The linguistic personality of a musician as a phraseological projection] // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 3 (14). P. 87-90.
8. Solodub Ju.P., Al'brecht F.B. (2003) Sovremennyj russkij jazyk. Leksika i frazeologija (sopostavitel'nyj aspekt): Učebnik dlja studentov filologičeskich fakul'telov i fakul'telov inostrannyh jazykov // 2-e izd. – M.: Flinta: Nauka – 246 s.
9. Telja V.N. (1996) Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turoloģičeskij aspekty // M.: Škola «Jazyki russkoj kul'tury» – 288 p.

УДК 81'373.7

РОЛЬ ОНИМИЗАЦИИ КАК СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ ОЙКОНИМОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА ГЕРМАНИИ

Мелихова Полина Сергеевна

учитель иностранных языков
Муниципальное бюджетное
образовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа №7
Белгород, Россия / pol344942@yandex.ru

Носова Марина Валерьевна

учитель иностранных языков
Муниципальное бюджетное
образовательное учреждение
«Лицей №32» Белгород, Россия /
nosovamarina302@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматривается роль онимизации в процессе номинации крупных населенных пунктов северо-западных регионов Германии. Топонимические исследования этимологии и структуры названий географических объектов имеет долгую историю (с начала IX века), отраженную в трудах греческих философов, и не теряет актуальности в наши дни. В статье даны определения ключевых понятий (ономастика, оним, апеллятив, топоним, ойконим), обозначены функции ономастики, различия апеллятивной и ономастической номинации, предпосылки и следствия данного процесса, а также перечислены ведущие специалисты этой научной сферы. На примере проведенного на выборке из трехсот городов этимологического анализа переход из апеллятива в оним

единично демонстрируют ойконимы, обладающие рядом специфичных мотивационных признаков, характерных для имен нарицательных. Результат проведенной работы позволяет определить дальнейшие перспективы развития ономастических, и в частности, топонимических исследований с точки зрения этимологии и структуры топонимов.

Ключевые слова: ономастика, оним, топоним, ойконим.

THE ROLE OF ONIMIZATION IN THE ONIMATION PROCESS OF OIKONYM IN THE NORTHWESTERN OF GERMANY

Melikhova Polina Sergeevna

foreign language teacher
municipal budgetary general education
institution
School №7
Belgorod, Russia / *pol344942@yandex.ru*

Nosova Marina Valerievna

foreign language teacher
municipal budgetary general education
institution
«Lyceum 32», Belgorod
Belgorod, Russia /
nosovamarina302@gmail.com

Abstract

This article is devoted to the role of onimization in the nomination process of large settlements in the northwestern regions of Germany. The article gives definitions of key concepts (onomastics, onym, appellative, toponym, oikonym), identifies the functions of onomastics, the difference between the appellative and onomastic nominations, premises and consequences of this process, as well as lists leading specialists in this scientific sphere. The result of the work made it possible to determine further development prospects of onomastic, and in particular toponymic studies from the point of view of etymology and the structure of toponyms.

Keywords: onomastics, onym, toponym, oikonym.

В современной научной лингвистической литературе уделяется достаточное внимание вопросам ономастики и топонимики [6, 2018]. В последнее время в Германии появилось множество топонимических исследований, в особенности в направлении этимологии и способов номинации топонимов в комплексе с историей страны, которые берут истоки в многолетних исследованиях классических немецких лингвистов В. Арнольда, Э.Ферстмана и А.Баха, так и с в древнейших литературных памятниках, к примеру, в жизнеописаниях святых Виллегарда, Людгера и Виллеброрда (801 и 657гг) [2, 193]. Преемственность топонимических и ономастических исследований отражена в трудах современных немецких и русских лингвистов, таких как Hanswilhelm Haefs, Dieter Berger, Rainer Zöller, А.Н. Беляев, А.В. Суперанская, Ю.Н Мельниковой, Н.И. Дзенс и мн. др.

В работе отражен анализ номинации географических объектов с применением сравнительно-исторического, этимологического и структурного метода. Общее число исследуемых единиц составляет 300 названий городов. Регион исследования обладает богатой историей завоеваний и миграций целых народов в разные исторические периоды. Нами была проанализирована выборка самых крупных городов федеральных земель Шлезвиг-Гольштейн, Северный Рейн-Вестфалия, Мекленбург-Передняя Померания, Нижняя Саксония, Гамбург, Бремен, происхождение названия которых датируется не позднее XIII в.

Лингвистические исследования в сфере номинации начинаются с определения термина **ономастика** – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена, историю их возникновения и трансформации в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков [4, 107].

Предметом изучения ономастики является **оним** – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения, индивидуализации именованного им объекта среди других в том же классе [9]. Термин «оним» является более системным, чем термин имя собственное, т.к. связан с такими терминами, как онимизация (апеллятивизация), ономастика, ономастикон, а также с названиями всех разрядов онимов [3, 105].

В ключе нашего анализа более важно определение топонимики. Топонимика составная часть ономастики, изучающая географические названия (топонимы), их значение, структуру, происхождение и ареал распространения [7]. Как научная дисциплина она была дифференцирована в середине XIX века благодаря работам А.К. Киркора «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» (1857-1859) [1, 4], Э. Ферстмана «Немецкие топонимы» (1863), В. Арнольда «Поселения и миграции немецких племен» [2, 194].

Таким образом, **топоним** – это разряд онимов, имя собственное, обозначающее собственное название природного объекта на Земле или объекта, созданного человеком на Земле [4]. Исходя из классификации топонимов А.М. Мезенко, мы можем дать определение понятия **ойконим**: собственное имя любого поселения [3, 54].

В процессе апеллятивной номинации человек классифицирует объекты в соответствии с их функциями и характеристиками. Процесс индивидуализации происходит на том этапе, когда именуемый объект рассматривается как единственный в своем роде. Данная особенность восприятия именуемого объекта, как единицы, обладающей уникальными свойствами или как одного из представителей всего класса, в который может входить неисчислимое количество аналогичных предметов, становится предпосылкой для выделения имен собственных (онимов) и нарицательных (апеллятивов) [6, 15].

Однако апеллятивная и ономастическая номинации обладают рядом различий:

1) Апеллятивная номинация в большинстве своем завершена, в то время как ономастическая номинация продолжается ввиду появления объектов данной номинации;

2) Большую роль играет показатель регулярности/долговечности возникновения именуемого объекта, и в данном случае объекты онимической номинации (люди и города) менее долговечны;

3) Когда объект онимической номинации получает свое имя, он не предполагает синонимический ряд, в то время как номинация объекта по апеллятивному признаку может производиться на основе синонимов;

4) Переименование по апеллятивному признаку влечет за собой изменение свойств объекта. Однако изменения номинации с онимической стороны не затрагивают качественные характеристики объекта [6, 16-18].

Процессы перехода онимической лексики в апеллятивную и апеллятивной в онимическую также непрерывны, так как это обусловлено социально-историческими процессами, влияющими на язык, и тесной связью упомянутых групп лексики.

На примере проведенного этимологического анализа переход из апеллятивной в онимическую единично проявляется в следующих группах:

- ойконимы с мотивационным признаком «религиозная жизнь»: *Münster* – 1068 *Monasterium*, 1173 *Munster* от двн. *münster* «монастырь, собор»;

- прагмотопонимы, отражающие практическую деятельность социума: *Kamen* – 11 в. *Camine*, 1188 *Kamene* от лат. *camminus* «каменная дорога, римская дорога»; *Essen* – 874 *Astnide*, 1500 *Essen* от нвн. *esse*, двн. *essa* «подина металлообработки»; *Hürth* – 1170 in *Hurten*, 1191 *Hurte* от двн *hurt*, герм *hurdi* «загон»; *Leer* – 890 *Hleri*, XI в. *Leri* от др.фриз. *hleri* «большой загон для скота»; *Bonn* – 880 *Bunna*, 977 *Bonna* –предположительно от кельт. *bona* «крепость»; *Hagen* – X в. *Hagene*, 1186 *Hagne* от свн *hagen* «защитное ограждение»; *Kassel* – 913 *Chassalla*, 1152 *Cassele*, 1308 *Cassel* от франк. *cassela* «крепость, укрепление»; *Wedel* – 1212 *von der Wedele*, 1302 *Wedele* от др.норд. *vedill* «брод, переправа»;

- гидроойконимы – названия городов, образованные от водных объектов: *Celle* – 990 *Kellu*, 1150 *Zhele* от двн. *kella*, свн. *kelle* «пруд, стоячая вода»; *Lohne* – 980 *Laon*, 1350 *Lon*, 1700 *Lohne* от основы двн *leu*, *lu* «болотистая местность»; *Soest* – 836 *Sosat*, 962 *Susato*, 1306 *Soest* от снн *sot* «источник»; *Stade* – 1015 *Stethu*, 1059 *Statho*, 1143 *Staden* образован от др.сакс. *stath*, двн *stad* «берег»; *Rostock* – 1171 *urbs Roztoc*, 1219 *Roztoc*, 1240 *Rostok* – от др.полаб. *rostok* «место, где расходится вода»; *Kiel* – 1260 *de Kiloe*, 1264 *intrabo Kil*, 1318 *der stadt tome Kyle* от норв. *kil* «острие; длинная, узкая морская бухта», др.норв. *kill* «узкая бухта»;

• ойкнимы, отражающие особенности ландшафта: *Kleve* – 1092 Cleve, 1134 Clive от снн klēf, klif «утес, скала»; *Dorsten* – 900 Durstinon/ Durstina, 1251 Durstene, 1293 Dorsten состоит из топоосновы нн dorst «засуха, сушь» и суффикса -ina, образующий в данном случае прилагательное «сухая»; *Heide* – 1434 up de Heyde tho Rusdorpe от снн heide, heyde «песчаная, поросшая сорняком площадь»; *Greven* – 890 Greuaon, 1150 Graven, 1116 Greven от деривата днн gravo «ров, окоп»;

• коннотативные ойконимы, отражающие оценочный (качественный или количественный) характер денотата: *Schwerte* – 963 Suerte, 1150 Sverte, 1213 Swirte от слова др.сакс. swart «черный» [7].

Таким образом, онимизация не является ведущим способом образования ойконимов по сравнению с составным способом, который является характерным для немецкого языка в целом. Полученный вывод отражается количественно: 20 топонимов из 300 проанализированных, где наибольшую группу составляют онимы с мотивационным признаком «практическая деятельность человека». Исследования структуры ойконимов имеют свои перспективы с точки зрения периодизации немецкого языка и связанными с ней изменениями форм топонимов.

Литература

1. Басик С.Н. Общая топонимика: Учебное пособие для студентов географического факультета. – Мн.: БГУ, 2006. – С. 4
2. Беляев А.Н. Вопросы изучения топонимии Германии / Вестник Башкирского университета. 2018. Т 23. №1 – С. 192-199
3. Мезенко А.М. Ономастика. Учебно-методический комплекс / А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2012. – С. 54
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988
5. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, Контекст, Интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
6. Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований. / Отв. ред. А.П. Непокупный. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
7. Berger D. Duden, Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. – 2., überarb. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverl., 1999. – 318 S.
8. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969-1978. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/140419/Топонимика> (дата обращения 19.02.2021)
9. Русский язык / оним [Электронный ресурс]// URL:<http://rusскиyязик.ru/575/> (дата обращения 19.02.2021)

References

1. Basik, S.N. General toponymy: Textbook for students of the Faculty of Geography. – Minsk: BSU, 2006 . P. 4
2. Belyaev, A.N. Questions of the study of toponymy in Germany / Bulletin of the Bashkir University. 2018. T 23.No. 1 – S. 192-199
3. Mezenko, A.M. Onomastics. Educational-methodical complex / A.M. Mezenko, V.M. Genkin, A.N. Wood. – Vitebsk: Voronezh State University named after P.M. Masherova, 2012. -- P. 54
4. Podolskaya, N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Ed. 2nd, rev. and add. / A.V. Superanskaya. – M .: Nauka, 1988
5. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Tekst, Kontekst, Intertekst: sintez smysloporozhdenija* [Text, Context, Intertext: synthesis of meaning-making] // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2018. T. 4. № 3. P. 21-35.

6. Superanskaya, A.V. Theory and methodology of onomastic research. / Resp. ed. A.P. Nepokupny. Ed. 2nd. – Moscow: LKI Publishing House, 2007. -- 256 p.
7. Berger D. Duden, Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. – 2., überarb. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverl., 1999. – 318 S.
8. Great Soviet Encyclopedia. M.: Soviet encyclopedia. 1969-1978. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/140419/Toponymy> (date of treatment 02.19.2021)
9. Russian language / onim [Electronic resource] // URL: <http://ruskiyyazik.ru/575/> (date of treatment 02.19.2021)

УДК 81'373.7

ОБ АВСТРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Нарыжная Диана Сергеевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 1079043@bsu.edu.ru

Аннотация

На территории Австрии официальный литературный немецкий язык можно услышать по телевизору, радио, в церквях, на уроках в школах и лекциях в университетах. При этом в Австрии существует свой, официально зафиксированный в словаре 1951 года национальный вариант немецкого языка. Австрийский вариант немецкого языка отличается от немецкого языка наличием австрицизмов, которые формируются под влиянием литературного немецкого языка и баварского диалекта.

Ключевые слова: австрийский вариант немецкого языка, немецкий язык, вариант, язык, лексический уровень, баварский диалект.

ABOUT AUSTRIAN LANGUAGE AS A VARIANT OF THE GERMAN LANGUAGE

Naryzhnaya Diana Sergeevna

Undergraduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1079043@bsu.edu.ru

Abstract

On the territory of Austria, the official literary German language can be heard on TV, radio, in churches, in school classes and lectures at universities. At the same time, Austria has its own national version of the German language, officially recorded in the 1951 dictionary. The Austrian version of German differs from the German language in Austriacisms, which are formed under the influence of the literary German language and the Bavarian dialect.

Key words: Austrian version of the German language, German language, variant, language, lexical level, Bavarian dialect.

На сегодняшний день точное количество народов мира довольно сложно оценить, цифра колеблется от 2 до 4 тысяч. Каждая из этих народностей и народов имеет как свои уникальные особенности, так и схожие характеристики. По всему миру насчитывается более 7 тысяч языков, но лишь 40 языков являются наиболее распространенными. Одним из этих языков выступает немецкий язык, который является официальным в самой Германии, а также в Лихтенштейне, Австрии, и одним из официальных в Швейцарии, Люксембурге и Бельгии. Термин «плюрицентрический язык» по праву относят к немецкому языку и данное суждение основано на том, что немецкий язык включает в себя несколько стандартных разновидностей языка, которые применяются в различных

регионах немецкого языкового пространства. В центре каждого из этих языковых пространств стоит немецкий язык, в своем официальном литературном оформлении. При этом данное явление относится к языковому пейзажу большинства индоевропейских языков [Прюво, Седых, Бузинова 2018]. Географические, политические, территориальные, национальные условия приводят к возникновению вариантов языка, так на территории Австрии люди разговаривают на австрийском варианте немецкого языка.

Немецкий язык на территории Австрии предстает в двух языковых регистрах: стандартный (официальный) и диалектный. Выбор того или иного регистра во многом зависит от социального и регионального происхождения говорящего, его образованности, от разговорной ситуации (официальная, неофициальная, дружеская, личная, деловая), от партнера общения, темы беседы, эмоциональной вовлеченности и стилистических окрасок. Большая часть населения Австрии в рамках личного общения использует диалектные формы, в то время, как официальный немецкий язык используется лишь в деловых кругах общения и между людьми с высоким образованием в повседневной жизни. Согласно Петеру Визингеру, в Австрии официальный немецкий язык, кроме письменной формы, также можно услышать по радио, телевидению, в церкви и в школе [Визингер 2001, 483].

Вопрос о собственной австрийской разновидности немецкого языка впервые стал актуален после Второй мировой войны. Австрийское национальное сознание отказывалось подчиняться Германии и для демонстрации своей уникальности в образовательных учреждениях урок немецкого языка был переименован на урок языка. Эпопеей обособления стало издание австрийского словаря в 1951 году, разработанного Министерством образования, искусства и культуры Австрии (das Unterrichtsministerium).

Австрийский вариант немецкого языка подвергается регулярным видоизменениям вследствие влияния языков соседних стран и стран-партнеров, например, итальянский, венгерский, словацкий, чешский, польский, румынский, французский. В связи с культурными и экономическими отношениями Австрии со странами-партнерами и соседями, в словарном составе австрийского языка наблюдается большое количество заимствований на лексическом, фонологическом, морфологическом и синтаксическом уровне.

Наиболее яркие особенности австрийского варианта немецкого языка можно наблюдать на лексическом уровне, который наполнен австрицизмами. Австрицизмы чаще всего выступают в качестве исконно австрийских выражений, поскольку большинство из них глубоко укоренились в сознании людей и представляют собой соединение литературного немецкого языка с баварским диалектом. Большая часть австрицизмов встречается в области управления, правосудия, здравоохранения, ресторанном бизнесе и военных кругах.

Немецкий лингвист Ульрих Аммон на лексическом уровне выделяет следующие предметные области, наполненные австрицизмами [Ammon 1995; 157-173]:

1. Кухня, время приема пищи (например, das Faschiertes – мясной фарш, das Nachtmahl – ужин).

2. Домохозяйство, одежда (например, der Misthaufen – навозный жук, das Stutzen – патрубок).

3. Администрация, юстиция, здравоохранение, образовательная среда, военное дело (например, der Erlagsschein – бланк денежного перевода, der Beklagter – ответчик, das Primar – средняя школа, die Schulbuchaktion – акция «бесплатный учебник», der Unteroffizier – сержант).

4. Экономика, ремесло, сельское хозяйство, транспортное дело (например, die Putzerei – химическая чистка, der Spengler – жестянщик, der Heuschaber – стог сена, die Vorrangstraße – главная улица).

5. Спорт, игры (например, das Ringelspiel – карусель, das Autodrom – автодром).

6. Поведение людей, социум, черты характера, части тела (например, schauen – смотреть, der Bub – мальчишка, die Verkühlung – простуда, der Wimmerl – прыщ).

7. Омонимы (например, нем. der Sessel – австр. der Stuhl – кресло).

Австрийский лингвист Хайнц-Дитер Польш различает следующие четыре группы австрицизмов [Pohl 1998; 23]:

1. Государственные австрицизмы (сфера управления, администрация, СМИ, транспортное дело, товарные знаки): der Oberskren, der Apfelkren, der Sturm, der Most, der Heuriger.

2. Южно-немецкие австрицизмы (австрийская лексика, которая подвергается влиянию южной части Германии): der Brösel – das Paniermehl.

3. Баварские австрицизмы (австрицизмы, которые оказались под влиянием старобаварского диалекта): der Kren – der Meerrettich, der Scherzel, das Einbrenn (e).

4. Региональные австрицизмы: die Obers, der Nachtmal, der Rahm, das Abend- oder Nachtessen, kleinräumig, großräumig, der Strankerl, die Fisole, grüne Bohne, die Kärnten.

Австрийский филолог Петер Визингер разделяет австрицизмы на пять категорий по области применения [Wiesinger 1988; 25], [Wiesinger 1995; 62]:

1. Верхненемецкой, австрийской, швейцарской, южно-немецкой лексике свойственно наличие следующих лексических единиц: die Orange – апельсин; das Eierschwammerl – лисичка; der Erdäpfel – картофель; der Gugelhupf – кекс; der Weichsel – череха.

2. Баварско-австрийский лексический состав: der Topfen – творог; der Kren – хрен; der Knödel – клецка; der Brösel – панировочные сухари; der Scherzl – ворот; das Geselchtes – копченые мясопродукты; die Grammeln – шкварки; die Ribisel – смородина; die Semmel – булочка.

3. Общий австрийский лексический состав: die Marillen – абрикосы; das Beiried – ростбиф; der Buschenschank – винный ресторан; der Heuriger – вино нового урожая; die Jausen – закуски; der Lungenbraten – жаркое; das Obers – сметана.

4. Восточный и западный австрийский лексический состав: der Fleischhauer – мясник; der Metzger – мясник; der Paradeiser – помидор; der Powidl – варенье; der Vogerlsalat – салат-латук.

5. Региональный лексический пласт: der Heuriger – хойригер – вино нового урожая, данное понятие употребляется исключительно в винодельнях и винных ресторанах, отделах; der Schübling – вид колбасы в Форарльберге; der Strankerl – зеленая фасоль в Каринтии; die Potitze – сладкое блюдо в Каринтии и Штирии; die Klobasse – вареная колбаса на востоке и западе Австрии; der Krapfen – пончик в Тироле; die Nudeln – вермишель в верхней Каринтии.

Лексический состав австрийского варианта немецкого языка затрагивает все сферы жизни, но чаще всего австрицизмы встречаются в области управления и питания. Не стоит также забывать о том, что большую часть австрийского лексического пласта составляет лексика с южной части Германии, как отмечает Хайнц-Дитер Польш [Pohl 1997; 76] «... большая часть того, что люди называют австрицизмами, на самом деле является баварийцизмами и маленькая часть виндобонизмами (лексика древнего поселения на территории сегодняшнего города Вена)». По подсчетам Хайнц-Дитера Поля, австрийцы, за исключением меньшинства, говорят на верхненемецком, но чаще всего на баварском (около 7 миллионов человек), а также на алеманнском (около 300 000 человек) [Pohl 1997; 74]. И, несмотря на такую большую вариативность немецкого языка, официальный литературный немецкий язык остается всегда в центре немецкоговорящего пространства, и именно поэтому он считается плюрицентрическим языком, а австрийский язык – его вариантом.

Таким образом, австрийский вариант немецкого языка обладает рядом автохтонных признаков. Австрийский немецкий язык встречается в сфере управления, политики, бизнеса, общественной деятельности, быта народа, но не является официальным языком государства. Австрийский вариант немецкого языка – это гордость нации, к которой австрийцы трепетно относятся, ценят и уважают.

Литература

1. Ammon, Ulrich: Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin: Walter de Gruyter & Co Verlag 1995. S. 150-176.
2. Ebner J. Duden. Österreichisches Deutsch. Eine Einführung von Jakob Ebner. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Duden-Verlag, 2008. – 48 p.
3. Pohl, Heinz Dieter: Gedanken zum Österreichischen Deutsch (als Teil der „pluriarealen“ deutschen Sprache. In: Muhr, Rudolf / Schrod, Richard (Hrsg.): Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa. Empirische Analysen. Wien: Hölder- Pichler- Tempsky Verlag 1997, S. 67-88.
4. Pohl, Heinz Dieter: Hochsprache und nationale Varietät: Sprachliche Aspekte. In: Kettemann, Bernhard / De Cillia, Rudolf / Schrod, Richard (Hg.): Sprache und Politik. verbal – Werkstattgespräche. Frankfurt/Main: Peter Lang 1998, S. 7-29.
5. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
6. Wiesinger, Peter: Das österreichische Deutsch in der Diskussion. In: Muhr, Rudolf / Schrod, Richard / Wiesinger, Peter (Hg.): Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozial-psychologische und sprachenpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. Wien: Höldner-Pichler-Tempsky 1995, S. 59-79.
7. Wiesinger, Peter: Die deutsche Sprache in Österreich. Eine Einführung. In: Wiesinger, Peter (Hg.): Das österreichische Deutsch. Wien/Köln/Graz: Böhlau Verlag 1988a, S. 9-31.
8. Wiesinger, Peter: „Das Deutsche in Österreich“, in: Helbig, Gerhard; Götze, Lutz; Henrici, Gert; Krumm, Hans-Jürgen (Hrsg.): Deutsch als Fremdsprache. Ein internationales Handbuch, 1.Halbband (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft Band 19.1), Berlin/New York: de Gruyter 2001, 482-490.

References

1. Ammon, Ulrich: Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin: Walter de Gruyter & Co Verlag 1995. S. 150-176.
2. Ebner J. Duden. Österreichisches Deutsch. Eine Einführung von Jakob Ebner. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Duden-Verlag, 2008. – 48 p.
3. Pohl, Heinz Dieter: Gedanken zum Österreichischen Deutsch (als Teil der „pluriarealen“ deutschen Sprache. In: Muhr, Rudolf / Schrod, Richard (Hrsg.): Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa. Empirische Analysen. Wien: Hölder- Pichler- Tempsky Verlag 1997, S. 67-88.
4. Pohl, Heinz Dieter: Hochsprache und nationale Varietät: Sprachliche Aspekte. In: Kettemann, Bernhard / De Cillia, Rudolf / Schrod, Richard (Hg.): Sprache und Politik. verbal – Werkstattgespräche. Frankfurt/Main: Peter Lang 1998, S. 7-29.
5. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Tekst, Kontekst, Intertekst: sintez smysloporozhdenija* [Text, Context, Intertext: synthesis of meaning-making] // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2018. T. 4. № 3. P. 21-35.
6. Wiesinger, Peter: Das österreichische Deutsch in der Diskussion. In: Muhr, Rudolf / Schrod, Richard / Wiesinger, Peter (Hg.): Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozial-psychologische und sprachenpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. Wien: Höldner-Pichler-Tempsky 1995, S. 59-79.
7. Wiesinger, Peter: Die deutsche Sprache in Österreich. Eine Einführung. In: Wiesinger, Peter (Hg.): Das österreichische Deutsch. Wien/Köln/Graz: Böhlau Verlag 1988a, S. 9-31.
8. Wiesinger, Peter: „Das Deutsche in Österreich“, in: Helbig, Gerhard; Götze, Lutz; Henrici, Gert; Krumm, Hans-Jürgen (Hrsg.): Deutsch als Fremdsprache. Ein internationales Handbuch, 1.Halbband (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft Band 19.1), Berlin/New York: de Gruyter 2001, 482-490.

СОКРАЩЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Обрезанова Карина Александровна

студентка кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *obrezanovapedagog@gmail.com*

Аннотация

Сокращения считаются довольно интересным и необычным феноменом для любого языка. Исключением не является и немецкий язык. В немецкоязычных культурах практически в любой сфере жизни человека можно наблюдать данное явление. Оно образуется различными путями и соответственно выглядит по-разному. Наше внимание заострилось именно на этой теме, потому что на данный момент времени сокращения или аббревиатуры все чаще появляются в нашей жизни. Их количество необычайно быстро растет. Мы думаем, что в наше время сокращения – это нужная и важная находка, особенно для немецкого языка, который известен своими многосложными словами. Важнейшим удобством данного феномена можно считать экономию времени и места. Помимо этого, большое количество разных форм сокращений обогащает язык и придает ему некую индивидуальность.

Ключевые слова: Сокращения, словообразование, контрактуры, слоговые сокращения, буквенные сокращения.

ABBREVIATIONS AS AN EFFECTIVE WAY OF WORD FORMATION IN MODERN GERMAN

Obrezanova Karina Alexandrovna

Student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *obrezanovapedagog@gmail.com*

Abstract

Abbreviations are considered quite an interesting and unusual phenomenon for any language. The German language is no exception. In German-speaking cultures, this phenomenon can be observed in almost any sphere of human life. It is formed in different ways and therefore looks different. Our attention is focused on this topic, because at this point in time, abbreviations or abbreviations are increasingly appearing in our lives. Their number is growing unusually fast. We think that in our time, abbreviations are a necessary and important find, especially for the German language, which is known for its polysyllabic words. The most important convenience of this phenomenon can be considered as saving time and space. In addition, a large number of different forms of abbreviations enriches the language and gives it a certain personality.

Keywords: Abbreviations, word formation, contractures, syllabic abbreviations, letter abbreviations.

Лексический состав каждого языка – это подвижный и пространственно изменчивый компонент языка. Слова несут в себе значимую информацию, они отражают все изменения, которые происходят в различных областях жизнедеятельности людей и претерпевают изменения. Каждое слово можно сравнить с живым организмом: оно рождается, развивается, взаимодействует с другими языковыми единицами на разных уровнях и в определенный момент времени может исчезнуть, из-за того, что в нем перестают нуждаться.

Развитие языка происходит из-за того, что он все время совершенствуется и обновляется. Источник некоторых изменений явно виден и связан с экстралингвистическими факторами, с влиянием общества, использующего этот язык.

Изменения, которые происходят в разных сферах человеческой жизни приводят к появлению множества новых слов и явлений. Существуют разные пути пополнения лексического состава немецкого языка: словосложение, деривация, семантическая деривация, словосложение с одновременной суффиксацией, конверсия, сокращение, заимствование. Сегодня одним из активных способов пополнения лексического состава немецкого языка считается способ сокращения или аббревиации. На данный способ обогащения лексического состава языка обратили внимание немецкие германисты в начале 20 века.

Сокращения стали использоваться из-за необходимости экономить время, из-за стремления передавать большое количество информации минимальным объемом средств. Все это связано с быстрым темпом повседневной жизни общества. Сегодня происходит активное развитие цифровых и электронных технологий, сильный рост заинтересованностью интернетом и мобильными связями. Все перечисленное влияет на языковую среду и так называемые «необычные слова» внедряются буквально в каждую области жизнедеятельности человечества.

В настоящий период времени в лексическом составе немецкого языка некоторые новые слова представляют собой сокращенные версии собственных «аналогов». Быстрое формирование таких слов, позволяет нам посмотреть на аббревиатуру как на плодотворный метод создания слов в данном языке.

Аббревиация считается одним из активных путей словообразования и подробно описана такими лингвистами как: А. Штейнхауер, В. Фляйшер, Д. Коблер-Триль, Е.В. Розен, Е.С. Кубрякова, Л. Траубе, М.Д. Степанова, Х. Велманн и другими.

Известный ученый, который занимался исследованием аббревиатур, Л. Траубе называл аббревиатуры графическими объектами появления, которых связывается не с произвольностью, а со стремление к сознательному упорядочиванию [Wellmann 1998, 423].

В.В. Лопатин, А. Штейнхауер, Д. Коблер-Триль понимают под сокращением некий продукт аббревиации, который заключается в сокращении материальной оболочки. Он приводит к формированию сокращенного структурного варианта исходной номинативной единицы.

Следует акцентировать внимание на то, что данный метод образования слов в наше время очень активен. Это можно увидеть на примере сравнения немецких словарей «Duden». За относительно короткий период времени в словарь вошло примерно 1500 новых сокращений. На сегодняшний момент времени продолжается формирование новых сокращений, но новые сокращения появляются так быстро, что словари не успевают их фиксировать.

Разнообразные виды сокращений приводят к упрощению внешнего вида слов и выражений. Ученые полагают, что данный феномен происходит из-за того, что людям необходимо экономить языковое пространство и время. Ещё язык приобретает индивидуальность благодаря таким сокращениям.

Обращая внимание на типизацию сокращений, то нужно принимать во внимание их структурные и формальные характеристики, поскольку у них разные формы. Здесь возможно поделить сокращения на три группы.

1. Контрактуры – это слова, где может быть сокращена либо начальная, либо конечная части слова или группы слов. По численности контрактуры являются наиболее репрезентативной группой сокращенных слов. Контрактуры бывают инициальные «Kopfwörter», в них в следствии усечения от начального слова остается только его первичная часть: **Assistent**, **Demonstration**, **Kriminalfilm**, **Treffpunkt** и финальные «Schwanzwörter», в них остается конечная часть слова: **Motorroller**, **Atombombe**, **Schallplatte**, **Tonband**. Инициальные и финальные контрактуры обладают некоторыми положительными сторонами в сравнении с их абсолютными аналогами. Они более коротки и в плане структуры очень удобны, стилистически менее формальны. Такие контрактуры часто наблюдаются в молодежной среде: **Universitat**, **Assistent**, **Bundeswehr**,

Diskotheek. Финальные контрактуры, также порождают омонимию, например: **Regenschirm, Bildschirm, Fallschirm, Lampenschirm.**

2. Слоговые сокращения – это слова, где усекается начало и конец части сложного слова или каждого элемента фразы до одного слова, например: **Schupo – Schutzpolizei, Trafo – Transformator, Mofa – Motorfahrzeug, Gewi – Gesellschaftswissenschaft.**

Слоговые сокращения и контрактуры в своем использовании очень экономны и удобны. Такие явления заменяют сложное слово или комбинацию слов более краткой формой.

3. Буквенные сокращения – это слова, полученные в следствии сокращения буквального обозначения слова (словосочетания) до одной или двух букв корня, например: **F.d.h. – Friss die Halfte, knif – kommt nicht in Frage, Gabiko – ganz billiger Korn.**

Для буквенных сокращений свойственно то, что они образованы из первых букв слов, которые составляют фразу, и считаются необыкновенными словами. Разница заключается в их звучание, которое связано со смыслом не напрямую, а через нужное сложное слово или словосочетание, по принципу которых они появляются.

Для осознания значения такого буквенного сокращения, необходимо сравнить его с прототипом, иначе сокращения будут являться немотивированными словами, смысл которых необходимо запомнить.

И.В. Арнольд именует буквенные сокращения акронимами. Под акронимами он понимает аббревиатуры, которые образованы из первых букв слов или словосочетаний, произносимые как единое целое [Арнольд 1956, 50].

Помимо этого, выделяется такая группа слов, сокращения которых происходит с заменой последней гласной на **-i**, например: **Alki – Alkoholiker, Pulli – Pullover, Trabi – Trabant.** Данное явление можно встретить даже в именах, например: **Schumi – Schumacher.**

В немецкоязычной культуре принципиально новым феноменом считается сокращение известных собственных имен, например: **BB – Bertold Brecht, TM – Thomas Mann, HH – Hermann Hesse.** В остальных европейских языках подобные аббревиатуры уже не редкость.

Существуют также такие типы аббревиатур, которые пишутся как с точками и пробелами, так и без них.

Пишется ли аббревиатура с точкой или без нее, в принципе зависит от того, произносится ли она сокращенно. Если аббревиатура произносится сокращенно, она пишется в основном без точки и всегда без пробелов, примеры: **DRK – Deutsche Rotes Kreuz, UFO – Unbekanntes Flug Objekt, Kripo – Kriminalpolizei.**

В немецком языке единицы измерения произносятся как слово, но тем не менее сокращаются без точки, примеры: **10 m – 10 Meter, 50 g – 50 Gramm, 2 km – 2 Kilometer.** В армейском лексиконе аббревиатуры всегда пишутся без точки, примеры: **Hptm – Hauptmann, Lt – Leutnant, Flösch – Feuerlöscher.**

Аббревиатуры, которые не произносятся сокращенно, в основном сокращаются точками. Если аббревиатура многосекционная, между компонентами ставятся пробелы. Здесь можно привести такой пример распространенного выражения «*usw.*» или «*u. s. w.*», которое вместо собственно правильного «*und so weiter*» стало аббревиатурой.

В кругу ученых, которые занимались проблемами аббревиации, нет общего мнения по отношению к стилевой оценке сокращенных слов. Есть лингвисты полагающие, что сокращенные формы не соответствуют нормам литературного языка и их применяют чаще в разговорном языке. Систематическое применение подобных слов утрачивает свою особенную окраску и употребляется в языке как нейтральная единица. Значительная часть разговорных сокращения справедливо критикуются стилистами. Они считают, что данный лингвистический феномен мешает языку и воспринимается как «недуг».

Большинство разговорных сокращений сочетают в себе эффективность в линейном смысле с большой информативностью, выразительностью, эмоциональной оценкой с теми «параметрами», которые свойственны большинству разговорных слов [Демин 1981, 342].

Получается, что сокращения обладают большей выразительностью и стилевой окраской, чем их оригиналы, но при этом представляют собой аналоги законченных слов или словосочетаний, поэтому возникает такой семантический феномен, как синонимия, которая в основном продиктована потребностями в стилистической дифференциации речи.

Во время анализа эмпирического материала мы пытались понять, являются ли аббревиатуры положительным или отрицательным явлением для языка, и обнаружили как преимущества так недостатки использования аббревиатур.

Нами уже упоминалось выше, что употребление уменьшенных слов и словосочетаний является распространенным явлением во всех сферах общественной деятельности.

Основным преимуществом аббревиатур является экономия времени и языкового пространства. Использование аббревиатур обеспечивает сочетание четкого изложения материала и краткости, состоящей в экономии места и материальных затрат.

Однако преимущества такой экономии хороши только до тех пор, пока аббревиатуры будут понятны собеседникам и переводчику. Но следует также подчеркнуть, что значение аббревиатур часто зависит от контекста. Поэтому не часто можно переводить аббревиатуры без специальной литературы. Мы убеждены, что это главный недостаток аббревиатур. Он вызывает очень много трудностей и проблем.

Иногда в процессе своей деятельности люди сталкиваются с аббревиатурами, которых не могут понять. Таких непонятных аббревиатур следует остерегаться. Некоторые аббревиатуры представляют собой целый набор длинных форм. Особенно часто это происходит с одиночными буквами. Существует множество слов, для которых возможна аббревиатура. Например, *v.* означает более 20 слов – в том числе *versus*, *variabel*, *vertikal*, *via*, *voll*, *vollständig*, *vom*, *von*, *vor*, *vormittags* и другие. Поэтому аббревиатуры с одиночными буквами следует использовать с особой осторожностью. Для многих длинных форм, помимо аббревиатуры с одной буквой, обычно есть альтернатива. Например, рекомендуется сокращать слово «*versus*», не как *v.*, а как *vs.* – это в любом случае более известная форма.

Для решения проблемы по распознаванию аббревиатур были созданы специальные словари, такие как «*Duden*». Это словарь аббревиатур, который содержит 50 000 национальных и международных аббревиатур. Он дает каждому человеку разные объяснения.

Итак, сокращения окружают нас повсюду. Эти «необычные слова» просочились и в устную и в письменную речь. Данный феномен не делает остановки в своем развитии, а наоборот продолжает развиваться и создавать все новые и новые слова еще более эффективнее. Без сокращений человек не мыслит своей жизни, хотя и не задумывается над этим. Человек использует их прежде всего для удобства. Это довольно разумно, так как они сберегают языковые средства, время и место.

Литература

1. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика его исследования / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1956. 84 с.
2. Демин В.И. Коллоквиальные неологизмы современного немецкого языка: Дис. канд. филол. наук. М., 1981. 342 с.
3. Bellmann G. Zur Variation im Lexikon. Kurzwort und Original // *Wirkendes Wort* 30. Tübingen, 1980. S. 369 – 383.
4. Duden. Das Wörterbuch der Abkürzungen. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2014. 512 S.
5. Wellmann H. Ausdruckskürzung: hrsg. von der Dudenredaktion. 6., neu bearb. Aufl. Mannheim, 1998. S. 421 – 425.
6. Woxikon [Электронный ресурс]. URL: <https://abkuerzungen.woxikon.de/>

References

1. Arnold, I.V. Semantic structure of the word in modern English and methods of its research / I.V. Arnold. – L.: Prosveshchenie, 1956. 84 p.
2. Demin V.I. Colloquial neologisms of the modern German language: Dis. kand. filol. nauk. M., 1981. 342 p.
3. Bellmann G. On variation in the lexicon. Kurzort und Original / / Wirkendes Wort 30. Tübingen, 1980. P. 369 – 383.
4. Duden. The dictionary of abbreviations. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2014. 512 p.
5. Wellmann, H. Expression reduction: ed. from the Dudenredaktion. 6., new edit. Dissolution. Mannheim, 1998. P. 421 – 425.
6. Woxikon [Electronic resource]. URL: <https://abkuerzungen.woxikon.de/>

УДК 811.13

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НУМЕРОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Щенникова Виктория Евгеньевна

студент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / 1200119@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается такое явление, как фразеологизмы во французском языке. Фразеология – достаточно широкий раздел лингвистики, включающий в себя множество устойчивых выражений. В ходе исследования были проанализированы ФЕ, содержащие в своём составе нумерологический компонент: числа в своём прямом и символическом значении.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, число.

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF NUMEROLOGICAL PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE FRENCH LANGUAGE

Schennikova Victoria Evgenievna

Student of German and French department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1200119@bsu.edu.ru

Abstract

This article considers such a phenomenon as phraseological units in the French language. Phraseology is a large branch of linguistics that includes many stable expressions. In the course of the study, we analyzed phraseological units containing a numerological component in their composition: these are numbers in their direct and symbolic meaning.

Key words: phraseology, phraseological units, number.

Французский язык поистине считают одним из самых красивых и богатых языков: большое количество разнообразных языковых средств придают ему экспрессивность, делают его ярким и живым, но вместе с тем лаконичным и ёмким. Говоря о красоте языка, невозможно обойти стороной тему уникальных языковых явлений, к которым относятся фразеологизмы. Именно они помогают нам заменить «сухие» предложения более эмоциональными и более успешно реализовать эмотивную функцию общения.

Впервые термин «*phraséologie*» был введен швейцарским лингвистом Шарлем Балли, который считается основоположником теории фразеологии. Однако он рассматривал ее только в рамках стилистики, не определяя фразеологию как отдельную дисциплину. Но именно его старания стали фундаментом и опорой в дальнейшем исследовании устойчивых словосочетаний.

Ш. Балли написал несколько трудов, в которых помимо остальных аспектов рассматривал также и фразеологию. В своей более ранней работе «Очерк стилистики» он писал о том, что все словосочетания могут делиться по степени устойчивости. Таким образом, он условно выделил четыре группы словосочетаний [Балли 1961]:

— свободные словосочетания (*les groupements libres*);

Под ними он подразумевал неустойчивые выражения, которые распадаются после их образования.

— привычные словосочетания (*les groupements usuels*);

Те сочетания, в которых какое-либо из слов может быть заменено другим, но при этом выражение сохранит тот же смысл. Например, словосочетания «*un homme bon*» и «*un brave homme*», несмотря на замену прилагательного, будут переводиться как «хороший человек».

— фразеологические ряды (*les series phraseologiques*);

— фразеологические единства (*les unites phraseologiques*).

Для того, чтобы лучше понять смысл фразеологических единиц, обратимся к лингвокультурной стороне французских фразеологизмов. Лингвокультурология обращает внимание на взаимосвязь культуры и языка, её интерпретацию. Фразеологические единицы рассматриваются через призму отражения национального сознания, исторического опыта и окружающей действительности.

Французские фразеологизмы отражают общий национально-культурный опыт целого народа. Это наблюдения и житейский опыт, накопленные за годы становления языка. Чаще всего во фразеологизмах используются наименования животных, частей тела, цветов, числа и др. В данном случае, зачастую, подобное сравнение носит ассоциативный характер, что позволяет сделать вывод об отношении французов к окружающим их явлениям [Телия 1996].

Традиционно, к числам было двоякое отношение: с одной стороны, их точность вызывала благоговение, а с другой – страх, так как некоторых из них считались причинами несчастий. Широкое распространение чисел во фразеологии можно также объяснить мыслью античного человека о достижении понимания гармонии, и в этом ему должны были помочь числа [Топоров 1980].

Как уже говорилось ранее, многие фразеологизмы построены на ассоциациях. Так, например, число один представляет собой основу мира, это наше начало. Эти же особенности мы также можем пронаблюдать и во французских фразеологических единицах, включающих в себя цифру один:

— *n'être qu'un/ne faire qu'un* – слиться воедино, составлять единое целое;

— *les uns et les autres* (разг.) – весь свет, кто придется.

По словам китайского философа Лао-Цзы она объединяет в себе все четное и нечетное и порождает все последующие цифры. «Один» состоит из противоположностей, включая в себя понятия о добре и зле, любви и ненависти. Это все проявление света в человеческом начале, но одновременно это и его темные стороны.

Цифра два обозначает двойственность, отсутствие единства. Кроме того, можно отметить негативную окраску большинства фразеологических единиц. Это нашло отражение в следующих фразеологизмах:

— *entre les deux* разг. – ни то, ни сё;

— *porter habit de deux paroisses* (разг.) – служить и вашим, и нашим;

— *bruler la chandelle par les deux bouts* – прожигать жизнь.

Совершенно противоположное отношение сложилось к числу 3. Во многих культурах оно является символом синтеза, единства, завершенности и мира. Интересным является то, что, несмотря на столь положительное значение, фразеологизмы чаще отражают неопределенность или носят отрицательный характер:

- *la semaine des trois jeudis* (разг.) – после дождичка в четверг;
- *trois jours après jamais* (разг.) – когда рак на горе свистнет;
- *un trois fois riens* – ничтожество;
- *je jouerai cela à trois dés* – безвыходная ситуация.

Фразеологизмы с числом 3 часто используются для описания бытовых дел французов:

- *les trois huit* – восьмичасовой рабочий день;
- *frapper les trois coups* – дать сигнал к поднятию занавеса.

Цифра четыре является символом устойчивости и равновесия, с ней связаны мифы о сотворении вселенной и структуре мироздания: выделяют четыре основных стихии, четыре времени года, четыре стороны света и др.

Данные проявления мы можем заметить и во французских фразеологизмах:

- *aux quatre coins du monde* – повсюду;
- *aller par quatre chemins* – на все четыре стороны.
- *quatre points de l'horizon* – со всех сторон;

«Пять» считается священной цифрой во многих религиях, например, буддизме и исламе. В учении пифагорейцев данная цифра символизировала брак, поскольку она состоит из двойки, что представляет собой мужское начало, и тройки, как начало женское. Кроме того, «пять» является центральной цифрой в некоторых системах счисления, потому что человек на руке имеет пять пальцев.

Несмотря на положительную символику данного числа, фразеологические единицы, содержащие его в своем составе, напротив имеют негативную окраску и чаще всего относятся к разговорному стилю:

- *giroflée à cinq branches* (разг.) – оплеуха;
- *dire les cinq lettres* (разг.) – сквернословить;
- *en mettre cinq* (разг.) – дать оплеуху.

Что касается цифры шесть, для пифагорейской школы это число считалось идеальным, т.к. оно делится на два и на три. Это символ равновесия и надежности. Но некоторые древние народы полагали, что цифра шесть обладает негативной энергией, а сочетание трех шестерок считалось дьявольским. В противовес этому скрытому смыслу, во французской фразеологии существует устойчивое выражение «*le sixième sens*», эквивалентом которого в русском языке является фразеологизм «шестое чувство».

За цифрой семь часто закрепляется значение совершенства. Это отражается в существовании фразеологической единицы «*être au septième ciel*», что в русской культуре обозначается фразеологизмом «быть на седьмом небе от счастья». Кроме этого, «семь» всегда считалась таинственной цифрой, скрывающей множество загадок. Во вселенной насчитывается семь планет, в неделе семь дней и даже чудес света, известнейших сооружений архитектуры и величайших творений человечества, тоже семь. Их существование оказывает влияние и на следующую цифру в числовом ряду. Данный факт подтверждается наличием такого устойчивого выражения, как «*le huitième merveille du monde*» – восьмое чудо света, одним из компонентов которого является цифра восемь.

Во французской фразеологии цифра восемь часто используется для обозначения временного промежутка, ограниченного неделей:

- *les cinq huit* – пятидневная рабочая неделя;
- *donner ses huit jours* – заявить об увольнении.

«Девятка» зачастую считается сложной цифрой, представленной как «трижды три», поэтому она состоит в тесной взаимосвязи со вторым числом. Говоря о знаках,

скрываемых в этой цифре, выделяют такие понятия как сила, стойкость и мужество. Но не всегда широкое распространение в культуре народа влечет за собой большое количество фразеологизмов. Число 13 считается мистическим на протяжении столетий: с ним связаны суеверия, оно чаще других ассоциируется с фатальными и неотвратимыми вещами. Однако, во французской фразеологии существует всего одна единица, связанная с этим числом, при этом она нейтрально окрашена: *treize à la douzaine* – много.

Итак, национально-культурная семантика языка присутствует на всех его уровнях и наиболее ярко проявляется во фразеологизмах, одной из целей которых является отражение внеязыковой действительности. Таким образом, мы убедились, что фразеология отражает национально-культурный опыт целого народа, но при этом не каждый опыт отражается во фразеологизмах.

Литература

1. Балли, Шарль. Французская стилистика / Перевод с фр. К.А. Долинина; Под ред. Е.Г. Эткинда. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
2. Гак, В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. – Москва: Медиа, 2005. – 1624 с.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 284 с.
4. Топоров, М. Н. Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – 671 с.

References

1. Bally, Charles. French Stylistics / Translated from the French by K.A. Dolinina; edited by E.G. Etkinda. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1961. – p. 394.
2. Gak, V.G. The new comprehensive French-Russian phraseological dictionary. – Moscow: Media, 2005. – p. 1624.
3. Telia, V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. – M., 1996. – p. 284.
4. Toporov, M.N. Numbers // Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. – Vol. 2 – p. 671.

Раздел 3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОД И СЛОВАРИ

УДК 811.112.2:371.3

LOCKDOWN, INZIDENZ, IMPFUNG – НОВЫЕ СЛОВА В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ

Надя Вульф
профессор Педагогического Университета
Фрайбург, Германия / *nadja.wulff@ph-
freiburg.de*

Деннис Штрёмсдёрфер
магистр, научный сотрудник
Педагогического Университета
Фрайбург, Германия /
dennis.stroemsdoerfer@ph-freiburg.de

Аннотация

В связи с пандемией высшие учебные заведения были вынуждены с весны 2020-го года перейти на режим дистанционного обучения. В том числе и студенты, изучающие иностранные языки занимались удаленно. Переход на новые формы обучения был связан с дополнительными проблемами технического и методического характера. Данная статья преследует цель дать первые ответы на вопросы, как и насколько новые слова в контексте пандемии и перехода на дистанционное обучение, необходимые учащимся, являлись составной частью уроков немецкого как иностранного.

Ключевые слова: немецкий как иностранный, словарный состав, заимствования, словотворчество, лексикодидактика, удаленное обучение

LOCKDOWN, INZIDENZ, IMPFUNG – NEUER WORTSCHATZ IM DIGITALEN DEUTSH-ALS-FREMDSPRACHE-UNTERRICHT IM ZEICHEN DER PANDEMIE

Nadja Wulff
JProf. Dr.
Pädagogische Hochschule Freiburg, Germany
/ *nadja.wulff@ph-freiburg.de*

Dennis Strömsdörfer
M.A., wissenschaftlicher Mitarbeiter
Pädagogische Hochschule Freiburg, Germany
/ *dennis.stroemsdoerfer@ph-freiburg.de*

Abstract

Durch Pandemie-Entwicklungen seit dem Frühjahr 2020 haben die meisten Hochschulen weltweit ihren Fremdsprachenunterricht auf digital umgestellt. Lehrende und Lernende sind herausgefordert, im virtuellen Unterricht gemeinsam neue Lernformen und -formate zu entwickeln und zu erproben. Der Beitrag befasst sich mit der Frage, wie und ob es im Online-Unterricht Deutsch als Fremdsprache gelingt, den neuen Wortschatz zu Digitalisierung und Pandemie einzuführen und zu üben.

Keywords: Deutsch als Zweit- und Fremdsprache, Wortschatz, Wortschatzdidaktik, digitaler Fremdsprachenunterricht, Umfrage

1. Herausforderung digitaler Unterricht

Im März 2020 kam es in Deutschland aufgrund der Verbreitung des SARS-COV-2-Virus zum ersten Mal zu bundesweiten Schulschließungen. Das Land erlebte seinen ersten sogenannten Lockdown, also ein „Bündel unterschiedlicher Maßnahmen zur Unterbrechung der Infektionsketten, bestehend aus Abstandsregeln, Kontakt- und Ausgangsbeschränkungen, Schließung öffentlicher und privater Einrichtungen“ (DWDS 2021). Wenig später wurden Hochschulen aufgefordert, ab dem Sommersemester 2020 ihre Lehrangebote auf digitale Formate umzustellen. In den meisten Ländern Europas sah die Situation pandemiebedingt ähnlich aus. Die Schließung von Schulen und Universitäten hatte weitreichende Folgen für das Bildungssystem: Lehrende und Lernende wurden in das digitale Zeitalter hineinkatapultiert, ohne

dass sie die Möglichkeit hatten, sich auf die Herausforderungen des Online-Unterrichts gezielt vorzubereiten. Lernangebote mussten neu gedacht und die nötige Infrastruktur geschaffen werden. Wenige Wochen nach den Schulschließungen zeigte eine repräsentative Forsa-Umfrage im Auftrag der Robert Bosch Stiftung (forsa 2020), dass fast ein Viertel der befragten Lehrkräfte die Erstellung digitaler Unterrichtsinhalte als Herausforderung empfand. Darüber hinaus waren viele Lehrende für den Fernunterricht technisch nicht genügend ausgestattet, auch Erfahrungen in der Gestaltung von digitalen Unterrichtsszenarien bzw. für deren Didaktisierung fehlten. Diese besondere Ausgangslage betrifft aber nicht nur die Lehrkräfte, sondern auch viele Lernende waren nicht in der Lage, die digitalen Lernangebote effektiv zu nutzen und ihre Lernprozesse zu steuern. Dafür gibt es mehrere Gründe: So ließ die technische Ausstattung es beispielsweise nicht zu, am Fernunterricht teilzunehmen (z.B. fehlende Laptops oder keine stabile Internetverbindung für Videoübertragungen ohne Unterbrechung). Hinzu kam, dass auch Lernende mit digitalen Unterrichtsszenarien und der Nutzung der plötzlich in einer großen Zahl entstehenden digitalen Angebote, deren didaktische Aufbereitung darüber hinaus auch öfters mangelhaft war, nicht vertraut waren. Schließlich verfügten sowohl Lehrende als auch Lernende nicht über ausreichende digitale (Medien-)Kompetenzen, um Möglichkeiten und Potenziale des Lernens über unterschiedliche digitale Formate synchron und asynchron auszuschöpfen (Porsch/Porsch 2020; Hellmann/Wulff/Schwichow 2021). Für die Schule haben die Schulschließungen und die Herausforderungen des digitalen (Lern-)Alltags gravierende Folgen, denn dadurch sinken die Bildungschancen von Kindern und Jugendlichen aus sozial schwachen Familien und die Bildungsungerechtigkeit nimmt zu (Anger/Plünnecke 2021; Eickermann/Gerick 2020).

Die Corona-Krise und die daraus resultierende Umstellung auf digitale Unterrichtsformate stellt nicht nur das Schulsystem vor komplexe Probleme, sondern auch in der Hochschulbildung zeigen sich eine Reihe von zum Teil unüberwindbaren Hürden. Die Hochschulen befinden sich nun, im Sommer 2021, im dritten Online-Semester und es kann festgehalten werden, dass kein ‚Universalrezept‘ für digitale universitäre Lehre gefunden wurde, denn auch hier können analoge Formate nicht eins zu eins ins Digitale übertragen werden. Je nach Studiengang können zudem spezifische Herausforderungen definiert werden. So ist beispielsweise bei naturwissenschaftlich ausgerichteten Studienfächern Arbeit im Labor unumgänglich, dies kann jedoch zurzeit – wenn überhaupt – nur unter strikten Auflagen erfolgen. Für das Studienfach Sport sind Präsenzveranstaltungen grundlegend, denn viele Konzepte bauen auf gemeinsam erlebtem Gefühl von Körper und Bewegung auf. Die Problemstellungen im digitalen universitären Kontext betreffen auch das Fach Deutsch als Fremdsprache im In- und Ausland (Beckmann-Schulz/Moll/Peuschel/Wulff 2020). Ein Überblick zu Konzepten im digitalen DaF-Unterricht wurde auf der Tagung „Lehr-Lern-Medien für DaF aus nationaler und internationaler Perspektive“ im November 2020 an der Pädagogischen Hochschule Freiburg vorgestellt (Strömsdörfer 2021). So ist z.B. ein Praktikum an einer Sprachschule oder in einer Sprachlernklasse, bei dem die didaktischen und methodischen Prinzipien im Fremdsprachenunterricht in der Praxis beobachtet und schließlich auch umgesetzt werden sollen, für die Ausbildung der angehenden DaZ/DaF-Lehrkräfte von besonderer Bedeutung. Dazu gehören auch Hospitationen, also Unterrichtsbeobachtungen unter bestimmten Fragestellungen, die vor Corona im physischen Präsenzunterricht durchgeführt wurden (Schulpraktikum). Im Fall der Praktika mussten Hochschulen in der kurzen Zeit neue (digitale) Konzepte entwickeln. In manchen DaZ/DaF-Studiengängen konnte auf die bereits bestehenden internationalen Hochschulpartnerschaften zurückgegriffen werden, so dass Studierende in Deutschland am Unterricht an ausländischen Universitäten hospitieren und anschließend selber in den digitalen Settings unterrichten konnten. Trotz einiger Erfolge bei diesem Vorgehen, das die Autoren dieses Artikels im eigenen länder- und sprachenübergreifenden digitalen DaF-Unterricht im Wintersemester 2020/2021 beobachten konnten, zeigten sich auch diverse Schwierigkeiten, mit denen Lehrende und Lernende sich konfrontiert sahen.

Für internationale Studierende, die im Rahmen ihres Studiums Deutsch als Fremdsprache lernen, konnte die Umstellung auf virtuelle Kurse zwar die abgesagten Lehrveranstaltungen in

physischer Präsenz ersetzen und die Schwierigkeiten durch Quarantänevorschriften und Grenzsicherungen mildern. Aber nicht zuletzt sind auch technische, praktische sowie individuelle Probleme Auslöser für Schwierigkeiten beim digitalen DaF-Lernen. Hinzu kommen eine oftmals ungenügende Ausstattung, mangelhaft geschulte Lehrkräfte und die sich immer wieder ändernden Vorschriften in Bezug auf die aktuelle Lage zur Pandemie.

Diese knappe Darstellung der aktuellen Situation und ein Umriss der Problembereiche mit einigen Beispielen erhebt keinen Anspruch auf Vollständigkeit, soll jedoch zeigen, mit welchen umfangreichen Veränderungen Lehrende und Lernende zurzeit konfrontiert werden. In diesem Beitrag soll kurz dargestellt werden, wie die Umstellung auf den digitalen Fremdsprachenunterricht im Kontext der Pandemie vonstattenging, wobei das Hauptaugenmerk dabei auf den Aspekt der Wortschatzvermittlung gelegt werden soll. Hier stellt sich die Frage, ob und wie der neue Wortschatz, der durch Digitalisierung und Entwicklungen im Infektionsgeschehen entstanden ist, im digitalen Unterricht thematisiert wurde. Um erste Antworten auf diese Frage zu erhalten, wurde eine Umfrage-Studie mit DaF-Lernenden an einer tschechischen und einer russischen Universität durchgeführt. Die Ergebnisse dieser Untersuchung sollen im Lichte der aktuellen Entwicklungen in der Didaktik des Deutschen als Fremdsprache diskutiert werden.

2. Digitaler Unterricht in Deutsch als Fremdsprache

Das Thema E-Learning und Einsatz digitaler Medien im Unterricht ist im Fach Deutsch als Zweit- und Fremdsprache nicht neu (vgl. Rösler 2010; Grünewald 2016; Strömsdörfer 2021). Roche weist darauf hin, dass digitale Medien im Unterricht mehrere Mehrwerte haben (2016, 478-479): So können über digitale Medien Distanzen überwunden werden, wenn auch räumliche Trennung bestehen bleibt. Darüber hinaus sind die neuen Programme portabel und mobil (z.B. Sprachenlernen über verschiedene Apps) und damit können die Lernenden in vielen Fällen autonom entscheiden, wann und wo sie lernen. Des Weiteren tragen die digitalen Medien zum flexibleren Gestalten der Lernprozesse bei und die neuen Lehrmaterialien können im Vergleich zu herkömmlichen Lehrwerken schneller aktualisiert werden. Darüber hinaus tragen digitale Medien zur Diversifizierung des Lernens bei, da sie verschiedene Möglichkeiten für unterschiedliche Lerntypen und Interessen zulassen (Roche 2017, 479) und mehr Auswahlmöglichkeiten zur Binnendifferenzierung bieten.

Die Herausforderung in der aktuellen Lage ist jedoch, dass sich das Fremdsprachenlernen im Hochschulkontext ausschließlich online über digitale Medien vollzieht. In diesem Zusammenhang geht es darum, wie das Fach Deutsch als Zweit- und Fremdsprache einen Weg findet, auf die neuen Anforderungen und Bedingungen, die die vollständige Umstellung auf digitale Lehre mit sich brachte, angemessen zu reagieren und bereits erreichte und allgemein anerkannte Standards in der Vermittlung von DaZ/DaF zu halten. Zu diesen Standards gehört die Realisierung der didaktisch-methodischen Prinzipien eines gelingenden Unterrichts wie Kompetenzorientierung, Lerner*innenorientierung sowie -aktivierung, Förderung der Lerner*innenautonomie, Aufgabenorientierung, interkulturelle Öffnung und nicht zuletzt Handlungsorientierung (Ende et al. 2013, 26-32). Das zum Schluss genannte Prinzip besagt, dass der DaF-Unterricht die Lernenden darauf vorbereiten soll, sprachlich in der Fremdsprache handeln zu können. Im Kontext der Digitalisierung und Pandemie würde das sprachliche Handeln voraussetzen, dass die Lernenden mit dem neuen Wortschatz vertraut sind, der sich auf die aktuellen Ereignisse bzw. das digitale Lernen bezieht. In vielen universitären Sprachkursen wurde in den letzten Semestern mit unterschiedlicher Konferenzsoftware gearbeitet. Wählt man für den Unterricht die Plattform ZOOM, wird von den Lernenden – neben basalen digitalen Kompetenzen – ein Wortschatz erwartet wie beispielsweise *den Bildschirm teilen*, *der Breakout-Raum* oder *stummschalten*. Auch im Zusammenhang mit der Pandemieentwicklung lässt sich ein umfangreicher neuer Wortschatz feststellen, der die sprachliche Handlungsfähigkeit bedingt, wenn es um die Kommunikation zu den aktuellen Themen geht (z.B. *Lockdown*, *Einschränkungen*, *Inzidenzwert*, *Lockerung* usw.). Der neue Wortschatz ist dabei vielfältig: Es handelt sich um Fachwörter, Neuschöpfungen, Entlehnungen aus dem Englischen oder um neue

Bedeutungen des bereits bekannten Vokabulars. Nun stellt sich die Frage, inwiefern der digitale DaF-Unterricht zur Wortschatzerweiterung in den beiden genannten Bereichen beiträgt. Mit anderen Worten: Ob und wie der neue Wortschatz im Unterricht thematisiert wird? Haben die Lernenden genügend Anlässe, diesen Wortschatz zu üben?

3. Pandemie und Digitalisierung als Wortschatzerweiterung

Die ersten Antworten auf die oben gestellten Fragen soll eine kleine Online-Studie geben, die im Folgenden vorgestellt wird. Im Rahmen der Untersuchung wurde im März 2021 eine Umfrage unter DaF-Studierenden durchgeführt. An der Studie, in der mit dem Online-Tool ‚soscisurvey‘ (<https://www.soscisurvey.de>) ein Fragebogen (20 Items) erstellt wurde, haben Studierende der russischen Nationalen Staatlichen Forschungsuniversität Belgorod und der tschechischen Universität Ostrava teilgenommen (n=29). Die Teilnehmenden, deren Deutschkenntnisse überwiegend im B1/B2-Bereich lagen und von denen mehr als ein Drittel schon im 4. oder 5. Studienjahr war, wurden über ihre Erfahrungen mit dem digitalen DaF-Unterricht befragt. Dabei schätzten 18 der 29 Teilnehmer*innen ihre technische Ausstattung und 21 ihre eigenen technischen Kenntnisse als ‚ausreichend‘ ein. Gleichzeitig fühlte sich rund die Hälfte der Befragten im Online-Unterricht überfordert, nur auf 3 Befragte traf das nicht zu. Dennoch gaben rund 50% an, viel beim Online-Unterricht zu lernen. Dabei wurden vor allem folgende Formate, die im Online-Unterricht im Gegensatz zum Unterricht in physischer Präsenz vorkommen, genannt (jeweils mehr als 50%): Videokonferenzen (26), Gruppen- und Einzelaufgaben (24 bzw. 20 Nennungen), Erklärvideos (23) und die digitale Bereitstellung von Lernmaterialien (17). Nur rund ein Drittel gab an, dass Screencasts, Feedback-Tools und Chats eingesetzt wurden. Außerdem halten rund zwei Drittel das Thema Wortschatzerweiterung im Online-Unterricht für ‚wichtig‘ bzw. ‚sehr wichtig‘ (Abb. 1).

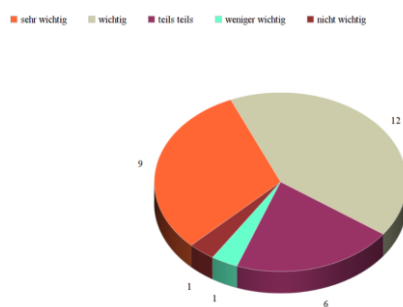

Abb. 1: Frage „Wie wichtig war die Wortschatzerweiterung für Sie im Online-Fremdsprachenunterricht?“ (n=29) (erstellt mit <https://www.diagrammerstellen.de>).

Für die Anwendung bzw. Nutzung dieser Formate kommt – so die Hypothese – neuer und spezifischer Wortschatz zum Einsatz. Die Teilnehmenden sollten im Fragebogen daher auch angeben, welche Wörter im ‚digitalen Unterricht‘ bzw. im Bereich ‚COVID und Pandemie‘ vorkamen. Für den ersten Bereich wird deutlich, dass vor allem Wortschatz zum Organisatorischen von Bedeutung war (s. Wortwolke in Abb. 2), d.h. zum Ablauf der digitalen Lehre (‚einloggen‘ oder ‚Bildschirm teilen‘) und zu den Rahmenbedingungen (‚Internetverbindung‘, ‚Datenschutz‘). Einige der genannten Begriffe betrafen aber auch die Art der Lehre, d.h. Methodisches und Didaktisches (‚Interaktion‘, ‚Feedbackrunde‘). Auch Wortneuschöpfungen, die die Verwendung technischer Innovationen mit sich bringt, wurden genannt (‚skypen‘). In dieser Frage zeigte sich bereits, dass im Unterricht auch die Pandemie (eigentlich erst Thema des zweiten Bereichs) eine große Rolle spielte und mit dem Phänomen ‚Online-Unterricht‘ verbunden wurde.

Im zweiten Bereich ‚COVID und Pandemie‘ wurde deutlich, dass vor allem das Phänomen selbst (‚Pandemie‘ mit 5 Nennungen) sowie die Maßnahmen in diesem Zusammenhang wie Hygieneregeln (‚Abstand halten‘, ‚Hände desinfizieren‘) und Einschränkungen des öffentlichen Lebens (‚Ausgangssperre‘, ‚Quarantäne‘, ‚Selbstisolierung‘) genannt wurden. Besonders häufig

Literatur

1. Anger, Christina/Plünnecke, Axel (2021): IW-Analysen 140. Bildungsgerechtigkeit. Herausforderung für das deutsche Bildungssystem, hrsg. vom Institut der deutschen Wirtschaft Köln e. V. (Online verfügbar: https://www.iwkoeln.de/fileadmin/user_upload/Studien/IW-Analysen/PDF/2021/Analysen140_Bildungsgerechtigkeit.pdf; letzter Zugriff: 26.03.2021)
2. Beckmann-Schulz, Iris/Moll, Melanie/Peuschel, Kristina/Wulff, Nadja (2020): Erklärung des Fachverbands Deutsch als Fremd- und Zweitsprache e.V. (FaDaF) zur Digitalisierung unter Corona-Bedingungen: Gefordert, aber nicht gefördert – Deutsch als Zweit- und Fremdsprache in digitalen Zeiten. (Online verfügbar: <https://www.fadaf.de/de/aktuelles/fadaf-erklaerung-zur-aktuellen-digitalisierung-und-ihren-folgen.pdf>; letzter Zugriff: 25.03.2021)
3. Bohn, Rainer (2013): Probleme der Wortschatzarbeit. Berlin: Langenscheidt bei Klett. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. (Online verfügbar: <https://www.dwds.de/wb/Lockdown>; letzter Zugriff 31.03.2021)
4. Eickelmann, Birgit/Gerick, Julia (2020): Lernen mit digitalen Medien. Zielsetzungen in Zeiten von Corona und unter besonderer Berücksichtigung von sozialen Ungleichheiten. In: Fickermann, Detlef/Edelstein, Benjamin (Hrsg.): „Langsam vermissen wir die Schule ...“ Schule während und nach der Corona-Pandemie. In: DDS. Die Deutsche Schule. Beiheft, Band 16. S. 153-162.
5. Ende, Karin/Grotjahn, Rüdiger/Kleppin, Karin/Mohr, Imke (2013): Curriculare Vorgaben und Unterrichtsplanung. München: Klett. [= DLL 6] forsa (2020): Das Deutsche Schulbarometer Spezial – Corona-Krise. Ergebnisse einer Befragung von Lehrerinnen und Lehrern an allgemeinbildenden Schulen im Auftrag der Robert-Bosch-Stiftung in Kooperation mit der ZEIT. (Online verfügbar: <https://deutsches-schulportal.de/unterricht/das-deutsche-schulbarometer-spezial-corona-krise/#017aca8915a2f57953c0cfce75f0bd05>; letzter Zugriff: 19.03.2020)
6. Grünewald, Andreas (2016): Digitale Medien und soziale Netzwerke im Kontext des Lernens und Lehrens von Sprachen. In: Burwitz-Melzer, Eva/Mehlhorn, Grit/Riemer, Claudia/Bausch, Karl-Richard/Krumm, Hans-Jürgen (Hrsg.): Handbuch Fremdsprachenunterricht. 6. Auflage. Tübingen: A. Francke. S. 463-466.
7. Hellmann, Katharina/Wulff, Nadja/Schwichow, Martin (2021): Digitaler Unterricht an Schulen – Medienbezogene Lehrkompetenzen an Hochschulen fördern: herausgefordert – gefordert – gefördert. In: PH FR. (Online verfügbar: <https://www.ph-freiburg.de/hochschule/presse/ph-fr.html>; letzter Zugriff: 30.03.2021)
8. Porsch, Raphaela/Porsch, Thorsten (2020): Fernunterricht als Ausnahmesituation. Befunde einer bundesweiten Befragung von Eltern mit Kindern in der Grundschule. In: Fickermann, Detlef/Edelstein, Benjamin (Hrsg.): „Langsam vermissen wir die Schule ...“ Schule während und nach der Corona-Pandemie. In: DDS. Die Deutsche Schule. Beiheft, Band 16. S. 61–78.
9. Roche, Jörg (2017): Digitale Lernmedien. In: Ahrenholz, Bernt/Oomen-Welke, Ingelore (Hrsg.): Deutsch als Zweitsprache. 4. Auflage Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren. S. 476-489.
10. Rösler, Dietmar (2010): E-Learning Fremdsprachen. Eine kritische Einführung. Tübingen: Stauffenburg.
11. Strömsdörfer, Dennis (2021) (Hrsg.): Herausforderung Digitalisierung – Lehr-Lern-Medien für DaF aus nationaler und internationaler Perspektive. Ergebnisse der digitalen Abschlusstagung der Germanistischen Institutspartnerschaft Freiburg–Belgorod am 06. November 2020. Freiburg im Breisgau 2021. (Online verfügbar: <https://phfr.bsz-bw.de/frontdoor/index/index/searchtype/latest/docId/885/start/0/rows/10>; letzter Zugriff: 30.03.2021).

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Бузинова Людмила Михайловна

д. филол.н, доц., зав. каф. иностранных языков и речевой коммуникации
Московский Международный университет,
Москва, Россия / *rluda@mail.ru*

Воропаева Карина Сергеевна

учитель английского языка
ГБОУ Школа №1467, Москва, Россия /
voropaevacarina@gmail.com

Аннотация

Современный этап развития лингводидактики характеризуется поиском эффективных способов оптимизации учебного процесса по иностранным языкам с учетом инновационных процессов, происходящих в сфере образования. Масштабные процессы информатизации во всех сферах человеческой деятельности привели к трансформации процесса обучения иностранному языку. Иноязычное образование не мыслимо сегодня без интеграции в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий. В настоящей статье рассматриваются компьютерные технологии, онлайн-платформы и мультимедийные программы, которые раскрывают новые возможности в обучении иностранному языку. Используя эти средства, можно сформировать методическую систему обучения иностранному языку таким образом, чтобы реализовать развитие несколько видов навыков и умений одновременно с использованием разных методов обучения. Они позволяют осуществлять образовательный процесс более доступно, наглядно, ярко и понятно.

Ключевые слова: высшее образование, инновационные образовательные технологии, преподаватель, информатизация.

ABOUT INFORMATIZATION OF LANGUAGE EDUCATION IN THE SCHOOL ENVIRONMENT

Buzinova Lyudmila Mikhailovna

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign
Languages and Speech Communication
Moscow International University, Moscow,
Russia *rluda@mail.ru*

Voropaeva Carina Sergeevna

English teacher
SBEI School № 1467, Moscow, Russia
voropaevacarina@gmail.com

Abstract

The current stage in the development of linguodidactics is characterized by the search for effective ways to optimize the educational process in foreign languages, taking into account the innovative processes which are taking place in the field of education. Large scale processes of informatization in all spheres of human activity have led to the transformation of the process of teaching a foreign language. Foreign language education is impossible today without the integration of information and communication technologies into the educational process. This article examines computer technology, online platforms and multimedia programs that uncovered new opportunities in teaching a foreign language. Using these resources, it is possible to form a methodological system of foreign language teaching in such a way as to implement the development of several types of skills and abilities simultaneously using different teaching methods. They allow to implement the educational process in a more accessible, visual, vivid and understandable way.

Keywords: high education, innovative educational technologies, teacher, informatization.

Современные инновационные тенденции в системе образования требуют обновления педагогических технологий преподавания иностранных языков. В этом смысле современные технологии инициируют ряд модификаций в структурной организации учебного процесса. В частности, они изменяют базовые характеристики процесса обучения, который начинает подчиняться «информационным новшествам» [Селиверстова 2016, 2017] и приобретает следующие характеристики:

- непрерывность учебного процесса в условиях информационного общества;
- мобильность;
- динамичность;
- инновационность;
- сочетаемость традиционного и современного способов обучения;
- самостоятельность;
- прогрессивность [Бузинова 2018; Бузинова, Зеленская 2018].

Компьютерные технологии открывают широкие возможности для распространения информации, обмена знаниями, способствуют общению людей, взаимопроникновению культур народов, живущих на разных континентах. Все это актуализирует потребность в овладении иностранными языками. Хорошо известны работы по использованию информационных технологий при обучении иностранным языкам. К ним можно отнести исследования М.А. Бовтенко, А.Д. Гарцова, Е.Е. Горшаковой, Т.В. Громовой, Н.М. Мекеко, В.Я. Ляудис, Е.С. Полат, Н.Ф. Талызиной, М.А. Татариновой, С.В. Титовой, А.В. Филатовой и других, которые позволяют обеспечить новые возможности в обучении иностранному языку. Опираясь на их исследования и достижения, мы останавливаемся на следующих составляющих процесса информатизации, используемых в школьной среде:

1. *Компьютер*. Он является основным из вспомогательных средств обучения. На компьютере можно провести урок, показать презентацию, поставить аудиофайл, показать видео, показать картинки, провести урок в режиме онлайн, а также провести урок с использованием онлайн-платформ.

2. *Интерактивная доска*. При проведении урока в режиме «офлайн» интерактивная доска выполняет все функции компьютера и обыкновенной школьной доски. На ней можно записать тему, проверить домашнее задание и наглядно показать определенный материал.

3. *Планшет*. Планшеты можно использовать вместо учебника, рабочей тетради на печатной основе, словаря, тетради для записи новых слов и основной тетради. Обучающиеся могут писать диктанты, контрольные и проверочные работы на планшете. Также, его можно использовать вместо интерактивной доски и компьютера.

4. *Microsoft Office*. *Microsoft Office Power Point* может быть использован для создания презентации к заданной теме. *Microsoft Office Word* используется как текстовый редактор.

Без данных компьютерных технологий, в наши дни, невозможен процесс обучения иностранному языку. Благодаря им осуществляется работа всех вспомогательных средств. Конечно, возможно осуществление процесса обучения иностранному языку только при помощи печатного учебника и рабочей тетради, но именно компьютерные технологии делают этот процесс доступнее, понятнее, ярче и нагляднее. Не маловажен тот факт, что обучающийся выступает в качестве субъекта учебной деятельности, которая прежде всего определяется через два типа мотивов – мотивацию достижения и познавательную. Познавательная мотивация является основой учебно-познавательной деятельности. Она возникает в проблемной ситуации и развивается при правильном взаимодействии и отношении обучающихся и преподавателей [Гейхман 2009; Седых, Бузинова 2019].

В век современных технологий для организации учебного процесса используются различные средства. Чтобы сделать процесс усвоения материала, а также проверки домашних заданий более эффективным, могут использоваться платформы, работающие в режиме «онлайн». Учитель прикрепляет тему, презентацию, а также задание по теме к электронному дневнику, а учащиеся выполняют данные задания дома. Проверка

домашних заданий возможна в формате теста, который проверяется автоматически (что экономит время учителя) или в формате теста, который содержит ответы, требующие проверки вручную.

К данным онлайн-платформам для обучения иностранному языку относятся:

1. *Библиотека Московской Электронной Школы (МЭШ)*. Данная платформа первая в списке рекомендованных платформ для использования при обучении в школе. На этой платформе учащиеся могут самостоятельно посмотреть видео на конкретную тему. Также, учитель может прикрепить в электронный журнал тест, который учащимся необходимо выполнить. Тест проверяется автоматически, что экономит время учителя и облегчает ему работу. В конце тестирования ученики видят свои результаты. Учитель видит результаты всех учеников, заходя на свой профиль.

2. *Российская Электронная школа (РЭШ)*. На данной платформе учащиеся могут посмотреть полноценный урок по заданной теме. Есть возможность выбрать класс, предмет, конкретный раздел и тему урока. Урок включает в себя введение, видео, тренировочные задания и два блока контрольных заданий. В конце тренировочных/контрольных заданий есть проверка, после которой показывается, в каких заданиях были допущены ошибки (чего нет в МЭШ), однако, учитель автоматически не может видеть результаты ученика.

3. *Moodle*. Данная программа является одной из самых популярных в нашей стране. Она полностью бесплатна, содержит теоретические курсы и тестирования. Отлично подходит для дифференциации обучения. Однако, установка данной программы довольно сложная и затратная для образовательной организации. Более того, учащиеся должны заходить под своим логином и паролем, после чего им доступны только те курсы, которые были созданы их учителями.

4. *Я-класс*. Данная платформа имеет большое количество заданий, видео и прочих образовательных ресурсов, которые есть в открытом доступе. Однако, чтобы войти на нее, учителям нужно получить направление, а учащимся – зарегистрироваться.

5. *Quizlet*. Платформа для изучения иностранной лексики, а также дат, определений и прочего. Учитель может сам создать модуль, просто введя слова и их перевод/определение, а программа сама сгенерирует различные тесты на отработку. Также имеется контрольное тестирование, которое автоматически проверяется и показывает ошибки.

Данные онлайн-платформы являются вспомогательными при изучении иностранных языков. Они помогают учителю понятнее доносить материал до учащихся на конкретных примерах, осуществляют принцип наглядности, также вносят разнообразие в обучение иностранному языку и помогают быстро и качественно оценить степень усвоения знаний по заданной теме.

В данный момент возможность использовать информационные технологии на уроках иностранного языка значительно упрощает задачу доступного объяснения материала и его отработки как для учителей, так и для учащихся.

Для проведения уроков иностранного языка могут использоваться следующие мультимедийные программы: *Skype, Zoom, YouTube, Instagram, WhatsApp, Microsoft Teams*.

На данных платформах возможно проведение занятий с классом. На платформе Skype не только ученики могут видеть и слышать учителя, но и учитель учеников, что обеспечивает обратную связь и полноценность урока. На такой платформе, как Zoom, существует такая функция, как «Поднять руку», что позволяет учащимся погрузиться в процесс и максимально воссоздать обстановку, которая присутствует на реальном уроке.

На такой онлайн платформе, как Instagram, учитель может проводить онлайн-трансляцию занятия. На YouTube преподаватель может записать видео своего объяснения материала и выложить в открытый доступ. Минусом данных платформ является то, что учащиеся не имеют возможности дать обратную связь, соответственно, учитель не может

их проконтролировать. Таким образом, такие платформы могут использоваться как вспомогательные при обучении иностранному языку.

Более детально следует остановиться на платформе *Microsoft Teams*. Данная платформа была создана специально по заказу Министерства Образования для проведения школьных уроков. На этой платформе присутствуют такие разделы, как:

1. *Календарь*. Учитель видит расписание всех своих занятий на ближайшую неделю, расписание звонков. Также, если учитель является классным руководителем, то он видит и расписание занятий своего класса, а также имена учителей, которые ведут данные занятия.

2. *Чат*. В чате учителя и учащиеся могут задать друг другу вопросы, а также донести важную информацию, что экономит время обеих сторон и делает учебный процесс более продуктивным.

3. *Файлы*. В данном разделе учителя и учащиеся могут прикрепить или найти учебники, по которым они занимаются, а также дополнительные материалы по урокам.

На мультимедийной платформе *Microsoft Teams* можно проводить уроки онлайн с видео и аудио сопровождением, демонстрацией экрана и обратной связью, что значительно упрощает процесс обучения. Достоинства данной платформы делают ее самой удобной и широко используемой для проведения уроков.

Мультимедийные программы помогают учителям при организации и проведении уроков, а также при систематизации рабочего процесса. К основным педагогическим аспектам образовательной деятельности в информационном обществе можно добавить формирование информационной культуры преподавателей и обучающихся и развитие творческих способностей и профессиональной ориентации [Каменева 2009: 75]. Изменяется роль преподавателя, который в данном случае выступает в большей мере координатором образовательного процесса.

Итак, информационные технологии способны сделать процесс обучения личностно значимым, где обучающиеся могут раскрыть свой потенциал, проявить свои исследовательские способности, фантазию, креативность, активность, самостоятельность. Однако, далеко не все разделяют точку зрения относительно огромного потенциала и эффективности информатизации языкового образования. Существует мнение, что компьютеризация, при всех достоинствах способствует снижению качества и уровня языковой подготовки. При всей эффективности и перспективности информатизация не способна заменить преподавателя и не гарантирует подготовку высокого уровня специалиста. Но методически правильно организованный образовательный процесс с использованием электронных образовательных ресурсов и достаточно высокое материальное обеспечение может вывести обучение иностранному языку на качественно новый уровень.

Литература

1. Бузинова Л.М. Интеграция дистанционных программ обучения в практику преподавания иностранного языка МГУ // Учитель, ученик, учебник. Сборник научных трудов / под ред. Г.Г.Молчановой, М "КДУ" "Университетская книга", 2018 – С. 22-26
2. Бузинова Л.М. Зеленская Л.Л. Влияние дистанционных образовательных технологий на языковую личность преподавателя // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, № 4 (32), 2018 – С.164-171
3. Гейхман Л.К. Дистанционное образование как основа педагогики информационного общества // Иностранные языки в дистанционном обучении. Материалы научно-практической конференции. Том 1. Издательство ПГТУ, 2009 – С. 62–86
4. Каменева Н.А. Инновационные педагогические технологии в языковом образовании // Иностранные языки в дистанционном обучении. Материалы научно-практической конференции. Том 1. Издательство ПГТУ, 2009 – С. 86–93.

5. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.
6. Селиверстова Л.Н. Особенности интеграции медиакритики и медиаобразования Австрии // Медиаобразование. 2016. № 4. – С. 108-126.
7. Селиверстова Л.Н. Прагмалингвистический анализ текстов российских медиакритиков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Международный научный журнал. 2017, №1. – С. 32-41

References

1. Buzinova L.M. *Integration of programs for distance learning into the practice of foreign language teaching MSU*. Moscow: KDU “Universitetskaya kniga”, 2018. P. 22-26.
2. Buzinova L.M., Zelenskaya L.L. *The influence of distance educational technologies on the linguistic personality of the teacher*. Vladikavkaz: Actual problems of philology and educational linguistics, 2018. P. 164-171.
3. Geykhman L.K. *Distant education as the foundation of information society pedagogy*. Povolzhye: PSTU, 2009. P. 62-86.
4. Kameneva N.A. *Innovative pedagogical technologies in language education*. Povolzhye: PSTU, 2009. P. 86-93.
5. Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2019) *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticheskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND. 128.
6. Seliverstova L.N. *Peculiarity of the integration of media criticism and media education in Austria*. Taganrog: Mediaobrazovanye, 2016. P. 108-126.
7. Seliverstova L.N. *Pragmalinguistic analysis of Russian media critics' texts*. Taganrog: Mezhdunarodniy nauchniy zurnal, 2017. P. 32-41.

УДК 81' 232

ОСВОЕНИЕ ЛЕКСИКИ ПО МЕТОДУ ЧТЕНИЯ ИЛЬИ ФРАНКА

Киселёв Антон Александрович

старший преподаватель СПбГУГА

Санкт-Петербург, Россия / kiseliiov2a@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям изучения лексики по методу, созданному современным российским лингвистом Ильёй Франком. Этот метод, по утверждению его автора, позволяет усваивать слова за счёт их повторяемости. Каждый отрывок текста даётся в адаптированном виде, содержащем перевод слов и иногда грамматический комментарий, и в неадаптированном виде, не содержащем никаких подсказок. Однако в адаптированной части текста не содержится подробного анализа грамматической структуры фразы. Это может привести к тому, что читателю начального уровня, прежде чем освоить встречаемые во фразе новые слова, придётся понять грамматику этой фразы. Это напоминает постоянное решение лингвистической задачи. Пример подобной задачи рассматривается на базе одного из турецких анекдотов. Также следует отметить поэтический жанр рубаи, в котором повторение слов может быть связано с особым видом рифмы. Эффективность чтения текстов по методу Ильи Франка зависит от уровня владения языком и больше подходит для среднего, но не для начального уровня.

Ключевые слова: метод Ильи Франка, лексика, грамматика, рубаи

THE VOCABULARY LEARNING BY ILYA FRANK'S READING METHOD

Kiseliov Anton Alexandrovich

Senior lecturer

The Saint-Petersburg University of Civil Aviation

Saint-Petersburg, Russia / *kiseliov2a@mail.ru*

Annotation

This article is dedicated to the vocabulary learning peculiarities by method created by the modern Russian linguist Ilya Frank. Этот метод, по утверждения его автора, позволяет усваивать слова за счёт их повторяемости. As it is confirmed by its author the method allows to learn words due to their iteration. Every text passage is given in the adapted form containing the words translation and sometimes a grammar comment, and in the non adapted form containing no prompts. However the adapted text fragment doesn't contain a detailed grammar analysis of the sentence. It may lead to the situation when the beginner reader before learning the new words met in a sentence is ought firstly to understand the sentence grammar. It looks like a permanent solution of a linguistic problem. The example of such problem is considered on base of a Turkish joke. The poetic ruba'i style where the words iteration may be connected to a special rhyme type should also be mentioned. The Ilya Frank's reading method effectiveness depends on the language level. It is more suitable for the intermediate level but not for the beginner one.

Key words: the Ilya Frank's method, vocabulary, grammar, Ruba'i

1. Введение

Существует множество способов изучения иностранных языков. Но, вне зависимости от способа изучения, важнейшим фактором при изучении языка является освоение лексики. В стандартных учебниках иностранных языков новая лексика в том или ином объёме вводится в каждом уроке. Эта лексика позволяет разбирать содержащиеся в учебнике тексты. В конце некоторых учебников размещаются дополнительные тексты, для прочтения которых изученной лексики уже не хватает, и требуется обращаться к словарям. Каждый учебник предоставляет определённый лексический запас. Иногда в конце учебника приводится словарик, позволяющий оценить объём используемой лексики. Для освоения лексики иностранных языков также активно используются языковые карточки и различные мобильные приложения, помогающие запоминать слова.

Самостоятельное чтение текстов на изучаемом языке всегда связано с поиском новых слов. Если раньше для этого нужны были бумажные словари, то теперь наряду с ними применяются электронные словари, а также электронные переводчики. Последний способ являются наименее удачным, так как чем сложнее (грамматически или лексически) фраза, тем менее вероятен её правильный электронный перевод.

Говоря о лексике языка в контексте чтения текста, нельзя не упомянуть и о его грамматике. Ведь без понимания грамматики фраза, даже составленная из полностью знакомых слов, может оказаться непонятной. О примате грамматики над лексикой свидетельствует классическая фраза о "глокой куздре", придуманной Щербой. В этой фразе нет ни одного знакомого (и реально существующего) слова, но понятна не только морфология каждого слова, но и синтаксис всей фразы, и даже семантика некоторых слов. Понимая грамматику конкретной фразы, можно "построить" её модель, найти значения незнакомых слов и "подставить" их в уже составленную модель. Конечно, встречаются фразы со сложной грамматической структурой, в которых именно значения слов (смысл фразы) позволяют догадаться о смысле неясных грамматических конструкций. В любом случае, без знания грамматики разбор текста невозможен. Однако существует особый метод чтения текстов, названный в честь лингвиста Ильи Франка, предлагающий совершенно иное видение соотношения лексики и грамматики. Именно анализу этого метода и посвящена данная работа.

2. О методе Ильи Франка

Метод Ильи Франка выглядит достаточно простым. Любой текст делится на отрывки, состоящие из нескольких фраз. Длина таких отрывков зависит от сложности и компактности текста, но обычно составляет не менее трёх предложений. Вначале все фразы, входящие в конкретный отрывок, переводятся на русский язык, причём некоторые фразы снабжены небольшим лексико-грамматическим комментарием. Это называется “адаптированной частью”. Затем тот же отрывок приводится уже без перевода – в форме “неадаптированной части”. Илья Франк советует начинающим сначала разбирать отрывки текста с подсказками, а потом уже читать текст без подсказок. Но как же быть тем, кто только начинает изучать язык или находится на начальной стадии его изучения? Автор метода, как кажется, полностью осознаёт возникающие проблемы: “Сначала на вас хлынет поток неизвестных слов и форм. Не бойтесь: вас же никто по ним не экзаменует. По мере чтения (пусть это произойдёт хоть в середине или даже в конце книги) всё “утрясётся”, и вы будете, пожалуй, удивляться: “Ну, зачем опять даётся перевод, зачем опять приводится исходная форма слова, всё ведь и так понятно!” Когда наступает такой момент, “когда и так понятно”, вы можете читать наоборот: сначала неадаптированную часть, а потом заглядывать в адаптированную часть” [Турецкий с улыбкой, с.4]. Таким образом, упор при чтении текстов делается на “дальнюю дистанцию”. Илья Франк особо отмечает свой подход к усвоению лексики: “Для запоминания нужна не сонная, механическая зубрёжка или выработка каких-то навыков, а новизна впечатлений. Чем несколько раз повторить слово, лучше повстречать его в разных сочетаниях и в разных смысловых контекстах. Основная масса общеупотребительной лексики при том чтении, которое вам предлагается, запоминается без зубрёжки, естественно – **за счёт повторяемости слов**” [Турецкий с улыбкой, с.5]. Илья Франк совершенно не скрывает своего отношения к грамматике: “Собственно для понимания текста, снабжённого такими подсказками, знание грамматики уже не нужно – и так всё будет понятно. А затем происходит привыкание к определённым формам – и грамматика усваивается тоже подспудно” [Турецкий с улыбкой, с.6]. Метод Ильи Франка получил широчайшее распространение в России. По этому методу адаптировано множество текстов на различных иностранных языках, включая древние языки (например, санскрит), а также редкие языки (например, гренландский).

3. Подача лексики по методу Ильи Франка

В разных пособиях по методу чтения Ильи Франка лексика вводится по-разному. Так, в сказках на хинди приводится фраза в оригинале, затем даётся её полный перевод и отдельный перевод всех знаменательных слов. Например, *ऐसा कहकर उसने भालू को पास बुलाया* (так сказав, она медведя себе подозвала; *ऐसा* – *такой, так*, *कहना* – *говорить, сообщить*, *भालू* – *медведь*, *पास* – *около, недалеко*, *बुलाना* – *звать, приглашать* [Сказки на хинди, с. 45]).

Однако в других пособиях обычно даётся перевод сразу нескольких слов, часто образующих одну синтагму. Но иногда перевод относится к фразе или части фразы, состоящей из достаточно большого числа слов. Не понимая грамматической структуры фразы, читатель в подобных случаях может не суметь правильно определить значения каждого слова.

Возьмём для примера турецкую фразу *Nişanlın yine evin etrafında dolaşır donuyor* “Жених твой снова вокруг дома ходит постоянно” ([Турецкий с улыбкой, с.40]). Читатель, изучающий турецкий, может справедливо предположить, что стоящее в конце этой фразы слово *donuyor* является глаголом. Однако оно вовсе не означает “ходит”, как можно было бы заключить из перевода. Дословно это слово переводится как “замерзает, застывает” (инфинитив – *donmak*). Здесь нужно ориентироваться на перевод двухсловной синтагмы *dolaşır donuyor*, досл. “бродя, застывает”, что в переводе и преобразуется в выражение

“постоянно ходит”. В таком случае явно не помешал бы лексико-грамматический комментарий, но он здесь отсутствует, что создаёт определённые трудности для понимания значения слов. Нужно отметить, что разбор адаптированных частей в одной книге даётся на одинаковом уровне. Для начинающего уровня характерно освоение лексики с помощью грамматики. Чем выше уровень изучаемого языка, тем меньше “зависимость” лексики от грамматики.

4. Освоение лексики сквозь призму грамматики

Хотя метод чтения Ильи Франка акцентирован именно на лексике, грамматика играет в нём не менее важную роль. Эту роль можно с достаточным основанием назвать “скрытой”. Дело в том, что, как уже упоминалось выше, в адаптированной части часто даётся перевод сразу нескольких слов. Поэтому (даже в случае двух слов) возникает задача поиска соответствия между словами на иностранном языке и их переводом на русский язык (не говоря уже о возможных фразеологизмах). Для решения этой задачи необходимо хотя бы минимальное знакомство с морфологией и синтаксисом изучаемого языка. Возьмём пример из японского языка: わたしは、月の世界の者なのです。 *Watashi wa, tsuki no sekai no mono na no desu*. Я лунного мира человек = житель ([Японские сказки, с.77]). В этой фразе встречаются сразу три частицы (послелога) *no*, две из которых выражают генитив. Поэтому если читатель не знает слова “луна”, то он, понимая эту конструкцию, может его выделить по начальной позиции в синтагме *tsuki no sekai no mono* “житель мира луны”, откуда следует, что “луна” – это *tsuki*.

Но как быть в том случае, если морфология или синтаксис являются неясными? Например, есть непонятная грамматическая конструкция с незнакомыми словами. Предполагается, что такая конструкция должна снова где-то встретиться, причём уже со знакомыми словами. Тогда, построив определённые аналогии, можно догадаться о её значении. Подобная модель очень напоминает решение некоторых лингвистических задач. Часто в таких задачах даны фразы на неизвестном языке с переводом, и требуется перевести фразы с этого языка или на этот язык на базе лексики и грамматики, заложенных в условиях задачи. Разберём такую “лингвистическую задачу” в рамках одного короткого рассказа из книги [Турецкий с улыбкой, с. 50]:

Kırmızı ışık (Красный цвет)

Polis kırmızı ışıkta (полицейский на красный цвет) *geçen arabayı durdurarak* (проехавшую машину останавливая): “*Görmedim mi* (не видел разве)? *Kırmızı ışık yanıyordu* (красный свет горел)”, *demiş* (сказал). *Sürücü* (водитель): “*Valla* (ей-Богу) *kırmızıyı ışık gördüm de, sizi görmedim* (красный увидел, а вот вас не увидел)”.

Постараемся определить по этим данным образование отрицания в турецком глаголе. Нам даны две глагольные словоформы: *gördüm* и *görmedim*. Нетрудно выделить их общий корень *gör* и заметить, что они оканчиваются на одну и ту же букву *m*, перед которой стоит какая-то гласная, а перед ней – согласный *d*. Поскольку одна из форм – утвердительная, а другая – отрицательная, логично предположить, что этот аффикс *dVm* не связан с этой категорией. Значит, он связан с выражением прошедшего времени и первого лица единственного числа. Тогда получается, что отрицание передаётся аффиксом *me*, представленным именно во второй словоформе.

Таким образом, следует отметить, что процесс освоения лексики напрямую зависит от уровня грамматики!

5. Освоение лексики вне грамматики

Чем лучше изучающий иностранный язык знает его грамматику, тем понятнее ему структура разбираемого на этом языке текста. При грамматической ясности фразы неизвестными в ней могут быть только слова или выражения. Тексты, адаптированные по методу Ильи Франка, чаще всего относятся к “среднему” языковому уровню. Поэтому они прекрасно подходят для читателей, обладающих примерно тем же уровнем. Эти читатели могут сразу разбирать неадаптированную часть текста. При появлении неизвестных слов

или неясных грамматических конструкций этим читателям можно не заглядывать в словарь или пособие по грамматике, а сразу смотреть адаптированную часть текста (даже если грамматическая конструкция в ней и не разбирается, её суть обычно видна из приведённого перевода). Как показывает практика, особой популярностью книги по методу Ильи Франка пользуются именно среди читателей среднего уровня.

6. Изучение рубаи по методу Ильи Франка

Практически все книги, адаптированные на разных языках по методу Ильи Франка, представляют собой прозаические тексты. Однако существует одно исключение: это – книга “Персидский язык с Омаром Хайямом” [Персидский с Омаром Хайямом], содержащая 150 четверостиший – рубаи. Отметим, что языковой материал в этой книге является полностью адаптированным. Выбор этого жанра объясняется не только огромной популярностью Омара Хайяма. Во многих рубаи чаще, чем в стандартных прозаических текстах, проявляется повторяемость слов, являющаяся “доминантой” метода Ильи Франка. Рубаи присуща схема рифмовки *aaba* или *aaaa*. В некоторых случаях используется рифма с редифом – словом или группой слов, повторяющихся после рифмы. Например, в стихе №5 [Персидский с Омаром Хайямом, с. 9]:

Asrār-e azal rā na to dāni-o na man
V-in harf-e toammā na to xāni-o na man.
Hast az pas-e parde goftegu-ye man-o to,
Āun parde baroftad na to māni-o na man.

Тайн вечности не знаем ни ты, ни я.
Загадки не прочесть ни тебе, ни мне.
Мы беседуем, стоя за занавесом.
Едва занавес упадёт, не останется ни тебя, ни меня.

Помимо редифа, выраженного синтагмой *–o na man* “и ни я”, перед рифмуемыми словами повторяется синтагма *na to* “ни ты”. В третьей и четвёртой строках повторяется слово *parde* “занавес”.

Кроме того, большинство рубаи объединены одной темой – бренностью человеческого бытия. Отсюда возникает и стремление к мирским благам, включающим вкушение вина. Это приводит к частому употреблению определённой лексики: *falak* “небо”, *vojud* “существование”, *jahān* “мир”, *zendagi* “жизнь”, *šādi* “радость”, *sāqi* “виночерпий”, *mey* “вино”, *bāde* “вино”, *mast* “пьяный”. Таким образом, рубаи Омара Хайяма отлично подходят для усвоения лексики по методу Ильи Франка.

7. Заключение

Таким образом, приведённый выше материал говорит о том, что метод чтения Ильи Франка является оригинальным методом, упрощающим изучение лексики иностранного языка. Однако читатель начального уровня, недостаточно знакомый с грамматикой изучаемого языка, сталкивается с определёнными трудностями: ему приходится сначала разбираться с грамматикой и только потом с лексикой. С другой стороны, метод Ильи Франка может “активизировать” и освоение грамматики.

Литература

1. Персидский язык с Омаром Хайямом / пособие подг. Гюзель Самарина – Москва, АСТ Восток – Запад, 2007. – 154 с. – (Метод чтения Ильи Франка)
2. Сказки на хинди / пособие подг. Евгения Офимкина – Москва: ВКН, 2016. – 249 с. – (Метод чтения Ильи Франка)
3. Турецкий с улыбкой. 200 анекдотов для начального чтения / пособие подг. Алла Клеменчук – Москва, АСТ Восток – Запад, 2007. – 190 с. – (Метод чтения Ильи Франка)
4. Японские сказки. Снежная жена / пособие подг. Юлия Колтышева – Москва: ВКН, 2019. – 272 с. – (Метод чтения Ильи Франка)

References

1. The Persian with Omar Khayyam / text is adapted by Guzel Samarina – Moscow, AST Vostok – Zapad, 2007. – 154 p. – (The Ilya Frank's reading method)
2. The Hindi tales / text is adapted by Evgeniy Ophimkin – Moscow: VKN, 2016. – 249 p. – (The Ilya Frank's reading method)
3. The Turkish with smile. 200 jokes for the beginners / text is adapted by Alla Klemenchuk – Moscow, AST Vostok – Zapad, 2007. – 190 p. – (The Ilya Frank's reading method)
4. The Japanese tales. The snow wife / text is adapted by Yuliya Koltysheva – Moscow: VKN, 2019. – 272 p. – (The Ilya Frank's reading method)

УДК 811.133.1

CONNECTEURS RUSSES ET FRANÇAIS: ENTRE LINÉARITÉ, DÉFINISSABILITÉ ET PRAGMATISME COMMUNICATIONNEL DE TRADUCTION

Sedykh Arkadiy Petrovitch

docteur ès lettres

directeur du département de français et d'allemand

Université nationale de recherche de Belgorod,

Belgorod, Russie / *sedykh@bsu.edu.ru*

Résumé

L'article tente de décrire les catégories de «connecteurs» et «pragmatisme communicationnel et traductologique» dans la langue russe et française. L'article souligne une nécessité de la mise en relief des caractéristiques syntagmatiques de discours. Comme objet d'étude nous examinons des caractéristiques linguistiques et culturelles du discours et son rôle dans l'élaboration de la vision du monde. Il est à noter que le comportement communicationnel des communicants se caractérise par une vision nationale et culturelle bien accusés qui devrait être prise en compte au cours de la traduction.

Mots-clés: connecteur, cohérence énonciative, entité phrastique, pragmatique russe et français, comportement communicationnel.

La structuration du phénomène multifonctionnel de cohérence acquiert une signification particulière pour le travail expérimental sur un texte et pour une compréhension adéquate du type de discours dans une situation communicationnelle, lors de contacts interethniques et dans la pratique de la traduction [Sedykh, Buzinova 2019].

Récemment, la cohésion est une connexion logique formelle et la cohérence est un type de connexion sémantique. Le concept de «cohésion» est étroitement lié au concept de «connecteur», qui est l'un des moyens de connectivité linéaire du texte. Les connecteurs remplissent également une fonction de communication générale dans toutes les langues indo-européennes.

En russe, l'adjectif complet de la fonction attributive est cohérent avec le nom en genre, nombre et cas, et en français – en genre et en nombre. Dans ces textes, les unités spéciales sont importantes – connecteurs de texte: pronoms, conjonctions, mots corrélatifs; connecteurs deixis – mots déictiques (dans ce cas, la série est remplie de mots d'introduction, de particules, ainsi que de combinaisons spéciales de mots sans statut grammatical spécifique: *bez malogo, po krajnej mere, eshhe raz, vsego-navsego, kak skazat' i pod* (à peu de chose près, au moins, encore une fois, juste, comment dire, etc.), connecteurs logiques: *vo-pervyh, itak, sledovatel'no i pod*. (en premièrement, ainsi, donc, etc.) Dans les textes d'information constante les moyens d'expression sont dénombrables et peuvent être décrits et systématisés.

Le moyen de base pour former la cohérence est la préposition. Considérons la typologie des prépositions en français:

1. **Prépositions fortes.** Ils sont indépendants par rapport à tous les membres de la phrase, dont la connexion est impossible sans cette préposition: *Il vient avec moi*. Sans le mot «avec», la phrase sera inexacte.

2. Le second type de préposition – **agglutinante** – se caractérise par sa dépendance du premier ou du second membre du groupe prépositionnel, ou perd complètement son indépendance sous l'influence des membres environnants de la combinaison. Parfois la préposition est attirée par le premier membre du groupe, puis ils constituent une unité linguistique solide: compter sur, demander à, autrement dit, dans ce cas, il s'agit de la maîtrise du verbe.

3. Le troisième type comprend des prépositions **faibles ou vides** qui interviennent dans la création d'expressions prépositionnelles, où un seul rapprochement des membres du groupe suffit pour former une phrase forte sans la participation d'une préposition: *commencer à travailler, finir de rire*. Les prépositions de ce groupe sont totalement dépourvues de tout contenu sémantique et, du fait de la grammaticalisation, ne remplissent qu'une fonction structurelle.

Ce processus couvre tous les types de prépositions – du lexicalement indépendant à presque complètement abstrait. Par exemple, la préposition française *à* peut désigner «direction du mouvement», dans la composition d'une phrase ce pré-log comme élément agglutinatif, perdant son sens lexical et reliant les voyelles à l'infinitif (*commencer à*), n'effectue qu'un et, enfin, dans certains usages, une préposition dans le cadre de combinaisons prépositionnelles nominales est complètement déplacée de la structure de la phrase et n'agit qu'au niveau interphrasal: *C'est ainsi que la présence royale commença à s'ébruiter, et en un rien de temps les gens commencent à sortir des maisons, à courir présenter leurs devoirs au souverain* [Aragon, La semaine sainte].

Les prépositions sont extrêmement polysémantiques, leur sens dépend du sens des mots qu'elles associent, elles peuvent servir de moyen d'exprimer des relations aussi différentes que concrètes et abstraites: *monter sur le toit; compter sur un ami*; temporel et spatial: *depuis le matin, depuis le Rhin jusqu'à l'océan*.

Au niveau d'une phrase, une préposition sert de moyen de contrôle comme moyen de cohésion sémantique, ainsi que de moyen d'échange de fonctions entre les parties du discours, permettant à un nom de remplir la fonction d'un adjectif: *groupe sanguin* – groupe du sang; adverbies: *rapidement* – avec rapidité.

Selon la catégorie dans laquelle ou dans la fonction dans laquelle passe le mot (sa base), ils distinguent: la justification (c'est-à-dire le passage à la classe des noms), l'adjectivation (passage à la classe des adjectifs), l'adverbialisation (passage à la classe des adverbies), verbalisation (verbe), pronominalisation (passage à la classe des pronoms). Des transitions vers des parties de service du discours sont possibles (prépositions, conjonctions, particules). La transition des prépositions en une union peut être appelée connectivisation.

Ainsi, à la suite de la transposition en sémiotique de la préposition **sur** (avec locatif (r), des significations abstraites apparaissent – sèmes temporels et causaux (Dn)), non seulement la transposition sémantique (Ds) des prépositions et de leurs combinaisons se produit, mais aussi la transposition fonctionnelle (St), qui concerne, tout d'abord, non les significations et usages sujets (locatifs) des prépositions, mais leurs variantes abstraites et se manifeste dans le fonctionnement des combinaisons prépositionnelles comme moyens de communication superphrasale:

Quant aux coûts énergétiques, ils sont devant la moyenne européenne. Sur1 le front de la téléphonie, le mobile et le haut débit devraient, dès 2005, s'étendre sur2 l'ensemble du territoire, y compris en zone rurale. Le fixe, lui, demeure le moins cher d'Europe [Label France 2005, 4, №57].

Comme on peut le voir, dans la même phrase, les prépositions **sur1** et **sur2** ont une nature sémantique et fonctionnelle complètement différente: la deuxième préposition se caractérise par une référence claire au sujet, ce qui est prouvé par sa conservation dans la traduction professionnelle russe. La préposition sur1 ne contient pas de sens local; du fait de la désémantisation de cette préposition, ses capacités fonctionnelles se restructurent et elle commence à agir comme un moyen de cohésion. En d'autres termes, les combinaisons prépositionnelles sur la base de référence peuvent être divisées en locatives et non locatives.

La distinction sur la base de référence / non-référence est entre les prépositions locatives (*dans, vers, pour, sur* etc.) et non locatives (*avec, malgré, à, de* etc.). Il est à noter que cette frontière n'est pas toujours clairement marquée. Par exemple, **dans** peut avoir une signification non locative: *Dans ces conditions un coup de téléphone suffisait pour le faire arrêter*. Ou, tout en préservant les significations locatives, il ne dénote pas un sens dynamique, comme dans la phrase: *Je jetais moi-même les mots dans le cimetière, avec quelques-uns qui étaient seulement à demi morts*, mais une situation statique: *Elle traversait l'antichambre, le salon, ne fit que trois enjambées du jardin, – ... encombré dans ses allées par innombrables* [Daudet, 34].

L'attribution d'éléments linguistiques à des prépositions ou à d'autres phénomènes dépend de leurs caractéristiques fonctionnelles, qui affectent directement les spécificités de la traduction des phrases et des fragments entiers du texte. En d'autres termes, pour une étude approfondie et complète de la sémantique et du fonctionnement des combinaisons prépositionnelles, il semble que le plus correct serait l'utilisation d'une analyse comparative basée sur l'analyse de traductions de textes parallèles.

La relation entre le contenu et la forme dans différentes langues peut ne pas toujours coïncider, car cela dépend de l'image nationale du monde. Cela présuppose l'utilisation de tels moyens linguistiques qui, souvent ne coïncidant pas dans leur nature formelle avec les éléments de l'original, rempliraient une fonction expressive analogue dans le système du tout.

Pour mettre en œuvre une traduction adéquate, il est nécessaire de respecter de nombreuses conditions, y compris la prise en compte des particularités de la sémantique et de la structure des unités de texte complexes, au sein desquelles se déroulent les processus de transposition de combinaisons prépositionnelles en unités de connecteur.

Ainsi, en utilisant l'exemple d'une préposition, prise en comparaison avec d'autres, nous essaierons d'identifier le volume sémantique le plus complet de la préposition et, en conséquence. Ses capacités de transposition. La préposition **avec** est synonyme de prépositions: **à** lors de l'expression de relations d'association, de comparaison, d'instrumentation, une attitude exprimant un trait caractéristique (portrait, vêtements, trait d'accompagnement); **de** lors de l'expression de la relation entre instrumentalité, mode d'action, séparation; **par** pour exprimer la relation entre l'instrumentalité et les moyens; **à, envers, pour (à l'égard de)** lors de l'expression d'un comportement envers un nom animé; **en** lors de l'expression de la relation de la manière d'exécuter l'action, la relation de l'accompagnement externe de l'attribut; **contre** lors de l'expression d'une attitude contrariante; **malgré** lors de la présentation de la concession. La préposition **avec** est fonctionnellement synonyme de phrases prépositionnelles: **auprès de** pour exprimer la relation de compatibilité **à cause de, grâce à** lors de l'expression de relations de cause; **à l'aide de, au moyen de** pour exprimer une attitude d'instrumentalité.

La relation d'indice exprimée par la préposition **avec** peut être véhiculée par une variété de participes et d'adjectifs. En raison de leur capacité de transposition fonctionnelle, ces participes et adjectifs peuvent être considérés comme des synonymes grammaticaux et lexicaux de la préposition **avec**: *accompagné de, muni de, envahi de, couvert de, coiffé de, vêtu de, chaussée de, riche de, excessif dans, fertile en, rempli de, garni de, armé de, lourd de, chargé de, nanti de*.

Au niveau de la phrase, la préposition **avec** peut être synonyme de conjonctions subordonnées, et les constructions prépositionnelles sont équivalentes à des clauses subordonnées ou à des tours partiels ou gérondiaux. Lorsqu'elle exprime la relation de cause, la préposition **avec** est synonyme de conjonctions *car, parce que, comme, puisque*; lors de l'expression d'une condition à la conjonction *si*, lors de l'expression d'une concession – malgré, bien que, quoique; *time* – lorsque, au moment où, quand.

En comparant la préposition **avec** à d'autres prépositions, il a été possible de déterminer que la sémantique fonctionnelle de cette préposition est beaucoup plus large que son sens dictionnaire indiquant «accompagnement (c'est-à-dire qu'aucune autre préposition ne peut véhiculer)» et inclut un large éventail de relations nommées ci-dessus et indiqué dans des dictionnaires de référence.

Les connecteurs prépositionnels peuvent être traités en fonction des conjonctions comme moyen traditionnel de surphraser la communication. D'une part, dans ces constructions, les

prépositions sont complètement désémantisées, c'est-à-dire ont perdu leurs significations référentes – locatives et temporelles –, par contre, en termes de syntagmatique, ces prépositions se combinent avec des noms abstraits (*idée, pensée, avis, opinion, conception* etc.), ne remplissant qu'une fonction anaphorique, et dont l'antécédent peut être un élément d'une phrase précédente, la phrase précédente elle-même, ou toute une unité supraphrasale.

Lors de la traduction, une attention particulière est portée aux relations thématique-rhématique, à la recherche d'un thème et d'un rhème. Ainsi, les modèles syntaxiques en russe et en français ne coïncident pas toujours, notamment en ce qui concerne l'ordre des mots dans une phrase, puisque les façons de mettre en évidence le centre sémantique sont différentes dans les deux langues.

En russe, le moyen le plus courant est l'ordre des mots: le centre de communication de l'énoncé (rhème – nouvelle information) est généralement placé à la fin de la phrase.

En français, la libre transformation d'un mot en n'importe quel membre d'une phrase est utilisée pour animer le récit, tandis qu'en russe, un changement libre dans l'ordre des mots est utilisé pour rendre l'énoncé plus expressif: *Le premier ministre français a quitté Moscou pour Paris, ce lundi matin 9 avril, à l'issue d'une visite de quarante-huit heures – Segodnja utrom 9 aprilja posle dvuhdnevnogo vizita vyletel iz Moskvy v Parizh prem'er ministr Francii.*

Dans la proposition russe, l'accent est logiquement mis sur le groupe de mots «Premier ministre de la France». La phrase russe répond à la question: *Kto vyletel iz Moskvy v Parizh segodnja utrom?* La phrase française répond à la même question, mais le centre logique est déplacé au début de la phrase.

L'exemple montre que lors de la traduction du français vers le russe, afin de refléter l'aspect communicatif et informatif de la déclaration, l'ordre des mots change. Le premier membre d'un message en français est formaté comme sujet – l'inversion du sujet n'est pas typique pour une phrase française. La flexibilité de la syntaxe russe permet à presque tous les membres de la phrase de devenir le premier membre de la communication.

Lors de la traduction du russe vers le français, des transformations se produisent également, en raison de facteurs endolinguistiques liés à l'utilisation de connecteurs: *I uzh kak-to sovsem zaprosto, bez neozhidannostej, pojavljajutsja navstrechu pervye stroenija sanatoriev, dorozhnyh kazarm i livadijskoj slobodki, za neju – Jalta.* = C'est donc sans étonnement, sans surprise aucune, que l'on voit surgir les premiers sanatoriums, les baraquements de cantonniers, le faubourg de Livadia, et enfin Yalta [Pavlenko 1953-1955].

Ainsi, les caractéristiques générales des liens intra-textuels dans les langues russe et française comprennent des structures grammaticales et lexico-syntaxiques, qui ont néanmoins leurs propres spécificités de fonctionnement dans les deux langues, ce qui se reflète dans les procédés de leur traduction. En russe, la cohérence des phrases est obtenue principalement à l'aide de répétitions lexicales, et dans les textes français – à l'aide de pronoms, de synonymes, d'hyponymes, c'est-à-dire de moyens de nomination indirecte, ainsi que souvent d'unités exprimant des relations logiques. En d'autres termes, les phrases françaises sont sémantiquement moins indépendantes que les phrases russes, qui utilisent principalement des moyens directs de nomination. Seule une prise en compte globale du texte-source, qui implique de prendre en compte la situation extralinguistique, ainsi que les fonctions des éléments linguistiques, en particulier les connecteurs prépositionnels qui forment la perspective communicative du texte, permette de véhiculer adéquatement le contenu de l'original.

Bibliographie

1. Aragon L. (1960) La semaine sainte. M.: Littérature étrangère. 640 p.
2. Daudet A. (2004) Les lettres de mon moulin. P.: Éditions «J'ai lu». 141 p.
3. Pavlenko P.A. (1953-1955) Sobr. op. En 6 volumes. M.: Goslitizdat.
4. LABEL France (2005): revue trimestriel d'information du Ministère des Affaires Étrangères / France: Ministère des Affaires Étrangères, 04/2005. N 57. Le fr. lang.
5. Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2019) *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticheskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND, 2019. 128.

Научное издание

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2021

Сборник материалов
VII Международной научной конференции

(г. Белгород, 15–16 апреля 2021 г.)

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: В.С. Берегова
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Тематический план 2021
Подписано в печать 09.06.2021. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 11,9. Тираж 300 экз. Заказ 124
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48